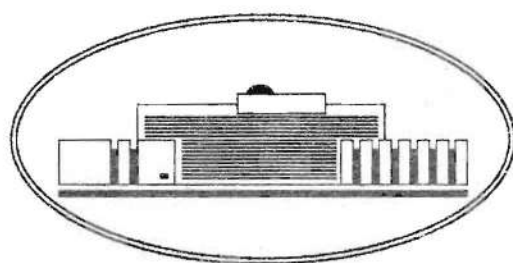

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Том 4

Витебск 2005

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Том 4

Сборник научных статей

Витебск
Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
2005

УДК 378(06)
ББК 74.583(4Бел-4В)6.я431
В 54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Редакционная коллегия:

А.В. Русецкий (главный редактор),
И.Е. Андрушкевич (зам. главного редактора),
Г.И. Михасев (зам. главного редактора),
А.И. Матеюн (ответственный секретарь),
С.А. Богомаз, А.А. Бочков, Е.А. Василенко, Н.С. Вислобокова, Н.Т. Воробьев,
В.И. Гидранович, В.П. Климович, В.А. Космач, В.Я. Кузьменко, О.Н. Кулиева,
И.А. Лапин, А.М. Мезенко, В.М. Минаева, С.А. Моторов, А.А. Нестеренко,
В.И. Нестерович, П.И. Новицкий, И.М. Прищепа, Э.И. Рудковский,
Ю.А. Русецкий, М.А. Слемнев, Н.К. Толочко, В.А. Федотов

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»:
В 54 Сборник научных статей. – Витебск: Издательство
УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. – 273 с.

УДК 378(06)
ББК 74.583(4Бел-4В)6.я431

УДК 316.346.32–053.6

Патриотическое мировоззрение молодежи: состояние и динамика

А.В. Русецкий, Л.А. Гащенко, Е.А. Капитонова

Одним из важнейших элементов новых, трансформированных общественных отношений в Республике Беларусь являются глубокие изменения в мировоззрении современной молодежи. Именно оно представляет собой личностную систему взглядов на объективный мир и отношение каждого молодого человека к окружающей действительности и самому себе, своим принципам познания, убеждениям и ценностным ориентациям.

Мировоззрение как один из важнейших элементов субъективности охватывает бытие всех социальных элементов личности, социальной группы, класса, национальных меньшинств, этноса, общества. Оно выступает как прямое отражение их активной деятельности и обладает функциональной особенностью – предстоящей включенностью в социальную деятельность. Последняя в своей социальной сущности и есть тот процесс, в котором совершается взаимопереход субъективного и объективного. Осмысление субъектом всей системы деятельности, постановка цели, выбор средств и путей ее реализации – все эти процессы в идеальной форме и есть субъективация объективной реальности. Процесс деятельности – это переход субъективного в объективное и через него возврат к себе, т.е. это процесс не только активной связи с природно-социальной средой, но и необходимое условие, детерминирующее формирование у индивидов целостного мировосприятия и такой его разновидности, как патриотическое мировоззрение, явившееся основным регулятором поведения людей в межличностных, национальных и этнополитических отношениях.

Для выяснения состояния и динамики изменений в патриотическом мировоззрении нынешней молодежи и степени его включенности в их деятельность в 2004 г. нами был проведен очередной социологический мониторинг, участниками которого стали 1522 студента вторых, третьих, четвертых курсов трех государственных и одного коммерческого вузов г. Витебска: УО «ВГУ им. П.М. Машерова» – 946 человек (62%); УО «ВГАВМ» – 351 (23%); УО «ВГТУ» – 157 (10%); УО «ИСЗ» – 68 (5%).

В отличие от предыдущих опросов, в процессе которых анализировались мнения респондентов стационарной формы обучения, в настоящем социологическом замере исследовались мировоззренческие позиции студентов и заочной формы обучения, не выделяя конкретные вузы. Из числа студентов дневной формы обучения респонденты составили 903 человека (59%), заочной – 619 (41%). Мы исходили из того, что

предыдущие социологические исследования зафиксировали лишь небольшие расхождения по витебским вузам; исследуемые тенденции патриотической социализации современного студенчества оказались практически одинаковыми для всех учебных заведений. Это, во-первых.

Во-вторых, мы решили выяснить, существуют ли расхождения в патриотическом мировоззрении между студентами-заочниками и студентами дневной формы обучения, у которых, как представляется, должно быть более определенное понимание патриотических ценностей. Ведь они постоянно, на протяжении пяти лет обучения в вузе, изучают социально-гуманитарные дисциплины и встречаются на лекционных и семинарских занятиях с преподавателями-обществоведами, заместителями деканов по воспитательной работе, со своими кураторами.

В процессе нынешнего мониторинга было опрошено и 800 старшеклассников г. Витебска и Витебской области. Из них: городских – 10 кл. – 198 (25 %), 11 кл. – 187 (23 %); сельских – 10 кл. – 241 (30 %), 11 кл. – 174 (22 %). Социологическими исследованиями были охвачены сельские школы Витебского, Лиозненского, Лепельского, Миорского, Оршанского, Поставского, Сенненского, Чашникского и Ушачского районов.

Общий массив в 2322 респондента взят сознательно – он практически исключает репрезентативные ошибки.

Исходя из обозначенных методологических позиций мы сформулировали и конкретную гипотезу: в настоящее время механизм включения патриотического мировоззрения в деятельность современной молодежи недостаточно разработан, его идеологическая обеспеченность не соответствует реалиям сегодняшнего дня, в силу чего деятельность молодых людей в значительной степени отягощена утилитарным, прагматическим, а порой и потребительским смыслом.

Следует отметить, что в условиях социальных трансформаций нашего общества объективный процесс социологического познания (включая и «социальную диагностику /социогрaмма, групповой анализ и т.п.»[1]/) невозможен без ценностных эталонных матриц (категорий) [2], которые в нем должны непосредственно присутствовать в качестве его сущностного компонента. Последние способствуют выявлению расхождения с обыденными ценностными ориентациями молодежи (да и не только ее). Это одна из важнейших методологических составляющих нынешней парадигмы социологического познания. Лишь только таким образом патриотическое мировоззрение и патриотическая идеология, как разновидности идеологии в целом, смогут выявить, насколько адекватно социальная реальность отражается в сознании больших масс людей, смогут реализовать свои прогностические функции и предвидеть будущее Республики Беларусь.

Используя ценностный подход [3], мы попытались выяснить как нынешняя молодежь понимает «мировоззрение». Респонденты должны были ответить на такой вопрос: «По вашему мнению, мировоззрение – это...» Мнения опрошенных (в %) приведены в таблице 1.

Таблица 1

По Вашему мнению, мировоззрение – это:

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	ВУЗы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Система взглядов человека на окружающий его мир и место в этом мире	57,9	67,3	70,9	71,8	66,0	86,7	82,0	84,8
2. Система ценностей человека	32,0	8,7	10,8	7,5	12,5	5,9	7,7	6,7
3. Совокупность знаний, эмоций, чувств и настроений человека	9,9	8,7	7,4	5,7	6,5	5,8	9,0	7,0
4. Я не знаю, что такое мировоззрение	3,3	4,7	6,4	7,5	6,5	0,6	0,8	0,7
5. Затрудняюсь ответить	5,9	10,6	4,5	7,5	7,5	1,0	0,5	0,8

Представленный цифровой материал таблицы 1 свидетельствует о том, что абсолютное число опрошенных (и старшеклассников, и студентов) понимает мировоззрение как систему взглядов человека на окружающий его мир и место его в этом мире. Вместе с тем, оно еще не является для них ценностью. Более того, по мере социализации подрастающего поколения значимость (предпочтительность) мировоззрения, как важнейшей детерминанты человеческой деятельности, постепенно утрачивается. Так, если для 32% десятиклассников городских школ мировоззрение выступает в качестве системы ценностей, то для студентов (и дневников, и заочников) этот показатель составил всего лишь 6,7%. А ведь ценности, как мы указывали в своих предыдущих исследованиях, лежат в основе системы духовных приоритетов личности, социальной группы, класса, этноса, народностей, национальных меньшинств, общества, пронизывая все ее элементы, благодаря чему последние и выполняют функции ценностных ориентаций [4]. Таким образом, освоение мировоззрения на уровне сознания не является еще достаточным условием для того, чтобы оно выступало в качестве ведущей детерминанты в деятельности молодежи. Мировоззрение должно ею еще оцениваться, актуализироваться.

Обозначенные методологические положения были конкретизированы в следующем вопросе: «Какие из перечисленных определений патристического мировоззрения наиболее соответствуют Вашим убеждениям? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) приведены в таблице 2.

Таблица 2

Какие из перечисленных определений патриотического мировоззрения наиболее созвучны вашим убеждениям?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Патриотическое миро- воззрение – это миро- ощущение, выражающее- ся в любви к тому месту, где родился и вырос	31,0	60,0	23,0	32,0	36,0	38,2	29,6	34,7
2. Патриотическое миро- воззрение – это мировос- приятие и миропонима- ние, выражающееся в ува- жительном отношении к родному языку, нацио- нальной культуре, тради- циям и обычаям	27,0	63,0	36,0	26,0	38,0	44,2	35,4	40,6
3. Патриотическое миро- воззрение – это не только любовь к родному языку, национальной культуре, но и уважительное отно- шение к государственным символам (флагу, гербу, гимну), основам консти- туционного строя, госу- дарственной идеологии	32,0	74,0	44,0	48,0	49,0	53,4	55,2	54,1
4. Патриотическое миро- воззрение – это система патриотических взглядов и идеалов определенных этносов об окружающем их этнополитическом про- странстве, а также и об их месте в этом пространстве	16,0	25,0	19,0	17,0	19,0	16,8	20,0	18,1

Как видно из ответов респондентов патриотическое мировоззрение (как традици-
онное понятие «патриотизма» – любовь к Родине, служение Отчизне) невозможно опре-

делить однозначно. По своему содержанию оно представляет собой очень сложное, системно-ценностное духовное образование. В условиях резких социальных изменений и переходов от одной социальной системы к другой патриотическое мировоззрение обогащается новыми составляющими, что и отметили респонденты в своих анкетах. И хотя больше половины опрошенных отдали свое предпочтение третьему индикатору, тем не менее, и к остальным показателям они отнеслись весьма серьезно и уважительно.

Актуальность и значимость цифрового материала таблицы 2 заключается в том, что он отслеживает понимание целостности патриотического мировоззрения. Его определение носит интегративный характер. Следовательно, патриотическое мировоззрение – это мироощущение, выражающееся в любви к тому месту, где родился и вырос; мировосприятие и миропонимание, проявляющееся в уважительном отношении к родному языку, национальной культуре, традициям, обычаям, государственным символам, основам конституционного строя и государственной идеологии; система патриотических взглядов и идеалов определенных этносов об окружающем их этнополитическом пространстве, а также об их месте в этом пространстве. Таким образом, патриотическое мировоззрение выступает в качестве комплексной социокультурной значимой матрицы, посредством которой осваивается (оценивается) этнополитическая реальность [5].

Нынешний анкетный опрос примечателен еще и тем, что респонденты достаточно отчетливо понимают, что без мировоззрения (в том числе и патриотического) жить очень трудно, оно необходимо человеку. Об этом со всей очевидностью говорит первый индикатор таблицы 3. Его выделили (в %) абсолютное большинство опрошенных.

Таблица 3

Нужно ли современному человеку мировоззрение?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	ВУЗы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Стаци- онар	Заоч- ники	
1. Да, без мировоззрения жить очень трудно	59,2	72,3	63,7	55,3	62,6	77,5	84,8	80,5
2. Мировоззрение необходимо человеку лишь на переломных этапах его жизни	14,5	8,9	14,4	14,1	13	9,5	5,5	7,9
3. Достаточно профессиональных знаний	10,7	7,8	6,5	8,8	8,5	4,4	4,5	4,5
4. Нет не нужно, достаточно повседневных, обыденных представлений	7,5	2,5	4,5	6,6	5,0	1,5	2,4	1,8
5. Затрудняюсь ответить	8,1	8,5	10,9	15,2	10,9	7,1	2,8	5,3

Вместе с тем, 37,4% старшеклассниками (суммарный показатель) оно востребовано либо на крутых переломах истории, либо оно им просто ненужно. Правда, по мере приобщения молодежи к научным знаниям эта цифра претерпевает определенные изменения: у студентов она составила около 20% (также суммарный показатель). В целом, результаты данной таблицы свидетельствуют о недостаточной роли социально-гуманитарных наук в выполнении своей главной функции – формировать у молодежи научно-обоснованное мировоззрение, ее гражданско-патриотическую и политическую активность.

Более того, эталонная ценностно-мировоззренческая матрица (включая и патриотическую) существенным образом расходится с повседневными мировоззренческими ориентирами респондентов. Об этом со всей очевидностью говорят их ответы на следующий вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» Мнения опрошенных (в %) приведены в таблице 4.

Таблица 4

Считаете ли Вы себя верующим человеком?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Да, я – глубоко верующий человек, читаю Библию, часто бываю в церкви, соблюдаю посты и отмечаю праздники	20,0	12,0	6,0	13,0	13,0	10,1	6,8	8,7
2. Бываю в церкви время от времени, не могу назвать себя истово верующим, но и атеистом себя не считаю	55,0	64,0	72,0	56,0	62	79,2	86,6	82,2
3. Отношу себя к неверующим	24,0	23,0	21,0	30,0	24,0	9,6	6,6	8,4
4. Затрудняюсь ответить	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,1	0	0,7

Следует отметить, что вера в сверхъестественные силы (а таковой по сути дела и является религия) выступает тем критерием, посредством которого на уровне обыденного сознания определяется мировоззрение индивида. Если он верит в такие силы (редуцированный вариант первой стороны основного вопроса философии), то его мировоззрение будет носить ярко выраженный религиозно-идеалистический характер. И наоборот. Если субъект относит себя к неверующим, то его мировоззрение можно считать материалистическим.

И что характерно. Чем более интенсивно происходит социализация молодых людей, тем более противоречивым и непоследовательным становится их мировоззрение. Так, если 55% учащихся 10-х классов г. Витебска сказали, что в церкви они бывают время от времени, и не могут назвать себя истово верующими, но и атеистами себя не считают, то у студентов этот показатель составил соответственно 82,2%. Эти данные говорят об отсутствии системности в мировоззрении респондентов, хотя абсолютное большинство из них определили его «как систему взглядов...» (см. табл. 1).

Противоречивость во взглядах респондентов можно объяснить тем, что мировоззрение, как важнейшая детерминанта человеческой деятельности, по-разному преломляется на общественном и обыденном уровнях сознания. Большинство людей в своем повседневном поведении в основном руководствуется обыденным мировоззрением, которое по своей сути является несистематизированным, неупорядоченным знанием, и которое, в свою очередь, раскрывает явление, а не сущность.

К сожалению, обыденное мировоззрение абсолютно не исследовано в советской и постсоветской научной философско-социологической литературе. Но ведь именно оно выступает в качестве исторически-первичного способа освоения объективной реальности. Поэтому обыденное мировоззрение, присущее каждому человеку, не устраняется и не «отменяется» с развитием теоретически обоснованного знания, а продолжает жить и выполнять исключительные важные функции. Следовательно, обыденное мировоззрение необходимо рассматривать не как реликтовый уровень сознания индивида, а как существенный фактор его жизнедеятельности. В процессе социализации личности его обыденное мировоззрение содержательно изменяется. В школе, а затем в вузе молодые люди более целенаправленно и организовано приобщаются к теоретически обоснованному знанию, духовным ценностям в целом. Именно социально-гуманитарные дисциплины призваны сформировать у подрастающего поколения научно-систематизированное мировоззрение (включая и патриотическое).

Для того, чтобы более детально соотнести обыденные мировоззренческие матрицы респондентов с эталонной, насколько они расходятся с последней им была задана целая серия взаимосвязанных вопросов. И первый из них мы сформулировали следующим образом: «Считаете ли Вы себя гражданином Республики Беларусь независимо от Вашего гражданства?» Мнения опрошенных (в %) приведены в таблице 5.

Таблица 5

Считаете ли Вы себя гражданином Республики Беларусь независимо от вашего гражданства?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В сред- нем	Вузы г. Витебска		В сред- нем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Да	70,2	70,6	74,3	75,8	72,7	87,0	91,8	88,9
2. Нет	4,5	14,4	4,1	9,8	8,3	7,0	5,3	6,4
3. Затрудняюсь отве- тить	25,3	15,0	21,6	14,4	19,0	6,0	2,9	4,7

И хотя абсолютное большинство респондентов считают себя гражданами Республики Беларусь независимо от своего гражданства, тем не менее, этот показатель еще не отражает их реального отношения к государству, в котором они проживают, и в котором жили и живут их родные и близкие, прилагавшие и прилагающие большие усилия для его процветания, духовного расцвета. Для подтверждения сказанного им задавался такой вопрос: «Если бы Вам представилась возможность поменять свое гражданство, то сделали бы Вы это?» Мнения опрошенных (в %) приведены в таблице 6, которая еще раз подтверждает результаты наших прежних социологических замеров, зафиксировавших первые позиции прагматических и утилитарных ценностей современной молодежи в ее иерархии ценностных ориентаций [6].

Таблица 6

Если бы Вам представилась возможность поменять свое гражданство, то сделали бы Вы это?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В сред- нем	Вузы г. Витебска		В сред- нем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Охотно поменял бы гражданство	10,9	18,8	7,3	15,5	13,1	7,6	5,2	6,6
2. Да, если бы это оказалось выгодным и полезным для меня	56,3	56,7	36,9	53,4	50,8	57,0	54,6	56,0
3. Ни при каких обстоятельствах гражданство не поменяю	19,5	22,6	42,5	18,4	25,8	17,6	20,0	18,6
4. Затрудняюсь ответить	13,3	1,9	13,3	12,7	10,3	17,8	20,2	18,8

Мы также попытались выяснить какое количество респондентов, готовых поменять свое гражданство, согласилось бы покинуть Белоруссию на длительное время или навсегда. Такие данные (в %) представлены в таблице 7.

Данные таблиц 6 и 7 совершенно четко и конкретно выявляют утилитарно-прагматические позиции молодых людей, абсолютное большинство которых могут поменять свое гражданство и покинуть Белоруссию, если им это будет выгодно и полезно, и если кто-то предоставит гарантии благополучного проживания за границей, возможность хорошо заработать. Ни для кого ни секрет, что во многом ради высокого заработка значительная часть респондентов намерена уехать либо на Запад, либо в США, если не навсегда, то на некоторое время. Причем такая позиция по сути дела одинакова как для старшекласников, так и для студентов (расхождения в мотивации незначительны).

Таблица 7

Согласились бы Вы покинуть Беларусь на длительное время или навсегда?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Стаци- онар	Заоч- ники	
1. Обязательно уеду за рубеж	9,2	11,6	5,7	10,1	9,2	4,9	3,6	4,3
2. Да, лишь при опреде- ленных гарантиях бла- гополучия за границей	38,0	37,5	23,6	43,5	35,6	42,6	27,6	36,5
3. При определенных условиях, лишь на не- которое время	31,4	29,6	32,5	33,3	31,7	42,0	53,6	46,7
4. Скорее нет, чем со- глашусь уехать	13,1	10,5	18,4	7,1	12,3	5,9	10,0	7,6
5. Нет, ни при каких условиях	4,6	2,2	9,4	2,4	4,6	1,3	2,4	1,8
6. Затрудняюсь ответить	3,7	8,6	10,4	3,6	6,6	3,3	2,8	3,1

Симптоматично то, что по сравнению с предыдущими социологическими замерами число опрошенных, желающих покинуть Республику Беларусь, увеличивается [7]. Поэтому, как бы ни оговаривались респонденты в своей мотивации, цифровой материал таблиц 6 и 7 свидетельствует о «размытости» их патриотического мировоззрения, которое значительно снижает их нравственно-гражданскую активность. Многие до сих пор не могут и не хотят уяснить себе простую истину. Советский Союз, гарантировавший право на труд, пенсионное обеспечение, бесплатное образование, медицинское обслуживание и т.п., как история — явление, которое возможно никогда и нигде не повторится, потому что уже никогда и нигде не будет такой обстановки, какая сложилась в России в конце XIX–XX в. Обыкновенный обыватель, отягощенный обыденными ценностями, недостаточно четко представляет себе, что, благодаря деятельности предшествующих поколений, у него было достаточно средств, материальных сил и возможностей для реализации своих сущностных потенций, проявления себя как личности, и которыми он так и не воспользовался в полном объеме.

Следует сказать, что в обновлении гражданско-патриотического мировоззрения подрастающего поколения, механизма включения его в их общественно значимую деятельность активное участие призваны принять преподаватели социально-гуманитарных наук, которые по своему социальному статусу должны формировать у него целостное представление о происходящих в нашем обществе трансформационных процессах.

В этой связи мы попытались выяснить интересуются ли вообще респонденты жизнью своей страны и если да, то из каких источников они получают информацию.

Им были заданы следующие вопросы: «Интересуетесь ли Вы политическими событиями, происходящими в Республике Беларусь и за ее пределами?» (Блок А); «Из каких источников Вы получаете информацию о происходящих событиях в Республике Беларусь и за ее пределами?» (Блок Б). Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 8.

Таблица 8

Блок А

**Интересуетесь ли Вы политическими событиями, происходящими
в Республике Беларусь и за ее пределами?**

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Политическими событиями интересуюсь постоянно	41,9	34,0	38,6	35,8	37,6	33,0	32,5	32,8
2. Политические события только изредка вызывают интерес	48,6	52,6	46,9	45,7	48,5	60,5	65,0	62,2
3. Политическими событиями не интересуюсь	9,5	13,4	14,5	18,5	13,9	6,5	2,5	5,0

Блок Б

**Из каких источников Вы получаете информацию о происходящих событиях
в Республике Беларусь и за ее пределами?**

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В сред- нем	Вузы г. Витебска		В сред- нем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. СМИ (телевидение, радио, печать)	59,0	69,8	64,3	58,8	63,0	91,7	95,3	93,2
2. От преподавателей на учебных занятиях	13,1	16,3	11,9	17,6	14,7	14,2	7,6	11,5
3. Собственный опыт, товарищи и друзья	17,5	8,8	9,5	14,8	12,6	6,4	5,5	6,0
4. Семья, родственное окружение	10,4	5,1	14,3	8,8	9,6	8,6	9,4	9,0

Как видно из таблицы 8 (Блок А) молодые люди лишь иногда интересуются политическими событиями, происходящими в Республике Беларусь. В свое время мы оп-

ределили, из каких конкретных источников СМИ они получают информацию, которая, к сожалению, зачастую преподносится искаженно, деформировано. Вспомним данные 2000 г.: 80% студентов получают информацию по телевидению; 70% – из газет и журналов; 38% – по радио; 21 % – из оппозиционных СМИ [8].

Вместе с тем, весьма тревожно выглядит статистика, раскрывающая роль преподавателей социально-гуманитарных дисциплин в информировании своих подопечных о происходящих событиях в Республике Беларусь, разъяснении их сущности. Лишь небольшая часть учащихся (14,7%) и студентов (11,5%) (табл. 8, Блок Б) получают информацию о политическом, культурном и экономическом развитии Беларуси на учебных занятиях, в то время как в 2002 г. на лекциях и семинарских занятиях по общественным дисциплинам раньше такую информацию получало 50% респондентов [8, с. 75]. По существу преподаватели социально-гуманитарных наук стали чаще уходить от разъяснений актуальности и значимости реформирования всех сфер жизнедеятельности нашего общества.

А ведь количество часов, необходимых для изучения социально-экономических, политических, культурно-духовных и идеологических проблем белорусского государства, Министерством образования предоставлено достаточно. Если их суммировать по всем социально-гуманитарным дисциплинам, изучаемым в вузах, то цифра будет выглядеть впечатляющей: на их отводится 1038 аудиторных часов [9].

К сожалению, аудиторное время, предоставленное для изучения исторического прошлого и настоящего нашей страны, мягко говоря, преподавателями используется недостаточно эффективно. В подтверждении сказанного, приведем ответы респондентов на следующие заданные вопросы: «Обсуждаете ли Вы с преподавателями социально-гуманитарных дисциплин на лекционных и семинарских занятиях социально-экономические, политические и культурные проблемы современного развития Республики Беларусь?» (Блок А); «Если Вы обсуждаете, то как часто?» (Блок Б). Ответы опрошенных (в %) приведены в таблице 9.

Таблица 9

Блок А

Обсуждаете ли Вы с преподавателями социально-гуманитарных дисциплин на лекционных и семинарских занятиях социально-экономические, политические и культурные проблемы современного развития Республики Беларусь?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В сред- нем	Вузы г. Витебска		В сред- нем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Да	16,3	18,8	32,0	23,9	22,8	29,5	25,7	28,0
2. Иногда	48,4	46,3	41,8	40,9	44,4	45,3	47,5	46,2
3. Практически не об- суждаем	28,8	25,4	15,1	23,4	23,1	21,0	19,5	20,4
4. Затрудняюсь ответить	6,5	9,5	11,1	11,8	9,7	4,2	7,3	5,4

Блок Б**Если Вы обсуждаете, то как часто?**

Варианты Ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Почти на каждом занятии	6,0	12,9	14,6	14,7	12,1	16,7	11,0	14,5
2. Лишь иногда обсуждаем	67,5	62,7	78,3	64,7	68,3	63,5	66,0	64,5
3. Затрудняюсь ответить	26,5	24,4	7,1	20,6	19,6	19,8	23,0	21,0

Сразу бросается в глаза то, что лишь 22,8% старшеклассников и около одной трети студентов (и дневной, и заочной форм обучения) обсуждают со своими наставниками современные экономические, социально-политические, духовно-идеологические проблемы Республики Беларусь. Вместе с тем, со студентами стационарной формы обучения преподаватели социально-гуманитарных дисциплин встречаются на протяжении всего учебно-воспитательного процесса, значит, и цифровые показатели у них должны были быть более весомыми. На наш взгляд, это не случайное явление. Анализ социологических замеров патриотической социализации студенчества, который проводится нами на протяжении пяти последних лет, отчетливо выявил негативную тенденцию: реформационные процессы, происходящие в нашем обществе, почему-то выпадают из поля зрения преподавателей-обществоведов. По существу они не обсуждаются ни на лекционных, ни на семинарских занятиях. В цифровом варианте данная закономерность выглядит таким образом: изначально 63 % респондентов обсуждало со своими преподавателями историческое прошлое и настоящее своей страны, затем – 55% [8], ныне – 28% (см. табл. 9, Блок А), из которых часто обсуждают только 14,5% опрошенных (см. табл. 9, Блок Б).

Безусловно, отсутствие на лекционных и семинарских занятиях обсуждений, дискуссий по злободневным проблемам современности в значительной степени сказывается на выработке у респондентов собственного, объективного мнения о происходящих событиях в нашей стране и за ее пределами, о чем убедительно свидетельствуют их ответы на следующий вопрос: «Оцените результаты социально-экономических реформ, проводимых ныне в Республике Беларусь?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 10.

Нет смысла комментировать каждый индикатор данной таблицы, поскольку они абсолютно прозрачны. Постараемся выяснить причины негативного отношения студентов к трансформационным процессам.

Таблица 10

Как Вы оцениваете результаты социально-экономических реформ, проводимых ныне в Республике Беларусь?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Стационар	Заочники	
1. Несмотря на переживаемые трудности, Республика Беларусь находится на правильном пути	23,6	28,4	21,6	22,9	24,1	10,5	10,8	10,6
2. Сомневаемся в правильности выбранных целей и методов проведения реформ	30,6	29,1	33,6	25,0	29,6	40,8	43,5	41,9
3. Из-за проведения реформ страна оказалась в тупике общественного развития	31,2	14,9	21,6	20,7	22,1	21,6	22,3	21,9
4. Затрудняюсь ответить	14,6	27,6	23,2	31,4	24,2	27,1	23,4	25,6

Сравнительный анализ обозначенных таблиц свидетельствует о том, что только те респонденты (см. табл. 10, индикатор 1) способны адекватно оценить происходящие события в нашем обществе, которые получают о них регулярную информацию от преподавателей на учебных занятиях (см. табл. 9, индикатор 2).

К сожалению, как показывают проводимые нами регулярные социологические замеры, преподаватели социально-гуманитарных дисциплин зачастую путают известное (явление) с самой сущностью, что и не позволяет им проявлять должную активность в информировании, комментировании, обсуждении трансформационных процессов, которые осуществляются во всех сферах жизнедеятельности нашего общества. Более того, значительная часть преподавателей-обществоведов в своей деятельности руководствуется устаревшими методологическими ориентирами, а посему не в состоянии дать адекватную оценку происходящим событиям и выработать у своих подопечных о них объективное, достоверное представление. Ведь далеко не случайно абсолютное большинство опрошенных либо сомневается в правильности выбранных целей и проведения реформ, либо дают им отрицательную оценку, либо затруднились ответить. Причем симптоматично то, что в высшем учебном заведении по сравнению со старшеклассниками общеобразовательных школ количество сомневающихся студентов в

правильности выбранных целей и методов проведения реформ значительно увеличивается (см. табл. 10, индикатор 2).

Для выявления будничных представлений респондентов о повседневной социальной реальности им был задан следующий вопрос: «Выделите наиболее привлекательные явления в нашем современном обществе из семи названных? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 11.

Таблица 11

Какие наиболее привлекательные явления в нашем современном обществе из семи названных являются для Вас наиболее актуальными?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Стационар	Заочники	
1. Большой выбор разнообразных товаров и услуг	29,0	75,0	51,0	89,0	79,0	57,4	56,5	57,0
2. Свобода предпринимательства на основе частной собственности	24,0	40,0	34,0	56,0	38,0	26,0	29,4	27,3
3. Свобода идейного выбора, возможность критики политического руководства	23,0	27,0	39,0	38,0	32,0	17,6	15,3	16,7
4. Свобода политического выбора, многопартийность	20,0	17,0	20,0	25,0	21,0	22,6	14,7	19,4
5. Свобода выезда за границу	24,0	34,0	50,0	68,0	44,0	48,2	62,5	54,0
6. Возрождение религии и церкви	14,0	29,0	42,0	57,0	36,0	47,0	64,0	56,0
7. Расширение свободы личности	33,0	28,0	54,0	67,0	45,0	40,0	48,1	43,2

Как видно из данной таблицы для респондентов (и старшеклассников, и студентов) наиболее приоритетны три показателя: «большой выбор разнообразных товаров и услуг»; «свобода выезда за границу»; «возрождение религии и церкви». Развитие рыночных (а по существу капиталистических) отношений всегда сопровождается массовым производством товаров и услуг. Причем многие товары рынок, посредством рекламы, навязывает даже те, которые простому обывателю могут и не пригодиться. В итоге новые экономические отно-

шения постоянно формируют у населения (в том числе и молодежи) потребительский образ жизни: потребление ради потребления. Но поскольку в нашей стране рыночные отношения не так развиты как на Западе, где, по мнению респондентов, возможности реализации своих потребительских ожиданий значительно выше, они (особенно непосредственно работающие студенты-заочники) и отдали предпочтение пятому индикатору: «свободе выезда за границу». Что касается третьего по значимости приоритета, то он высвечивает поисковые ориентации нынешней молодежи неких сакральных ценностей (в данном случае «возрождение религии и церкви»). И хотя аналогичные показатели были получены нами в 2002 г. при проведении социологического мониторинга, в анкетах которого 56% студентов отметили, что религиозные идеи воспитывают у людей нравственные качества [8, с. 85], тем не менее, они довольно редко руководствуются ими в своей повседневной деятельности (см. таблицу 4, индикатор 2). В целом цифровой материал таблицы 9 выявляет отсутствие созидательных начал (или по крайней мере отслеживает их недостаточную развитость) в мотивации и деятельности респондентов. Они не так приоритетны по сравнению с их ценностными ориентациями.

Одновременно мы попытались определить и те проблемы, которые их волнуют. С этой целью им был задан следующий вопрос: «Что вызывает у Вас наибольшую тревогу в состоянии белорусского общества? (возможно несколько вариантов ответа)». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 12.

Таблица 12

Что вызывает у Вас наибольшую тревогу в состоянии белорусского общества?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- цио- нар	Заоч- ники	
1. Рост преступности	29,0	55,0	51,0	80,0	53,0	55,3	51,0	53,5
2. Коррупция госчи- новников	19,0	45,0	40,0	70,0	43,0	53,5	52,2	53,0
3. Экономическая не- стабильность	31,0	38,0	44,0	69,0	45,0	68,7	58,0	64,3
4. Рост цен на товары и услуги, инфляция	39,0	53,0	41,0	82,0	52,0	71,2	64,1	68,3
5. Все более увеличива- ющийся разрыв в мате- риальном положении «новых белорусов» и основной массы населе- ния, обнищание значи- тельной части народа	19,0	29,0	41,0	61,0	37,0	48,3	44,7	46,8

Продолжение таблицы 12

6. Упадок духовной культуры, ее коммерциализации	11,0	33,0	22,0	36,0	25,0	39,0	33,1	36,5
7. Отчуждение человека от человека	16,0	31,0	22,0	44,0	28,0	28,7	35	31,3
8. То, что мы перестали быть сверхдержавой	15,0	27,0	19,0	35,0	23,0	9,6	11,3	10,3
9. Другие варианты ответа	—	—	—	—	—	3,1	5,0	3,8

Из данной таблицы видно то, что наибольшую тревогу у респондентов вызывают экономические проблемы: «рост цен на товары и услуги, инфляция»; «экономическая нестабильность»; «все более увеличивающийся разрыв в материальном положении «новых белорусов» и основной массы населения, обнищание значительной части народа», то есть материальные факторы, от которых непосредственно зависит существование личности. Немалую тревогу для опрошенных также вызывает «рост преступности»; «коррупция госчиновников». И хотя «упадок духовной культуры, ее коммерциализация», «отчуждение человека от человека» также волнуют респондентов, тем не менее, они находятся на втором месте их ценностных ориентаций. Это еще раз говорит о том, что узкопрогматические, утилитарные ценности доминируют в системе духовных оснований современного поколения. Но ведь именно от мировоззренческих установок, патриотических ориентиров в целом во многом зависит социально значимая активность индивидов, их ориентация на будущее, которое, в свою очередь, детерминировано прошлым и настоящим.

В этой связи мы попросили респондентов оценить наше недавнее историческое прошлое. Им был задан следующий вопрос: «Дайте оценку социалистическому общественному строю бывшего Советского Союза?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 13.

Таблица 13

Какую оценку Вы можете дать социалистическому общественному строю бывшего Советского Союза?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Стационар	Заочники	
1. Социализм вредная, пагубная идея, роковая ошибка в прошлом	16,5	29,0	10,2	14,3	17,5	11,2	6,8	9,4

Продолжение таблицы 13

2. Социализм, возможно, является правильной идеей, которая, однако, на практике была искажена советским руководством	42,2	33,2	42,5	38,6	39,1	44,1	61,7	51,2
3. Социализм плодотворная идея, имеющая будущее	12,8	9,9	15	16,7	13,6	7,9	3,1	6,0
4. Затрудняюсь ответить	28,5	27,9	32,3	30,4	29,8	36,8	28,4	33,4

Каждая из представленных таблиц интересна по-своему. Эта же актуализирует недостаточно полное представление современной молодежи о возможностях социализма, которые (хотя и не в полном объеме) были реализованы в СССР. В принципе удивляться здесь нечему. Ведь нынешнее поколение «захватило» лишь небольшой его временной отрезок, а посему и не в состоянии в полной мере оценить преимущества нового общественного строя. Несомненно, порой и СМИ вносят свою негативную лепту в освещение нашего недавнего прошлого. В тоже время, как уже отмечалось, преподаватели социально-гуманитарных наук самоустранились в разъяснении преимуществ социалистического общества по сравнению с капиталистическим [10]. Однако, очевидно, что многие прогрессивные тенденции социализма (государственное регулирование экономикой, социальная защищенность трудящихся масс, интеграция всех сфер жизнедеятельности бывших союзных республик и т.д.) успешно используются нынешними капиталистическими странами, значительную часть которых по большому счету к таковым нельзя отнести.

В подтверждении сказанного мы попросили респондентов ответить на следующий вопрос: «Какие чувства вызывает у Вас историческое прошлое Беларуси?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 14.

Таблица 14

Какие чувства вызывает у Вас историческое прошлое Беларуси?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Стационар	Заочники	
1. Чувство гордости за великие свершения народа	26,4	31,7	41,6	31,4	32,8	31,2	27,1	29,5

Продолжение таблицы 14

2. Испытываю чувство морального удовлетворения за приобщенность к общей истории Беларуси	22,3	26,3	20,6	22,6	23	12,9	20,4	16,0
3. Чувство национальной ущемленности, горечи за постоянные бедствия народа	28,9	18,6	24,4	31,0	25,7	34,1	38,8	36,0
4. Затрудняюсь ответить	22,4	23,4	13,4	15,0	18,5	21,8	13,7	18,5

К огорчению, только 55,8% старшеклассников и 45,5% студентов (суммарные показатели) гордятся великими достижениями своего народа и испытывают моральное удовлетворение за приобщенность к истории Беларуси. Остальные – либо испытывают чувство национальной ущемленности, горечи за постоянные бедствия народа, либо просто не смогли определиться по данному вопросу. Но ведь наша страна действительно обладает великой историей, которой можно гордиться и уважительно к ней относиться. В частности, ярким примером в духовно-культурной сфере является подвижническая деятельность Е. Полоцкой, К. Лыщинского, С. Будного, Ф. Скорины, Ф. Богушевича, Я. Коласа, Я. Купалы и многих других представителей белорусской творческой интеллигенции.

Причем респонденты не только слабо ориентируются в истории Беларуси в целом, но и в ее недалеком прошлом. Для подтверждения своих суждений мы задали им следующий вопрос: «Оцените советский период истории Белорусского государства?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 15.

Динамика высвечивается весьма негативная: только одна треть и старшеклассников, и студентов позитивно оценили исторический путь БССР. Абсолютное же большинство респондентов не смогли дать объективную оценку нашему недавнему прошлому. Конечно, нынешней молодежи порой трудно удержать в памяти те или иные подробности истории Беларуси. Однако она просто обязана знать и соответственно оценивать такое эпохальное событие, как 60-летнюю годовщину освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Ведь защита Отечества – это и есть высшая форма проявления патриотизма. Следовательно, пропагандируя подвиг своего народа, мы тем самым способствуем формированию высших гражданско-патриотических качеств у подрастающего поколения, его духовно-нравственных идеалов, направленных на дальнейшее процветание Республики Беларусь.

Таблица 15

Оцените советский период в истории власти Белорусского государства

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Советский период был шагом назад в истории Беларуси	21,2	30,8	23,7	18,8	23,6	20,1	14,1	17,6
2. За это время страна стала могучей и процветающей державой, а ее граждане обладали основными социальными правами и гарантиями	37,2	20,7	34,4	38,9	32,8	26,1	37,1	30,6
3. Затрудняюсь ответить	41,6	48,5	41,8	42,2	43,5	53,8	48,8	51,8

Подобная ситуация настораживает еще и потому, что социологический мониторинг проводился накануне юбилейной даты, которая на протяжении всего последнего пятилетия постоянно пропагандировалась национальными СМИ. Безусловно, здесь налицо упущения всех субъектов воспитательного процесса – учителей, кураторов, заместителей деканов по воспитательной работе, воспитательных отделов, преподавателей социально-гуманитарных наук. Но особую ответственность за недостаточную пропаганду подвига белорусского народа в годы Великой Отечественной войны несут преподаватели предметов «Всемирная история» и «История Беларуси», которые по своему социальному статусу призваны непосредственно формировать историческую культуру у молодых людей. Именно последняя выступает основанием их патриотической культуры, патриотического мировоззрения в целом. К тому же и на изучение истории своего Отечества наше правительство предоставило довольно значительное количество часов. Так, в частности, изучение «Гісторыі Беларусі» предусмотрено в объеме 72 аудиторных часов и 20 часов – самостоятельной работы [9].

Учитывая важность, актуальность и значимость патриотической проблематики, правительство Республики Беларусь далеко не случайно обязало административные структуры высших учебных заведений изыскать 6 часов за счет учебного времени, предусмотренного в учебных планах на изучение дисциплины «История Беларуси», и 28 часов за счет часов Совета вуза на преподавание курса «Великая Отечественная война советского народа» (в контексте Второй мировой войны). Вместе с тем, любое количество часов, предоставленное на патриотическую социализацию современного

поколения, только тогда перейдет в качество, если оно (количество) будет эффективно использоваться преподавателями социально-гуманитарных дисциплин, которые, к сожалению, подчеркнем еще раз, не всегда владеют исторической ситуацией.

Обозначенную проблему мы конкретизировали следующим вопросом: «Как Вы оцениваете утрату советской власти в бывших республиках Советского Союза (распад СССР)?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 16.

Таблица 16

Как Вы оцениваете утрату советской власти в бывших республиках Советского Союза (распад СССР)?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В сред- нем	Вузы г. Витебска		В сред- нем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Хотелось бы вос- становить в новых формах бывший Союз республик	29,3	33,0	33,6	30,1	31,5	34,8	39,6	36,7
2. Союз республик – это уже пройденный этап и возврата к не- му быть не может	37,0	45,8	50,9	41,6	43,8	48,0	44,0	46,3
3. Затрудняюсь отве- тить	33,7	21,2	15,5	28,3	24,7	17,2	16,4	17,0

Как видно из результатов таблицы по поводу распада СССР у респондентов нет определенного единства. Хотя, безусловно, обновленный Союз бывших социалистических республик необходим. Это веление времени. Убедительным доказательством тому является Евросоюз. Данный феномен достаточно четко осознают больше одной трети опрошенных. Вместе с тем, основной массив студентов дал негативную оценку Союзу республик, многие затруднились ответить на поставленный вопрос (просто ушли от ответа на него).

В принципе оценка того или иного исторического события не возникает случайно, стихийно. Она формируется как под мощным воздействием СМИ (см. табл. 8), так и под непосредственным влиянием преподавателей-обществоведов. Известно, какова ценностная матрица у наставников, которые ведут у своих подопечных учебные занятия по социально-гуманитарным дисциплинам, такие будут у них преимущественно духовно-мировоззренческие отпечатки. Архетипы (а тем более идеологические, политические) автоматически, сами по себе не изменяются. Не является секретом, что есть определенная часть преподавателей-обществоведов, обладающая неадекватной рефлексией

социальной реальности, и которая (осознанно или неосознанно) навязывает молодежи собственные оценки.

Среди респондентов нет конкретного единства и по такому вопросу: «Как Вы относитесь к образованию Союзного государства Республики Беларусь с Российской Федерацией?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 17.

Таблица 17

Как Вы относитесь к образованию Союзного государства Республики Беларусь с Российской Федерацией?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Положительно, если Республика Беларусь останется суверенным государством	39,8	54,2	51,4	47,8	48,3	54,6	56,4	55,3
2. Отрицательно, если Республика Беларусь войдет в состав России	27,3	17,6	16,0	18,5	19,9	12,6	15,2	13,6
3. Положительно, если Республика Беларусь войдет в состав России	29,5	16,6	22,3	24,1	23,1	13,7	15,5	14,5
4. В любом случае отрицательно	3,4	11,6	10,3	9,6	8,7	11,5	7,4	9,9
5. Затрудняюсь ответить	—	—	—	—	—	7,6	5,5	6,7

Как видно, что больше половины респондентов положительно относятся к образованию Союзного государства при условии сохранения независимости Республики Беларусь. И как бы ни старались оппозиционно настроенные СМИ дискредитировать союз между Белоруссией и Россией (пусть еще не в полном объеме) все же основная масса опрошенных достаточно четко осознает, что без него нет перспективного развития нашего государства. Ведь союз между двумя братскими странами является единственно возможным путем решения их социально-экономических проблем.

Вместе с тем, определенную часть молодежи охватывает пессимизм, боязнь того, что Белоруссия может быть поглощена Россией как более мощной экономической державой. Такая информация получена нами во время бесед со студентами на учебных

занятиях. В нашем случае число пессимистически настроенных молодых людей составило почти 10% и около 7% затруднились ответить на поставленный вопрос (см. табл. 17, индикатор 4 и 5). Думается, что кураторам групп, преподавателям-обществоведам необходимо всесторонне и убедительно раскрывать преимущества Союзного государства, взаимовыгодные его стороны.

Отношение студентов к Союзному государству свидетельствует о том, что их волнует грядущее нашего обществ. Об этом говорят ответы респондентов на следующий вопрос: «Как Вы относитесь к будущему Республики Беларусь?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 18.

Таблица 18

Как Вы относитесь к будущему Республики Беларусь?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В сред- нем	Вузы г. Витебска		В сред- нем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Будущее страны меня глубоко волнует	57,9	39,5	41	38,5	44,2	64,5	65,8	65,0
2. Не задумываюсь над будущим страны, предпочитаю зани- маться своим делом	22,7	32,5	27,1	28,5	27,7	24,3	21,6	23,2
3. Будущие страны мне безразлично	15,9	7,6	14,2	15,4	13,3	2,5	0,6	1,8
4. Затрудняюсь отве- тить	3,4	20,4	17,6	17,5	14,7	8,7	12,0	10,0

Взаимосвязь данного вопроса с предыдущим очевидна. Абсолютное большинство респондентов глубоко волнует будущее страны, ее перспективы развития и процветания. Поэтому далеко не случайно 48,3% старшеклассников и 55,3% студентов (см. таблицу 17) ратуют за строительство белорусско-российского Союзного государства. Заметим, что общественное развитие не имеет однозначной заданности, оно в принципе альтернативно и многовариантно. Поэтому, от того какой путь развития выберет Республика Беларусь во многом будет зависеть и грядущее самой молодежи. Теоретически возможны различные варианты исторического развития как Беларуси, так и России. Обе наши страны являются сложившимися, самодостаточными и суверенными государствами, способными выбирать свое будущее. Создание единого государства, возрождение лучших традиций, накопленных как в дореволюционное время, так и в советский период, стремление к взаимовыгодному сотрудничеству Беларуси со странами и народами Европы выступают важнейшим фактором ее устойчивого развития.

Вместе с тем успешное развитие и процветание белорусского государства во многом зависит и от конкретных усилий его граждан, которые, к сожалению, упрекают свое правительство за то, что оно не оказывает им должную помощь в реализации их запросов. Об этом убедительно свидетельствуют их ответы на такой вопрос: «Готовы ли Вы работать на процветание своей Родины с полной отдачей?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 19.

Таблица 19

**Готовы ли Вы работать на процветание своей Родины
с полной отдачей?**

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Да, со всей опре- деленностью	25,6	32,6	34,6	30,4	30,8	23,5	22,0	22,9
2. Нет, поскольку Ро- дина обо мне недос- таточно заботится	26,9	37,4	39,0	44,4	36,9	40,6	40,0	40,3
3. Затрудняюсь отве- тить	47,5	30,0	26,4	25,2	32,3	35,9	38,0	36,8

Цифровой материал данной таблицы высветил негативную тенденцию в патриотической социализации современной молодежи: абсолютное большинство респондентов не готово работать с полной отдачей на благо своей Родины. Более того, чем выше социализационный уровень современного поколения, тем выше процент молодых людей, которые индифферентно относятся к проблемам белорусского государства. Так, если почти 31% старшеклассников выразил желание работать на процветание своей Родины, то желающих студентов – оказалось на 8% меньше (см. табл. 19, индикатор 1). Несомненно, в советское время социальная защищенность молодежи была существенно выше и весомее. Тем не менее, и правительство Республики Беларусь делает все возможное, чтобы создать будущим специалистам необходимые условия для удовлетворения их материальных и духовных потребностей. Социологические исследования, проведенные и у нас и в России, показывают, что наше общество по принципу доступности образования занимает одно из первых мест в СНГ.

Однако, аксиоматично то, что политика государства в области социальной защищенности современной молодежи действенна лишь при эффективно развивающейся экономике. Прежде чем распределять какие-то материальные блага необходимо их произвести. Созидательные, творческие мотивы должны быть определяющими и опережающими по отношению к потребительским ориентациям.

К сожалению, довольно значительная часть молодежи требует от государства приличного заработка, гарантированного права на труд и т.д., не предлагая ничего взамен. Уже сама мотивация учебы будущих специалистов говорит о том, что многие пришли в вуз за дипломом и в перспективе не собираются работать по избранной специальности [11]. Их мировоззренческие ориентиры базируются на таком постулате: «сначала Родина должна сделать все необходимое для меня, только потом я буду работать, чтобы она процветала» [12]. Но еще Ф. Рузвельт говорил: думай не о том, что тебе дало государство, а о том, что ты дашь государству. И именно в этом и заключается сущность патриотического мировоззрения.

Следует подчеркнуть, что потребительская матрица, лежащая в основе мировоззрения значительной части молодежи, при определенных условиях может привести их к правонарушениям. Об этом со всей очевидностью говорят ответы респондентов на следующий вопрос: «Могли бы Вы лично нарушить закон ради получения материальной выгоды?». Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 20.

Таблица 20

Могли бы Вы лично нарушить закон ради получения материальной выгоды?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Да	23,8	15,3	13,1	13,0	16,3	9,8	5,3	8,0
2. Пожалуй, да, при определенных усло- виях	21,8	18,7	18,6	28,5	21,9	34,1	36,2	35,0
3. Скорее, «нет», чем «да»	38,6	28,0	28,4	21,5	29,1	34,1	37	35,3
4. Нет, ни при каких обстоятельствах	12,9	30,5	29,7	25,5	24,7	13,0	14,4	13,5
5. Затрудняюсь отве- тить	2,9	7,5	10,2	11,5	8,0	9,0	7,1	8,2

Около 40 % (суммарный показатель) и старшеклассников, и студентов готовы в своей повседневной деятельности потенциально руководствоваться антиобщественной мотивацией. Причем цифровой материал таблицы 20 также высвечивает отрицательные тенденции в патриотической социализации молодежи (см. индикаторы 2 и 4). Оказывается, потребительство – это далеко небезобидный феномен. Оно является той питательной почвой, на которой могут произрасти (а порой и произрастают) такие негативные явления в сознании и поведении людей, как стяжательство, взяточничество,

вымогательство, мошенничество, стремление во всем видеть корыстную выгоду и т.д. Поэтому формирование у современной молодежи созидательного, творческого, патриотически зрелого мировоззрения выступает одним из важнейших факторов экономического благополучия и духовно-культурного процветания Республики Беларусь.

Поскольку патриотическое мировоззрение в качестве составляющих включает в свое содержание национальные и интернациональные взгляды, то мы попытались выяснить отношение респондентов к проживающим в нашем обществе этносам. В этой связи им был задан следующий вопрос: «Имеются ли у Вас чувство неприязни к лицам определенной национальности?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 21.

Таблица 21

Имеется ли у Вас чувство неприязни к лицам определенной национальности?

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В сред- нем	Вузы г. Витебска		В сред- нем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Да, имеется постоянно	17,6	15,0	16,1	13,8	15,6	9,4	7,3	8,5
2. Такое чувство возникает лишь иногда под влиянием конкретных фактов	38,2	35,0	38,5	35,7	36,9	51,8	60,9	55,5
3. Такого чувства у меня нет	25,6	39,7	29,7	37,3	33,0	36,5	29,9	33,8
4. Затрудняюсь ответить	18,6	10,3	15,7	13,2	14,5	2,3	1,9	2,2

В целом, цифровой материал данной таблицы высвечивает межнациональную стабильность в молодежной среде. Одновременно из ответов респондентов видно, что в их патриотическом мировоззрении пока еще присутствуют элементы национализма, которые зачастую проявляются в форме словесной агрессии: в «насмешливом отношении к лицам другой национальности»; «надписях на партах, затрагивающих достоинство наций»; «возвеличивании и абсолютизации своей нации» и т.д. [13].

Отслеживая развития межнациональных отношений в студенческой среде в динамике можно определенно констатировать, что интернациональные ценности постепенно вытесняют остатки национализма в сознании будущих специалистов. Так, в частности, если в недалеком прошлом с проявлением национализма в студенческой среде постоянно встречалось 17%, а редко – 59% [13, с. 97], то в настоящее время эти показатели соответственно составили 8,5% и 55,5% (см. таблицу 21, индикаторы 1 и 2). Хотелось только, чтобы данные изменения осуществлялись более ускоренными темпами.

А это, в свою очередь, зависит от всех субъектов воспитательного процесса и, прежде всего, от преподавателей обществоведов, которые недостаточно активно влияют на формирование патриотического мировоззрения юношей и девушек.

В целом проявления националистических настроений в молодежной среде (если таковые имеются) необходимо постоянно отслеживать, поскольку их абсолютизация является «методологической» основой национализма и в итоге ведет к изоляции этноса, к одномерности и однобокости в его развитии. И вообще бедна, ущербна та нация и ее культура, которая боится, трепещет за свою самостоятельность и независимость при всяком соприкосновении с другим этносом и его культурой.

В качестве итогового респондентам был задан такой вопрос: «Если возникнет необходимость в защите своего Отечества, то как Вы поступите?» Мнения опрошенных (в %) представлены в таблице 22.

Таблица 22

**Если возникнет необходимость в защите своего Отечества,
то как Вы поступите?**

Варианты ответа	Школы г. Витебска		Школы Вит. обл.		В среднем	Вузы г. Витебска		В среднем
	10 кл.	11 кл.	10 кл.	11 кл.		Ста- ционар	Заоч- ники	
1. Буду защищать свое Отечество со всей решимостью	64,8	57,4	57,3	47,0	56,6	48,1	45,7	47,1
2. От защиты своего Отечества постара- юсь уклониться	10,2	17,2	18,4	24,0	17,4	7,3	9,2	8,1
3. Затрудняюсь от- ветить	25,0	25,6	24,3	29,0	26	44,6	45,1	44,8

Ответы респондентов выступают в качестве критерия зрелости их патриотическо-го мировоззрения. Ведь защищая свою Родину, каждый человек тем самым проявляет свои лучшие нравственно-гражданские качества. Именно их и продемонстрировали всему миру фронтовики, ветераны войны и труда, защищая независимость нашей страны от немецко-фашистских захватчиков, проявив свободолобие и беззаветную преданность своему Отечеству. Отстаивая свое право на свободное, независимое существование, советские труженики сделали это с такой неукротимой волей к победе, с таким истинным, презираемым всякую шумиху героизмом, с таким подъемом духа как никакой другой народ Европы. Именно патриотизм был одним из главных факторов в разгроме фашистской Германии, пронизывающий различные уровни патриотической социализации советских людей. Как отметил Президент А.Г. Лукашенко 2 июля 2004 г. на торжественном собрании, посвященном 60-й годовщине освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и Дню Независимости Республики Беларусь (Дню Республики),

воины-победители остаются для «молодежи, для всех нас примером патриотизма, мужества и силы духа» [14].

К сожалению, и данная таблица высвечивает негативные тенденции в патриотической социализации нынешней молодежи. Лишь меньше половины студентов готово защищать свою Родину со всей решимостью. Почти 45% респондентов не определились по данному вопросу (по сути дела они просто уклонились от ответа). Здесь прослеживается все тот же потребительский подход: раз Родина обо мне недостаточно заботится (см. табл. 20), то и от защиты постараюсь уклониться (см. табл. 22). В процессе бесед со студентами на учебных занятиях выясняется, что большинство из них несколько виртуально представляют себе свое Отечество, которое понимается ими порой как нечто внешнее, абстрактное. Многие не задумываются, что Родина, это прежде всего дом, улица, село, деревня, город, где они родились и выросли. Это и духовные ценности, традиции, обычаи, культура и язык их родных и близких, передаваемые из поколения к поколению, к которым следует относиться бережно и уважительно. Именно обозначенные сакральные ценности нынешняя молодежь должна быть всегда готова защищать со всей решимостью.

В заключение сделаем краткие выводы. Абсолютное большинство молодых людей достаточно четко понимают мировоззрение как систему взглядов человека на окружающий его мир и его место в этом мире. Вместе с тем, оно еще не выступает для них в качестве необходимой ценности, поскольку в своей повседневной деятельности они руководствуются обыденным мировоззрением, которое носит противоречивый и несистематизированный характер. Между научно обоснованным и обыденным мировоззрением наблюдается существенное расхождение. Схематично это можно представить кругами Эйлера (см. рис. 1).

Пересечение кругов Эйлера говорит о низкой эффективности изучения социально-гуманитарных дисциплин, учебно-воспитательного процесса в целом, в «онаучивании» обыденного мировоззрения современной молодежи. В идеале пересечение кругов должно выглядеть как на рисунке 2.

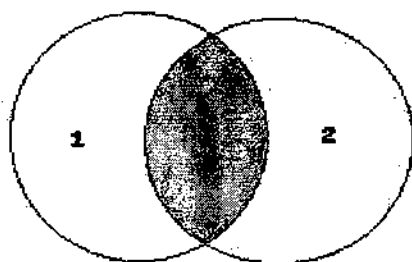

Рис. 1. Реальная модель

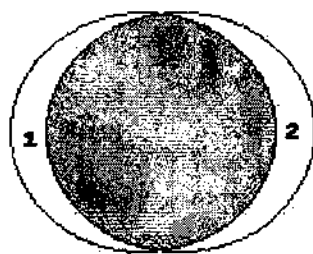

Рис. 2. Идеальная модель

где: 1 – теоретически обоснованное мировоззрение;
2 – обыденное мировоззрение.

Выяснилось, что патриотическое мировоззрение является весьма сложным и синкретическим духовным образованием, которое представляет собой мироощущение, выражающееся в любви к тому месту, где родился и вырос; мировосприятие и миропо-

нимание, проявляющееся в уважительном отношении к родному языку, национальной культуре, традициям, обычаям, государственным символам, основам конституционного строя и государственной идеологии. В целом оно выступает в качестве интегративной социокультурной значимой матрицы, посредством которой оценивается этнополитическая реальность.

Проведенный социологический мониторинг показал, что субъекты воспитательного процесса (учителя, классные руководители, кураторы, заместители деканов и проректора по воспитательной работе, воспитательные отделы, преподаватели-обществоведы) недостаточно способствуют формированию патриотического мировоззрения у своих подопечных, которое в значительной степени отягощено потребительским смыслом, что, в свою очередь, существенно сковывает их нравственно-гражданскую активность.

И последнее, профессорско-преподавательский состав кафедр общественных и гуманитарных наук не имеет четких методологических представлений о проблемах воспитания патриотического мировоззрения нынешнего поколения и поэтому не в состоянии идеологически обосновать и разработать его механизм включения в их повседневную деятельность. Обществоведы, ученые методологи до сих пор не выработали целостной концепции патриотического мировоззрения. В теории отсутствуют прогностические модели формирования последнего. Во многих рабочих программах по социально-гуманитарным дисциплинам нет ярко выраженной патриотической проблематики, а там, где она имеется, недостаточно разработана. В целом, выдвинутая нами гипотеза, полностью подтвердилась.

Л и т е р а т у р а

1. *Мостовая И.В.* Парадигмы социологического познания // Социально-гуманитарные знания, 1999, № 4. – С. 91.
2. *Гащенко Л.А.* Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества ... – 135 с.; Ценности как сложный и многомерный объект исследования // Беларусь – Россия – Китай: К новой парадигме истории. Сб. науч. тр. – Мн.: ИСПИ, 2003. – С. 292–299; Ценности как важнейшие детерминанты человеческой деятельности // Ученые записки. – Витебск. – Т. 3. – С. 3–7.
3. Кстати, в социологических замерах ценностный подход нами уже применялся неоднократно, что позволило выявить определенные тенденции в патриотической социализации будущих специалистов (См.: Русецкий А.В., Гащенко Л.А., Капитонова Е.А. Патриотические потребности студенческой молодежи в условиях социальных трансформаций // Веснік ВДУ, 2003. – № 3 (29). – С. 3–29; «Не будет гражданин достойный к Отчизне холоден душой: Патриотические идеалы современного студенчества: состояние и динамика (на примере вузов г. Витебска) // Беларуская думка, 2004, № 1. – С. 112–120; Патриотические идеалы современного студенчества: актуальность и современность // Социология, 2004, № 1. – С. 72–82).
4. *Гащенко Л.А.* Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества... – С. 13–57; Русецкий А.В., Гащенко Л.А.

- Патриотические ценности студенчества беларуси на рубеже нового тысячелетия... – С. 86–110 ; Русецкий А.В., Гащенко Л.А., Капитонова Е.А. Патриотические идеалы современного студенчества: актуальность и современность // Социология, 2004, № 1. – С. 72–82.
5. *Гащенко Л.А.* Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества... – С. 13–31.
 6. *Русецкий А.В., Гащенко Л.А.* Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия (на примере вузов г. Витебска). – Моногр. для науч. работников по спец. 22.00.06. – социология культуры, духовной жизни. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2002 г. – С. 57–68; Ценностные ориентации студенческой молодежи в условиях социальных трансформаций // Социология, 1999, № 2. – С. 36–41.
 7. *Гащенко Л.А.* Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества... – С. 62; Русецкий А.В., Гащенко Л.А., Капитонова Е.А. Патриотические идеалы современного студенчества: актуальность и современность ... С. 80; «...Не будет гражданин достойный к Отчизне холоден душой: Патриотические идеалы современного студенчества: состояние и динамика (на примере вузов г. Витебска) // Беларуская думка, 2004, № 1. – С. 118.
 8. *Русецкий А.В., Гащенко Л.А.* Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия... – С. 75.
 9. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ. Высшее образование. Цикл социально-гуманитарных дисциплин. Минск, 1999. – 28 с. Приложение № 1.
 10. *Гащенко Л.А.* Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества: Моногр. для науч. работников по спец. 22.00.01. – теория, методология и история социологии / Л.А. Гащенко. – Витебск: Изд-во «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – С. 71–102.
 11. *Русецкий А.В., Гащенко Л.А.* Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия... – С. 202–216; Социализация современного студенчества ВГУ им. П.М. Машерова: состояние и динамика (аналитическая записка по результатам социологических исследований). Часть 2. Сравнительный анализ. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2003. – С. 45–58.
 12. *Русецкий А.В., Гащенко Л.А., Капитонова Е.А.* Патриотические идеалы современного студенчества: актуальность и современность... – С. 77.
 13. *Русецкий А.В., Гащенко Л.А.* Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия... – С. 98.
 14. *Лукашенко А.Г.* Беларусь – государство, которое может постоять за себя // Советская Белоруссия, 4 июля 2004 г.

УДК 316.346.32–053.6

Нравственные ориентации в структуре мировоззрения студенческой молодежи (социологический анализ)

В.И. Каравкин, Е.Э. Кривоносова

Кафедра философии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, под руководством кандидата философских наук, доцента, заведующего кафедрой Э.И. Рудковского, продолжая работу над межвузовской темой: «Место молодежи в социально-политической структуре общества переходного типа и ее роль в динамике трансформационных процессов», уделила внимание изучению нравственных ориентаций в структуре мировоззрения современной студенческой молодежи. Был проведен социологический опрос среди студентов трех высших учебных заведений города. В анкетировании приняло участие 673 молодых человека, среди них: студенты Витебского государственного университета – 502; Витебского филиала Международного института трудовых и социальных отношений – 74; Витебской государственной Академии ветеринарной медицины – 97. При обработке данных анкетирования, для полноты последующего анализа, учитывался пол респондентов. Большой ряд вопросов был аналогичен вопросам анкеты 1999 года, что дало возможность проследить динамику некоторых аспектов мировоззрения студенческой молодежи, сравнить ценностную ориентацию мировоззрения молодежи конца XX в. с ориентацией и идейной позицией юношества начала XXI в.

Масштаб опроса говорит о репрезентативности предпринятого социологического исследования. Возможные ошибки результатов находятся в рамках статистической погрешности.

Понятно, что данный социологический анализ основывается на анкетировании студентов вузов областного центра, и его результаты не следует экстраполировать на всю молодежь. Вместе с тем, несмотря на то, что, скажем, социальное самочувствие студентов периферийного вуза отличается от социального самочувствия студентов столичного Белорусского государственного университета, и те и другие находятся в схожих культурных, а тем более, социально-политических и экономических условиях жизни; другими словами, насколько студенты города Витебска являются *типичными* представителями студенчества, а так же, молодого поколения республики, более того, современного юношества в целом, настолько результаты анализа их мировоззренческой позиции отражают мировоззренческие установки молодежи в целом.

Мировоззрение – многоаспектный феномен духовной жизни. Наше социологическое исследование касается ряда важнейших из них. А именно: во-первых, аспектов смысла и цели жизни молодых людей; во-вторых, религиозности; в-третьих, отношения

к современной внутренней и внешней политики. Четвертый аспект, который подлежит социологическому анализу, собственно, выходит за границы того, что общепринято относить к мировоззрению, но является не менее важным для осмысления особенностей жизнедеятельности молодежи. Речь идет об ее общем расположении духа по отношению к повседневности, о том, что можно обозначить понятием «умонастроение». Последнее во многом опосредуется степенью соответствия «должного» и «сущего», ожидаемого – идеального – и реального. Если в отношении мировоззрения мы вправе говорить об идеальном, «должном», то столкновение с реальностью, «сущим», порождает определенное умонастроение. Оно, по сути своей, совпадает с эмоциональным состоянием, но имеет более четкие рациональные черты.

Этическим параметрам интенций молодежи будет уделяться внимание на протяжении всего исследования, при обращении ко всем аспектам их мировоззренческих установок и предпочтений.

Итак, обратимся к интенциям смысла и цели, к проблемам юношеского смыслообразования и целеполагания.

На прямой вопрос, «В чем Вы видите смысл своей жизни», студентам, принимающим участие в анкетировании, было предложено выбрать до трех вариантов из следующего ряда ответов:

- а) в любви;
- б) в интересной работе;
- в) в профессиональной карьере;
- г) в материальном благополучии;
- д) в уважении окружающих;
- е) в душевном покое;
- ж) в семейном счастье;
- з) в реализации своих способностей;
- и) в служении своему Отечеству;
- к) в известности, славе;
- л) заботе о родителях;
- м) в стремлении к духовному совершенству.

Более 60% респондентов трех высших учебных заведений города отдали предпочтение позиции – «в семейном счастье». Причем его абсолютное доминирование в немалой степени предопределили девушки. Наиболее ярко это прослеживается на ответах студентов ВГУ и ВГАВМ: из 367 респондентов девушек ВГУ – 242; соответственно, из 64 – 47 студенток ВГАВМ.

К 45% приближается вариант ответа: «в материальном благополучии». Более того, у студентов МИТСО, участвующих в опросе, процентное соотношение данной позиции выше процентного соотношения предыдущей: «в материальном благополучии» – 58,10%; «в семейном счастье» – 47,29%.

Следующие по степени предпочтений ответы на вопрос о смысле жизни логически соответствуют двум доминирующим. Около 40% всех респондентов видят его в интересной работе; около 30% – в реализации своих способностей; около 25% – в профессиональной карьере. Заметим, в атмосфере опроса и конкретной процедуре ответов

вряд ли можно было отдавать полный отчет в разнице между реализацией своих способностей и интересной работой, как и профессиональной карьере.

То, что сопутствует семейному счастью, согласно мнениям респондентов, а именно, любовь, забота о родителях и близких людях, в процентном соотношении ответов не уступает тому, что сопутствует материальному благополучию. Около 27% ответов пришлось на вариант «любовь»; практически столько же на варианты «реализация своих способностей» и «профессиональная карьера»; 22,9% – «забота о родителях, близких».

Таким образом, процентное соотношение целого ряда вариантов ответа соответствует определенному молодежью основному смыслу жизни, который выражается в общедоступном понимании семейного счастья, сопряженного с материальным благополучием.

Сказанное полностью соответствует результатам проведенного ранее исследования социального самочувствия юношества, позволившим сделать вывод: «Итак, качественный уровень притязаний студенческой молодежи в общих чертах обретает следующий вид: счастье в семье при высокой деловой активности на профессиональном поприще как специалистов» [1].

Если, как мы это сделали, большой ряд ответов соотнести с двумя доминирующими и считать, что они конкретизируют их, но в принципе от них не отличаются, то на третьей ступеньке по степени ранговых показателей, пусть и с невысоким процентом (18,4%), окажется ответ: «Вижу смысл своей жизни в уважении окружающих».

Семейное счастье – материальное благополучие – уважение окружающих, такая взаимосвязанная цепочка предпочтений интенций смысла жизни имеет свою логику. Дело в том, что контекст вопросов направлял мышление респондентов на практическую, а не духовную сферу жизнедеятельности. Речь не шла об экзистенциальных принципах или философском осмыслении статуса тех или иных установок, предполагающих иные формулировки возможных вариантов ответов.

Поэтому позиции «в стремлении к духовному совершенству» и «в душевном покое» по степени ранговых показателей вполне естественно оказались следующими, «набрав» приблизительно одинаковое, немного ниже 15%, количество приверженцев.

Обращает на себя внимание факт того, что в юные годы такие принципы «рыцарского этикета», как «слава» и «служение своему Отечеству», находятся на нижних ступенях ранговых показателей вариантов ответа: соответственно, 2% и 4,9% от общего итога.

Социальный престиж – известность, слава, «служение» – уступает место в иерархии ценностей тем из них, которые определяют смысл жизни в виде счастья и благополучия.

Рассуждая по данному поводу, заметим, что юношество чутко реагирует на то, что с ее точки зрения явно не достает поколению родителей и пытается в процессе осознания смысла своего существования компенсировать недостающее. Понятие социального престижа, предполагающего и «службу» (в кавычках, так как имеется в виду широкое значение данного термина, а не узкое – служба в рядах вооруженных сил), и известность, и славу, пожалуй, доминировало в кругу большей части представителей

поколения родителей, прошедших через систему советского воспитания и образования. Семейного счастья и материального благополучия, как раз-таки, недоставало. Служение же своему Отечеству как смысл жизни, предполагаем, способно выдвигаться на передний план, а то и доминировать, в периоды критические для существования страны. Следует иметь в виду и общие мировые тенденции развития социально-экономической и политической жизни общества, особенно европейского, в целом, направленные на интеграцию, а не разобщение, и культивирующие принципы индивидуального предпринимательства, деловой активности и личного счастья через огромное многообразие средств массовой информации и эстетико-художественного воздействия.

Таким образом, обнаруженное нами отношение молодежи к социальному престижу не следует признать патологическим и требовать радикальных мер по его изменению. Тем более, как мы уже видели, ответ «в уважении окружающих» по степени ранговых показателей следует за теми ответами, смысловое значение которых заключается в утверждении всего того, что способствует обретению счастья и благополучия.

Подтверждение сказанному мы находим в ответах на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, имеет в жизни особую ценность?»

Первое и второе место по ранговым показателям «разделили» ответы «семейное счастье» и «здоровье»: в процентном соотношении по общим итогам ответов респондентов трех высших учебных заведений, соответственно, 52% и 50% (можно было выбрать до трех вариантов ответа). На аналогичный вопрос в анкете 1999 года процентный показатель ответа «здоровье» был незначительно выше ответа «семейное счастье».

Третье и четвертое место по степени ранговых показателей «досталось» «любимой работе» и «материальному благополучию», что в целом соответствует ответам на предыдущий вопрос.

Позиция «мир в обществе (отсутствие войны)» как особая ценность в анкете 1999 г. по ранжиру была на второй ступеньке, имела значительно больший относительно других ответов процент, чем в анкете 2005 г., где она оказалась пятой.

Обращает на себя внимание, что высокий процент данного варианта ответа в 1999 г. обеспечили девушки. 44, 04% принявших участие в опросе девушек, выбрали его и только 21,68% – юношей. Но, образно говоря, «женская логика» не дала знать о себе в нынешнем году.

Это позволяет сделать вывод о том, что чем дальше по времени от событий Второй мировой войны, тем меньшую ценность в глазах молодежи имеет понятие «мир». Но более радикальные выводы, на наш взгляд, делать не следует, речь должна идти именно о понятии «мир» в сознании молодежи, но не об игнорировании реалий, связанных с войной.

Если подвести предварительный итог ответов на вопрос об особых ценностях в жизни людей, то по степени ранговых показателей можно выделить три позиции, на которые молодежь обращает особое внимание:

1. Семейное счастье и здоровье.
2. Материальное обеспечение и любимая работа.
3. Мир в обществе.

Попытаемся проанализировать, какие факторы в наибольшей степени с точки

зрения молодых людей способствуют увеличению благосостояния – связанные с реалиями рыночной экономики, с государственным регулированием экономической жизни или с активностью самого человека, личности.

Для аналитической работы респондентам были заданы вопросы, каждый из которых требовал выбрать один из трех ответов: «согласен», «не согласен», «не знаю». Ответы представителей ВГУ и ВГАВМ фактически совпали, но ответы студентов-респондентов МИТСО в процентном соотношении значительно отличаются от них. Учитывая это, представим данные в виде таблицы 1, в одних столбцах которой отразим результаты процентного соотношения ответов по трем вузам – «Общий итог», сложившийся вследствие перевеса процентного показателя ответов респондентов ВГУ и ВГАВМ, в других – МИТСО.

Таблица 1

Вопросы		Общий итог			МИТСО		
		Согласен	Не согласен	Не знаю	Согласен	Не согласен	Не знаю
1.	Рынок – условие благополучия общества	44,5%	24,3%	31,2%	61,43%	15,72%	22,8%
2.	Государство должно заботиться о благосостоянии своих граждан	91,5%	4,5%	4,0%	86,9%	11,72%	1,38%
3.	Человек, а не государство, «повинен» в своем благополучии или неблагополучии	47,5%	36,9%	15,6%	63,89%	27,78%	8,33%

Вопросы не были альтернативными, поэтому признаем вполне нормальным согласие подавляющего большинства респондентов с тем, что государство должно заботиться о благосостоянии своих граждан. Но относительно связи рыночной экономики с благосостоянием человека мы столкнулись с большим разбросом мнений, который на наш взгляд, можно объяснить только социальным происхождением, особенностями воспитания респондентов и соответствующими им рациональными установками.

Известно, что студентов из сельской местности в ВГУ и ВГАВМ больше, чем горожан, и, наоборот – в МИТСО. Этим же объясняется и немалая разница в ответах на третий вопрос. Но особый интерес представляет другое обстоятельство. Большинство из тех, кто предполагает необходимость рыночной предпринимательской активности, признают доминирование индивидуального личностного фактора, а не социального,

связанного с государственной экономической политикой, в позитивном решении проблемы, связанной с благосостоянием людей.

Сказанное подтверждается ответом на прямой вопрос: «Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать, работать на государственном предприятии или на частном?»: 72% респондентов ВГУ и ВГАВМ, и 84% респондентов МИТСО, выбрали частное предприятие.

Однако, обратим внимание на то, что «не дотягивая» до пятидесятипроцентной отметки в пункте привлекательности рыночной экономики, студенты ВГУ и ВГАВМ «выдают» более семидесятипроцентное соотношение желающих работать на частном предприятии!

Это позволяет сделать вывод о том, что практические интересы молодежь выдвигает на передний план, что в ее сознании противоречиво сочетаются ценности социальной справедливости и ценности либерализма.

Мы уже отметили соответствие ответов на вопрос о смысле жизни ответам на вопрос о приоритетных ценностях. Дальнейший анализ ответов на последний вопрос показывает, что процентное соотношение позиции «вера в себя» выше – «личной свободы» и «прав личности», значительно превышает – «веру в людей», «полезность людям», «честь и достоинство», «чистая совесть». А процентный показатель ответа «чувство принадлежности к определенной нации» не доходит и до одного.

Остановимся на этом подробнее.

Высокий показатель, более 20%, ответа «вера в себя» мы обнаруживаем как в анкетах респондентов 2005 г., так и 1999 г.

Естественный юношеский максимализм не убывает с течением времени. Впрочем, как и, условно, определенное равнодушие по отношению к Другим. И в 1999 г., и в 2005 г. процент ответа «вера в людей» находится между цифрами «6» и «8».

Процент ответа «полезность людям» – идентичный.

Получается, что молодой человек верит в собственные силы и потенции безотносительно тому, что представляют собой Другие, рядом, плечом к плечу, двигающиеся по жизни, и более того, вовсе не задумываясь о социальной направленности собственных сил, не считая необходимым условием их совершенствования быть полезным.

Стремление к семейному счастью, сопряженное с материальным благополучием, собственно, это и предполагает.

Следует признать: молодежь конца XX – начала XXI вв. стремится к конкретному, осязаемому, чувственному, материальному, а именно, счастью и благополучию, игнорируя идеи и абстракции, признавая одной из них и «полезность людям».

Отмеченная Э. Фроммом тенденция удовлетворения экзистенциальных потребностей человека посредством стремления к тому, чтобы «иметь», а не «быть», бесспорно, здесь имеет место.

Обратим внимание еще на одну тенденцию.

Быть полезным означает находить ценности, смысл, цели своей жизнедеятельности вне собственного внутреннего «Я», согласовывать то, чем каждый человек индивидуально является с теми потребностями, которые у него, возможно, отсутствуют или удовлетворены. Речь идет о заданных установках на определенный стиль поведения.

Задание – быть полезным – исходит извне, является требованием исполнять соответствующие обязательства. Игнорирование обязательств ведет к признанию понятия «полезности» абстракцией. Но абстракции лишены жизненной силы, действенной энергии, в конечном итоге, являются лишним грузом, утрачивают смыслообразующее значение.

Мы уже обращали на это особое внимание в монографии «Молодежная культура (теоретический анализ)», где сложившаяся в отношении к юношеству социокультурная атмосфера характеризовалась как мир утраченных смыслов, где делался вывод: «Молодость в мире утраченных смыслов» [2].

Ответы респондентов, отдаленные по времени более чем пяти годами, подтверждают сделанный вывод. Современный мир, в своей *типичной* феноменологической данности, лишен смыслообразующей конкретности, т.е. смыслов, которые молодежь могла бы признать своими, близкими, ориентирующими, определяющими стиль поведения, побуждающими к определенному образу жизни. Отсюда, фактический отказ от того, чтобы быть полезным людям, игнорирование понятия полезности как абстракции далекой от жизни.

Те же, на наш взгляд, причины привели к низкому процентному соотношению позиций «честь и достоинство» и «чистая совесть». То, что особую ценность имеет первое, признало около 10% респондентов 2005 г. и около 6% 1999 г.; второе, соответственно, – около 5% и около 3%.

Однако не следует считать молодежь безнравственной. Это безнадежно. Низкий аксиологический статус этических понятий, с чем мы столкнулись и в предыдущем вопросе, говорит о пошатнувшихся нравственных ориентирах в обществе в целом, о том, что традиционные нормы и принципы все меньше и меньше выполняют присущие им функции, о том, что уже сказано, – «Молодость в мире утраченных смыслов».

Обратимся к еще одному, вызывающему беспокойство, показателю.

«Чувство принадлежности к определенной нации» в иерархии ценностей устойчиво держится на цифре «1», в процентном соотношении к другим ценностям, доходящим, как мы видели в ответах респондентов, до цифры «50».

Стоит ли драматизировать, анализируя данный показатель?

На наш взгляд, как и в случае отношения к службе Отечеству, национальные чувства имеют тенденцию доминировать в критических ситуациях. В современном мире, особенно в Европе, заметно преобладают космополитические тенденции, что не может не сказаться на сознании современной молодежи. В отношении Беларуси, в дополнение к сказанному, следует учитывать воздействие на нее как реалий истории, так и идей относительно недавнего прошлого, связанных с официальной пропагандой концепции о зарождении новой общности людей – «советского человека».

Быть реалистами в отношении национального самосознания современных молодых людей позволяют ответы на вопрос:

«Что бы Вы предпочли, если бы могли выбрать?»:

1. Опора на национальные традиции и ценности, или 2. Западный образ жизни».

Около 60% респондентов выбрали первое, что, приблизительно соответствует и показателю 1999 года.

Далее. Права личности и личная свобода в иерархии ценностных предпочтений молодых людей значительно опережают все этические позиции, варьируя по разным вузам и в разное время в процентном соотношении от 10% до 15%.

Это является показателем доминирования в сознании молодежи социально-правового аспекта жизни, а не этического.

Задавая вопрос: «Что на Ваш взгляд следует предпринять для улучшения нравственного здоровья в обществе», мы пытались выяснить, в чем сами молодые люди видят основные причины сложившегося нравственного положения дел, которое, во многом, они же определяют.

Приведенная ниже таблица 2, составленная по степени ранговых показателей от итогового процентного соотношения ответов респондентов трех вузов города, даст достаточное представление о точке зрения современных молодых людей.

Предварительно заметим, существенных отличий от ответов респондентов 1999 года нет: ничего не изменилось в данном отношении на протяжении более пяти лет в сознании молодежи; очевидно, и в социальной действительности.

Итак, вот что следует предпринять для улучшения нравственного здоровья в обществе, согласно современным молодым людям (можно было дать до трех вариантов ответов):

Таблица 2

1.	Поднять жизненный уровень людей	76,0%
2.	Укрепить порядок и дисциплину во всех сферах жизни общества	42,5%
3.	Повысить квалификацию тех, кто занимается воспитательной работой	39,3%
4.	Увеличить количество передач на телевидении, радио, посвященных актуальным проблемам нравственного воспитания	33,4%
5.	Больше проводить воспитательных мероприятий по месту учебы и работы	22,0%
6.	Ввести цензуру в СМИ	18,4%
7.	Ничего предпринимать не надо, пусть все идет так, как идет	3,0%

Показатели мнения о том, прибегая к каламбуру, что необходимо делать «вам», чтобы «я» стал лучше, говорят сами за себя.

Признавая логичным выдвижение на передний план положения о необходимости поднять жизненный уровень людей, и отмечая существование практической жилки у студенческой молодежи, здравого смысла, обращает на себя внимание факт большого количества тех, кто требует укрепить порядок и дисциплину, когда речь идет о нравственности. Получается, немалый процент юношества считает, что можно силовыми методами улучшить нравственное здоровье в обществе.

Нельзя признать незначительным и процент тех, кто требует повысить квалификацию специалистов педагогов, причем, как отмечалось, расхождений нет по данным пунктам с показателями опроса 1999 г. Следовательно, за продолжительный срок, равный сменам поколения студенчества, в данном плане ничего не изменилось!

Нет каких-либо существенных изменений, как показывает сравнение показателей опроса 1999 г. с опросом 2005 г., и в ответах на вопрос о том, чему молодые люди намерены посвятить свою жизнь в будущем.

Интенции смысла и цели взаимосвязаны, в чем еще раз можно убедиться на примере проведенного социологического исследования.

Самый высокий процентный показатель пришелся на ответ «совершенствование по профессии, избранной в вузе» (48,6%), незначительно отстает доля тех, кто предпочтении отдал «семье» (39%), третью ранговую позицию занимает ответ «предпринимательской деятельности» (можно было дать до 3-х вариантов ответа).

Может вызвать беспокойство относительно большой удельный вес, который приходится на ответ «нет определенных планов на будущее»: 12,5% – в 2005 г. и 12% – в 1999 г. Однако учитывая возраст респондентов, не следует драматизировать данную ситуацию: у большинства из них, даже при целевой направленности стремлений, многое изменится уже в ближайшем будущем.

Далее. Для выяснения отношения молодых людей к религиозной вере, был задан вопрос, к каким людям они сами себя, скорее всего, относят.

Совокупный по трем вузам города процент ответов «верующие в Бога» оказался равным 67%. Около 19% респондентов выбрали вариант: «исверующие в Бога, но стремящиеся стать к нему ближе». Индифферентными в отношении к религиозной вере признало себя около 10% принявших участие в анкетировании; неверующими – около 5%; критически относящимися к религии (атеистами) – около 2%.

В ответах респондентов наблюдаются расхождения по вузам. Если сравнить ответы студентов ВГАВМ с ответами студентов МИТСО, то бросается в глаза, что более религиозными признают себя первые: ответ «верующие в Бога» составил 72,1% по ВГАВМ, в то время как – 47,29% по МИТСО; атеистом не признал себя ни один респондент ВГАВМ, но – 21,62% респондентов МИТСО.

Скорее всего, как и в случае осмысления необходимости рыночной экономики, на отношение к религии сказалось социальное происхождение юношей и соответствующее ему воспитание.

Если сравнить отношение к религии по гендерному признаку, на основании ответов студентов ВГАВМ можно сделать вывод о том, что количество верующих в Бога девушек приблизительно на 20% опережает количество религиозных юношей.

Мы получили редкую возможность проследить динамику религиозности молодежи, отталкиваясь от их собственного мнения.

Дадим сравнительный анализ ответов респондентов одного вуза, Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, данных в 1999 г. и в 2005 г.

В конце XX в. признала себя верующими в Бога половина молодых людей, принявших участие в анкетировании, в начале XXI в. – 65%. Налицо увеличение количества тех, кто открыто признает себя приверженцем религиозного мировоззрения. В 1999 г. считали себя неверующими в Бога, но стремящимися к нему около 30% респондентов, в 2005 г. – приблизительно 20%. Можно говорить о том, что, условно, пятьдесят процентов «стремящихся к вере» через пять лет достигли желаемого, пришли к осмыслению собственной религиозности.

Придерживаясь данной логики, понимая ее предельно относительный и в большой степени условный характер, можно все-таки прогнозировать, что при сохраняющихся в отношении к религии идейных посылаках существующих в обществе, в самом широком смысле данного понятия, количество молодых людей, признающих себя верующими в Бога, увеличиться еще приблизительно на десять процентов.

Основываясь на данных опроса, мы не в состоянии ответить на вопрос о качестве веры, т.е. насколько сильны у юношей религиозные чувства. Предположим, все же, что далеко не в той степени, которая позволяет говорить о религиозном образе жизни. Скорее, с конца XX века возрастает социальный престиж религиозности и широко распространяется мода на нее, которой молодежь и отдает дань, возможно, не осознавая этого. Но неоспоримым является факт осознания ею самой себя в высокой степени религиозной.

Современная студенческая молодежь, в целом, является веротерпимой, религиозный фанатизм в ее среде отсутствует. Об этом говорят следующие процентные соотношения совокупных по трем вузам ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к иным конфессиям, к которым Вы сами не принадлежите (которые разрешены законом)?».

Оформим для удобства полученные данные в виде таблицы 3.

Таблица 3

1.	Уважительное отношение	46,5%
2.	Безразлично	34,8%
3.	Не принимаю, но общаюсь терпимо	15,9%
4.	Враждебно, с ними необходима решительная борьба	2,8%

Показатель по четвертой строке не должен вводить в заблуждение. Это именно то исключение, которое подтверждает правило. Крайне резкое противостояние любой иной позиции встречается в самых разных социальных кругах; в данном случае оно не является типичным, определяющим сущность социальной группы – студенчества.

Прежде чем перейти к анализу идейно-политических установок и ценностей молодых людей, обратим внимание на иерархию их интересов к различным сферам социальной жизни. Ответы на соответствующий вопрос дали возможность составить следующий последовательный ряд приоритетов их интересов:

1. Наука.
2. Политика.
3. Экология.
4. Экономика.
5. Образование и культура.
6. Спорт.

Выдвижение на передний план предпочтений науки оправдано социальным статусом молодых людей, среди которых проводилось анкетирование. Политика, состояние окружающей среды, экономика, оказалось, вызывают у юношей больший интерес, чем все то, что связано со сферами образования, культуры и спорта.

Примем это как факт, в надежде на изменение приоритетов интересов, считая, что в юные годы, да и не только в юные, нормальными являются обратные предпочтения; исключение могут составлять представители соответствующих профессий.

Обращаясь к политическим воззрениям молодых людей, необходимо отметить, что подавляющее большинство принявших участие в анкетировании студентов убеждено, что имеет собственную позицию по отношению к событиям общественно-политической жизни своей страны. На соответствующий вопрос совсем незначительное количество из них высказалось в пользу предпочтения не иметь своего мнения и 10,5% призналось в том, что оно не сложилось.

Но отстаивать свою позицию в сложившихся социально-политических условиях жизни решаются далеко не все: около 12% респондентов как ВГУ, так и ВГАВМ; но около 20% – МИТСО.

Не настаивая на категоричности, можно сделать вывод о том, что в негосударственных учебных заведениях процент радикально настроенной молодежи выше, чем в государственных.

Удручает другое: высокий процент, фигурально выражаясь, «осторожных», в юные-то годы; тех, кто признался, что, обладая собственной позицией, не просто не борется за нее, а даже ее не высказывает. Другими словами, признался в том, что боится либо собственного мнения, либо осуждения своих товарищей. Общее количество таковых – 37,7% респондентов трех вузов. Обращает на себя внимание, что наиболее «осторожными», «себе на уме» являются студенты ветеринарной академии – 43,2% принявших участие в анкетировании.

Объяснить это можно, опять-таки, только социальным происхождением и воспитанием в условиях определенного образа жизни, детерминирующего ведением коллективного сельского хозяйства, отличающимся степенью индивидуальной открытости, диалогичности и ответственности от городского образа жизни.

Остальные респонденты (37,7% по трем вузам) предпочли ответ: «имею свою точку зрения, высказываю, но не борюсь за нее».

Учитывая это, условно, можно выделить четыре группы студентов, отличающиеся друг от друга политической активностью, вернее сказать, отношением к политической активности. А именно: небольшие группы составляют «индифферентные» и «радикальные», относительно равные по количеству – «умеренные» и «осторожные».

Современные молодые люди, принявшие участие в опросе, убежденные в том, что каждый из них обладает собственным мнением, на вопрос: «Какие из социально-политических ценностей, на Ваш взгляд, имеют наибольшее значение для нынешней Беларуси?», оказались единодушны и на передний план выдвинули права человека, что соответствует точке зрения респондентов 1999 года.

Вместе с понятием «права человека», были предложены на выбор такие политические ценностные категории, как «свобода», «равенство всех перед законом», «гласность», «политическое лидерство», «стабильность общества», «социальная защищенность», «возможность влияния каждого на политику», при этом, можно было выбрать до 3-х вариантов ответа.

Фактически, нет расхождений по вузам и с оценками пятилетней давности в том, что наименьшую политическую ценность имеет политическое лидерство и возмож-

ность влияния каждого на политическую ситуацию в обществе. Другими словами, объективные факторы, обеспечивающие правовой фундамент социальной жизни, представляют в сознании молодых людей высшие политические ценности; субъективные – лидерство, индивидуальное воздействие – относительно более низкие.

Соответственно этому и выстраивается ряд социально-политических предпочтений молодых людей: права личности – стабильность общества – социальная защищенность – равенство всех перед законом – свобода – гласность.

Но в разных анкетах, по вузам и годам, мы получили различные процентные показатели. Так, процентное соотношение ответов «социальная защищенность» в анкете 1999 года выше процентного соотношения ответов «стабильность общества»; соответственно 59,13% и 54,36%. На позиции «свобода» во ВГАВМ пришлось 53,6%, «социальная защищенность» – 42,2%, «стабильность общества» – 44,3%.

Однако принципиальных различий в ответах все же не наблюдается.

Это позволяет утвердиться в выводе о том, что, в целом, студенческая молодежь имеет единые политические ценностные предпочтения, среди которых высшими являются объективные, связанные с законностью и порядком, и лишь после них в качестве ценностей признаются субъективные, предполагающие особую роль политического лидера, либо индивидуальное воздействие на политическую жизнь.

Вместе с тем, убежденные в состоятельности собственного мнения студенты при ответе на ряд вопросов не могут определиться, причем именно тогда, когда речь идет о предельно конкретных феноменах политики.

Так, на вопрос, является ли демократия самой лучшей формой политического устройства, около половины респондентов ответило «да»; другая половина делится на тех, кто не соглашается с этим (21,3%), и тех, кто не может определиться (30,1%). Обратим внимание на большой процент последних.

Относительно тех, кто не согласен с утверждением, что демократия является лучшей формой политического устройства, уместно задать риторический вопрос: какую форму они предпочли бы?! Следует, видимо, учитывать то обстоятельство, что в настоящее время термин «демократ» стал нарицательным, чему не мало поспособствовала неэффективность демократических реформ в ряде стран СНГ, сопровождавшихся падением жизненного уровня людей.

В качестве предварительного вывода следует отметить, что ответы респондентов говорят все же о недостаточной политической зрелости молодых людей.

В отношении конкретных феноменов современной политической жизни, респондентам был задан вопрос, какие, на их взгляд, первоочередные задачи должны быть решены в государстве. На выбор предлагались следующие ответы: укрепление экономической и оборонной мощи республики; обеспечение социальной справедливости; развитие рынка, частной собственности и предпринимательства; восстановление прежних хозяйственных связей в рамках СНГ; создание реального союза с Россией; достижение высокого уровня жизни людей; возрождение белорусского национального самосознания; борьба с бездуховностью, преступностью и т.п.; дальнейшее развитие демократии. (Можно было выбрать до 2-х вариантов ответа).

Общий итог по степени ранговых показателей не оказался неожиданным, соответствует ответам на предыдущие вопросы. Самый высокий процентный показатель

(60,5%) имеет позиция «достижение высокого уровня жизни людей». Ответ «укрепление экономической и оборонной мощи республики», с отставанием почти на половину (34%) оказался «на втором месте»; 30,6% респондентов отдали предпочтение «развитию рынка, частной собственности и предпринимательства». По ранжиру не далеко друг от друга находятся варианты ответов «борьба с бездуховностью, преступностью и т.п.» (21,2%) и «обеспечение социальной справедливости» (18,7%).

Принципиальных расхождений в ответах респондентов разных вузов нет. Исключение составляет процентный показатель ответа «развитие рынка, частной собственности и предпринимательства», достигший среди студентов МИТСО самой высокой планки – 64, 86%. «Достижение высокого уровня жизни людей» и «укрепление экономической и оборонной мощи республики», соответственно, по степени ранговых показателей перешли на вторую и третью позиции, с процентным соотношением – 48,64% и 24,32%.

Причины расхождений, с нашей точки зрения, те же, на которые мы неоднократно указывали: различие в ценностных ориентациях, вызванное социальным происхождением и воспитанием.

Сравнивая полученные результаты с процентным соотношением ответов на тот же вопрос студентов 1999 года, по степени ранговых показателей мы отличий не находим.

Однако анализ процентного показателя двух позиций заставляет задуматься. Задача обеспечения социальной справедливости выделена 37,6% респондентов прошлого и только 17,72% респондентов настоящего. Задача возрождения белорусского национального самосознания являлась первоочередной для 30,9% респондентов ВГУ 1999 г. и остается таковой только для 19,52% студентов ВГУ 2005 г.

Таким образом, задумываясь над тем, какие первоочередные задачи стоят перед государством, гражданами которого являются, современные молодые люди по сравнению с юношеством пятилетней давности еще больше отталкиваются от критерия индивидуального материального благополучия и либеральных ценностей в целом. Именно сквозь призму их значения формулируют они социальные проблемы и первоочередные задачи общества.

Обращаясь к аспекту умонстроения, общего расположения духа современного юношества в повседневной жизни, их эмоционального состояния, выраженного рациональными характеристиками при помощи самоанализа, опрос дает возможность сделать вывод: молодежь в достаточной степени уравновешена и реалистична.

Так, на вопрос: «Какое настроение характерно для Вас в настоящее время?» около 55% респондентов ответили «уравновешенное», почти 30% – «оптимистическое», остальные либо затруднились дать ответ, либо признали свое настроение в данную минуту пессимистическим (около 10%).

Молодежь, как и ожидалось, с учетом характерных особенностей юношеского возраста, предпочитает праздники карнавального типа. Абсолютным лидером является Новый год, за которым, по степени предпочтений, следует День рождения.

Другие праздники: христианские, 8 Марта, День победы имеют приблизительно равное процентное соотношение выпавших на них ответов. Причем, по понятным причинам, если 8 Марта предпочитает большее количество девушек, то День победы –

юношей. Обращает на себя внимание факт возрастающей популярности праздника День Св. Валентина, относительно недавно вошедшего в годовой цикл «красных» дат.

Предпочтение праздников карнавального типа подтверждает, в частности, сделанное выше предположение о *качестве* религиозности современной молодежи: говорить об их религиозном образе жизни нет ни каких оснований.

Признать молодежь уравновешенными реалистами позволяет и высокое процентное соотношение ответов (около 70%) «мы живем в мире «экранной культуры» (телевидение и компьютер вытеснили все остальное))» на вопрос о том, что мешает молодым людям больше времени отводить на чтение художественной литературы, посещение кинотеатров, выставок, театров.

Действительно, ожидать, что имеющее возможность пользоваться электронными мультимедиа и выходом в Интернет поколение современного юношества свое свободное время будет проводить таким же образом, как их интеллектуальные родители, — наивно.

Отдавая отчет в том, какую художественную литературу предпочитают, респонденты выделяют классическую, причем и русскую, и белорусскую, и зарубежную. На наш взгляд, в этом в полной мере сказываются позитивные результаты школьного образования, когда формируется установка предельно серьезного отношения к беллетристике.

Относительно внимания респондентов к тем или иным рубрикам газет, по ранжиру можно выстроить следующий ряд: «криминальная хроника», «научные публикации», «искусство», «политические», «спортивные».

Если проделать сравнительный анализ в отношении ответов респондентов 1999 года, то последовательность позиций ряда несколько изменится: «искусство», «криминальная хроника», «научные публикации», «политические», «спортивные».

Вместе с тем, больших расхождений в процентном соотношении ответов респондентов 1999 г. и 2005 г. нет. Поэтому говорить о кардинальной смене предпочтений не приходится. Нет больших расхождений в процентном соотношении между первым и последним «местом» по ранжиру и в ответах текущего года. Так, «криминальная хроника» — около 50%, а «спортивные» — более 20% (можно было дать до двух вариантов ответа).

Отмеченные особенности мнения респондентов позволяют говорить об устойчивых интересах студенческой молодежи и к научным публикациям, и к искусству, и к криминальной хронике, и к политическим, и к спортивным статьям в газетах, что следует признать вполне нормальным.

Сказанное дает возможность сделать вывод и о разносторонних интересах современной интеллектуальной молодежи.

Подтверждение этому мы находим в ответах о предпочтении тех или иных телевизионных передач. Информационные и развлекательные имеют близкое процентное соотношение ответов, соответственно, около 80% и около 73% (можно было дать до 3-х вариантов ответа). Остальные предложенные на выбор респондентов телепередачи, такие, как «общественно-политические», «нравственно-поучительные», «спортивные», в процентном соотношении имеют приблизительно одинаковое значение — в пределах от 30% до 35%.

Когда речь идет о характеристике расположения духа – умонастроении – следует большое значение придавать понятию «надежда». Каким человеку представляется будущее, таким во многом он является в настоящем. Настроение, эмоциональное состояние складываются отнюдь не только из элементов самочувствия на данный час, и даже ощущения счастья. Феномены сознания, связанные с ожидаемым, предполагаемым, перспективным, грядущим, оказывают свое, зачастую, определяющее воздействие на умонастроение.

На вопрос: «Какие эмоции вызывает у Вас окружающий мир?», мы получили, в целом не отличающееся по вузам, следующее процентное соотношение ответов.

Таблица 4

А)	Надежды на будущее, уверенность	47,4%
Б)	Апатию, неуверенность в завтрашнем дне	24,6%
В)	Затрудняюсь ответить	17,2%
Г)	О будущем предпочитаю не думать	10,8%

Как видно из приведенных в таблице 4 данных, менее половины принявших участие в анкетировании студентов, в отношении будущего осознают себя уверенными, полными надежд, что, признаем, является совершенно нормальным, здоровым для самочувствия молодых людей.

Другую половину респондентов следует признать пессимистически настроенной в отношении дальнейших перспектив своей жизни.

Велик процент в юном возрасте осознающих апатию, неуверенность в завтрашнем дне, предпочитающих не думать о будущем, как и тех, кто затруднился дать ответ на простой вопрос о том, что в отношении к грядущему следует ожидать, оглядываясь вокруг.

Таким образом, не следует представлять безоблачным мир феноменов сознания юношей. Они испытывают состояние неопределенности в отношении своей будущей жизни, что не может не вызывать беспокойства.

К данному аспекту духовной жизни современной молодежи мы не однократно привлекали внимание в целом ряде публикаций, в том числе в монографиях, одна из которых посвящена теоретическому анализу молодежной культуры, другая – социологическому анализу духовных интенций юношества [3,4].

Резюме

Семейное счастье, сопряженное с материальным благополучием, выступает в мировоззрении современных молодых людей как смыслообразующее и целеполагающее начало.

Достижение благополучия, выступающее как цель, городской молодежью в значительно большей степени связывается с рыночной экономикой и деловой личной активностью, чем сельской.

Социальная действительность в сознании молодежи конца XX – начала XXI вв. оценивается достаточно противоречиво. Она в незначительной степени задумывается о том, чтобы быть полезным людям, не в полной мере печется о своем социальном престиже, включающем отношение к известности, славе и службе (в широком значении данного термина) Отечеству, верит, прежде всего, в себя, но в небольшой степени другим.

Правовой аспект социальной жизни в сознании юношества доминирует над этическим до такой степени, что силовыми методами, считают они, можно улучшить нравственное здоровье общества.

Большинство молодых людей считает себя верующими в Бога. При этом значительная часть из них – выходцы из сельской местности. Количество признающих себя религиозными девушек приблизительно на двадцать процентов опережает количество признающих себя религиозными юношей. За последние пять лет можно фиксировать увеличение склонности к религиозной вере приблизительно на пятнадцать процентов и данная тенденция сохраняется. Но говорить о религиозном образе жизни современной молодежи не приходится. К примеру, меньшинство респондентов полагает, что религия дает ответы на те вопросы, которые ставит перед ними жизнь; большинство опрошенных отдаст предпочтение светским, а не религиозным праздникам. Вера молодых – это дань моде, пусть и неосознаваемая. Студенты веротерпимы. Религиозный фанатизм в их среде, в целом, отсутствует.

В отношении к политике студенческая молодежь имеет, в целом, единую ценностную ориентацию, которая выражается в признании высшими объективные, а не субъективные феномены: права человека, но не политическое лидерство.

По сравнению с юношеством 1999 г., современная молодежь еще в большей степени сквозь призму индивидуального материального благополучия даст оценку политическим событиям, считая первоочередными задачами государства достижение высокого уровня жизни людей, укрепление экономической мощи, развитие рынка, частной собственности и предпринимательства.

Анализ политической активности молодежи позволил выделить по степени интенсивности личного участия четыре группы: «индифферентные», «радикальные», «умеренные» и «осторожные». Первые две небольшие, последние приблизительно равны по количеству.

В целом, все же, можно фиксировать недостаточную политическую активность современного юношества.

У молодежи нормальные устойчивые интересы к самым разным явлениям социальной жизни, о чем можно судить по разнообразию рубрик газет, которые они читают, телепередач, которые смотрят. В отношении к художественной литературе сказывается позитивное воздействие школьного образования в серьезном отношении и предпочтении классики. Нормальным для юношеского возраста следует признать и любовь к праздникам карнавального типа – Новому году и Дню рождения. Как к факту, не считая его удовлетворительным, необходимо относиться и к тому, что в иерархии интересов современных молодых людей после науки (что объясняется социальным статусом принявших участие в анкетировании) следуют политика, экология и экономика, а затем уже все то, что связано с культурой, образованием и спортом.

Следует фиксировать уравновешенное расположение духа – умонастроение – молодежи. Она реалистична по отношению к средствам, предоставляемым современной цивилизацией. Справедливо считает, что живет в новом мире «экранной культуры».

Однако феномены сознания современной молодежи вызывают повышенное беспокойство в плане неопределенности и смятения в отношении определения ими своей будущей жизни – ожидаемого – Надежды.

Л и т е р а т у р а

1. **Каравкин В.И.** Духовные интенции современной молодежи (социологический анализ): Монография / **В.И. Каравкин.** – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. – 83 с.
2. **Каравкин В.И.** Молодежная культура (теоретический анализ) / **В.И. Каравкин.** – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2002. – С. 151–156.
3. **Каравкин В.И.** Духовные интенции современной молодежи (социологический анализ): Монография / **В.И. Каравкин.** – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. – С. 6–24.
4. **Каравкин В.И.** Молодежная культура (теоретический анализ) / **В.И. Каравкин.** – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2002. – 168 с.

УДК 947(476.6)

Витебская губерния: этноконфессиональная структура населения, развитие здравоохранения и медицинского обслуживания, система образования (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Е.Д. Тогулева, Н.С. Моторова

1. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

1.1. Этнический состав населения. Впервые характеристика этнического состава населения Витебской губернии на официальном уровне была дана по результатам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. До этого основное внимание при сборе статистического материала обращалось на конфессиональную принадлежность населения. Но необходимо отметить, что в ходе переписи национальный состав населения определялся на основании ответов опрашиваемых лиц на вопрос: «Какой язык они считают для себя родным?» Таким образом, в качестве основного этноопределяющего критерия использовался только языковой признак. Другие критерии попросту не учитывались, что не давало полной и объективной характеристики этнического состава населения Витебской губернии. Современный белорусский исследователь Е. Насытко в одной из своих статей справедливо заметил, что «языковой принцип регистрации этнического момента не всегда совпадал с этническим самоназванием и приводил к снижению фактического количества этноса и сужению его границ» [1]. Кроме того, в ходе переписи 1897 г. возникла довольно сложная проблема методологического плана: что же такое белорусская народность и существует ли она вообще? Дело в том, что в конце XIX – начале XX вв. общепринятой являлась следующая точка зрения: белорусы наряду с великорусами (русскими) и малорусами (украинцами) представляют не самостоятельный этнос, а всего лишь ветвь русского народа. Белорусский язык на тот период времени находился в стадии формирования, а потому в принципе не мог служить единственным этноопределяющим признаком. Здесь будет уместно привести в качестве подтверждения данного тезиса мнение Н.Я. Никифоровского: «...Поразительным является неустойчивость начертания одних и тех же речений местного говора...» [2]. Кроме того, во второй половине XIX в. зачастую ставился знак равенства между понятиями религия и национальность, а в результате, как справедливо замечает А. Цвикевич, белорусов-католиков зачастую относили к полякам, исходя исходя исключительно из их конфессиональной принадлежности [3].

По данным Переписи 1897 г. в Витебской губернии основным по численности, исходя из национальной принадлежности, являлось белорусское население, которое составляло 788599 человек из 1489246 (52,95%). В разрезе уездов губернии белорусы распределялись следующим образом: Лепельский – 128530 (82,02%), Полоцкий – 103646 (73,07%), Городокский – 93662 (83,61%), Невельский – 92756 (84,20%), Витебский – 90708 (51,12%), Велижский – 85796 (85,73%), Дриссенский – 83718 (86,23%), Себежский – 43335 (47,07%), Двинский – 32714 (13,81%), Люцинский – 26309 (20,53%), Режицкий – 7425 (5,44%). Среди 215919 жителей уездных городов белорусское население составляло 28736 человек, что составляло 13,31%. В Витебске проживало 7946 белорусов (12,06% от всей численности жителей города), в Велиже – 5809 (47,64%), в Невеле – 2411 (25,79%), в Полоцке – 3122 (15,38%), в Лепеле – 1918 (30,52%), в Двинске – 1525 (2,19%), в Сураже – 1406 (51,48%), в Городке – 1297 (25,82%), в Люцине – 1151 (22,39%), в Себеже – 988 (22,84%), в Дриссе – 974 (22,98%), в Режице – 100 (0,93%) [4].

Второй по численности этнической группой на территории Витебской губернии были латыши. Согласно переписи, лиц латышской национальности насчитывалось 264062 (17,73%), из них в уездных городах проживало всего 3286 человек, что составляло 1,5% от общего числа горожан. Более всего латышей насчитывалось в следующих уездах: Двинском – 92527 (69,04%), Люцинском – 82305 (64,22%), Режицком – 78960 (57,87%), Витебском – 3962 (2,23%), Велижском – 2537 (2,53%). В остальных уездах представителей латышской народности проживало менее тысячи [4].

На территории Витебской губернии, согласно Переписи, проживало больше всего великорусов по сравнению с другими губерниями Северо-Западного края. К великорусской народности себя относил 198 001 человек, что составляло около 13,29% всего населения. По уездам Витебской губернии великорусы распределялись следующим образом: Себежский – 43347 (47,09%), Двинский – 36186 (15,27%), Витебский – 35707 (20,12%), Режицкий – 32622 (23,91%), Полоцкий – 15763 (11,11%), Городокский – 11944 (10,66%), Люцинский – 9159 (7,15%), Невельский – 7835 (7,10%), Лепельский – 2616 (1,67%), Дриссенский – 1517 (1,56%), Велижский – 1251 (1,25%). По уездным городам представители великорусской народности распределялись следующим образом: в Двинске – 19153 (27,49%), Витебске – 19024 (28,88%), Полоцке – 3523 (17,36%), Режице – 2444 (12,63%), Невеле – 1009 (10,79%), Люцине – 678 (13,19%), Себеже – 618 (14,28%), Лепеле – 521 (8,29%), Велиже – 283 (2,32%), Городке – 249 (4,96%), Дриссе – 228 (5,38%), Сураже – 57 (2,09%). В структуре городского населения насчитывалось 47787 представителей великорусской народности, что составляло 22,13% [4].

Многочисленную этническую группу в структуре губернского населения составляли евреи. Их насчитывалось 174240 человек, что составляло около 11,70% от всего числа жителей. По уездам еврейское население распределялось следующим образом: Двинский – 47486 (20,03%), Витебский – 39531 (22,80%), Лепельский – 18108 (11,55%), Полоцкий – 17140 (12,08%), Режицкий – 10114 (7,41%), Велижский – 9809 (9,80%), Дриссенский – 8829 (9,09%), Невельский – 8223 (7,49%), Люцинский – 6251 (14,88%), Городокский – 5247 (4,68%), Себежский – 3502 (3,80%). Основная масса еврейского населения (112480 человек) была сконцентрирована в уездных городах, поскольку главными видами их занятий являлись ремесло, торговля, кустарные промыслы.

В целом, евреи в общей структуре городского населения составляли 52,09%. По уездным городам еврейское население распределялось следующим образом: Витебск – 33455 (50,79%), Двинск – 32064 (46,02%), Полоцк – 12450 (61,35%), Режица – 6442 (59,67%), Велиж – 5984 (44,15%), Невель – 5831 (62,37%), Городок – 3411 (67,90%), Лепель – 3379 (53,77%), Дрисса – 2852 (67,29%), Люцин – 2801 (54,49%), Себеж – 2564 (59,27%), Сураж – 1247 (45,66%) [4].

Относительно значительными по численности этническими группами в структуре населения Витебской губернии являлись поляки (50377 человек или 3,38% населения) и немцы (7361 человек или 0,49%). Наиболее крупные группы лиц, которые считали себя поляками, проживали в следующих уездах: Двинский – 21662 (9,14%), Режицкий – 6522 (4,78%), Лепельский – 6225 (3,97%), Витебский – 5650 (3,18%), Полоцкий – 2808 (1,98%), Люцинский – 2788 (2,17%), Дриссенский – 2285 (2,35%), Себежский – 1375 (1,49%). Среди городского населения поляков насчитывалось 17633 человек (8,17%). Более всего представителей польской нации проживало в г. Двинске – 11420 (16,39%) и г. Витебске – 3303 (5,01%). Что касается представителей немецкой нации, то самые крупные группы проживали в Двинском (4242 или 1,79%) и Витебском (1214 или 0,68%) уездах. Среди городского населения немцы составляли 2,03% (4391 человек) [4].

Таким образом, в этническом плане Витебская губерния в конце XIX в. отличалась большой пестротой и неравномерностью распределения отдельных национальных групп по уездам. Это был своеобразный переходный регион между губерниями с преимущественно великорусским и белорусским населением (центральные губернии России и значительная часть Северо-Западного края) и западными губерниями, среди населения которых доминировали латыши, поляки, частично малороссы и немцы.

1.2. Конфессиональные группы в составе населения Витебской губернии. Во второй половине XIX – начале XX вв. конфессиональный состав населения Витебской губернии отличался значительным разнообразием, что подтверждается различными источниками.

В 1865 г. из 776739 жителей региона православными себя считали 442627 человек (56,98% населения), католиками – 206381 (26,57%), иудеями – 70520 (9,08%), раскольниками – 44864 (5,77%), протестантами – 12343 (1,59%). В структуре городского населения (101172 человека) ведущей конфессиональной группой являлись лица, которые исповедовали иудаизм, – 48946 человек (48,38%), православные составляли 34595 (34,19%), католики – 12076 (11,94%), раскольники – 4123 (4,07%), протестанты – 1428 (1,41%). По сравнению с городами конфессиональная структура сельского населения губернии имела существенные отличия. Из 675567 человек, проживавших в сельской местности, православных было 408032 (60,40%), католиков – 194305 (28,76%), раскольников – 40741 (6,03%), иудеев – 21574 (3,19%), протестантов – 10915 (1,61%) [5].

В последующие десятилетия в структуре населения по-прежнему доминировало православное население. Наблюдалось даже некоторое его численное увеличение, хотя в процентном отношении количество православных несколько уменьшилось. По данным на 1883 г. из 1201224 жителей губернии православия придерживался 659151 человек или 54,87%. Католиков насчитывалось 301236 человек (25,08%). Значительную

конфессиональную группу составляли последователи иудаизма, которых насчитывалось 144005 человек (11,99%). Также произошло увеличение числа староверов-раскольников и протестантов – 69732 (5,80%) и 27059 (2,25%) соответственно. В структуре городского населения по-прежнему доминировали лица, которые придерживались иудейской религиозной традиции (93026 человек или 46,28%), затем шли православные (73129 или 36,38%), католики (21343 или 10,62%), староверы-раскольники (6167 или 3,07%), протестанты (5351 или 2,66%). В сельской местности сложилась несколько иная картина. По-прежнему доминировало православное население в целом (584058 или 58,39%), последователи католицизма составляли 279893 человека, или 27,98%, раскольники – 63565, или 6,35%, иудеи – 50979, или 5,10%, протестанты – 21708, или 2,17% [6].

Таким образом, начиная с 60-х гг. XIX в., происходит численный рост представителей всех религиозных конфессий на территории Витебской губернии, хотя в процентном отношении изменения были незначительными. В целом же в губернии большинство составляло православное население. Значительной группой являлись и католики (примерно четверть населения). В то же время в городах до 50% от всего количества жителей составляли лица, исповедовавшие иудаизм.

Материалы переписи 1897 г. подтвердили действия тенденций, обозначившихся в 60–80-х гг. XIX в. В конце XIX в. в Витебской губернии по-прежнему доминировало православное население. Из общего числа жителей, которое составляло 1489246 человек, православных было 825601 (55%) [4].

В разрезе уездов губернии православное население было распределено следующим образом: Лепельский – 123328 из 156706 (78,7%); Витебский – 116876 из 177432 (65,87%); Городокский – 104881 из 112033 (93,62%); Полоцкий – 102201 из 141841 (72,05%); Невельский – 95593 из 110394 (86,59%); Велижский – 86688 из 100079 (86,62%); Себежский – 83161 из 92055 (90,34%); Дриссенский – 60588 из 97083 (62,41%); Люцинский – 25177 из 128155 (19,65%); Двинский – 22571 из 237023 (9,52%); Режицкий – 4647 из 136445 (3,41%) [4].

Своеобразным являлось присутствие православного населения непосредственно среди городских жителей. В Витебске, население, которого составляло 65 871 человек, православных было 23883 (36, 24%); в Двинске – 16148 из 69675 (23,18%); в Велиже – 5969 из 12193 (48,95%); в Полоцк – 5590 из 20294 (27,54%); в Невеле – 3233 из 9349 (34,58%); в Лепеле – 2315 из 6284 (36,84%); в Себеже – 1554 из 4326 (35,92%); в Городке – 1510 из 5023 (30,06%); в Сураже – 1459 из 2731 (53,42%); в Дриссе – 889 из 4238 (20,98%); в Режице – 678 из 10795 (6,28%); в Люцине – 657 из 5140 (12,78%). В целом, из 215919 жителей уездных городов Витебской губернии православия придерживалось 63885 чел., что составляло всего лишь 29,59% [4].

В структуре православного населения Витебской губернии отдельную, полностью автономную и довольно многочисленную конфессиональную группу представляли раскольники (12 апреля 1837 г. был издан специальный указ о замене понятия «старовер» на термин «раскольник» в официальных документах [7]). Они проживали на территории всех уездов губернии. Наибольшая же плотность старообрядческого насе-

ления была зафиксирована в Режицком уезде – 31561 чел., что составляло 23,13% от всего количество жителей; в Двинском – 25956 чел., (почти 11%); в Витебском – 6622 чел. (3,73%). Всего же последователей «старой веры» в губернии насчитывалось 83022 человека или 5,57% от общей численности населения. Следует отметить, что раскольники проживали в основном в сельской местности. В структуре же городского населения было зафиксировано всего 7323 лиц (3,39%), которые придерживались старообрядчества. Среди уездных городов меньше всего раскольников проживало в Дриссе (5 человек), среди уездов – в Велижском (191 чел) [4].

Второй по численности, после православной, религиозной конфессией в Витебской губернии являлась католическая. Она насчитывала 357309 представителей, или чуть более 23%. Для сравнения: в Могилевской губернии католиков насчитывалось менее 3% [4]. По уездам Витебской губернии католическое население распределялось следующим образом: Двинский – 117399 чел. (49,53%); Режицкий – 87384 чел. (64,04%); Люцинский – 81302 чел. (63,44%); Дриссенский – 26737 чел. (27,54%); Полоцкий – 14861 чел. (10,48%); Лепельский – 13703 чел. (8,74%); Витебский – 9919 чел. (5,59%); Себежский – 2881 чел. (3,13%); Велижский – 1639 чел. (1,64%); Невельский – 839 чел. (0,76%); Городокский – 645 чел. (0,57%). В структуре же городского населения губернии были представлены 24504 лица, которые принадлежали к католической конфессии, что составляло 11,34% от всей его численности. Среди уездных городов наибольшее количество католиков проживало в Двинске (13347 человек) и Витебске (4640 человек), а наименьшее – в Городке (40 человек), Нсвелс (117 человек) и Себеже (174 человека) [4].

Третьей по численности, исходя из конфессиональной принадлежности, группой населения Витебской губернии были лица еврейской национальности, которые придерживались иудаизма. Всего их насчитывалось 175629 человек, или более 11% от всего населения губернии. Причем евреи-иудеи в основном проживали в городах, поскольку основными видами их занятий являлись торговля, ремесленная деятельность и кустарные промыслы. По уездам Витебской губернии иудейское население было распределено следующим образом: Двинский – 47817 (20,17% от всей численности), Витебский – 40503 (22,83%), Лепельский – 18110 (11,56%), Полоцкий – 17178 (12,11%), Режицкий – 10152 (7,44%), Велижский – 9814 (9,81%), Дриссенский – 8843 (9,11%), Нсвельский – 8210 (7,44%), Люцинский – 6255 (4,88%), Городокский – 5245 (4,68%), Себежский – 3502 (3,8%). В структуре же городского населения губернии иудеи составляли 53,72% от общего числа городских жителей. Так, в Витебске проживало 34431 иудей (52,27%); в Двинске – 32385 (46,48%); в Полоцке – 12481 (61,5%); в Режице – 6478 (60%); в Велиже – 5889 (48,1%); в Невеле – 5815 (62,2%); в Городке – 3413 (67,95%); в Лепеле – 3379 (53,77%); в Дриссе – 2856 (67,39%); в Люцине – 2803 (54,53%); в Себеже – 2561 (76,99%), Сураже – 1246 (45,62%) [4].

Хотя во второй половине XIX – начале XX вв. острых разногласий по конфессиональным вопросам уже не было (имеются в виду взаимоотношения между иудеями и христианами), но определенные трудности еще сохранялись. Тем более, что местные

власти придерживались мнения, что еврейство – это «государство в государстве», вредное и порой опасное явление как для России, так и для всего христианского мира [7].

Относительно значительной по численности конфессиональной группой населения на территории Витебской губернии являлись и протестанты, в первую очередь лютеране. Их насчитывалось 46654 человек, что составляло примерно 3% всего населения. По уездам протестантское население распределялось следующим образом: Двинский – 22542 (9,51%), Люцинский – 12253 (9,56%), Витебский – 3401 (1,96%), Режицкий – 2685 (1,97%), Велижский – 1631 (1,63%), Полоцкий – 1623 (1,14%). На территории же остальных уездов лютеран проживало менее тысячи человек. Что касается городов, то наибольшее количество жителей, исповедовавших протестантизм в форме лютеранства, насчитывалось в Двинске (3666 человек), а наименьшее – в Городке (8 человек) [4].

При анализе конфессионального состава населения Витебской губернии необходимо учитывать и этнический аспект. На основании данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. можно сделать следующие выводы об этноконфессиональной структуре населения региона. Представители великорусской народности по своим религиозным убеждениям являлись, в основном, православными (65,51%) или раскольниками (31,57%). Абсолютное большинство белорусского населения придерживались также православия (86,88%), приверженцев католицизма было гораздо меньше (10,52%). Практически все поляки являлись католиками (99,48%). Латыши исповедовали преимущественно католицизм (82,04%), хотя среди них значительный процент составляли и протестанты (14,55). Немецкое население придерживалось в основном протестантизма в форме лютеранства (90,52%). Практически все евреи исповедовали религию своих предков – иудаизм (99,52%) [4].

Определенные изменения в конфессиональном составе населения Витебской губернии произошли после того, как 17 апреля 1905 г. был принят закон о веротерпимости. Данный закон никоим образом не ограничивал права православной церкви, за которой сохранялось ее господствующее положение, хотя теперь отпадение от православия не вызывало гонений и было разрешено. В Витебской губернии это спровоцировало некоторое число переходов из православия в католицизм, а среди латышей – в лютеранство. Так, за 1905–1908 гг. в католицизм перешло около 4 тысяч православных, а 230 человек приняло лютеранство. Кроме того, данный указ обеспечивал свободу вероисповедания староверам, предоставлял им определенные права и свободы. Лишь положение протестантской конфессии осталось практически без изменений. Тем не менее, указ о веротерпимости не урегулировал окончательно достаточно сложные отношения между представителями различных конфессий на территории Северо-Западного края. Переходы населения из православия в другие конфессии, главным образом в католическую, обострили взаимоотношения между православным и католическим духовенством, что, в свою очередь, провоцировало всплески религиозной нетерпимости среди верующих [7].

Таким образом, в начале XX в. Витебская губерния по конфессиональному составу населения являлась переходным регионом между губерниями с преимущественно православным населением (центральные великорусские губернии, а также восточная

часть Северо-Западного края) и западными губерниями, жители которых исповедовали преимущественно католицизм или протестантизм.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ

2.1. Формирование сети медицинских учреждений в 60-х гг. XIX – начале XX вв.

Коренные преобразования в организации здравоохранения и медицинского обслуживания населения стали проводиться с 1864 г., когда был издан закон о земском самоуправлении. Согласно этому закону, в губерниях, на местах учреждалась сеть специальных учреждений, функцией которых было решение широкого круга социальных вопросов: строительство и содержание местных дорог, школ, больниц, домов-интернатов (богаделен), организации продовольственной помощи населению в неурожайные годы, агрономической помощи, сбор статистических данных. Распорядительными органами этих созданных учреждений были губернские и уездные земские собрания, а исполнительными – уездные и губернские земские управы. Земства сыграли большую положительную роль в улучшении медицинского обслуживания населения, главным образом, в сельской местности. На аналогичных основаниях была проведена и реформа городского самоуправления. В ведение городских дум и управ перешли вопросы городского благоустройства, а также организация школьного образования и медицинского обслуживания в городской черте.

Однако такое реформирование системы местного самоуправления было проведено не на всей территории Российской империи. В частности, исключением являлись губернии Северо-Западного края. Вследствие их внутрисполитической нестабильности по причине восстания 1863–1864 гг., реформа городского самоуправления на их территории, включая и территорию Витебской губернии, стала осуществляться только в 1875 г., а земства вообще были созданы только в 1911 г. Поэтому, по сравнению с другими губерниями европейской части Российской империи, уровень медицинского обслуживания населения в Витебской губернии был невысоким: не хватало врачей, больниц, фельдшерских пунктов и т.п.

Процесс создания единой сети медицинских учреждений в Витебской губернии, как и в других губерниях Российской империи начался с передачи в середине XIX в. в ведение Приказа общественного призрения больничных учреждений следующего типа: гражданских, в которых помещались воинские младшие чины за счет комиссариатских средств; военновременные, в которые могли госпитализироваться в отдельных случаях гражданские лица; больницы с койками для военных чинов и отделениями для гражданских лиц. В начале 70-х гг. военное ведомство выстроило несколько госпиталей и теперь не нуждалось в небольших стационарах, разбросанных по уездным городам. В результате больницы Приказа общественного призрения были либо закрыты, либо присоединены к больницам гражданского ведомства [8].

Чтобы должным образом оценить масштабы деятельности Приказа общественного призрения, необходимо обратить внимание на количество подведомственных ему

медицинских учреждений и число больных, лечившихся в них. Так, в 1863 г. в Витебской губернии насчитывалось 12 больниц (в каждом из уездных городов) на 509 мест. В данных медицинских учреждениях в течение 1863 г. прошли лечение 3161 человек [5].

В «Обзоре Витебской губернии за 1896 год» отмечалось, что на территории региона работало 10 городских больниц ведомства Приказа общественного призрения (в Витебске, Двинске, Полоцке, Люцине, Режице, Дриссе, Лепеле, Себеже, Невеле, Велиже), а также ряд учреждений, состоящих в ведомстве Губернского Медицинского управления: 10 больниц при тюрьмах (в Витебске, Городке, Двинске, Дриссе, Лепеле, Люцине, Полоцке, Струпе, Режице и Себеже), 2 еврейские больницы, частная глазная лечебница доктора Нолишевского в Двинске, 22 сельские лечебницы, 44 приемных покоя и 24 фельдшерских пункта. Также при каждом учебном заведении существовали «особые больницы с врачами и необходимыми приспособлениями» [9].

В «Обзоре Витебской губернии за 1896 год» также есть описание зданий, в которых помещались медицинские учреждения. «Из состоящих в ведомстве Приказа общественного призрения 10 городских больниц Витебская больница с отделением для умалишенных при ней и отчасти Себежская больница помещаются в собственных зданиях, Двинская и Режицкая больницы – в домах, построенных и предоставленных местными городскими общественными управлениями: первым – в собственности Приказа, а вторым – без всяких условий, с ремонтом за счет города; затем, Дриссенская, Лепельская и Люцинская – в домах, отведенных городами; Велижская, Невельская, Полоцкая и отчасти Себежская. Последняя вследствие тесноты собственного здания располагается в частных домах; наем помещений под больницы производится надлежащими советами последних на средства, отпускаемые в их распоряжение частью городами (Полоцком и Невелем), частью Приказом» [9].

Создавая и расширяя сеть медицинских учреждений, органы управления главное внимание уделяли организации элементарной медицинской помощи на селе. Так, Главный комитет об устройстве сельского состояния и департамент государственной экономики разработал проект организации медицинской помощи в неземских губерниях, который 9 декабря 1868 г. был принят в виде «Мнения Государственного Совета... об устройстве врачебной части в селениях тех губерний, в коих не введено «Положение о земских учреждениях». Эти «Мнения...» были утверждены 24 декабря 1868 г. 1 мая 1869 г. Министерство внутренних дел утвердило «Инструкцию о порядке исполнения обязанностей сельскими врачами, ветеринарами и прочими служащими по сельской врачебной части». Благодаря закону от 24 апреля 1887 г. о реорганизации сельской врачебной части значительно расширилась медицинская помощь на селе [8].

Дальнейшие изменения в системе медицинского обслуживания и здравоохранения были связаны с принятием положения от 2 апреля 1903 г., по которому в трех белорусских губерниях (Витебской, Минской и Могилевской) были созданы управления по делам земского хозяйства, которым были переданы медицинские учреждения Приказа общественного призрения и сельской медицинской части, управления главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, а также было введено бесплатное медицинское обслуживание жителей этих губерний. Губернские и уездные управы

по делам земского хозяйства обязаны были расширять сеть медицинских учреждений, строить новые и ремонтировать действовавшие больницы, организовывать их работу и решать ряд других вопросов. Но в результате данных преобразований для городского населения остались лишь единичные медицинские учреждения. В то же время земства не обслуживали городское население, требовали от городских управ плату за больных, лечившихся в земских больницах, закрывали медицинские учреждения, в которых получали помощь преимущественно городские жители (отделения для заразных больных, амбулатории при губернских больницах и пр.). Чтобы найти выход из создавшегося положения в Витебске в 1908 г. городская дума начала субсидировать амбулатории при губернской земской и еврейской больницах, чтобы они оказывали бесплатную медицинскую помощь всем городским жителям. С 1908 г. за счет средств городского бюджета были организованы дежурства врачей, стала оказываться медицинская помощь бедным больным на дому. В 1911 г. открылась больница для заразных больных на 30 кроватей. Также в городе действовала одна самостоятельная амбулатория Общества пособия бедным. Стационарная медицинская помощь жителям города оказывалась губернской и еврейской больницами за плату [8].

Проведение столь многочисленных преобразований дало определенный эффект. Так, согласно отчету «О положении медицинского дела в Витебской губернии за 1906 год», в это время в губернии уже функционировала разветвленная сеть медицинских учреждений. Она включала 10 стационарных лечебных заведений: Губернскую земскую больницу – в Витебске, 9 городских больниц – в следующих уездных городах: Велиж, Двинск, Дрисса, Лепель, Люцин, Невель, Полоцк, Режица и Себеж. Причем 7 из них имели так называемые «пригородные участки», другими словами, свои отделения в сельской местности. В губернии так же функционировали: 22 сельские лечебницы (по 2 – в каждом из уездов); 28 фельдшерских пунктов (по 1 – в Витебском и Себежском уездах; по 2 – в Велижском, Городокском, Дриссенском, Полоцком; по 3 – в Люцинском и Невельском; по 4 – в Двинском, Лепельском и Режицком), 29 участковые лечебницы (по 2 – в Витебском, Городокском, Двинском и Режицком уездах; по 3 – в Велижском, Дриссенском, Лепельском, Люцинском, Невельском, Полоцком и Себежском), 41 «приемный покой» (7 – в Лепельском уезде; по 4 – в Витебском, Велижском, Городокском, Двинском; по 3 – в Дриссенском, Люцинском, Невельском, Полоцком, Режицком и Себежском) [10].

После вступления в силу «Положения о земских учреждениях в западных губерниях» от 14 марта 1911 г. развитие системы медицинского обслуживания населения по сравнению с «полужемским» периодом несколько ускорилось. Увеличился объем денежных средств, отпускаемых земствами на строительство новых медицинских учреждений, выросло количество медицинского персонала, чаще стали ставиться вопросы о коренной реорганизации всей системы здравоохранения. В результате заметно расширилась сеть медучреждений, увеличился объем и изменилось содержание их деятельности, была перестроена организация участковых, уездных и губернских больниц, выросло число врачебных участков. Благодаря увеличению числа врачебных участков их

средняя площадь и радиус действия сократились: в Витебской губернии с 1760 (1903 г.) до 678 квадратных верст (1913 г.) и с 17,0 до 14,7 верст соответственно [8].

Расширение сети медицинских учреждений на территории Витебской губернии сопровождалось увеличением расходов на эту сферу социального обслуживания. Так, в 1891 г. на содержание всех городских больниц было начислено 67187 рублей 6 копеек, а действительно израсходовано 68344 руб. 36 коп. [11], в 1896 г. – 72353 руб. и 65504 руб. 70 коп. соответственно [9]. В 1906 г. расходы на медицинское обслуживание населения губернии составили 221183 руб. 34 коп. Средний расход денежных средств по медицинскому обслуживанию одного человека в губернии составлял 15 руб. 24 коп. В то же время средние расходы на содержание одного стационарного больного в год составляли 38 руб. 38 коп [11].

Для того чтобы в должной мере оценить размеры выделяемых денежных сумм, можно привести в качестве примера такие данные: среднегодовая зарплата рабочего по состоянию на 1.01.1914 составляла менее 200 рублей, а наемного сельскохозяйственного рабочего в период сезонных работ за день достигала до 1 рубля. Цены на основные продукты питания были относительно низкими: пуд картофеля – 32 копейки; пуд ржи – 1 рубль 14 копеек; пуд пшеницы – 1 рубль 34 копейки; пуд ячменя – 90 копеек; пуд свинины – 6 руб. 73 коп.; пуд говядины – 5 руб. 24 коп. (1 пуд составлял 16 килограмм) [12].

Таким образом, на территории губернии была создана и постоянно функционировала довольно широкая сеть различных медицинских учреждений, на содержание которых отпускались значительные денежные средства. Большинство населения имело возможность получить квалифицированную медицинскую помощь, причем бесплатно. К 1914 г. вследствие учреждения органов земского управления на территории Витебской губернии значительно повысились уровень и качество бесплатного медицинского обслуживания сельского населения. В частности, «...были образованы врачебные участки, состоящие в ведении сельских врачей; в каждом участке находилось лечебное заведение – больница или приемный покой» [12].

2.2. Деятельность медицинских учреждений. Согласно источникам некоторые медицинские учреждения, состоявшие в ведомстве Приказа общественного призрения на территории Витебской губернии, в начале 60-х гг. XIX в. находились в тяжелом состоянии. В качестве примера можно привести описание Витебской больницы: «Ее палаты были мало освещены солнцем, не вентилировались; при больнице не было приемного покоя для приходящих больных, камеры для глазных болезней, особой палаты для прилипчивых и заразных больных, ванны в самом здании больницы, дежурного покоя для фельдшеров и помещения для них, палаты операционной и секционной» [8].

Необходимо отметить, что лечение в больницах Приказа общественного призрения было платным, а за казенный счет содержались только военные чины, арестанты и больные сифилисом, в редких случаях – лица, предоставившие документы о своей исключительной бедности. Сами больницы управлялись советами под руководством уездных предводителей дворянства. Медицинская помощь в больницах оказывалась городскими врачами, а там, где их не было, – уездными врачами и фельдшерами. В губернской больнице работали штатные врачи. В штатах больниц уездных центров нахо-

дилься смотритель и 1 или 2 фельдшера. Городовой или уездный врач время от времени осматривал больных (хотя полагалось этим заниматься ежедневно) и делал назначения. В больницах Приказа эпизодически оказывалась и амбулаторная помощь [8].

После того, как 9 декабря 1868 г. был принят документ «Мнения Государственного Совета... об устройстве врачебной части в селениях тех губерний, в коих не введено «Положение о земских учреждениях», которые были утверждены как положение 24 декабря 1868 г., произошли определенные изменения в организации медицинской помощи населению. Теперь предусматривалось, что назначалось «в каждый уезд: один сельский врач, по одному фельдшеру на участок, заключающий до 7000 душ населения, и по три повивальные бабки на уезд». 24 апреля 1884 г. было принято постановление, согласно которому в каждом уезде было введено 2 должности сельских врачей, около десятка должностей фельдшеров, но в уезде по-прежнему оставалось 3 повивальные бабки. Каждый уезд делился на два участка с больницей и двумя приемными покоями в каждом [8].

Начиная с 1903 г., когда было введено бесплатное обслуживание больных, поток обращений в медицинские учреждения начал постоянно расти. В определенной степени этому способствовали и достигнутые успехи российской и мировой медицины, новые открытия и изобретения, которые довольно быстро внедрялись в практическую деятельность медиков. В медицинских учреждениях появились такие новинки, как офтальмо-, цисто-, эзофаго-, бронхоскопы, маточные зеркала, рентгеновский аппарат и пр. В это же время возросло число научных врачебных обществ и активизировалась их деятельность по введению в практику работы врачей новейших медицинских разработок, улучшению качества медицинского обслуживания.

Чтобы в должной мере охарактеризовать деятельность медицинских учреждений, необходимо обратить внимание и на то, какие заболевания были наиболее распространены, каков был уровень смертности среди больных.

Согласно «Обзору Витебской губернии за 1885 год» наиболее распространены были следующие заболевания: тиф (984 случаев, из них 67 смертельных), натуральная оспа (494 и 116), скарлатина (311 и 53), корь (1242 и 88), кровавый понос (1261 и 141), круп (264 и 75), коклюш (977 и 43), сибирская язва (23 и 7). В медицинские учреждения наиболее часто обращались больные сифилисом (1423 случаев или 54%), «трудными болезнями» (205 или 7,30%), «наружными болезнями», или кожными, (157 или 6,3%). Смертность в больницах составила примерно 4,5% [13].

В течение 1906 г. медицинской помощью воспользовались 603914 человек, из них: 9371 чел. прошли лечение в условиях стационара, а 594543 больных – амбулаторно. За данный период времени было принято 2228 родов, в то время как за предыдущий, 1905 год – 1344 [10].

Для медицинских работников Витебской губернии наиболее актуальной оставалась по-прежнему борьба со вспышками инфекционных заболеваний, например, с оспой, корью, скарлатиной, гриппом, брюшным и сыпным тифом, холерой и пр. Так, в течение 1909–1911 гг. каждый месяц регистрировалось в среднем 1 912 случаев инфекционных заболеваний, таких, как оспа, корь, скарлатина, грипп, брюшной и сыпной

тиф, холера (локальные вспышки отмечены с мая по август 1910 г.). Однако ни одна из выше перечисленных болезней не приобрела характера эпидемии. Этому, в первую очередь, способствовало проведение прививок в возможных очагах заболеваний. Периодически делалось прививание против скарлатины, оспы, холеры, дифтерии, дизентерии [14–16]. За этот же период, в течение каждого месяца медицинской помощью в стационарных условиях воспользовалось в среднем 2000 человек, тогда, как лечебные учреждения были рассчитаны примерно на 618 мест. В начале XX в. в больницах и лечебницах смертность среди больных составляла в среднем 58 человек, или чуть менее 3% [14–16]. Для сравнения: в 1885 г. смертность в медицинских учреждениях составила 4,5% [13], в 1891 г. – 5,4% [11], в 1896 г. – 5,5% [9]. Приведенные выше данные свидетельствуют о значительном улучшении уровня медицинского обслуживания в больницах и лечебницах.

В начале XX в. наиболее часто летальным исходом завершались такие заболевания, как скарлатина, туберкулез легких, порок сердца, отек легких, инсульт («кровоизлияние в мозг»), брюшной и сыпной тиф, оспа, инфаркт («паралич сердца»), гнойный плеврит, сифилис и пр. За месяц делалось в среднем 1054 хирургические операции – амбулаторно и 200 – стационарно. Наиболее часто в стационарных условиях проводились полостные, глазные, акушерские, гинекологические операции, а также ампутации и удаление новообразований и пр. За месяц принималось в среднем 238 родов, делалось 68535 посещений и 50258 приемов врачами, фельдшерами и акушерками [14–16].

Таким образом, к началу XX в. прогресс в области медицинского обслуживания и здравоохранения населения Витебской губернии стал очевидным. Позитивные изменения в этой сфере явились результатом самоотверженного труда земских врачей губернии, а так же усилий со стороны гражданских властей региона. Накануне Первой мировой войны сфера здравоохранения и медицинского обслуживания населения Витебской губернии за 50 пореформенных лет достигла значительных успехов как в количественном, так и в качественном плане. В частности, значительно снизились показатели детской смертности и смертности от инфекционных болезней. Отсутствовали и факты вспышек массовых эпидемий различных болезней с большим количеством летальных исходов. Убедительным косвенным подтверждением значительных успехов, достигнутых в сфере медицинского обслуживания и здравоохранения населения Витебской губернии, является тот факт, что всего за 16 лет после проведения Первой Всероссийской переписи населения оно увеличилось с 1 миллиона 489 тысяч человек [4] до 1 миллиона 953 тысяч, или почти на одну треть [12].

2.3. Кадры медицинского персонала. Необходимо отметить, что для Витебской губернии, как и для всего Северо-Западного края, была весьма актуальной проблема подготовки медицинского персонала. В регионе работали врачи, закончившие Московский, Харьковский, Киевский, Тартуский (Дерптский), Казанский, Варшавский университеты, Петербургскую медико-хирургическую академию, а также некоторые зарубежные учебные заведения. Тем не менее, на местах зачастую ощущалась нехватка достаточного количества профессиональных медицинских кадров. Местными дворянами в губернских и уездных административных органах, в печати и официальных документах

неоднократно поднимали вопрос об открытии в одном из белорусских городов университета с медицинским факультетом, однако все проекты так и остались на бумаге [8].

В то же время проблема получения среднего медицинского образования была частично разрешена. В январе 1865 г. в Могилеве была открыта повивальная школа. В 1869 г. средство на содержание данного учебного заведения стала выделять Витебская губерния. Сначала ей было предоставлено 3 места, а в 1870 г. — 6 мест. В 1875 г. Могилевская повивальная школа была преобразована в Центральную повивальную школу для Могилевской, Минской и Витебской губерний (соответствующее постановление было принято годом раньше). Каждая губерния вносила в бюджет школы по 2910 рублей каждый год. За это воспитанницы соответствующих губерний должны были отслужить в должности повивальных бабок по полтора года за год обучения. В распоряжение администрации каждой из трех губерний ежегодно поступало по 3–4 повивальных бабки [8].

В 1875 г. так же в Могилеве была открыта школа по подготовке фельдшеров. Нужно отметить, что до ее открытия при Витебской больнице Приказа общественного призрения несколько лет работала фельдшерская школа. Первый набор в Витебскую школу продолжался с 3 января по 9 марта 1872 г., а первый выпуск состоялся в 1875 г. После вступления Витебской губернии в паевое содержание Могилевской центральной фельдшерской школы учебное заведение в Витебске было закрыто. Но из-за недостатка медицинских кадров наряду с утвердившимся школьным образованием продолжала существовать прежняя система ученической подготовки фармацевтов и фельдшеров. В самом Витебске специальное среднее медицинское учебное заведение вновь появилось лишь в 1906 г. — это была частная фельдшерско-акушерская школа [8].

В результате таких мер на территории Витебской губернии наблюдался постепенный рост числа квалифицированных медицинских кадров, о чем и свидетельствуют источники. Так, согласно материалам «Обзора Витебской губернии за 1885 год» число лиц, занимавшихся медицинской помощью практикой составило 308 человек. «Состоящих на государственной службе врачей в 1885 было 39, вольнопрактикующих 35..., лекарственных учеников 24, фельдшеров сельских 90, вольнопрактикующих 22, служащих повивальных бабок уездных 13, сельских 33 и вольнопрактикующих 26...» По отношению к общему числу жителей губернии медицинский персонал составлял 0,02%, а одно лицо медицинского персонала приходилось на 4014 человек. Население городов было значительно лучше обеспечено медицинской помощью по сравнению с жителями сельской местности. Так, 1 врач приходился на целый уезд, 1 фельдшер на 3 волости или более чем на 150 деревень [13].

В 1906 г. при городских больницах официально числилось 35 врачей, 132 штатных фельдшера, 44 штатных повивальных бабок. Причем это — только число штатных медиков в больницах административных центров губернии [10].

Таким образом, число медицинского персонала постоянно увеличивалось, хотя и сохранялись определенные проблемы при подготовке квалифицированных медиков, особенно с высшим образованием.

3. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ

3.1. Начальная школа. Вторая половина XIX в. явилась периодом коренных преобразований в общественной, экономической и политической жизни Беларуси. Происходившие изменения отразились и на развитии народного образования и педагогической мысли как на территории всего Северо-Западного края, так и на территории Витебской губернии. Насущной проблемой стало повышение уровня общей грамотности основной массы населения, приведение системы народного образования в соответствие с социально-экономическими и культурными потребностями государства.

Уже в 1864 г. началось реформирование начальной школы. Учебные учреждения различных ведомств перешли в своем большинстве в подчинение Министерству народного просвещения. Постепенно в деревнях были ликвидированы школы Министерства государственного имущества, удельных контор, помещиков, католического духовенства, а также дворянские уездные училища. В 1872 г. было утверждено положение о городских училищах, которые стали учебными заведениями низшего типа: 1-, 2-, 3-, 4-классные. Выпускники подобных городских училищ не имели права поступать в университеты. Кроме того, в городах существовали при приходах 1- и 2-классные школы дореформенного типа, а так же 2-, 3-, 4-классные мужские и женские училища церковного ведомства [17].

Сразу же после подавления восстания 1863 г. правительством были приняты меры по созданию в Северо-Западном крае сети народных училищ, которые функционировали на основании «Временных правил для народных школ Виленской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебских губерний», утвержденных Александром II 23 марта 1863 г., которые дополнялись и частично изменялись позднейшими постановлениями и распоряжениями и которые действовали до конца XIX в. «Временные правила» определяли состав учебных предметов в начальных народных школах Виленской учебной округи: Закон Божий, русский язык, четыре действия арифметики, церковное пение. 18 мая 1864 г. в дополнение ко «Временным правилам» указом Александра II были утверждены принципы организации народного просвещения в Северо-Западном крае, разработанные виленским генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым, где особенное внимание обращалось на усиление роли духовенства в управлении школой [18].

Однако на практике реформирования системы народного образования вовсе не означало стремительную и полную ее унификацию. Согласно «Ведомости об учебных заведениях Витебской губернии за 1863–1864 гг.» в уездах губернии насчитывалось 248 низших учебных заведений, из них – 198 волостных училищ крестьян-собственников, 35 сельских школ, 15 штатных сельских училищ. По ведомствам учебные заведения располагались следующим образом: 187 школ в подчинении Министерства народного просвещения, 58 – Министерства государственного имущества, 3 – Духовного ведомства [5]. Тем не менее уже на следующий год произошли некоторые изменения. На территории Витебской губернии уменьшилось число начальных учебных заведений, произошло более четкое их деление по типам и между министерствами, были ликвидированы школы Духовного ведомства. Согласно «Ведомости об учебных за-

ведениях по Витебской губернии за 1864–1865 гг.» в уездах насчитывалось 188 училищ: 131 училище в селениях крестьян-собственников в подчинении Министерства народного просвещения, 57 – в селениях государственных крестьян в подчинении Министерства государственного имущества [19].

С целью создания единой системы начальной школы в городах 31 мая 1872 г. было принято «Положение о городских училищах». Согласно этому документу уездные училища подлежали преобразованию в городские. В течение 1870–1880-х гг. многие из уездных училищ превратились в городские, но далеко не все [20]. Обучение в городских училищах было платным. Кроме того, их выпускники не могли продолжить обучение в средних и высших учебных заведениях [21].

Тем не менее, в городах в 70–80-х гг. XIX в. по-прежнему существовало множество начальных учебных заведений, различавшихся содержанием учебных программ. По данным на 1885 г. в городах Витебской губернии действовали городские училища по положению 31 мая 1872 г., 2-классные уездные училища, народные городские приходские училища, частные учебные заведения, училища при церквях иностранного исповедания и еврейские училища. В 1883 г. в регионе насчитывалось 3 городских училища (в Лепеле, Режице и Динабурге), число учащихся в них составило 229 человек [6]. В городских училищах с шестилетним сроком обучения преподавались следующие предметы: Закон Божий, чтение и письмо, русский язык и церковнославянское чтение с переводом на русский язык, арифметика, практическая геометрия, география и история Отечества с необходимыми сведениями из всеобщей истории и физики, черчение и рисование, пение, гимнастика [20]. В городах губернии функционировали уездные училища, которых насчитывалось 7 (в Витебске, Велиже, Невеле, Люцине, Дриссе, Себеже, Сураже), в которых обучалось 465 человек [6]. В уездных училищах преподавались следующие предметы: Закон Божий, священная и церковная история, русский язык, арифметика, геометрия, география, отечественная и всеобщая история, чистописание, черчение и рисование [20]. В 1883 г. в регионе насчитывалось 27 городских приходских училищ, в которых обучалось 1476 человек. Обучение в них строилось на основании Временных правил от 23 марта 1863 г. и включало следующие предметы: Закон Божий, русская и церковнославянская грамота, чтение, арифметика (четыре действия), церковное пение [6]. В основном приходские городские училища являлись одноклассными учебными заведениями с двухлетним сроком обучения. Как правило, подобные учебные заведения были предназначены для детей низших слоев городского населения [21]. Кроме того, существовали и частные учебные заведения. Так, в 1883 г. в городах губернии работало 2 мужских и 7 женских частных учебных заведений. Целью двух первых была подготовка к поступлению в первые классы кадетского корпуса и реальных училищ; преподавание в них велось по программе, утвержденной Виленским учебным округом, которая практически совпадала с программой обучения в низших классах средних учебных заведений. Женские учебные заведения были двух видов. Первый – женские училища 2-го разряда (в Витебске и Полоцке), программа обучения в них приравнивалась к программам женских гимназий Министерства народного просвещения. Второй – 5 училищ 3-го разряда (в Невеле, Велиже, Витебске, Динабурге, Дриссе), программа которых соответствовала подготовительным классам гимназий с прибавлением кратких

сведений из географии и начальных упражнений в новых языках. Также в Витебске существовало одно начальное училище при лютеранской церкви, в котором преподавали Закон Божий, русский и немецкий языки, арифметику, чистописание и пение. В 1883 г. в данном учебном заведении обучалось 24 мальчика и 16 девочек. Кроме того, в губернии насчитывалось 224 еврейских учебных заведений, в том числе 4 начальных еврейских училища по Положению 24 марта 1873 г., 5 школ русской грамоты, 2 женских еврейских училища, 1 талмуд-тора, 1 сшибот, 211 хедеров, содержавшихся меламам. Во всех этих учебных заведениях в 1883 г. обучалось 1894 человека [6]. Программы обучения в начальных еврейских училищах были близки к программам городских училищ по Положению 1871 г., но были меньшими по объему. Согласно Положению о начальных еврейских училищах от 16 марта 1873 г. они должны были давать такое же образование как и приходские училища, постепенно приближаясь к уездным училищам. Но из программы еврейских начальных училищ были исключены такие предметы, как практическая геометрия, черчение, пение, гимнастика, церковнославянский язык [20].

Новые изменения в системе начального образования произошли после убийства Александра II в 1881 г. В руководстве государством взяли верх реакционные силы, что привело к пересмотру реформ, проведенных ранее. Началось возрождение церковно-приходских школ и школ грамоты. В 1884 г. возрожденные церковно-приходские школы были переданы в подчинение Синоду. 13 июня 1884 г. были приняты «Правила о церковно-приходских школах», которые подчеркивали религиозную основу начального образования. Возглавляли школы приходские священники, учителями являлись они же, а так же причетники и специально назначенные учителя и учительницы из лиц, окончившие духовные училища или епархиальные женские училища [22]. В 1885 г. Синод утвердил единые программы и учебный план для церковно-приходских школ, согласно которому ученики должны были изучать следующие предметы: Закон Божий (изучение молитв, священная история, объяснение богослужения, краткий катехизис), церковное пение, чтение церковной и гражданской литературы, русскую и церковнославянскую грамоту, начальные сведения из арифметики. Курс обучения в одноклассной церковно-приходской школе был двухлетним (в 90-х гг. XIX в. его увеличили до трех лет), в двухклассной – четырехлетним [21].

4 мая 1891 г. были утверждены «Правила о школах грамоты», согласно которым и этот тип начальной школы передавался в распоряжение Синода. В школах грамоты ученики получали минимальный набор знаний и обучались в течение двух лет. В частности, учащиеся изучали общеупотребительные молитвы, чтение на русском и церковнославянском языках, простейшие арифметические действия над небольшими числами. Выпускники школ грамоты могли продолжить свое обучение во втором отделении церковно-приходских или министерских школ [23].

На территории Полоцкой епархии за 10 лет после принятия правил 13 июня 1884 г. количество церковных школ увеличилось в 30 раз (с 20 до 621). Еще одной особенностью было то, что в белорусских епархиях школы грамоты по своему количеству значительно превосходили церковно-приходские школы. Так, в 1893 г. в Полоцкой епархии насчитывалось 143 церковно-приходских школ и 476 школ грамоты. Более быстрый рост школ грамоты в сравнении с церковно-приходскими объяснялось бедностью

крестьян белорусских губерний, отсутствием необходимых средств на народное образование у деревенских священников. Небольшие школы грамоты, которые не требовали от крестьян значительных денежных и других материальных затрат, воспринимались ими лучше. Что до духовенства, то оно считало, что при всеобщей неграмотности белорусского крестьянства всякая школа – это уже был значительный шаг вперед [7].

Официальные власти продолжали покровительствовать церковным школам и в начале XX в. 1 апреля 1902 г. было утверждено «Положение о церковных школах ведомства православного вероисповедания», которое было направлено на дальнейшее расширение сети низших учебных заведений, подчиненных Синоду [20]. В школах грамоты с двухлетним сроком обучения преподавались Закон Божий, чтение церковнославянского и русского, письмо, арифметика (действия с целыми числами), церковное пение. Церковно-приходские школы были одноклассными с трехлетним обучением и двухклассными с 4–5-летним сроком обучения. В одноклассной школе в отличие от школы грамоты церковнославянский язык был выделен в отдельный предмет. В двухклассных школах кроме того преподавались церковная и отечественная история, география (краткие сведения об явлениях природы), черчение, рисование (по возможности) [21]. В результате такой политики в начале XX в. на территории Беларуси начальные школы, управляемые православной церковью, занимали ведущее положение среди других типов начальных учебных заведений.

После революции 1905–1907 гг. под воздействием общественно-педагогического движения и широкого недовольства крестьян церковными школами, а также в связи с низким качеством образования в них земства взяли курс на постепенное сокращение средств на содержание церковных школ. С осени 1911 г., когда на Витебскую, Могилевскую и Минскую губернии было распространено Положение о земских учреждениях от 12 июня 1890 г., роль земств в развитии начального образования возросла. С 1912 г., кроме открытия новых, земства начали принимать на свое содержание открытые ранее народные училища, которые до этого находились на содержании сельских обществ. К началу 1914/1915 учебного года большинство школ ведомства Министерства народного просвещения находились на материальном содержании земств [21].

К 1914 г. наиболее распространенным типом начальной школы являлись сельские 1-классные и 2-классные училища Министерства народного просвещения с 3-летним и 5-летним курсом обучения. Они финансировались, в основном, местными земствами, сельскими обществами и частными лицами. О достаточно высоком качестве обучения в них свидетельствуют их учебные программы: в 1-классных училищах преподавались Закон Божий, русский язык с чистописанием, арифметика, в 2-классных – к этому перечню предметов добавлялись история, география, естествознание, церковное пение и черчение. Кроме того, продолжали существовать учебные заведения, подведомственные Синоду – церковно-приходские школы (1-классные с трехлетним и 2-классные с пятилетним курсом обучения) и школы грамоты с 2-летним курсом обучения (не имели статуса полноценного начального учебного заведения). В городах доминирующее положение заняли 3-классные городские училища с шестилетним курсом обучения. В их программу входили обучение чтению и письму, изучение Закона Божьего, русского языка, арифметики, практической геометрии, а также черчение, рисование,

отечественная история, география, естествознание и церковнославянское чтение. С 1912 г. к этому перечню предметов были добавлены алгебра, геометрия, физика, рисование, пение, черчение и гимнастика [12].

Кроме перечисленных выше учебных заведений, на территории Витебской губернии существовало 2 мужских духовных училища в Полоцке и Витебске. Целью их деятельности была подготовка учащихся к поступлению в семинарии [7]. В Полоцкой епархии действовало 2 женских духовных училища. С перемещением в Витебск центра духовной жизни Полоцкой епархии существовавшее при Спасо-Ефросиньевском монастыре училище осталось в Полоцке, а в Витебске было создано женское епархиальное училище [24].

Таким образом, на протяжении всей второй половины XIX – начала XX вв. проходило постоянное развитие и совершенствование системы начального образования. Об успехах в данной области свидетельствуют следующие данные: в 1880 г. в Витебской губернии насчитывалось 168 школ Министерства народного просвещения с 6185 учениками, в 1895 г. – 731 и 17436 соответственно, в 1899 г. – 430 и 22924 соответственно. В 1895 г. насчитывалось 632 школы Синода с 12238 учениками, в 1899 г. – 786 и 20328 соответственно [3]. После революции 1905–1907 гг. количество церковно-приходских школ как и влияние церкви в целом на систему начального образования начало стремительно сокращаться. Огромную позитивную роль в развитии системы начального образования сыграли земства. Они выступали за всеобщее образование, предание ему светского характера, демократизацию и усовершенствование учебно-воспитательного процесса, поддерживали эти прогрессивные требования практической деятельностью и материальными средствами. Так, с 1910-х гг. земствами в Витебской губернии было открыто 131 начальное училище, а за время существования земства в губернии с 1903 по 1910 гг. ассигнования на народное образования возросли с 42410 рублей до 198685 соответственно [18].

3.2. Среднее и специальное образование в Витебской губернии. Система среднего образования в Витебской губернии развивалась более медленными темпами по сравнению с начальной школой.

Еще в 1803 г. в Витебске была открыта мужская Александрийская гимназия в результате реорганизации Витебского главного народного училища. По гимназическому уставу 1864 г. Витебская гимназия была превращена в классическую гимназию с 7-летним сроком обучения. Ее выпускники получили право поступать в университеты без экзаменов. По гимназическому уставу 1871 г. гимназиями признавались лишь бывшие классические гимназии, а срок обучения в них увеличивался до 8 лет. После завершения полного курса гимназии выпускники получали аттестаты и право поступать во все высшие учебные заведения [25].

На территории Витебской губернии в г. Двинске функционировало реальное училище (по уставу 1871 г.), которое первоначально (по уставу 1864 г.) являлось реальной гимназией. Выпускники данного учебного заведения имели право поступать в высшие технические учебные заведения. О том, что реальное училище пользовалось определенной популярностью свидетельствует число учащихся: в 1896 г. в нем числилось 380 человек [9]. В 1907 г. реальное училище было открыто и в Витебске. В данном

учебном заведении преподавались математика, физика, черчение, природоведение, рисование, немецкий и французский языки, механика, технология, коммерция. Единственный полный выпуск (72 человека) состоялся в 1917 г., а в 1918 г. училище прекратило свое существование [25].

В Витебской губернии во второй половине XIX в. действовали 2 женские гимназии. Программа преподавания в данных учебных заведениях включала следующие предметы: Закон Божий, русский язык и словесность, французский и немецкий языки, математика, история, география, природоведение, физика и космография, педагогика, рисование, чистописание, рукоделие и пение [25]. В 1885 г. в обеих гимназиях обучалось 544 девочки [13], в 1891 г. – 536 [11].

Дальнейшее развитие женское среднее образование получило в начале XX в. В январе 1903 г. на базе частного 5-классного женского училища в Полоцке была открыта женская гимназия. Она являлась 7-классным учебным заведением и имела 2-классное подготовительное отделение. В 1906 г. был открыт педагогический класс, после окончания которого выпускницы получали право заниматься педагогической и воспитательной деятельностью. Предметы, которые преподавались в гимназии, делились на обязательные и необязательные. В 1910 г. к обязательным относились Закон Божий, русский язык и словесность, математика, география, природоведческая история, история, физика, педагогика, чистописание, рукоделие, пение. К необязательным предметам относились немецкий и французский языки, гигиена [26]. В 1905 г. в Витебске была открыта женская Алексеевская гимназия. В 1906 г. в данном учебном заведении обучалось 389 девочек, в 1911 – 493. В гимназии преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык, география, чистописание и гимнастика. Необязательными для изучения были французский и немецкий языки, рисование, пение и танцы. В целом учебные планы данного учебного заведения были максимально приближены к планам мужских гимназий [25].

В Полоцке в качестве средних учебных заведений действовали кадетский корпус и учительская семинария [27]. Решение об открытии кадетского корпуса было принято в апреле 1830 г., а торжественное открытие состоялось в июне 1835 г. По проекту учебное заведение было рассчитано на 400 воспитанников. В связи с военной реформой, которая началась в 1862 г., в 1865 г. вместо Полоцкого кадетского корпуса была создана Полоцкая военная гимназия с 6-летним курсом обучения (с 1873 г. – 7-летним) и штатом в 350 воспитанников. В январе 1882 г. Полоцкая военная гимназия была вновь реорганизована в кадетский корпус. Программа преподавания в корпусе включала следующие предметы: Закон Божий, русский, немецкий и французский языки, русская и всеобщая история, география, математика (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия), физика, химия, законоведение, черчение, минерология, физиология, ботаника, космография, рисование, музыка, пение, танцы. Много внимания уделялось строевым занятиям, плаванию, гимнастическим занятиям, фехтованию. Среди военных наук преподавались тактика, артиллерия, военная история, фортификация [28].

После революционных событий 1905–1907 гг. число средних учебных заведений в Витебской губернии увеличилось. Так, в одном только Витебске появились следующие

щие новые частные учебные заведения: Витебская частная женская 8-классная с правами правительственных гимназия Варвариной (1906), частная женская 7-классная с правами правительственных гимназия Черновой (1908), частная мужская 8-классная с правами правительственных гимназия Нерупа (1908), а также 2 частные 4-классные женские еврейские гимназии Давыдовой и Хавкиной (возникли в 1907 г.).

Кроме различных типов средних учебных заведений в 60–90-х гг. XIX в. в Витебской губернии значительное развитие получили и средние специальные заведения.

Так, в начале 60-х гг. XIX в. при Витебской гимназии действовали землемеро-таксаторские классы (1861–1873 гг.), которые готовили профессиональных землемеров и межевых чиновников. Программа обучения в них предусматривала изучение таких дисциплин, как топография, планиметрия, таксация, черчение, межевые законы, природоведение [25].

На территории Витебской губернии функционировала духовная семинария, созданная в 1806 г. в Полоцке. В 1856 г. семинарию перевели в Витебск и официально переименовали в Витебскую семинарию [26]. Согласно уставу, принятому в 1867 г., главной задачей семинарии провозглашена подготовка юношей для служения православной церкви. Поступить в данное учебное заведение могли выходцы из всех сословий православного вероисповедания. За период с 1867 по 1892 гг. семинарией было подготовлено 4278 священников [7]. В семинарии будущие священники изучали такие предметы, как логику, психологию, основы философии и ее краткую историю, дидактику, историю русской литературы, всеобщую и русскую истории, математику, геометрию, физику, библейскую, общецерковную и русскую церковную истории, гомиетику, а также другие богословские науки. Вместе с русским и церковнославянским языками изучался греческий, латынь, древнееврейский, французский и немецкий. Все преподаватели семинарии имели степени кандидата богословия или природоведческих наук [29].

В январе 1872 г. указом Александра II было утверждено решение о создании Полоцкой учительской семинарии. В учебное заведение принимались юноши православного вероисповедания, имевшие диплом об окончании народного училища. Они должны были успешно выдержать экзамены по таким предметам, как Закон Божий, русский язык, арифметика и пение. Необходимо отметить, что обучение в семинарии было бесплатное. Учебное заведение содержалось за счет государственных средств, собственных источников финансирования, денежных субсидий. Первый выпуск учительской семинарии был осуществлен в 1874 г. и насчитывал 16 человек. С 1874 по 1904 гг. учебное заведение подготовило 520 учителей, однако они не имели права поступать в университеты. Учительская семинария имела три основных класса (с 1907 г. – 4) и однолетнее подготовительное отделение. Учебный план семинарии включал следующие предметы: Закон Божий, педагогика, основы методики, русский и церковнославянский языки, арифметика, основы геометрии, землемерное дело, линейное черчение, история, география, природоведение, чистописание, пение, гимнастика и пр. При семинарии работало образцовое начальное училище, курсы для учителей начальных народных училищ, библиотека, метеорологическая станция, музей наглядных пособий [26].

В 1871 г. при Витебской больнице Приказа общественного призрения была открыта фельдшерская школа, полный курс обучения в которой составлял 4 года. Программа обучения состояла из следующих предметов: русский язык и латынь, арифметика, анатомия, «врачебное веществование» (фармакология), кроме того, учащиеся должны были усвоить правила ухода за больными, кровопусканий, возвращения к жизни мнимо умерших, оспопрививания, лечения зубов, костоправства, составления лекарств, вскрытия мертвых тел и пр. Первый набор учащихся в Витебскую фельдшерскую школу состоялся в января – марте 1872 г., а первый выпуск (6 человек) состоялся в 1875 г. В 1879 г. фельдшерская школа в Витебске была закрыта [8].

В 1906 г. в Витебске была вновь открыта фельдшерско-акушерская школа, в которой готовили средний акушерский персонал. Программа обучения обеспечивала тесную связь теоретических знаний с практикой. Школа работала до 1913 г. и ежегодно выпускала по 30–60 человек [25].

Витебский учительский институт (1910–1918 гг.) стал первым неполным высшим учебным заведением педагогического профиля на территории современной Беларуси и, фактически, стал одним из важнейших компонентов в формировании белорусской системы высшего образования. Кроме Витебска, учительские институты так же были открыты в Могилеве (1913 г.) и Минске (1914 г.) [18].

Необходимо отметить, что обучение в институте было бесплатным. Учившиеся на хорошо и отлично студенты могли получать стипендию по 200 руб. в год, причем наличие одной посредственной отметки за полугодие лишало студента этой стипендии до конца следующего полугодия. Сумма выплаченной стипендии за все время пребывания студента в институте должна было отмечаться в его аттестате, и владелец этого документа в дальнейшем обязан был отработать в должности преподавателя по одному году за каждые 100 рублей полученной стипендии или же по возместить государству понесенные на его обучение расходы [30].

Витебский учительский институт был призван готовить учителей неполной средней школы. Срок обучения в нем составлял 3 года. В данное учебное заведение принимались только мужчины православного вероисповедания, которые закончили учительские семинарии и имели 2-летний стаж педагогической деятельности [25]. «При сдаче экзаменов по русскому языку поступающие писали сочинения на заданную тему, причем темы подбирались или самого отвлеченного характера или же по историко-литературным вопросам. От поступающих требовалось, чтобы сочинения были написаны не менее, чем на 6–8 листах ученической тетради. При проверке письменных работ обращалось внимание на малейшие дефекты письма и стиля... <...> После русского языка нужно было еще сдавать экзамены по Закону Божьему, арифметике, алгебре, геометрии, физике, истории, естествознанию и географии» [30].

Программы учительского института и его учебные планы составлялись по принципу универсализма. Никакого деления на факультеты или отделения не существовало, и каждый студент изучал на протяжении трехлетнего срока обучения следующие предметы: Закон Божий (богословие и история церкви), педагогика (педагогика, история педагогики, диалектика, психология и логика), русский язык и методика преподавания,

славянский язык, теория словесности, история русской литературы, теоретическая арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия, космография, методика преподавания арифметики, всеобщая история, русская история, методика преподавания истории, всеобщая география, география России, методика преподавания географии, физика и методика ее преподавания, анатомия и физиология человека и животных, ботаника, химия, методика преподавания естествознания, чистописание и методика его преподавания, черчение и рисование с методикой его преподавания, гимнастика и методика его преподавания. Даже беглый взгляд на перечень учебных дисциплин говорит о той «многопредметности», которая являлась характерной особенностью дореволюционных учительских институтов. Подобные учебные заведения самой системой обучения требовали от студентов максимального напряжения сил и способствовали усвоению учебного материала [30].

В 1910 г. Витебский учительский институт принял на первый курс одну группу студентов в количестве 35 человек. В 1913 г. был произведен первый выпуск студентов, пополнивших ряды преподавателей высших начальных училищ.

Что касается высшей школы, то на территории Витебской губернии в рассматриваемый период (60-е гг. XIX в. – начало XX в.) она практически не была представлена, что отрицательно сказывалось на развитии всей системы образования. Следует отметить, что на правительственном уровне понимали всю сложность создавшейся ситуации, даже предпринимались попытки разрешить ее. Хотя здесь определенную негативную роль сыграл сложившийся стереотип о неблагонадежности края, который явился следствием восстания К. Калиновского.

Так, в 1872 г. министр народного просвещения Д. Толстой после объезда и ознакомления с организацией системы образования в Виленском учебном округе разработал проект о создании университета в Полоцке, который был изложен в специальной записке на имя Александра II. В ней Д. Толстой отметил, что отсутствие высшего учебного заведения весьма негативно отражается на развитии всего Северо-Западного края. Местная молодежь, желая продолжить свое образование, стремится попасть в университеты Петербурга и Москвы. Д. Толстой предлагал Александру II открыть университет в Северо-Западном крае, но не в Вильно, «где более всего из других городов Беларуси чувствовался польский колорит», где еще были живы воспоминания о минувшем восстании, а в «почти русском Полоцке». Под университет предполагалось передать здания бывшей иезуитской Академии, которые в то время были заняты Кадетским корпусом. Состоять университет должен был на первых порах из двух гуманитарных факультетов. Но, несмотря на то, что Александр II согласился с проектом Д. Толстого и отдал необходимые распоряжения, идея о создании в Полоцке университета осталась на бумаге. Все дело остановилось в Комиссии по рассмотрению министерского отчета за 1873 г., в которой почему-то вспомнили, что Новороссийский университет в Одессе не имеет медицинского факультета и что выделенные денежные средства лучше направить туда, а не на создание университета в Полоцке [3].

Идея о создании высшего учебного заведения в Витебской губернии в незначительной степени была реализована в октябре 1911 г., когда в Витебске было открыто

отделение Московского археологического института. В 1910-х гг. преподаватели МАИ организовали чтение систематических курсов лекций по всем преподаваемым в институте дисциплинам в различных городах Российской империи. По ходатайству Витебской ученой археографической комиссии отделение МАИ было открыто и в Витебске. Главной целью его открытия была подготовка археологов и архивистов. Курс наук был рассчитан на слушателей с высшим образованием, но среди них преобладали выпускники средних школ. Отделение имело археологический и археографический факультеты, с 1917 г. – факультет истории искусств. Первоначально лекции читали в основном вечером преподаватели, которые приезжали из Москвы. Срок обучения составлял первоначально 3 года, а с 1917 г. – 4 года. В 1911 г. на первый курс было принято 90 человек, в 1918 – 1919 гг. количество студентов выросло до 428 [25].

Таким образом, начало 1860-х гг. было отмечено рядом буржуазных реформ, проведенных правительством Александра II (отмена крепостного права, земская, городская, судебная, военная и другие реформы). Под влиянием общественных движений власти были вынуждены провести реформы не только в сфере экономики и управления, но и в системе образования. В 1863 г. была проведена реформа высшей школы, в 1864 г. – начальной и средней.

Однако восстание К. Калиновского, которое вспыхнуло в 1863 г. и было подавлено властями, имело весьма негативные последствия в сфере образования как на территории всего Северо-Западного края, так и на территории Витебской губернии. Именно это восстание вызвало резкое усиление политики русификации в сфере народного просвещения региона. Основные положения этой политики были разработаны виленским генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым, а позже были продолжены в деятельности попечителей Виленского учебного округа.

Таким образом, в этническом и конфессиональном плане Витебская губерния в конце XIX – начале XX вв. отличалась большим разнообразием и неравномерностью распределения отдельных национальных и религиозных групп по уездам. Это был своеобразный переходный регион между губерниями с преимущественно православным великорусским и белорусским населением (центральные губернии России и восточная часть Северо-Западного края) и западными губерниями, в структуре населения которых преобладали латыши, поляки, частично «малороссы» (украинцы) и немцы, которые исповедовали либо католицизм, либо протестантизм.

В начале XX в. был достигнут значительный прогресс в области медицинского обслуживания и здравоохранения населения Витебской губернии. Позитивные изменения в этой сфере явились результатом самоотверженного труда земских врачей губернии, а так же усилий со стороны гражданских властей региона. Численность кадров медицинских работников в течение 60-х гг. XIX – начале XX вв. увеличилась, хотя и сохранялись определенные проблемы при подготовке квалифицированных медиков, особенно с высшим образованием. На территории губернии была создана и постоянно функционировала довольно широкая сеть различных медицинских учреждений, на содержание которых отпускались значительные денежные средства. Большинство насе-

ления, в том числе и в сельской местности, имело возможность получить квалифицированную медицинскую помощь, причем бесплатно.

В течение XIX – начала XX вв. проходило постоянное развитие и совершенствование системы народного образования, в первую очередь, начального. В развитии системы начального образования на территории Витебской губернии можно выделить следующие этапы:

- начало 1860-х гг. – 1881 гг. – распространение светских начальных народных училищ;
- 1881 – 1905/1907 гг. – рост влияние церкви на систему народного образования, распространение церковно-приходских школ и школ грамоты;
- 1905/1907 – 1914 гг. – развитие светской системы начального образования при активном участии земств.

Система среднего и профессионального образования в Витебской губернии на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. находилась в процессе постоянного развития и совершенствования: расширялась сеть средних и профессиональных учебных заведений, в 1910 г. в Витебске был открыт один из первых в Беларуси учительских институтов на территории, а в 1911 г. – первое высшее учебное заведение гуманитарного типа (отделение Московского археологического института). Произошло увеличение количества учебных заведений, либерализация форм организации учебного процесса и методов преподавания, увеличение числа учащихся из различных сословий, а также расширение сети средних женских учебных заведений. Кроме того, в начале XX в. произошел определенный качественный и количественный сдвиг в развитии профессионального образования в Витебской губернии, которое на протяжении второй половины XIX в. развивалось довольно медленно и неравномерно. Что касается высших учебных заведений, то в Витебской губернии не было классического университета в исследуемый период, что весьма негативно отражалось на всей сфере образования, сковывало научные силы региона.

Л и т е р а т у р а

1. *Насытка Я.* “Тыя ж беларусы...”: Этнічныя межы беларусаў у XIX – пачатку XX стст. // *Беларуская мінуўшчына*, 1994, №4. – С. 11–15.
2. *Никифоровский Н.Я.* Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обихода: Этнографические данные. – Витебск: Губернская типография, 1895. – 585 с.
3. *Цвікевіч А.* “Западно-руссизм”: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX – пачатку XX в. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. V. Витебская губерния. Тетрадь 3. – Санкт-Петербург: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. – 282 с.
5. Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. – Санкт-Петербург: Типография К. Вульфа, 1865. – 502 с.

6. Памятная книжка Витебской губернии на 1885 год. – Витебск: Типография Губернского правления, 1885. – 505 с.
7. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / **В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава.** – Мн.: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
8. **Крючок Г.Р.** Очерки истории медицины Белоруссии. – Мн.: «Беларусь», 1976. – 264 с.
9. Обзор Витебской губернии за 1896 год. – Витебск: Губернская типография, 1897. – 127 с.
10. О положении медицинского дела в Витебской губернии за 1906 год. – Витебск: Губернская типография, 1906. – 46 с.
11. Обзор Витебской губернии за 1891 год. – Витебск: Губернская типография, 1892. – 141 с.
12. Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник / Ред.-сост. **А.М. Анфилов, А.П. Корелин.** – Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1995. – 416 с.
13. Обзор Витебской губернии за 1885 год. – Витебск: Губернская типография, 1886. – 40 с.
14. Сведения о деятельности врачебно-медицинского персонала и о движении заразных заболеваний по Витебской губернии, 1909, №1–12.
15. Сведения о деятельности врачебно-медицинского персонала и о движении заразных заболеваний по Витебской губернии, 1910, №1–12.
16. Сведения о деятельности врачебно-медицинского персонала и о движении заразных заболеваний по Витебской губернии, 1911, №1–4, 6–8.
17. Гісторыя БССР: У 5-ці тамах; Галоўн. рэд. калегія: **І.М. Ігнаценка (старшыня) і інш.** Т. 1. Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.) / Рэд. кал. тома: **К.І. Шабуня (гал. рэд.) і інш.** Мн.: Навука і тэхніка, 1972. – 688 с.
18. **Снапкоўская С.В.** Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. – Мн.: НІА, 1998. – 192 с.
19. Памятная книжка Витебской губернии на 1866 год. – Санкт-Петербург: Типография К. Вульфа, 1866. – 283 с.
20. Из истории школы Белоруссии и Литвы / Отв. ред. **В.З. Смирнов.** – М.: «Просвещение», 1964. – 323 с.
21. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / **Ткачоў М.А., Пасэ У.С., Сянькевіч Г.Р. і інш.;** Пад рэд. **М.А. Лазарука і інш.** – Мн.: «Народная асвета», 1985. – 464 с.
22. **Никольский Н.М.** История русской церкви. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.
23. Отчет Полоцкого Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1894–1895 учебный год // Полоцкие Епархиальные Ведомости, 1896, №3–11. – С. 1–141.

24. Восович С.М. Женские училища православного духовного ведомства на территории Беларуси в XIX – начале XX века // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта (Мовазнаўства. Гісторыя. Эканоміка. Права. Педагогіка), 2001, №1. – С. 45–52.
25. Памяць: Гіст.-дак. хроніка Віцебска: У 2-х кн. Кн. 1. / Рэд. кал.: *Г.П. Пашкоў* (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 2002. – 648 с.
26. Памяць: Гіст.-дак. хроніка Полацка / Рэд. кал. *Г.П. Пашкоў* (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 2002. – 912 с.
27. Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год. – Витебск: Губернская типография, 1878. – 414 с.
28. Лукашэвіч А., Шайкоў В. Полацкі кадэцкі корпус і яго выхаванцы // Беларускі гістарычны часопіс, 1999, №4. – С. 45–51.
29. *Грыгор'ева В., Філатава А.* З гісторыі канфесіянальнага жыцця Віцебскай губерні (канец XVIII – пачатак XX стст.) // Беларускі гістарычны часопіс, 1995, №2. – С. 45–56.
30. Музей истории Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Рукопись «Записки по истории Витебского государственного педагогического и учительского института имени С.М. Кирова (1910–1954 гг.)».

УДК 316.75

Об экономической идеологии Беларуси на современном этапе

В.А. Янчук

В современных условиях неуклонно возрастает роль такой составляющей культуры, как идеология. «Идеология для государства, – как об этом сказал Президент Республики Беларусь А. Лукашенко, – то же самое, что иммунная система для организма» [1]. Важным ее элементом, как системы, является экономическая идеология. Под экономической идеологией будем подразумевать целостную совокупность идей, взглядов и теоретических представлений о структуре, состоянии, факторах и законах развития экономики, влияющих на поведение людей.

О роли идей в развитии экономики и общества

Ядро экономической идеологии, как и любой другой, составляют основополагающие идеи, или парадигмы, определяющие состояние и перспективы развития общества. Их роль в жизни общества трудно переоценить. По мнению К. Маркса, «идея становится материальной силой, когда овладевает массами». Величайший экономист XX века Дж. Кейнс по этому поводу писал: «Идеи экономистов и политических деятелей – и когда они правы, и когда ошибаются, – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром» [2]. Они правят миром в том смысле, что их реализация во внутренней или внешней политике может сыграть для общества как положительную, так и отрицательную роль. В фашистской Германии, например, в основу политики государства был положен лозунг «Германия превыше всего!» Сейчас же по ее стопам, по сути, идут США. Впрочем, вряд ли за примерами стоит ходить так далеко. Вспомним как во второй половине 80-х годов ушедшего в историю XX века некоторые представители творческой интеллигенции раскачивали советскую лодку под названием СССР. Тогда, например, известный советский актер и кинорежиссер С. Говорухин снял фильм под названием «Так жить нельзя». О последствиях своего поступка он задумался уже в начале 1990-х гг., когда пришлось снимать сначала документальный фильм «Криминальная Россия», а затем – «Какую Россию мы потеряли». Этот печальный пример свидетельствует о том, что части творческой интеллигенции, видимо, не хватает социальной ответственности перед обществом за свои поступки. Они не всегда понимают, «как их слово отзовется».

Какие же идеи лежат в основе социально-экономической трансформации в странах СНГ, в том числе и в Беларуси? Стержневая идея, обозначающая перспективу белорусской экономики, сформулирована в Основных направлениях социально-экономического

развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы [3]. Она же подтверждается в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. [4]. В этих документах главная задача в области реформирования экономики сформулирована как «построение высокоэффективной социально ориентированной рыночной экономики». В связи со сказанным можно привести слова К. Маркса из письма другому великому мыслителю Ф. Энгельсу о том, что «даже самые выдающиеся умы принципиально, вследствие какой-то слепоты, не замечают вещей, находящихся у них под самым носом». В самом деле, зададимся вопросом, насколько точно идея социально ориентированной рыночной экономики характеризует сущность перспективной экономики в Беларуси и в других странах СНГ. При этом обратим внимание на то обстоятельство, что сам термин «социально ориентированная рыночная экономика» синтезирован из таких категорий, как «социально ориентированный» и «рыночная экономика». Рассмотрим их более подробно.

Какая экономика социально не ориентирована?

Экономика, в широком смысле этого слова, социальна уже по определению, так как вне общества и человека она просто не существует. Социологи, например, справедливо исследуют «экономику как специфический социальный процесс, неразрывно связанный со всеми остальными сферами общественной жизни» [5]. Утверждение о том, что экономика должна быть социально ориентированной, равносильно лозунгу советских времен «экономика должна быть экономной». Простое механическое прибавление категории «социальный» к категории «рыночная экономика» ничего нового в познание экономики не привносит. В этом смысле категория «социальный» является пустой категорией. Категории, не раскрывающие сущность какого-либо явления, встречаются, к сожалению, довольно часто. Так, в начале 70-х годов XX в. американский социолог Д. Белл в работе «Приход постиндустриального общества», пытаясь доказать несостоятельность формационного подхода К. Маркса к эволюции макроэкономических систем, предложил следующую классификацию этапов их развития: доиндустриальное общество; индустриальное общество; постиндустриальное общество. В этой классификации Д. Белл использует целых две пустые категории («доиндустриальное общество» и «постиндустриальное общество»), которые сами по себе никак не характеризуют ни этап, предшествующий индустриальному обществу, ни этап, последовавший за ним. Сказанное нами, заметим, вовсе не означает, что технологический подход к эволюции макроэкономических систем не имеет право на существование. В настоящее время, к слову скажем, основными подходами к характеристике качественной динамики экономических систем являются формационный, технологический и цивилизационный подходы. Каждый из них, на наш взгляд, имеет право на существование и развитие, поскольку помогает анализировать эволюцию общества с разных сторон.

При *формационном* анализе эволюции макроэкономических систем главное внимание уделяется формам собственности на средства производства и присвоению результатов производства. Предполагается, что изменение собственности на средства производства предопределяет трансформацию и социальной структуры общества.

И что в этом смысле изменилось со времен К. Маркса? Да, практически ничего! Ядро любой экономической реформы составляет приватизация либо национализация. Собственник средств производства, присваивая экономическую власть, на этом не останавливается. Он стремится к тому, чтобы и государство защищало его экономические интересы. Возьмем, к примеру, такой вопрос: кому должна принадлежать природная рента с добываемой нефти? Если исходить из принципа социальной справедливости, то она полностью должна поступать в государственный бюджет, но не к нефтяным олигархам.

В начале 90-х гг. прошедшего столетия редакция известного российского (ранее советского) журнала «Мировая экономика и международные отношения» провела экономическую дискуссию об отношении к формационной теории. В результате чего был сделан весьма странный и односторонний вывод: «следует заменить формационный подход цивилизационным, т.е. подходом с позиции общечеловеческих интересов, в основе которого лежат критерии западной цивилизации». Власть, одним словом, переменялась. Если продолжить логику рассуждений участников дискуссии, то можно, например, придти к выводу о том, что если левая рука не выполняет какие-то функции, то ее нужно отрезать. Формационный подход к анализу эволюции экономических систем, конечно же, имеет границы применения. Во внимание, в частности, не принимались внеэкономические факторы экономического роста, недооценивалась предпринимательская деятельность и т.д. Однако без него нельзя понять, почему происходят качественные изменения в динамике социально-экономических систем.

Эволюцию общества можно анализировать и по критерию *доминирующих в экономике технологий*, что позволяет выделить аграрную, индустриальную, информационную и интеллектуальную экономики. В настоящее время в экономике и обществе делают погоду, если так можно выразиться, новейшие информационные технологии. Они буквально преобразили такие сферы, как образование, бизнес, промышленное производство, научные исследования. Информация, как отмечает российский академик Р.Ф. Абдеев, превратилась в глобальный, в принципе неисчерпаемый ресурс человечества [6, 7].

Основными опорами *цивилизационного подхода* к анализу эволюции общества являются общечеловеческие ценности: свобода, демократия, своеобразие образа жизни, традиции, культура.

Каждому качественно отличному этапу в развитии общества, по нашему мнению, соответствует и определенный тип *социальной ориентации* экономики. Вполне обоснованным является выделение по критерию социальной ориентации таких типов экономических систем, как первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистическая. В современных условиях капиталистически и социалистически ориентированные экономики сосуществуют. При этом одна из них доминирует, но с необходимостью сохраняется и другая.

В основе, например, *социалистически ориентированной экономики* лежат принципы социальной справедливости, солидарности и ответственности членов общества. Они предполагают:

- общую ориентацию экономики на увеличение средней продолжительности жизни и уровня духовно-интеллектуального развития населения;
- социальную защищенность населения;

- создание условий для максимально возможной и эффективной занятости трудящихся;
- справедливое распределение доходов;
- социальные гарантии, например, на труд, отдых, образование;
- безопасность граждан и страны (экономическую, экологическую, социальную, национальную и др.).

Достоинства и «проваль» рыночной экономики

Недостаточно обоснованным является широко распространенное представление о том, что перспективная экономика Беларуси – это только рыночная экономика. Дело в том, что современная экономика является смешанной экономикой, а рыночная имеет пределы эффективности.

Рыночная экономика эффективна, когда речь идет о производстве товаров индивидуального потребления. К ним, например, относятся продукты, одежда, обувь. Рынок достаточно эффективен и когда производятся товары смешанного потребления, которыми могут пользоваться как индивидуальные потребители, так и их группы. В их число входят, например, холодильники, телевизоры, квартиры. В конечном счете, можно выделить эффективный рыночный сектор народного хозяйства, включающий производство и реализацию товаров индивидуального и смешанного потребления. К достоинствам рыночной экономики относят:

➤ Способность эффективно распределять ограниченные ресурсы. Они направляются в первую очередь на производство той продукции, которая способна превратиться в товар, то есть, полезна покупателю и может быть продана. Между тем на складах некоторых предприятий лежит большое количество невостребованной покупателем продукции. Это означает, что ресурсы были потрачены на производство бесполезной для общества продукции, которая в товар может и не превратиться.

➤ Ориентацию на минимизацию затрат ресурсов на производство и реализацию продукции. Рынок заставляет покупателя и продавца рационально использовать каждую денежную единицу. Для значительной же части жителей нашей республики является тайной за семью печатями количество и стоимость используемой за день воды, газа, тепла, потребление электроэнергии холодильником, телевизором. Многие граждане плохо представляют и цену потребляемых ресурсов.

➤ Высокую адаптивность к изменяющимся условиям. В 70-е годы прошлого века, например, резко повысились цены на энергоносители, тогда в странах с современными рыночными отношениями были разработаны альтернативные источники энергии, внедрены ресурсосберегающие технологии, введены режимы жесткой экономии энергоносителей. В результате чего была ослаблена зависимость от стран-экспортеров энергоресурсов.

➤ Оптимальное использование достижений НТП в экономической деятельности. Товаропроизводители, стремясь получить максимум прибыли, повышают эффективность производства, идут на риск, разрабатывают новые товары, вводят новейшие технологии, что позволяет им иметь временное преимущество перед конкурентами.

➤ Нацеленность товаропроизводителей на удовлетворение разнообразных платежеспособных потребностей населения. Фирмы, стараясь оставаться конкурентоспособными, стремятся расширить ассортимент, повысить качество продукции и т.д.

➤ Успешное функционирование при наличии ограниченной информации. Во многих случаях субъекту рыночных отношений достаточно иметь данные о цене и затратах ресурсов на производство и реализацию продукции. Фермерам, например, специализирующимся на производстве молока, совсем не обязательно знать, сколько молока потребляют дети, сколько другие фермеры выращивают коров молочной породы, сколько денег покупатели тратят на молоко. Им достаточно информации о ценах на молоко и корма, о затратах на различные породы скота, электроэнергию, рабочую силу. С такой информацией фермер сможет производить приблизительно то количество молока, которое необходимо для покупателей.

➤ Свобода выбора для покупателей и продавцов. Они независимы в принятии решений, заключении сделок и т.д. Тем самым в определенной мере обеспечивает условия для развития экономической демократии в жизни общества.

Вместе с тем, как об этом свидетельствует исторический опыт мировой экономики, реформаторы часто не учитывают оборотной стороны медали рыночной экономики, преувеличивают ее достоинства. Социальная эффективность рыночной экономики начинает падать, когда речь заходит о товарах только совместного потребления, даже если их можно продать индивидуальным покупателям. К ним относятся, в частности, услуги учреждений образования и здравоохранения, общественного пассажирского транспорта. Городской пассажирский автобусный и электрический транспорт, как правило, дотируется за счет средств местных бюджетов. Это означает, что рыночным он является не полностью. Другое дело – легковой пассажирский транспорт, который вполне может быть эффективным и в условиях рынка.

Можно, конечно, полностью перевести на рыночные отношения такие отрасли народного хозяйства, как образование и здравоохранение. На практике это будет означать, что получение этих услуг будет поставлено в зависимость от толщины кошелька покупателя, а не от необходимости в них. Сколько детей в таком случае не смогут получить образование, остается только догадываться. Между тем один из основателей всемирно известной фирмы «Сони» Ибука является и фанатиком образования. В книге «Детский сад – это слишком поздно» он подчеркивает, что образование должно начинаться с рождения и не заканчиваться до самой смерти. Доступными, очевидно, должны быть и услуги медицины в том случае, если возникает угроза здоровью человека. Сказанное вовсе не означает, что рыночный сектор не имеет право на существование в сфере образования и медицинского обслуживания. Наоборот, он должен развиваться достаточно быстро, поскольку тогда в этих отраслях появится конкуренция и возникнет дополнительный источник финансирования. Однако в любом случае должен быть реализован принцип доступности этих услуг, если в них возникает жизненная необходимость.

Производство продукции совместного потребления образует смешанный сектор экономики, в котором рыночные отношения сочетаются с государственным распределением продукции и услуг. Соотношение между рыночным и нерыночным секторами может меняться по мере роста благосостояния народа.

И, наконец, в реальной действительности производятся также общественные блага и услуги. Они определяются тремя признаками. Первый состоит в том, что они неделимы по своей природе, то есть в принципе не могут быть проданы индивидуальным покупателям. Как, например, продать свет фонарей на освещенных улицах населенных пунктов, услуги, производимые для водного транспорта маяком, министерством обороны, отдельному жителю государства? Во-вторых, на них не распространяется принцип исключения. И, в-третьих, выгода от общественных благ и услуг достается обществу в результате производства.

У рыночной экономики, как мы видим, есть и существенные недостатки. Перечислим их более подробно.

Во-первых, со временем угасает ее воспроизводственная функция. Дело в том, что из-за разницы в производительности труда одни собственники производительного капитала разоряются и пополняют армию наемных работников, а другие превращаются в монополистов, то есть в рыночной экономике сильные поедают слабых, а она, без соответствующей помощи государства, само ликвидируется. Но, может быть, в современных условиях процессы концентрации капитала и производства, монополизации экономики потеряли свою силу, и не стоит ломиться в открытую дверь? Ничуть не бывало! По данным ООН, в начале XXI столетия в мире функционировало свыше 50 тыс. транснациональных корпораций (ТНК). Они подчинили себе свыше 270 тыс. дочерних компаний. Под контролем ТНК находится до 40% промышленного производства в мире, половина международной торговли. Объем произведенной продукции на предприятиях ТНК ежегодно превышает 6 трлн. долларов. На них занято 73 млн. человек, или каждый десятый работник в мире, исключая сельское хозяйство. ТНК принадлежит 90% мировой торговли пшеницей, джутом и железной рудой, 85% – медью и бокситами, 80% – чаем и оловом, 75% – бананами, натуральным каучуком и сырой нефтью. На протяжении последних двух десятилетий около половины американского экспорта приходится на американские и иностранные ТНК. В Великобритании эта доля достигает 80%. 500 самых мощных ТНК реализуют 80% всей произведенной продукции электроники и химии, 95% фармацевтики, 76% продукции машиностроения, 85 из них контролируют 70% всех заграничных инвестиций [7, с. 10].

Во-вторых, рыночная экономика не способствует сохранению невоспроизводимых ресурсов. Предпринимателю как носителю экономических отношений в принципе все равно, на сколько лет у человечества осталось нефти, газа, угля. Главное – больше получить прибыли. По некоторым прогнозам разведанных запасов нефти в России осталось на 35 лет [8]. Ну и что мы будем делать, когда нефть закончится? Пострадает от недалековидной политики и Беларусь, поскольку в ней на долю нефтехимического комплекса приходится около 20% экспорта. Уже сейчас необходимо разработать программу замещения нефти, рассчитанную на длительный период времени.

В-третьих, не решает она проблем окружающей среды. Предприниматель добровольно не станет тратить деньги на создание дорогостоящих экологически чистых производств, поскольку это может снизить конкурентоспособность его продукции на рынке из-за возросших затрат. И только законодательная и исполнительная сила государства способна вынудить предпринимателя делать это.

В-четвертых, она не регулирует использование ресурсов, принадлежащих всему человечеству, например, рыбных богатств морей и океанов.

В-пятых, не ограничивает производство товаров, вредных для здоровья людей, снижающих продолжительность их жизни. При этом речь идет не только о наркотиках, оружии, сигаретах, алкогольных напитках. Некоторые компании развитых стран для хранения продовольственных товаров используют консерванты, отрицательно влияющие на здоровье людей.

В-шестых, не создает стимулов для производства, как об этом уже говорилось, благ и услуг общественного использования, например, дорог, дамб, портов, общественного транспорта.

В-седьмых, не гарантирует такие права человека, как на труд и справедливое вознаграждение, отдых и досуг, образование и медицинские услуги, защиту от безработицы. Рыночная экономика воспроизводит социальное и имущественное неравенство. В начале наступившего века, например, соотношение между доходами 20% самых богатых жителей нашей планеты и 20% самых бедных было равно 78:1, в 1960 г. – 30:1, в 1991 г. – 61:1. Неравенство в доходах, благодаря господству рыночной экономики, стремительно нарастает.

В-восьмых, не обеспечивает фундаментальных научных исследований. Почему? Все дело в том, что перспектива использования их результатов становится ясна не сразу и не дает немедленной отдачи.

Кому-то, возможно, покажется, что краски относительно рыночной экономики несколько сгустили, поэтому предоставлю слово авторам популярного на Западе, а теперь – и на пространстве СНГ, пособия по экономике – Роберту Хайлбронеру и Лестеру Тароу: «Она (рыночная система – В.Я.) эффективна и динамична, но совершенно лишена моральных ценностей. Она не призывает иных прав на получение товаров и услуг, кроме прав богатства и дохода. Те, кто обладает богатством или доходом, имеют право на получение товаров и услуг, производимых экономикой, те, кто не имеют дохода, не получают ничего... Если твердо придерживаться рыночной системы распределения, мы бы должны были преспокойно наблюдать, как вокруг нас люди мрут с голоду» [9]. Немецкий исследователь, философ П. Козловски в работе «Принципы этической экономики» приходит к такому же выводу: «В условиях экономики переходного периода, такого как в России, следует рассматривать этические условия экономического поведения, так как они не являются, как это зачастую утверждается, роскошью. Скорее они представляют собой условие эффективности и роста экономики» [10]. Такой вывод, по существу, означает, что только этическая экономика и может быть по-настоящему эффективной.

Итак, не стоит смотреть на рыночную экономику, как это часто делается, сквозь розовые очки, и правительство, проводя определенную экономическую политику, должно учитывать как лицевую, так и обратную стороны рыночной медали.

Кроме того, будем иметь в виду, что современная экономика состоит из двух секторов: рыночного – ориентированного на прибыль; и нерыночного – бесприбыльного. Экономика сегодня, говоря другими словами, является смешанной.

Что смешивается в смешанной экономике?

Категория «смешанная экономика» во многих случаях, как в зарубежной, так и в отечественной литературе трактуется некорректно. Вот как, например, представляют себе смешанную экономику авторы популярного в СНГ американского учебника: «Все современные экономики являются смешанными – находятся в промежутке между двумя крайностями: чисто командной и чисто рыночной системами. В смешанной экономике распределение ресурсов определяют и государственные решения, и рыночные силы. Действительное соотношение государства и рынка в различных странах сильно варьируется... Подчас напряженный спор возникает именно по поводу той роли, которую должны играть государство и рынок в экономике» [11]. Приведем еще один пример. В одном из белорусских пособий по курсу «Экономическая теория» говорится: «Современная смешанная экономика представляет собой регулируемое рыночное хозяйство» [12]. Соединение элементов в единое целое, как видно из сказанного, происходит по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька». На такое логическое несоответствие, к слову сказать, указывает и такой известный российский экономист, как О.Ю. Мамедов [13]. В приведенном определении смешанной экономики авторы противопоставляют логически непротивопоставимые элементы – «рынок» – «государство». Ошибка в высказывании состоит в том, что «рынку», согласно диалектической логике, можно противопоставить, только «не – рынок». Корректными также являются такие противопоставления, как «рыночная организация производства» – «нерыночная организация производства», «государственный сектор экономики» – «частный сектор экономики».

Приведенные выше методологически некорректное рассуждение и категории объясняются, скорее всего, отождествлением таких категорий, как «рынок» и «экономика». Авторы абсолютизируют роль рынка и полагают, что категории «рыночная экономика» и «экономика» являются эквивалентными.

Смешанную экономику можно классифицировать, по меньшей мере, по трем критериям: социальной ориентации, степени рыночности; форме собственности на ресурсы и факторы производства. В первом случае социалистические экономические отношения переплетаются с капиталистическими экономическими отношениями; во втором – сосуществуют и развиваются рыночная и нерыночная подсистемы экономики; в третьем – дополняют друг друга государственный и частный сектора. Для Республики Беларусь, вероятно, подходит вариант социалистически ориентированной смешанной экономики.

Какую роль играет государство в современной экономике?

Важным является и вопрос об экономической роли государства. Она может быть минимальной, когда экономика развивается по принципу А. Смита «Пусть идет, как идет». В этом случае государство главным образом выполняет функции «налогового инспектора», «ночного сторожа», «полицейского» и «арбитра». Эта роль может быть чрезмерной (избыточной), как это было, например, в СССР, когда предприятие без согласования с вышестоящими инстанциями не могло произвести даже лопату. Однако, в любом случае, в современной экономике вмешательство государства должно быть достаточным. Большая часть белорусских и российских экономистов сводят роль государ-

ства только к регулированию, как на уровне микроэкономики, так и – макроэкономики. В белорусском вузовском учебнике по экономической теории для студентов экономических специальностей в главе 15 рассматривается механизм микроэкономического регулирования, в следующей за ней главе 16 речь идет о государственном регулировании рыночной экономики, но перед этим сформулирован вопрос о целях развития национальной экономики и планировании [14]. При этом не принимается во внимание то обстоятельство, что категории «управление» и «регулирование» с логической точки зрения являются подчиненными. Причем в нашем случае объем категории «регулирование» полностью входит в объем категории «управление», но не исчерпывает ее. По мнению российского экономиста, специалиста в области управления экономикой Б. Райзберга, категория «управление» носит более общий характер, нежели категория «регулирование», и включает объем содержания последней в качестве составной части [15]. И это понятно. Под государственным регулированием экономики подразумевается **воздействие государства на деятельность хозяйствующих субъектов и рыночную конъюнктуру в целях обеспечения нормальных условий функционирования рыночного механизма** [16]. Понятие «регулирование» происходит от лат. *regular* – устраивать, приводить систему в порядок. Это означает, что государство время от времени должно приводить рыночную систему в порядок, в противном случае она перестанет существовать. Под государственным управлением будем понимать **сознательное воздействие государства на экономические процессы посредством целостной совокупности средств и методов для достижения определенных целей**. В этом случае государственное регулирование рыночной экономики выступает в качестве одной из функций государственного управления экономикой вообще. В связи с этим отметим парадоксальность позиции П.Д. Кухарчика и И.В. Новиковой, авторов статьи «Проблемы совершенствования государственного управления на современном этапе». Главное направление совершенствования государственного управления, по их мнению, сводится к следующему: «В экономической сфере, как считают западные специалисты по проблемам государственного регулирования, необходимо руководствоваться принципом «Свобода – как правило, регулирование – как исключение из нее» [17]. Во-первых, здесь точка зрения западных специалистов сомнению даже не подвергается, видимо, потому, что они западные. Но они ведь тоже – не боги. Программа «500 дней», например, реализованная в России, была разработана по рецептам специалистов из Гарварда. В результате чего российская экономика до сих пор не может восстановить уровень производства 1990 года. Им верить на слово тоже нельзя. Во-вторых, государству предложено «не валять дурака» и управлением экономики не заниматься вообще, так как регулирование еще не есть управление. Отремонтировав, например, часы, мы их отрегулировали и, следовательно, управлять ими больше не собираемся. Однако буквально на предыдущей странице ими было дано такое определение государственному управлению: «Это своего рода сфера услуг, оказываемых органами управления обществу, что, в свою очередь, вызывает необходимость бюджетирования (иначе говоря, расценки) функций этого управления с последующей возможной их приватизацией на всех уровнях». Государство здесь, как видно из высказывания, выступает как отрасль народного хозяйства, которая оказывает своего рода услуги. При определенных обстоятель-

ствах, надо понимать, от них можно отказаться вообще. При этом забывают о том, что государство является достаточно самостоятельным и независимым субъектом управления. Кроме того, оно – носитель социальной функции всего общества. Это означает, что, приватизируя какие-то его функции, мы тем самым ослабляем его социальную составляющую. Вряд ли в данном случае «овчинка стоит выделки». Вот еще пример из суждений того же ряда. Составители программы по экономической теории для студентов-экономистов БГУ считают, что студенты должны усвоить основные категории и законы либеральной экономической теории и на этом, почему-то, ставится точка. Перед нами два типичных образца либерально-капиталистической мысли. В их основе два постулата: 1. «Чем меньше государства в экономике и в обществе, тем лучше»; 2. «Подлинные ценности это – либеральные ценности, а остальные и «гроша ломаного не стоят». Автор данной статьи вовсе не хочет тем самым сказать, что эти самые либеральные ценности он на дух не переносит. Напротив, они имеют право на существование и развитие. Тем более что у либерального российского правительства они лежат в основе экономической политики. Хотим мы того, или нет, как говорится, придется дружить домами, так как идем к единому государству. Но надо отчетливо себе представлять, что либерально-капиталистические ценности выражают интересы максимум до 10% населения, а в Беларуси и в России и того меньше. Именно по либерально-капиталистическим рекомендациям и проводилась в России приватизация государственного имущества. Каков же ее итог? В декабре 2000 года в России было проведено социологическое исследование. На вопрос «Кто выиграл от приватизации государственной собственности?» были получены следующие ответы: «Рабочие и крестьяне» – 0%; «Интеллигенция, служащие» – 1%; «Трудовые коллективы» – 2%; «Я и моя семья» – 4%»; «Выиграло все общество» – 4%; «Партократы, старая номенклатура» – 17%; «Предприниматели» – 19%; «Представители иностранного капитала» – 19%»; «Работники управления» – 39%; «Теневые дельцы» – 40% [18]. Приведенные результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что помимо либеральных экономических ценностей имеют право на существование и широкое применение в экономической политике идеи социалистической ориентации общества. По данным доклада ООН за 2003 г., по такому важнейшему показателю уровня и качества жизни населения, как индекс развития человеческого потенциала, на первом и третьем местах находились Норвегия и Швеция, где проводится социал-демократически ориентированная экономическая политика. Социалистические концепции выражают чаяния большинства населения Беларуси и России, а правительство в государственном управлении экономикой, прежде всего, должно выражать его интересы.

Основными функциями государственного управления макроэкономической системой в современных условиях являются:

1. Целеполагание;
2. Организация производства и потребления общественных благ и услуг;
3. Регулирование экономики;
4. Воспроизводство денег, необходимых для эффективного развития экономики;
5. Управление государственным сектором экономики;
6. Производство и распространение полной и достоверной информации о деятельности государственных органов, социально-экономической жизни общества;

7. Создание условий для обязательного потребления социально значимых и необходимых для населения благ и услуг, например, в образовании и медицине;
8. Планирование и прогнозирование социально-экономического развития страны;
9. Безопасность страны и граждан (экологическая, экономическая, охрана здоровья и порядка, защита прав потребителей).

Функция целеполагания предполагает постановку и реализацию следующих целей:

- увеличение средней продолжительности жизни и уровня духовно-интеллектуального развития населения;
- достижение полной и эффективной занятости трудоспособного населения;
- устойчиво высокий и сбалансированный экономический рост;
- социально справедливое распределение доходов;
- развитие экономической демократии. Максимально возможное привлечение работников управлению экономикой, развитие социального партнерства;
- рациональное воспроизводство природной и окружающей среды.

Под государственным регулированием экономики будем подразумевать:

- воспроизводство добросовестной конкуренции между субъектами рыночной экономики. В Республике Беларусь с этой целью действует закон «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»;
- проведение антициклической стабилизационной политики;
- стимулирование положительных внешних эффектов экономической деятельности субъектов хозяйствования;
- регулирование внешнеэкономических отношений и т.д.

Методы государственного управления экономикой

Эффективность государственного управления экономикой во многом определяется применяемыми при этом методами. В экономической литературе, как правило, рассматриваются правовые, административные и экономические методы государственного управления. Однако в последние годы возрастает значение таких методов, как социально-психологические и идеологические.

Правовое управление экономикой предполагает принятие Конституции страны и целостной совокупности законодательных актов, образующих хозяйственное право, например, законов о собственности, предпринимательской деятельности, предприятиях и т.д. С целью эффективного экономического управления в хозяйственном праве прописаны такие имущественные вопросы, как владение, пользование, распоряжение, наследование, аренда, залог и т.п. Такое законодательство создает базу и для борьбы с экономической преступностью.

К административным методам относятся:

- разрешения, например, лицензирование экономической деятельности;
- запреты, например, на новое промышленное строительство в городской черте;
- стандарты и нормы, например, нормы выбросов вредных веществ, использование двигателей ЕВРО-3.

Систему методов государственного экономического управления образуют:

- бюджетно-налоговые – разработка государственного бюджета, налоги, субсидии, дотации, трансферты, субвенции, преференции;
- кредитно-денежные – ставка рефинансирования, кредитные и депозитные процентные ставки, операции на открытом рынке;
- валютного регулирования – девальвация и ревальвация валюты;
- ускоренной амортизации;
- внешнеэкономического регулирования — экспортные субсидии, таможенные тарифы, демпинг, выставки, ярмарки.

Социально-психологические методы основаны на социальной психологии людей, их общественной морали и психологической предрасположенности. Известный философ, психолог и социолог Эрих Фромм, например, выделяет неплототворные и плодотворную ориентации личности. К числу первых он относит восприимчивую, авторитарную, стяжательскую и рыночную ориентации. Под плодотворной ориентацией он подразумевает способность личности использовать свои силы и реализовывать заложенные в ней потенциальные возможности [19].

В экономической политике следует учитывать и отличия белорусского и российского менталитета по сравнению с менталитетом народов Западной Европы, США, Канады. В чем это конкретно выражается? Во-первых, белорусы и россияне отличаются повышенной тягой к духовной, эмоциональной стороне жизни, европейцы же и американцы являются более рациональными. Во-вторых, отметим и стремление к коллективной форме существования, что исторически обусловлено как неблагоприятными природно-климатическими условиями, так и недостаточно высоким материальным уровнем жизни [20, с. 76, 77]. Поэтому вряд ли стоит нас, восточных славян, силой заталкивать в западный образ жизни.

Большое значение в современных условиях приобретают и **идеологические методы государственного управления экономикой. Они определяются господствующей в стране идеологией.** Какой же выбор у Республики Беларусь в условиях ее интеграции с Россией?

Во-первых, это может быть либерально-капиталистическая идеология. Основными ее признаками являются:

- минимальная экономическая роль государства;
- господство частнокапиталистической формы собственности на ресурсы и факторы производства;
- поощрение индивидуализма граждан;
- пизкая налоговая нагрузка на предпринимателей, в том числе невысокая пропорциональная ставка подоходного налога (в России она составляет 13%);
- невысокий удельный вес расходов на социальные программы в госбюджете и т.д.

Во-вторых, это может быть и социалистическая идеология. Ее ядро составляют следующие признаки:

- значительная социально-экономическая роль государства;
- доминирование общественных форм собственности на средства производства;
- поощрение коллективных способов экономической деятельности;
- высокий удельный вес расходов на социальные программы в госбюджете;

- прогрессивная ставка подоходного налога;
- широкое привлечение работников к управлению экономикой;
- воспитание ответственности за последствия хозяйственной деятельности;
- поощрение активности, инициативы и стремления рационально использовать экономические ресурсы;
- моральное поощрение людей, например, вручение им почетных грамот, награждение орденами и т.д.

В реальной экономической политике приходится сочетать методы социалистической и либерально-капиталистической идеологий с доминированием одной из них. Для Республики Беларусь в настоящее время больше подходит вариант, основанный на социалистической идеологии с элементами либерально-капиталистической.

Кроме того, надо иметь в виду, что методы государственного управления экономикой образуют целостную систему, и их применение в экономической политике должно быть сбалансированным. Административные методы, например, следует использовать в тех случаях, когда применение на практике экономических методов оказывается недостаточно эффективным.

Основные выводы

1. Любая экономическая система в каждом элементе содержит социальную составляющую. Поэтому результатом реформирования экономики должно быть создание такой экономической системы, которая сочетала бы преимущество современного хозяйства с эффективными социальными отношениями.

2. В настоящее время основными подходами к оценке эволюции социально-экономических систем являются формационный, технологический и цивилизационный и каждый из них выполняет свои функции и имеет право на существование и развитие. Только комплексное их использование позволяет получить полную картину качественной динамики общества.

3. Смешанную экономику можно классифицировать, по меньшей мере, по критериям социальной ориентации, форме собственности и степени рыночности. Современная экономика является смешанной в том смысле, что в ней сочетаются капиталистические отношения с социалистическими, государственная собственность с частной, рыночный сектор с нерыночным.

4. Регулирование микро- и макроэкономических систем в современных условиях является одной из функций государственного экономического управления. Управление экономикой означает использование правовых, административных, экономических, социально-психологических и идеологических методов. В основе выбора методов государственного экономического управления может быть либо либерально-капиталистическая идеология, либо социалистическая, либо их сочетание с доминированием одной из них.

5. Для современной Беларуси в условиях формирования Союза с Россией естественной является модель управляемой государством и социалистически ориентированной смешанной экономики, развиваемой с целью увеличения средней продолжительности жизни и повышения духовно-интеллектуального и нравственного уровня населения.

Л и т е р а т у р а

1. Советская Белоруссия. 28.03.2003 г.
2. **Кейнс Дж.М.** Общая теория занятости, процента и денег. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. – С. 517.
3. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы. – Мн.: «Беларусь», 2001. – С. 39.
4. **Зайченко Н.П., Полоник С.С., Богданович А.В., Александрович Я.М.** Основные положения Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. // Белорусский экономический журнал, 2004, № 3. – С. 6.
5. **Бабосов Е.М.** Экономическая социология. Вопросы и ответы. – Мн.: «ТетраСистем», 2004. – С. 23.
6. **Абдеев Р.Ф.** Философия информационной цивилизации. – М.: ВЛАДОС, 1994.
7. **Друзик Я.С.** Мировая экономика: страны, регионы, континенты: Учебное пособие. — Мн.: ООО «ФУАинформ», 2002.
8. **Паршев А.П.** Почему Россия не Америка. – М.: КРЫМСКИЙ МОСТ—9Д, ФОРУМ, 2002. – С. 60.
9. **Хайлбронер Р., Тароу Л.** Экономика для всех. Пер. с англ. – Тверь: изд-во «Фамилия», 1994. – С. 175.
10. **Козловски П.** Принципы этической экономики. Пер. с нем. – СПб, 1999. – С. 5.
11. **Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.** Экономика. Пер. с англ. – М.: «Дело ЛТД», 1993. – С. 14.
12. **Базылев Н.И., Базылева М.Н.** Экономическая теория: Учебное пособие для студентов не экономических специальностей вузов. – Мн.: Книжный Дом, 2005. – С. 65.
13. **Мамедов О.Ю.** Смешанная экономика. Двухсекторная модель. Элективное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов экономических специальностей. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2001. – С. 7.
14. Экономическая теория: Учебник / Под ред. **Н.И. Базылева, С.П. Гурко.** – Мн.: БГЭУ, 2002.
15. **Райзберг Б.А.** Курс управления экономикой. – СПб.: Питер, 2003. – С. 29.
16. **Орешин В.П.** Государственное регулирование национальной экономики (в вопросах и ответах): Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 13.
17. Беларусь–Россия–Китай: к новой парадигме истории. Сб. науч. тр. – Мн.: ИСПИ, 2003. – С. 104.
18. Реформирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 году. Т. 1. М., 2001. – С. 13.
19. **Фромм Э.** Бегство от свободы; Человек для себя / Пер. с англ. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – С. 476.
20. **Соколинский В.М.** Психологические основы экономики: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ, 1999. – С. 76, 77.

УДК 796.42

Исследование физической подготовленности прыгунов в высоту во взаимосвязи с соревновательной деятельностью

М.М. Шур, Ю.Н. Халанский

1. Рационализация многолетней подготовки легкоатлетов в прыжках в высоту

Современные подходы к выявлению закономерностей становления и совершенствования спортивного мастерства в различных видах легкой атлетики базируются на изучении факторов, обеспечивающих результативность занимающихся в избранном виде на различных стадиях и этапах подготовки.

На основании обобщения опыта передовой спортивной практики, анализа научно-методической литературы и собственных исследований процесса многолетней подготовка рассматривается нами с позиций системного подхода как сложная система, состоящая из двух уровней. Первый уровень представляет собой основы многолетней подготовки, включая в структуру основные компоненты – условное разделение учебного процесса на стадии и этапы подготовки. Второй уровень – организация управления подготовкой на каждой стадии и этапе.

Как отмечает В.Н. Платонов, структура многолетней подготовки зависит от многих факторов, в числе которых выделяются:

- структура соревновательной деятельности и подготовленности спортсменов, обеспечивающая высокие спортивные результаты;
- закономерности становления различных сторон спортивного мастерства и формирования адаптационных процессов в ведущих для данного вида спорта функциональных системах организма;
- индивидуальные и половые особенности спортсменов, темпы их биологического созревания и темпы роста спортивного мастерства;
- содержание тренировочного процесса – состав средств и методов, динамика нагрузок, построение различных структурных образований, дополнительные факторы (специальное питание, тренажеры, восстановительные и стимулирующие работоспособность средства).

Перечисленные факторы определяют возраст, благоприятный для начала занятий спортом; время, необходимое для овладения рациональной техникой прыжка в высоту; возрастные зоны проявления оптимальных возможностей и высших достижений; общую продолжительность многолетней тренировки и ее отдельных этапов; оптимальную возрастную динамику становления спортивного мастерства.

Первый фактор, который приходится учитывать тренеру еще при комплектовании тренировочных групп — возраст, благоприятный для начала занятий данным видом спорта. Благоприятным можно считать возраст, в котором начали тренироваться сильнейшие представители этого вида легкой атлетики. По нашим данным 91,6% сильнейших прыгунов в высоту 70–90-х годов XX века начали заниматься различными видами спорта в 10–12 лет. Из них 82,7% прыгунов и 78,4% прыгуньи приступили к овладению техникой прыжку в высоту с 12–13 лет (табл. 1).

Таблица 1

Возрастные данные сильнейших спортсменов мира в прыжках в высоту

Показатели	Минимальный	Средний	Максимальный
Ж Е Н Щ И Н Ы			
Победители Олимпийских игр и чемпионатов мира	16,5	22,8	28,6
Участники, занявшие 1–4 место на Олимпийских играх и чемпионатах мира	16,9	24,7	30,3
Возраст начала занятий спортом	10,1	11,6	13,7
Возраст начала занятий прыжками в высоту	10,1	12,4	15,6
На каком году выступлений показали лучший результат	8,3	12,3	17,4
Возраст достижения результатов:			
180 см	14,8	17,2	19,4
190 см	16,6	21,2	26,6
195 см	16,9	22,4	25,8
200 см	19,3	24,0	27,4
205 см	20,5	25,5	29,3
М У Ж Ч И Н Ы			
Победители Олимпийских игр и чемпионатов мира	18,8	25,2	29,3
Участники, занявшие 1–4 место на Олимпийских играх и чемпионатах мира	17,7	26,8	31,4
Возраст пачала занятий спортом	8,0	11,4	13,7
Возраст начала занятий прыжками в высоту	9,2	12,1	16,8
На каком году выступлений показали лучший результат	5,8	10,5	14,4
Возраст достижения результатов:			
180 см	15,1	16,2	18,4
190 см	16,0	17,3	19,8
195 см	16,9	18,7	20,7
200 см	17,2	20,1	24,8
205 см	21,1	23,3	27,6

Одним из необходимых условий построения эффективной системы многолетней спортивной подготовки является учет закономерностей процесса становления мастерства занимающихся. Будущие выдающиеся прыгуны в высоту уже в возрасте 17,2 года имели в своем активе прыжки на 180 см при тренировочном стаже в прыжках 3–4 года. Средний возраст достижений 200 см у женщин составил 24,0 года (тренировочный стаж – 12,3 года), а возраст достижения результатов 205 см и выше – 25,5 года. Средний возраст достижения результата 210 см у мужчин составил 17,3 года. Для достижения результата 220 см требуется в среднем 7,4 года (возраст прыгунов 16,9–20,7 года). Средний возраст достижения выдающихся результатов (230 см и более) составил 24,8 года, при тренировочном стаже 10,5 года (табл. 1). Таким образом, средняя продолжительность занятий спортом до достижения индивидуального максимума в прыжках в высоту с разбега составляет 10,5 года у мужчин и 12,3 года у женщин, максимальная – 14,4 и 17,4 года, соответственно. Достижению лучшего результата, как правило, предшествует 9–10 лет специальной тренировки. После достижения результатов 190 см у женщин, 225 см у мужчин (и более) 87,7% прыгунов в высоту продолжали активную спортивную карьеру еще 5–6 лет.

Вместе с тем необходимо отметить, что высокие спортивные результаты показывали спортсмены различного возраста. Прыгуны становились победителями и призерами Олимпийских игр и чемпионатов мира в возрасте от 18,8 до 31,4 год, прыгуны – от 16,5 до 30,3 года. У выдающихся прыгунов разница между минимальным и максимальным возрастом начала занятий спортом составляет 7 лет. Овладеть техникой прыжка эти спортсмены начали в возрасте от 8 до 22 лет. С другой стороны, за последние 25 лет возраст участников, финалистов, призеров и победителей олимпийских игр и чемпионатов мира в прыжках в высоту с разбега стабилен, несмотря на совершенствование системы подготовки.

Основываясь на результатах ряда исследований [1, 2, 3, 4, 5] и собственного анализа, целесообразно разделить многолетнюю подготовку прыгунов в высоту на три стадии с подразделением их на этапы, в которых решаются задачи общей и специальной подготовки прыгунов в высоту.

I стадия – базовая подготовка. Включает два этапа: этап предварительной спортивной подготовки и отбора (возраст занимающихся 10–12 лет); этап начальной спортивной специализации (13–15 лет).

II стадия – развитие спортивных возможностей. Подразделяется на два этапа: этап углубленной тренировки (15–16 лет, результаты у юношей – 195–205 см, у девушек 175–181 см); этап спортивного совершенствования (17–18 лет, результаты у юношей – 210–224 см, у девушек – 182–192 см).

III стадия – высшего спортивного мастерства. Включает два этапа: этап дальнейшего совершенствования взаимосвязи между техническим мастерством прыгунов в высоту и их двигательным потенциалом (19–22 года, результаты у мужчин 225–240 см, у женщин 195–210 см); этап спортивного долголетия (23–30 лет).

Представленная структура многолетнего учебно-тренировочного процесса подготовки прыгунов в высоту в целом верна для подавляющего большинства спортсменов, но в отдельных случаях, как показал анализ, не может быть применена к спорт-

сменам с яркими индивидуальными особенностями. Эти спортсмены, не изменяя основных закономерностей многолетней подготовки, добиваются результатов мирового класса на один-три года раньше оптимальных возрастных зон. Так, среди женщин чемпионка мира и Олимпийских игр С. Костадинова в 19 лет преодолела двухметровый рубеж, и ей потребовалось еще 3 года, чтобы преодолеть 209 см. Двукратная олимпийская чемпионка У. Мейфарт в 16 лет показала результат 192 см и через 13 лет достигает личного рекорда 205 см. Динамика результатов Д. Мегенбург в 15 лет – 205, 17 лет – 223, 19 лет – 235, 23 года – 239 см; С. Смит в 16 лет – 209, 17 лет – 225, 19 лет – 237 см; И. Паклин в 16 лет – 206, 19 лет – 224, 22 года – 241 см.

2. Обоснование средств спортивного отбора и контроля специальной подготовленности прыгунов в высоту

Одним из главных аспектов контроля в спорте является комплексная оценка специальной подготовленности занимающихся, характеризующая отдельные стороны подготовки. С этой целью целесообразно использовать минимальный комплекс инструментальных методов и педагогических тестов, которые давали бы возможность получить более полную информацию о динамике специальной подготовленности прыгунов в высоту под воздействием тренировочных и соревновательных нагрузок.

По результатам анкетного и устного опроса, анализа научно-методической литературы мы отобрали тесты для контроля физической, технической, тактической, подготовленности прыгунов в высоту.

С использованием критериев стандартизации и методов математической статистики была определена пригодность этих тестов для спортивного отбора, при разработке модельных характеристик и контроля отдельных сторон подготовленности спортсменов.

В ходе анкетирования была определена значимость различных факторов для достижения высоких результатов в прыжках в высоту:

1. Физическая подготовленность.
2. Техническая.
3. Функциональная.
4. Тактическая.

3. Взаимосвязь тестов физической подготовленности с результатом прыжка в высоту с разбега

Раскроем особенности взаимосвязей показателей, характеризующих физическую подготовленность с результатом прыжка в высоту, в шести возрастных группах (10–11, 12–13, 14–15, 16–17, 18–19, 20 лет и старше) для мужского и женского контингента.

У мужчин и женщин во всех возрастных группах обнаружена слабая корреляционная связь интегрального показателя (результата в прыжке в высоту с разбега) с показателями быстроты реакции и быстроты движения ($r = 0,468–0,301$), при увеличении возраста и спортивной квалификации прыгунов эта связь ослабевает и в возрастной группе свыше 20 лет (на уровне мастеров спорта) становится недостоверной.

Показатели, характеризующие скорость бега (бег на 20 и 30 м со старта и с хода, бег на 60 м со старта, бег на 100 м хода), наиболее тесно связаны с результатом в прыжке в высоту в юношеских группах ($r = 0,750-0,800$). У квалифицированных прыгунов эта связь заметно слабее ($r = 0,550-0,748$).

Анализ связи спортивного результата с показателями скоростно-силовой подготовленности в прыжковых тестах показал следующее. Все рассматриваемые тесты имеют достоверную связь с результатами прыжка в высоту, однако в различные возрастные периоды у мужчин и женщин сила этой связи различна. У прыгуний с ростом спортивной квалификации (возраста), как правило, усиливается связь спортивного результата с достижениями в тестах, характеризующих силовую составляющую. Например, в выпрыгивании вверх с махом рук в 10–11 лет $r = 0,735$, а в 20 лет $r = 0,922$.

У мужчин по мере роста спортивной квалификации усиливается связь интегрального показателя с результатами в тройном прыжке с места (в 10 лет $r = 0,640$, в 20 лет $r = 0,872$), выпрыгивании вверх с трех шагов ($r = 0,791$ и $0,946$) соответственно, и относительной прыгучестью ($r = 0,735$ и $0,942$).

В то же время у спортсменов обоего пола ослабевает связь спортивного результата с результатами в многоскоках (пятикратном, десятикратном прыжках), а сама эта связь является слабой и умеренной ($r = 0,396-0,746$).

В бросковых тестах, характеризующих взрывную силу (бросок ядра через голову; назад и бросок ядра снизу вперед), у мальчиков в возрасте 10–15 лет результаты умеренно связаны с результатом в прыжке в высоту ($r = 0,621-0,773$), в возрасте 16–17 лет эта связь становится очень тесной ($r = 0,988$), после чего уменьшается до умеренной и слабой.

У девушек наиболее тесная связь результатов в броске ядра с результатом прыжка в высоту отмечена в 10–13 лет и 20 лет ($r = 0,810-0,812$). У 14–15-летних связь названных показателей является слабой, хотя и остается статистически значимой. Анализируя связь достижений в прыжке в высоту с результатами силовых тестов, мы обнаружили, что только 2 из них существенно связаны со спортивным результатом – приседание со штангой на плечах и относительная сила в приседании со штангой. При этом в старших возрастных группах достижения в прыжке у мужчин более тесно связаны с относительной силой ($r = 0,949$), а у женщин с абсолютной силой, т.е. с приседаниями ($r = 0,891-0,930$).

Анализ спортивного результата с достижениями в двигательных заданиях, характеризующих выносливость к работе различной интенсивности, показал, что между ними существует умеренная, но статистически значимая связь. Здесь также отмечены половые различия – у мужчин результаты в прыжке в высоту тесно связаны с результатами в беге на 150 м ($r = 0,572-0,809$), а у женщин – с достижениями в беге на 300 м ($r = 0,683-0,787$). Аналогичная картина получена при анализе связи спортивного результата с величинами «запаса скорости» Р 30–150 и Р 100–300 м. Мы считаем это свидетельством того, что названные тесты косвенно оценивают и силовую выносливость.

Способность к работе большой и умеренной интенсивности (бег на 1000 м и 6-минутный бег) достоверно связана со спортивным результатом только у юных прыгунов. Сила связи при этом весьма незначительная. С ростом спортивной квалификации прыгунов связь эта еще более ослабевает и делается несущественной.

Влияние подвижности в суставах, измеряемой по наклону стоя на спортивный результат, несколько увеличивается от 10 к 20 годам у женщин, а у мужчин достигает максимума к 16–17 годам. Но связь этих двух показателей не более чем умеренная ($r < 0,604$).

Результаты тестов координационных способностей умеренно или слабо связаны с интегральным показателем. С увеличением возраста прыгунов и прыгуний эта связь ослабевает и перестает быть значимой. Следует отметить существование умеренной связи между спортивным результатом и результатом в челночном беге 4 x 10 м у мальчиков и девочек 10–13 лет ($r = 0,614–0,776$).

Решая задачу минимизации батареи тестов, мы определили их эквивалентность. Выявилось, что тесты, характеризуют беговую скорость (бег на 30 м с низкого старта и с хода, бег на 60 м со старта) и скоростную выносливость (бег на 150 и 300 м) обладают хорошей и отличной эквивалентностью ($r = 0,902–0,973$). Эквивалентность беговых и прыжковых тестов (прыжок в длину с места, тройной прыжок с места, выпрыгивание с места вверх и т.д.) – средняя ($r = 0,806–0,892$). Взаимосвязь прыжковых тестов с силовыми приемлемая или средняя ($r = 0,770–0,859$), а с бросковыми тестами, как правило, низкая ($r = 0,618–0,739$).

Эквивалентность прыжковых тестов колеблется от средней до отличной ($r = 0,809–0,963$). Между результатами прыжковых и бросковых тестов, а также силовых, обнаружена средняя связь ($r = 0,793–0,879$), за исключением десятикратного прыжка ($r < 0,750$). Эквивалентность бросковых тестов отличная ($r = 0,991$), а связь бросковых и силовых тестов хорошая.

Следует отметить, что результаты в беге на 1000 м и 6-минутном беге, характеризующие выносливость, не имеют достаточно тесной связи с достижениями в тестах других физических качеств. Это указывает на то, что развитие общей выносливости занимает специфическое место в подготовке высококвалифицированных прыгунов в высоту.

Определяя добротность исследуемых тестов, мы выявили, что информативность большинства из них колеблется от низкой до хорошей ($r = 0,668–0,926$), а надежность хорошая и отличная ($r = 0,9078–0,988$). Это объясняется однородностью групп прыгунов, составом тестов (не отличающихся координационной сложностью) и их освоенностью испытуемыми.

4. Связь результатов в прыжках в высоту с антропометрическими показателями прыгунов

Анализ показал, что из девяти рассмотренных показателей (длина тела стоя и сидя, длина ноги, стопы, кисти, отношение длины ног к длине туловища и головы, весо-ростовой индекс, масса тела, окружность грудной клетки) только четыре достоверно коррелируют со спортивным результатом у прыгунов и прыгуний всех возрастных групп (табл. 2).

С интегральным показателем наиболее тесно связана длина тела занимающихся. С возрастом эта связь усиливается: у мужчин от $r = 0,845$ в 10–12 лет до $r = 0,956$ в 20 лет, у женщин – с $r = 0,802$ до $r = 0,926$ соответственно. Такое же положение заре-

гистрировано и с отношением длины ног к длине туловища и головы: в 10–12 лет у юношей $r = 0,657$, у девушек – $r = 0,746$, в 20 лет соответственно $r = 0,818$ и $0,901$.

Взаимосвязь длины ног и результата в прыжках во всех возрастных группах низкая или умеренная ($r = 0,634–0,771$) и только у женщин старше 20 лет достигает среднего уровня ($r = 0,890$).

Сила связи «спортивный результат – масса тела» у мужчин и у женщин с возрастом снижается со средней до низкой. У мужчин до $r = 0,572$, у женщин – до $r = 0,654$. Мы считаем это свидетельством того, что у юношей и девушек результат в прыжке в высоту в большей мере определяется скоростно-силовой подготовленностью занимающихся, а в дальнейшем возрастает значение других факторов.

Определенный интерес представляют данные о возрастной динамике связи результата в прыжке с длиной стопы и длиной кисти. Мы обнаружили, что у мужчин достижения в прыжке тесно связаны с длиной стопы, причем наиболее сильная связь отмечается в возрасте 10–12 лет ($r = 0,856$), после чего значительно уменьшается и в 18–19 лет делается несущественной. Длина кисти руки у мужчин и их спортивные результаты связаны слабо – в 10 лет $r = 0,618$, с 15 лет $r < 0,350$.

У женщин с результатом в прыжке в высоту более тесно связана длина кисти руки, но, как и у мужчин, эта связь слабеет с возрастом: в 10–11 лет $r = 0,896$, в 12–13 – $r = 0,782$, в 14–15 – $r = 0,761$, с 16–17 лет – $r = 0,350$. Эти данные указывают на желательность учета длины кисти и стопы у детей 10–12 лет для повышения качества спортивного отбора и прогноза в прыжках в высоту.

Таблица 2

**Добротность тестов, используемых для диагностики общей
и специальной физической подготовленности прыгунов в высоту,
по результатам метрологической аттестации**

ЖЕНЩИНЫ

Тестируемые способности	Наименование тестов	Надежность	Информативность	Степень надежности
Беговая скорость	Бег на 30 м с ходу	0,941	0,911	отличная
	Бег на 60 м	0,877	0,835	хорошая
Силовые	Приседание со штангой на плечах	0,907	0,836	хорошая
Скоростно-силовые (взрывная сила мышц ног)	Тройной прыжок с места	0,883	0,758	хорошая
	Выпрыгивание верх со взмахом рук	0,953	0,862	хорошая
	Выпрыгивание верх с трех шагов разбега	0,908	0,811	отличная
	Относительная прыгучесть	0,937	0,886	отличная

Скоростно-силовые (взрывная сила мышц рук)	Бросок ядра двумя руками снизу вперед	0,874	0,812	хорошая
	Бросок ядра двумя руками назад через голову	0,944	0,895	хорошая
Скоростная выносливость	Бег на 150 м	0,766	0,743	хорошая
	Бег на 300 м	0,803	0,776	хорошая
	«Запас скорости» (Р-150-30)	0,814	0,836	хорошая
	«Запас скорости» (Р-300-30)	0,749	0,786	приемлемая
Гибкость	Наклон вперед из положения стоя	0,885	0,686	приемлемая

Анализ взаимосвязи между указанными антропометрическими показателями проводился с учетом того, что мы не выявили принципиальных различий связи этих показателей со спортивным результатом у мужчин и женщин, а также в соседних возрастных группах. Это позволило нам провести анализ в 3-х мужских группах: 12–13, 16–17, 20 лет и старше.

Анализ взаимосвязей между антропометрическими показателями показал, что из 36 пар рассчитанных коэффициентов корреляции в возрастной группе 12–13 лет на достоверно значимом уровне находятся 29 пар (80,6%), в 16–17 лет – 28 пар (77,8%), 20 лет и старше 20 пар (55,6%), эти данные указывают на то, что с ростом спортивного мастерства уменьшается взаимосвязь между различными антропометрическими показателями.

С возрастом усиливается связь длины тела с отношением длины ног к длине туловища (в 12–13 лет – $r = 0,787$, в 20 лет – $r = 0,937$). Ослабевают связь с длиной стопы ($r = 0,984$ и $r = 0,4845$ соответственно). Связь длины тела с длиной ног и ростом сидя мало изменяется с возрастом. Первая колеблется в пределах от $r = 0,887$ до $r = 0,933$, вторая – от $r = 0,845$ до $r = 0,877$.

Результаты анализа корреляционной взаимосвязи между результатом в прыжках в высоту и антропометрическими показателями у прыгунов различного возраста, пола и квалификации показал, что с учетом выявленной взаимосвязи на этапе высшего спортивного мастерства основными показателями для оценки физического развития прыгунов в высоту являются: длина тела, масса тела, соотношение длины ног к туловищу и голове. В юношеских группах для прогнозирования длины тела следует использовать дополнительно большие размеры кисти рук и ступни ног.

5. Результаты исследования ритмо-темповой структуры разбега в прыжках в высоту способом «Фосбери-флоп»

Анализ научно-методической литературы [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14] показал, что значительная часть исследований ритмо-темповой структуры разбега в прыжках в

высоту проводилась на высококвалифицированных спортсменах. При этом в большинстве работ отсутствовали сведения об уровне подготовленности прыгунов, а также возрастно-половые данные исследуемых контингентов.

С учетом выше изложенного нами были проведены исследования среди мужчин и женщин прыгунов в высоту по трем квалификационным группам. В первую группу у женщин были включены спортсменки, имеющие результаты 190 см и выше, вторую группу составили спортсменки, имеющие результаты 175–185 см, в третью группу вошли спортсменки, имеющие 160–170 см. Среди мужчин исследовались группы следующего уровня подготовленности: первая, имеющие результат 225 см и выше, вторая – 210–215 см, третья – 195–205 см.

Обработка и интерпретация результатов исследований выявила следующее: вариационный анализ показал, что все группы испытуемых были однородны по всем исследуемым показателям, кроме силовых ($V > 10\%$).

Анализ вариации частоты трех последних шагов разбега тренировочных и соревновательных попыток также не показал существенных индивидуальных различий данного показателя при выполнении.

Сравнительные частоты трех последних шагов разбега в прыжках на различную высоту в условиях тренировки и соревнованиях, а также сравнение данного показателя в удачных и неудачных попытках в этих же условиях не выявили статистически значимых различий. Так, при увеличении высоты планки с 1,50 см до 1,85 см у женщин и с 175 см до 210 см у мужчин частота последнего шага изменялась в пределах 6%. Различия между удачными и неудачными попытками по частоте шагов не превышала 8,5% во всех рассматриваемых группах ($P > 0,05$). В связи с этим мы сочли возможным обобщить все данные о частоте шагов разбега в удачных и неудачных попытках в условиях тренировки и соревнованиях (табл. 3).

Таблица 3

**Частота трех последних шагов в прыжках в высоту
способом «Фосбери-флоп» у прыгунов различной квалификации**

Группа	Темп последнего шага разбега, шаг/с			Разница в ускорении	
	В третьем шаге	В предпоследнем шаге	В последнем шаге	Между третьим и предпоследним шагом	Между третьим и последним шагом
Ж Е Н Щ И Н Ы					
Первая	3,24	3,66	4,29	0,42	1,05
Вторая	3,16	3,48	4,07	0,32	0,91
Третья	3,11	3,24	3,74	0,13	0,63
М У Ж Ч И Н Ы					
Первая	3,25	3,58	4,28	0,33	1,03
Вторая	3,14	3,38	4,02	0,24	0,88
Первая	3,14	3,28	3,88	0,15	0,74

Из приведенных в таблице 3 данных видно, что во всех трех рассматриваемых группах частота шагов движений прыгунов подчинена единой закономерности и неуклонному возрастанию темпа к последнему шагу перед отталкиванием. Различие составляет частота трех последних шагов разбега, которая в третьем шаге в первой группе, составляет преимущество над второй группой 0,08 шаг/с при статистической недостоверности различий ($P > 0,05$) и над 0,13 шаг/с на третьей группой при достоверности различий ($P < 0,05$).

По показателю в предпоследнем шаге разница частоты шагов между группами увеличивается: так, первая группа имеет достоверное преимущество над второй и третьей группами соответственно 0,18 и 44 шаг/с при $P < 0,05$. Разность между второй и третьей группой составила 0,24 шаг/с. В последнем шаге значительно изменилась величина частоты шагов в группе, которая составила в 1 группе – 4,29 шаг/с, 2 группе – 4,07, 3 группе – 3,74 шаг/с, что подтверждается достоверной разницей между тремя изучаемыми группами.

Одновременно с возрастанием частоты трех последних шагов разбега у прыгуний в высоту уменьшается вариативность данного показателя. У мастеров спорта международного класса и мастеров спорта соотношение частоты шагов в третьем шаге составляет 75,5–77,6% от последнего, в предпоследнем шаге 85,3–85,5% от последнего шага.

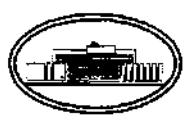
Проведенные нами исследования позволяют предположить, что динамика частоты трех последних шагов разбега в прыжках в высоту в наибольшей мере отвечает биомеханическим требованиям, предъявляемым к данной технической фазе.

Результаты исследований позволяют заключить, что с ростом спортивного мастерства у прыгунов в высоту большое значение приобретает не столько абсолютная скорость разбега, сколько характер нарастания темпа шагов в заключительной части разбега. Это позволяет констатировать, что именно трехшажная ритмо-темповая структура разбега позволяет наиболее эффективно использовать скорость разбега в отталкивании как для достижения максимального взлета, так и для высоких спортивных результатов в прыжках в высоту с разбега.

Л и т е р а т у р а

1. *Шур М.М., Юшкевич Т.П., Ефимов В.Ю.* Прыжок в высоту способом «Фос-бери-флоп»: Метод. рекоменд. – Мн., Польша, 1990. – 94 с.
2. *Шур М.М., Подгол В.М., Ефимов В.Ю.* Система многолетней подготовки прыгунов в высоту. – Витебск, 1989. – 114 с.
3. *Халанский Ю.Н.* Индивидуализация структуры специальной физической подготовленности десятиборцев на этапе спортивного совершенствования: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / БГИФК. – Минск, 1991. – 24 с.
4. *Заборский Г.А.* Индивидуализация техники отталкивания у прыгунов в длину и в высоту с разбега на основе моделирования движений // Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Сиб. АФК, Омск, 2000. – 20 с.
5. *Креер В.А., Попов В.Б.* Легкоатлетические прыжки. – М.: ФиС, 1986. – 175 с.

6. **Кутман М.М.** Обоснование контрольных испытаний как средств оценки состояния легкоатлетов с целью управления их тренировочным процессом (на примере прыжка в высоту). Автореф. дис. ... канд. пед. наук, 13.00.04. Тартусский гос ун-т. – Тарту, 1971. – 30 с.
7. **Шур М.М., Подгол В.М.** Школа прыжков в высоту. – Витебск, 1990, 150 с.
8. **Купчинов Р.И.** Управление многолетней подготовкой спортсменов-многоборцев. Автореф. дис. ... докт. пед. наук. 13.00.04 / ВНИИФК. – М., 1998. – 46 с.
9. **Волков Л.В.** Обучение и воспитание юного спортсмена. – Киев: Здоровье, 1984. – 144 с.
10. **Купчинов Р.И.** Комплексное воспитание двигательных способностей / Метод. рекоменд. – Минск, 1993 – 114 с.
11. **Филин В.П.** Многолетняя подготовка юных спортсменов // Легкая атлетика, 1963, № 5 – С. 5–6.
12. **Дьячков В.М.** Совершенствование технического мастерства спортсменов. – 1963. – М.: ФиС, 1967 – 184 с.
13. **Кряжев В.Д., Стрижак А.П., Попов Г.И., Бобровник А.И.** Биомеханический анализ техники прыжка в высоту у сильнейших спортсменов мира // ТиПФК, – 1989, – № 9 – С. 7–8.
14. **Шур М.М.** Учитесь прыгать в высоту. – Витебск, 1993. – 136 с.

УДК 82–1

Драматическая поэма как жанр литературы (теоретический аспект)

Г.П. Хорошко

В литературоведческой науке появился ряд исследований и статей, посвященных истории и теории поэмы. Это свидетельствует не только о растущем интересе литературоведения к изучению основных закономерностей и тенденций развития современного стихотворного эпоса, но также и значительных достижениях самого литературного жанра, постоянно наращивающего свои художественные возможности. Особого внимания сегодня, на наш взгляд, требует изучение такой жанровой разновидности эпоса, как драматическая поэма, соединившая в себе все изначально традиционные роды литературы, – эпос, лирику, драму. Этот жанр, как свидетельствует современная художественная практика, имеет в своем активе значительные успехи в раскрытии и осмыслении как эпохальных событий, важных для жизни народа, во многом повлиявших на судьбы людей, так и духовного мира отдельной человеческой личности.

По своей сути драматическая поэма убедительно отражает гуманистическую направленность, социально-историческую обусловленность литературы, ее связь с современностью. Вполне логично будет предположить, что повышенный интерес к драматической поэме заключается, кроме всего прочего, и в определенной специфике данного жанра как формы, наиболее универсальной и емкой в идейно-художественном отношении и наиболее синтезированной, связанной с особой формой содержательности. В другой половине XX столетия драматическая поэма заметно активизировалась, она идет по пути дальнейшего углубления идейного и жанрового совершенства. Об этом красноречиво свидетельствуют произведения известных мастеров белорусского поэтического слова А. Кулешова «Хамутиус», М. Танка «Николай Дворников», К. Киреенко «Месть», Н. Арочко «Крево», «Курганье», «Мелодия Тавлая», «Судный день Скорины», В. Ковтун «Суд Алоизь», В. Дзюба «Доктор Россель», Р. Боровикова «Барбара Радивил» и др. Содержание этих произведений отмечено значительным проникновением в нравственный и духовный мир человеческой личности. Это обстоятельство определило активность идейно-эстетических поисков этих поэтов и новаторские тенденции всей белорусской поэзии, особенно в драматической поэме, которая несомненно относится к значительным явлениям литературы наших дней. Отсюда возникает необходимость пристального внимания к особенностям драматического жанра со стороны критики и литературоведения.

Драматическая поэма как жанр имеет достаточно длительную историю развития. Родословная ее корнями своими уходит в дошекспировские времена, когда возникла драма в узком понимании. Хотя сам термин в его английском варианте (a dramatic poem) употреблен был еще в XVII в. Мильтоном («Самсон-борец», 1671), однако лишь

спустя столетия получает распространение и этот термин, и сам тип стоящих за ним литературных произведений, – речь идет о «Натане Мудром» (1779) Лессинга и «Дон Карлосе» (1787) Шиллера. Произведение Лессинга явилось образцом драматического поэзного жанра, названного самим автором «драматическим стихотворением». Оно оказалось весьма специфичным в том смысле, что построено было не на противопоставлении характеров, а на столкновении идей. Расцвет драматической поэмы в европейской литературе начинается с победой романтизма. Особенно популярной эта форма стала в творчестве революционных романтиков, таких, как Вольтер, Кольридж, В. Скотт, Дж. Байрон, Шелли, Шиллер, Гете, Мицкевич, Словацкий и др., в произведениях которых заметное место занимали диалоги и монологи действующих лиц. Западно-европейские поэты-романтики драматизировали лирическую и лиро-эпическую поэму, не удовлетворяясь тесными рамками монолога, стремясь к решению серьезных общественно-политических проблем. По словам А.В. Луначарского, «поэты облекали непрестанно в драматическую форму свои затаенные мечты» [1]. Их интересовали судьбы мироздания и человечества, кризисные моменты в истории и в жизни отдельного человека. Романтическая поэма в процессе своей эволюции подвергалась драматизации, вытекавшей из внутреннего напряжения жизненных конфликтов, к которым она обращалась, и глубины переживаний самих персонажей. Поэты-романтики охотно использовали драматическую форму, которая, по мнению В.Г. Белинского, «способствует сильному выражению мысли, подстрекая, так сказать, энергию чувств» [2]. Задача поэтов заключалась в том, чтобы посредством драматизации выразить свое отношение к зловещим силам социального зла, способствовать проникновению в «тайны» многомерных конфликтов, происходящих в обществе. Это порождало в их произведениях образы особой художественной структуры, неисключавшей и уход в прошлое, и стремление закомуфлировать свои идеи, полагаясь на авторитет мифа, библейской легенды и т.д. Кроме того (и это еще более существенно), обращение к преданию, а не к точному историческому факту, представляло большую свободу для развертывания сюжета в удобном автору направлении, позволяло превратить положительного героя в выразителя собственных чувств и настроений. При этом произведению придавался значительный импульс идеологического усложнения содержания, поэма приобретала масштабность и символическую многозначность своих образов. Именно такой колорит свойственен драматическим поэмам Байрона («Манфред», «Каин», «Небо и Земля»), Шелли («Царица Маб», «Освобожденный Прометей»), Шиллера («Орлеанская дева», «Валентин»), Гете («Фауст»), Мицкевича («Дядя»), Словацкого («Кордиан», «Ангелли», «Лила Вендей»), Кольриджа («Заполия») и др. Европейские поэты-романтики ощутимо повлияли и на рождение драматического жанра в русской литературе. Правда, на первых порах в русской литературе XIX в. драматическая поэма как жанр с четкой структурой и эстетическими признаками еще не вполне сложилась. В этот период приемы драматизации охотно использовали в своем раннем творчестве поэты-декабристы, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и др. В последующее время, благодаря свойствам драматизации, жанровые границы поэмы были значительно расширены и русская литература получила новое жанровое образование – развитую драматическую поэму. Возникло немало произведений, которые позднее стали рассматривать как драматические

поэмы. Сюда можно отнести такие из них, как «Маленькие трагедии» или «Драматические сюжеты» А.С. Пушкина, «Ижорский», «Агасвер», «Иван, купецкий сын» В. Кюхельбекера, некоторые драмы А. Майкова, «Дон-Жуан» А.К. Толстого и т.д. Подобная тенденция связана с особенностями «той вершинной» (по выражению В.М. Жирмунского) композиции романтической поэмы, в которой герой всегда выступает в критической, перенапряженной ситуации, приводящей к столкновению различных идейно-нравственных позиций.

После периода упадка новое возрождение драматической поэмы в русской литературе произошло в конце XIX века на основе дальнейшего развития романтических тенденций. В начале 90-х годов XIX века А. Блок создал лирические драмы «Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка», которые были близки к драматической поэме по типу героя, его роли в композиционной структуре произведения. Традиции драматического жанра активно проникали и в другие национальные литературы, в частности украинскую и белорусскую. Правда, на украинской поэтической почве, как и на белорусской, драматическая поэма прижилась гораздо позже, чем на русской. По традиции начало украинской драматической поэмы связывают с творчеством Леси Украинки. Однако и до нее было отмечено появление признаков этого жанра в творчестве И. Франко («Сон князя Святослава», 1985). Но все же настоящий отсчет драматической поэмы начинается с Леси Украинки («Осенняя сказка», 1905, «В катакомбах», 1906, «Кассандра», 1907, «В пуще», 1909 и др.). Она не только утвердила этот жанр как полноценный в своей литературе, но и сумела поднять его на небывалую доселе высоту.

Плодотворные традиции драматического жанра испытала на себе и белорусская литература. Некоторые его формы мы находим в творчестве Яна Чачота, В.И. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богушевича, А. Гаруна и др. А возродил драматическую поэму как жанр на более высокой художественной основе несомненно Япка Купала. Его «Извечная песня», «Сон на кургане» стали «метой начала развития новой белорусской литературы» [3]. Особенности купаловских драматических поэм обусловлены также эстетикой романтизма.

Дальнейшее свое развитие драматическая поэма получила после известных событий 1917 года. К 20-30-м годам относятся созданные в этом жанре произведения М. Цветаевой, С. Есенина, И. Кочерги, В. Дубовки, П. Глебки, Д. Остапенко, Т. Кляшторного, Я. Пуци и других авторов. Это был своеобразный расцвет драматической поэмы. В последующие три десятилетия произошло угасание этого жанра, но в 70-90-х годах драматическая поэма получила второе свое рождение. Она стала как никогда до этого активно развиваться в русской, так и в других национальных литературах бывшего Советского Союза. Наиболее выдающихся успехов в этой области достигла, надо полагать, литовская литература в лице Ю. Марцинкявичюса, украинская – в творчестве И. Драча, белорусская – в поэзии А. Кулешова. Национальные традиции в развитии белорусской драматической поэмы активно развивали М. Танк, К. Киреенко, Н. Арочко, В. Ковтуц, Р. Боровикова и другие поэты.

Однако, несмотря на то, что русская драматическая поэма существует уже полтора столетия, теоретики литературы ею почти не занимались. Даже В.Г. Белинский, заложивший основы теории поэмы, не выделял драматическую поэму в отдельный

жанр. Вопрос об изучении жанра драматического эпоса в его цельности, по сути дела, ни разу не ставился в продолжение всего периода развития советской поэзии. Дело сводилось разве что к анализу тех или иных произведений драматического жанра. Слишком медленно исследователи обращали внимание на истории развития драматической поэмы в XX столетии. А это в конечном счете негативно отразилось и на точности жанровой характеристики драматической поэмы, ее особенностей, и на понимании того места, которое она занимает в современном литературном процессе. Определения драматической поэмы, к сожалению, нет ни в одном учебнике по теории литературы, ни в одном словаре и справочнике. В современном литературоведении и критике представления о драматической поэме весьма расплывчаты и нечетки. Приходится констатировать, что пока нет должной полноты и ясности в понимании специфических черт драматической поэмы, хотя сегодня большинство ученых считают ее (что вполне справедливо, так как для этого существуют все основания) отдельным жанровым видом, художественно зрелым, полнокровным и равноправным в поэтическом эпосе. Правда, в последние десятилетия прошлого столетия этот недостаток в освоении жанра понемногу изживается: стали чаще появляться статьи и специальные исследования о поэмах драматического жанра. Среди таких работ книги И.Г. Неупокоевой «Революционно-романтическая поэма XIX века» (в кн.: Ученые записки Казанского университета, т. 129, кн. 7, 1969), Л.Н. Быкова «Драматическая поэма в советской литературе в первой половине 30-х годов» (в сб.: Проблемы стиля и жанра в советской литературе, вып. 7. Свердловск, 1974), А.С. Карпова «Русская советская поэма» (Москва, 1989), В.П. Киканса «Современная советская поэма» (Рига, 1982), Б.И. Мельничука «Драматична поэма як жанр» (Киев, 1981), Л.С. Демьяновской «Українська драматична поэма» (Киев, 1984), М.А. Лазарука «Беларуская паэма ў другой палавіне XIX – пачатку XX стагоддзя» (Мінск, 1970), Н.Н. Арочка «Беларуская савецкая паэма» (Мінск, 1979) и другие. Однако и сейчас таких работ как в национальном литературоведении и критике, так и зарубежном, еще очень мало, причем они охватывают все еще довольно ограниченный круг произведений. Необходимо подчеркнуть, что наличный теоретический материал по интересующему нас вопросу не дает достаточно полной, как в других жанрах, характеристики основных тенденций исторического развития драматической поэмы. Некоторые вопросы, касающиеся изучения этого жанра, и вовсе не получили сколько-нибудь полного освещения в белорусском литературоведении и критике, а только всего лишь обозначены или бегло очерчены. Имеющиеся проблемы не позволяют в ряде случаев составить отчетливое представление о развитии драматической поэмы в национальной литературе. Более того, недостаточно четкое и верное представление о форме жанра драматической поэмы мешает глубокому уяснению и истолкованию жанрообразующих начал в поэме, ее жанроопределяющих принципов, которые затем должны лечь в основу ее научной классификации. Все это приводит к поразительной пестроте мнений по вопросу о типологической характеристике драматической поэмы.

На некоторые аспекты исследуемого нами жанра в свое время обратила внимание И.Г. Неупокоева, придерживавшаяся той точки зрения, что драматическая поэма родилась из недр классической стихотворной трагедии, и что сегодня, после длительной эволюции, выступает в лирико-драматической форме. Правда, И.Г. Неупокоева не

выделяет драматическую поэму в особую жанровую разновидность, но считает возможным назвать трагедийные поэмы лирическими драмами. В то же время исследователь видит в такого рода произведениях жанровые поэзные свойства, потому что «...элементы драматической структуры подчинены законам жанра поэмы: решительное преобладание лирико-философского начала над событийным, принцип организации событийного материала определяется не столько внутренней логикой его развития, сколько напряженной активностью авторской личности» [4]. Близкую по духу позицию мы находим и в работах Е.С. Пульхритудовой, которая также рассматривает произведения такого типа как явление «промежуточное между драматической поэмой и лирической драмой характера» [5].

Оба автора, как нам видится, весьма осторожно обозначили факт существования драматической поэмы, не дав при этом сколько-нибудь точного жанрового ее определения. И сегодня ученые-литературоведы по-разному относятся к драматической поэме. Одни склонны видеть в ней жанр в значении стихотворной драмы и относят романтическую поэму к драматическому роду, другие ученые подчеркивают в этой стихотворной форме лирико-эпическое начало. В этом вопросе пока что нет полной ясности. Так, украинский исследователь Б.И. Мельпичук, характеризуя жанровую природу драматической поэмы, отмечает, что она объединяет в себе признаки драматургии и поэзии. Это, по его мнению, «стихотворная пьеса, синтезирующая в основном драматический и лирический и, в частности, эпический способы отображения действительности» [6]. Аналогичное мнение присутствует и в работе и другого украинского ученого В.И. Иванисенко [7]. Достаточно созвучную позицию мы встречаем и в словаре В.И. Лесина и О.С. Пулинца, где говорится, что «драматическая поэма – преимущественно небольшая по объему стихотворная пьеса, в которой сливается драматическое, эпическое и лирическое раскрытие темы» [8]. И в русском литературоведении бытует мнение о том, что для внутренней структуры драматической поэмы характерна внешняя театральность, подчиненность сценическим правилам [9]. М. Числов также достаточно категорично проводит мысль о том, что «драматическая поэма выглядит как произведение, которое рассчитано на сценическое воплощение, потому, что поэма вместе с тем и пьеса в стихах» [10]. Такой же концепции придерживается в своей статье и И. Аузинь [11]. Менее категоричен в своем суждении А.Н. Богданов, который считает, что драматическая поэма находится на границе между двумя родами – драматическим и лиро-эпическим и дает следующее определение: «Драматическая поэма – это большое лирико-эпическое произведение, предназначенное для воплощения на сцене драматического театра» [12]. Еще более сомнительным представляется утверждение А.Г. Жакова: «Что же касается драматической поэмы, – говорит он, – то она не относится к драматической литературе, в ней всегда преобладает лирическое либо лиро-эпическое начало над драматическим» [13]. Думается, столь категорично утверждать о приоритете лирического либо лиро-эпического начала в драматической поэме не стоит. Потому что в отмеченном жанровом образовании можем многое найти от поэмы и от драмы.

Наряду с существующей уже классификацией, касающейся драматической поэмы, в литературоведении и критике бытует еще такое понятие, как поэма-драма, и, как утверждают некоторые исследователи, это жанровое образование близко к драматиче-

ской поэме [14, 15]. Но есть на этот счет и противоположная точка зрения. Так, латышский исследователь В.П. Киканс настаивает на той мысли, что «среди множества драматических поэм нельзя обнаружить поэмы-драмы. Если где-то такое название бытует, — продолжает автор, — то это фикция в определении жанра художественных произведений, отчасти и в теории литературы. Так называемая поэма-драма обычно является стихотворной драмой или трагедией» [16]. Между тем белорусский ученый Н. Арочко называет и другие разновидности драматической поэмы. Это — поэма-трагедия, философская драматическая мистерия, мифолого-романтическая драма, драматизированная поэма, драматургическая поэма [17]. Как видим, взгляды ученых на эту проблему достаточно спорные и противоречивые. И. Аузинь, рассуждая об эстетике драматической поэмы, относит ее к переходному явлению, которое существует между лирикой и драмой [18].

Такой подход теоретиков и критиков к проблеме свидетельствует о контингентности, неопределенности в этом случае самих жанровых границ. Да, драматическая поэма — явление, действительно, новое, универсальное и сложное в эстетическом понимании. Еще В.Г. Белинский подчеркивал его необыкновенную содержательность: «Это — высшая степень развития поэзии и венец искусства» [2, с. 57]. Чтобы понять, разобраться со структурными и иными эстетическими свойствами драматического поэзного жанра, нужно в каждом конкретном случае исходить из родовых начал, это значит, что необходимо дифференцировать такие понятия, как драматическая поэма и стихотворная драма. В связи с этим необходимо отметить, что грань между этими понятиями трудноуловима, зыбка. Иногда драматические поэмы даже в творчестве одного автора наделены неодинаковой мерой лиризма и в соответствии с этим отдаляются от обыкновенной стихотворной драмы или приближаются к ней. Почему так происходит? Да потому, что драматическая поэма возникла как бы на «пограничьи» поэмы и драмы. Это поэма и драма в их органическом двуединстве. Соприкасаясь и взаимодействуя, они переплавляются в особый художественный синтез.

В литературоведении сложилось противоречивое мнение и о своеобразии жанра драматической поэмы и стихотворной драмы. Так, некоторые исследователи отмечают взаимопроникающее единство в драматической поэме лирического, эпического и драматического элементов. Но эстетическая природа возникающего при этом единства получает у них далеко не однозначные характеристики. А.А. Александров, изучая советскую поэму 30-х годов, ограничивается указанием на то, что такая жанровая разновидность (драматическая поэма — Х.Г.) существует [19]. Более осмысленно и целенаправленно касается жанрового аспекта драматической поэмы Л.Н. Быков, анализируя русскую советскую поэму 1929–1936 гг., и, в частности, драматические поэмы этого периода «Соль» Б. Корнилова, «Коммуна 1871 года» П. Антокольского, «Христорожденьские ситцы» В. Васильева [20]. Своеобразие жанра Л.Н. Быков ищет на путях скрещивания и расхождения со стихотворной драмой, что, на наш взгляд, имеет смысл. Отличительные признаки драматической поэмы на пути противопоставления ее стихотворной драме находит Т.С. Волкова. Их она обнаруживает прежде всего в характере проблематики, ее концептуальности. Она пишет, что «сам подход к освещению событий в поэме — подход поэтический» [21]. Отсюда напрашивается вывод, что различия в характере проблематики стихотворной драмы и драматической поэмы есть. Ведь драма —

это действие, протекающее на глазах у зрителя, оно развивается в строгой временной последовательности. Поэтому, обладая общими признаками, стихотворная драма и драматическая поэма существуют как самостоятельные жанровые образования. Роднит драматическую поэму со стихотворной драмой ярко выраженный *драматизированный* способ подачи жизненного материала. Источником драматизма изучаемого нами жанра является социальная действительность в ее противоречиях, борьба классов, антагонистическое состояние внутреннего мира человека. Хотя, как на примере романа подчеркивает белорусский исследователь А.М. Адамович, «под драматизацией жанра здесь понимается нечто большее, чем острота социальных конфликтов в произведении. Речь идет и об остроте социальных коллизий и одновременно о чем-то более специфическом, жанровом» [22]. Подобно драме в стихах, драматическая поэма строится на действии, реализуемом в монологах и диалогах героев, авторских ремарках и развивающемся к им как отношении персонажей, конфликтно противопоставленных друг другу. Однако стихотворная драма – произведение драматургическое в своей основе, тогда как о драматической поэме этого сказать нельзя. Убедительной и аргументированной концепцией драматической поэмы, построенной на противопоставлении ее стихотворной драме, следует признать позицию Г.Ю. Червяченко. «Если в стихотворной драме, – пишет автор, – степень объективизации такова, что на первом плане оказываются характеры и события», то драматическая поэма «в той или иной мере соотносена с внутренним миром поэта», не без основания отмечает Г.А. Червяченко, выявляет жанровую специфику драматической поэмы в содержательной основе, в соотношении с жанрами драматургии (трагедией, драмой): «драматическая поэма не является ни драмой, ни трагедией, а именно поэмой, заимствующей у драматургии ее форму» [23]. Такой позиции придерживаемся и мы. Близкую по духу концепцию находим в работах А. Беланюка. Рассматривая роль драматической поэмы в формировании романтического стиля Павла Антопольского, исследователь обратил внимание на жанровую специфику драматической поэмы, отмечая близость драматической поэмы к поэме лиро-эпической (близость он видит в том, что в одном и другом случае «развитие действия подчинено раскрытию душевного мира центрального героя»). Сходство драматической поэмы и лиро-эпической А.Г. Беланюк находит и в композиции. Вместе с тем ученый не оставляет без внимания и черты, сближающие драматическую поэму с «чистыми» жанрами драматургии. Сближение происходит, по его мнению, главным образом в драматическом конфликте. В итоге А.Г. Беланюк приходит к выводу, что «драматическая поэма как жанр литературы, объединяющий элементы лирики, эпоса и драмы, безусловно, являются типом жанра поэмы» [24]. С этим мнением ученого можно согласиться, при этом добавив, как нам кажется, что хотя в драматической поэме эпичность, «объективность» весьма заметны, но все же доминирует здесь драматическое начало, накрепко соединенное с лирическим пафосом. В стихотворной же драме эпический элемент почти совсем вытесняет лирический (так как, по выражению Белинского, «драма не допускает в себя никаких лирических излишней») и вместе с драматическим доминирует в произведении, становится его определяющим родовым признаком.

Таким образом, главное отличие между стихотворной драмой и драматической поэмой следует искать в том, какой удельный вес занимают в них эпическое и лириче-

ское начала. В драме преобладает первое, в поэме – другое. Иначе говоря, стихотворная драма по своему содержанию более «объективная», «спокойно-уравновешенная», а драматическая поэма тяготеет в сторону субъективности, эмоционального напряжения и взволнованности чувств. Действие в драме создается движением и столкновением характеров, затрагивающих важные стороны общественной жизни. Структура драматической поэмы, по сравнению с драмой, более свободна, разомкнута, нетрадиционна, в ней постоянно происходит адаптация драматического элемента лиро-эпического («поэмым»), что осложняет ее сценическое воплощение. Стих драматической поэмы отличается обычно раскованностью, богатством и разнообразием ритмов, которые чутко следуют за смыслом и меняются в зависимости от содержания. Поэтому трудно поставить произведение такого типа на сцене. Они не построены по канонам драмы, диалоговая форма хотя и присутствует в этих произведениях (как мы видим в поэмах А. Кулешова «Хамутиус», Н. Арочко «Крево», «Курганьс», В. Ковтун «Суд Алоизы» и др.), но она не создает в них действия по столкновению и развитию характеров. В свое время М. Горький, определяя специфику драматургии, писал: «Пьеса требует, чтобы каждая действующая в ней единица характеризовалась и словом, и делом самосильно, без подсказываний со стороны автора... Действующие лица пьесы создаются исключительно и только их речами, то есть чисто речевым языком, а не описательным» [25]. Это косвенно также убеждает нас в том, что драматическая поэма ближе не к драме, а к лиро-эпической поэме. В драматической поэме усиливается роль слова – здесь оно не индивидуализированное, как в драме (хотя оттенки есть), а обобщающее. Стихотворная форма заметно сглаживает индивидуальные свойства языка персонажей, но, с другой стороны, – усиливает его образную палитру, эмоциональную насыщенность и выразительность. Герои драматической поэмы, в отличие от драмы, общаются один с другим «на равных», представляя при этом, понятно, разные, часто противоположные «идеи», за которые они борются и которые отстаивают. И еще: в стихотворной драме точка зрения автора может не совпадать с точкой зрения центрального героя. В поэме же позиция автора и протагониста, как правило, в идейном смысле обычно едины. Отсюда следует, что в драматической поэме не событие доминирует, а философское видение мира, нравственное и духовное противоборство действующих лиц. При этом философская заданность драматической поэмы предполагает концентрацию внимания не столько на характерах, которые раскрываются по мере развития конфликта, сколько на противоборстве их создания и взглядов в осмыслении поставленной проблемы.

В драматической поэме обычно повышен эмоциональный уровень, динамика чувств, накал переживаний. Внешне это выражается в том, что реплики персонажей нередко перерастают в монологи, в которых-то и раскрывается столкновение противоборствующих начал. В связи с этим, конечно, ослабляется сценичность произведения, и оно чаще всего предназначается для чтения. Последнее еще раз убеждает нас, что драматическая поэма продолжает лирико-драматическую тенденцию.

Таким образом, на основании изложенного нами теоретического материала необходимо сказать следующее: *драматическая поэма – это особая, специфическая, смешанная форма поэзии, один из видов поэмого эпоса, синтезирующий в своей основе драматическое и лирико-эпическое начало.* В этой связи белорусский литературо-

вед Н. Арочко очень верно заметил, что за историю своего развития драматическая поэма «выработала и закрепила устойчивые жанровые признаки, ее внутреннее качество: конфликтно-напряженное столкновение характеров, нравственно-этических позиций, идеалов, что составляет основную драматическую «пружину» произведения» [17, с. 354]. Такой точки зрения придерживаемся и мы. По нашему мнению, характер конфликта в драматической поэме и в стихотворной драме существенно отличен. Обобщая взгляды Гегеля на сущность драмы, А.А. Аникст пишет: «Основу драмы составляет то, что герой оказывается в борьбе и противопоставлении с другими людьми; и дальше: в своем чистом виде драма имеет в основе действие, где в конфликте сталкиваются отдельные индивидуумы» [26]. В драме конфликт строго конкретизирован, и это обусловлено тем, что в традиционной драме четко обозначены антиподы и антагонисты как конкретные индивидуумы. По словам Е. Горбуновой, «в сущности конфликта обретает полноту выражения идейно-эстетическая позиция автора. Именно поэтому драматический конфликт не просто движущая пружина события, а его внутренняя идейно-эстетическая основа» [27]. В драматической поэме характер конфликта иной. Он «внутренний», психологический и мировоззренческий. Наиважнейшие его противоречия из сферы объективного перемещаются в условный простор души драматического героя, вследствие чего внутренний (субъективный) драматизм характера более значим, нежели драматизм внешний (объективное столкновение с другими персонажами), — налицо перевес лирического пафоса над рефлексией. Недаром характерам драматической поэмы в большей степени свойственен внутренний драматизм, чем внешний, который в полной мере присутствует в драме. В драматической поэме чаще всего изображается не драма характеров, а драма характера, в основе которого лежит разгадка его внутренней борьбы.

Какие еще эстетические критерии определяют особенности драматической поэмы как жанра литературы? По объему она краткая, небольшая по форме, в ней нет последовательности событий, берутся главным образом кульминационные моменты в душевном развитии героев. О своем прошлом они повествуют в диалогах и во «внутренних» монологах, представляющих собой небольшие лирические поэмы-исповеди, что во многом напоминает лиро-эпическую поэму с присущей ей композицией — «дробной», «эпизодической», с намеренными пропусками «соединительных звеньев» между воспроизводимыми сценами из жизни центральных персонажей. В драматической поэме главные и второстепенные действующие лица подчинены авторской задаче и являются носителями определенных идей. Если в стихотворной драме индивидуальный взгляд художника, его авторская позиция проявляется, как правило, опосредованно, через общий эмоциональный и интеллектуальный строй, едва уловимые нюансы подтекста, «подставных» или наиболее близких автору персонажей, то в драматической поэме авторское «я» нередко выражается в прямой, а подчас даже плакатно-заостренной форме лирических монологов, реплик, разговоров с действующими лицами. В сравнении с обычной драмой ослабляется его коммуникативная роль, отсутствуют мелкие реплики, обычно связанные с детализацией события и психологического раскрытия действующих лиц. Хотя, правда, драматическая поэма в какой-то мере и заимствует от драмы ее структурные особенности, но все-таки заметно отличается от нее. Эти отличительные особенности, как метко заметил А.Т. Васильковский, «нужно ис-

кать прежде всего в специфическом содержании, своеобразие которого, в конце концов, раскрывается в особенностях формы» [28]. Действительно, жанровая форма – важнейший атрибут любого произведения. Это своеобразный его каркас, на котором оно держится. Это, так сказать, вторая и практически важнейшая сторона решаемой проблемы, ибо именно в специфической форме явственнее, нагляднее всего вырисовывается своеобразие любого из жанров литературы. В данном случае форма вбирает в жанр драматической поэмы не только остроту конфликта, наибольшую обнаженность жизненных начал, которые вступают в противоборство, но и непосредственным образом выражает авторскую концепцию победы идеи над характером, слова над действием. Иначе говоря, драматическая поэма всегда сохраняет свою «поэмную» форму, свою эпическую природу. Яркий этому пример – произведения Я. Купалы, А. Кулешова, М. Танка, Н. Арочко, К. Киреенко, В. Ковтун, Р. Боровиковой, В. Дзюба и др. Их драматические поэмы, по словам М. Лазарука, «отличаются своей внутренней сущностью, особенно в подходе к действующим лицам» [29]. Таким образом, различие, которое существует между стихотворной драмой и драматической поэмой, необходимо искать, в первую очередь, в характере родового синтеза, в том, какой удельный вес занимают в них эпическое и лирическое начала. Это значит – насколько в драме преобладает эпическое, в поэме – лирическое, от чего зависят возможности и широта социально-философских обобщений. В этом отношении драматическая поэма иногда опережает даже такие жанры, как трагедия. А это еще раз подчеркивает мысль о том, что драматическая поэма реально существует и является самостоятельным жанром в литературе, со специфической поэтической формой и эстетическими свойствами.

Л и т е р а т у р а

1. *Луначарский А.В.* О театре и драматургии. Т. 1. – М., 1958. – С. 173.
2. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 5. – М., 1954. – С. 31.
3. *Лойка А.А.* Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд. – Мн., 1980. – С. 143–144.
4. *Неупокоева И.Г.* Революционно-романтическая поэма XX века. – М., 1971. – С. 192.
5. *Пульхритудова Е.С.* О жанровой дифференциации романтической поэмы 30-х годов XIX века // Европейский романтизм. – М., 1973. – С. 260.
6. *Мельничук Б.И.* Жанр драматической поэмы в украинской советской литературе // Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филолог. наук. – Черновцы, 1974. – С. 24.
7. *Иванисенко В.И.* Сучасна ліро-епічна поэма. – Киев, 1959. – С. 211.
8. *Лесин В.И., Пулинець О.С.* Словник літературоведческих термінів. – Киев, 1971. – С. 117.
9. *Иванов Ю.Н.* Внутренняя структура жанра драматической поэмы // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы (Тезисы докладов республиканской конференции (12–14 октября). – Донецк, 1977. – С. 195.
10. *Червяченко Т.А.* Поэма в советской литературе. – Ростов-на-Дону, 1978. – С. 81.

11. *Аузинь Имант*. На границах жанров. Современная поэма и родственные ей жанры советской драматургии. – Казань, 1966. – С. 24–25.
12. *Богданов А.Н.* Жанры советской драматургии. – Казань, 1966. – С. 24–25.
13. *Жаков А.Г.* Современная советская поэма. – Мн., 1981. – С. 10.
14. *Быков Л.Н.* Драматическая поэма в советской литературе первой половины 30-х годов // Проблемы стиля и жанра в советской литературе. Вып. 7. – Свердловск, 1974. – С. 31.
15. *Швецова Л.* Современная советская поэма. 1950–1970 гг. – М., 1984. – С. 15.
16. *Киканс В.П.* Современная советская поэма. – Рига, 1982. – С. 73.
17. ЭліМ Беларусі. Т.2. – Мн., 1985. – С. 355.
18. *Лурье А.* Поэма в пути // В середине семидесятых. Литература наших дней. – Лениздат, 1977. – С. 310.
19. *Александров А.А.* Русская советская поэма 30-х годов (Типология жанра). – Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М.: ИРЛИ, 1969.
20. *Быков Л.Н.* Жанровое развитие русской советской поэмы 1929 – 1936 гг. – Дис. ... канд. филолог. наук. – М.: МГУ, 1977.
21. *Волкова Т.С.* Современная поэма 1965–1973 гг. (к вопросу о типологии жанра). Дис. ... канд. филолог. наук. – М.: МГУ, 1977. – С. 165.
22. *Адамовіч А.М.* Беларускі раман. – Мн., 1961. – С. 153.
23. *Числов М.* Время зрелости – пора поэмы. – М., 1982. – С. 79.
24. *Белянюк А.Г.* Художественная структура драматической поэмы *П.Г. Антокольского*. – Дис. ... канд. филолог. наук. – Калинин, 1973. – С. 17.
25. *Горький М.* О литературе. – М., 1961. – С. 370.
26. *Аникст А.А.* Теория драмы от Гегеля до Маркса. – М., 1983. – С. 14.
27. *Горбунова Е.* Идем. Конфликты. Характеры. – М., 1960. – С. 51.
28. *Васильковский А.Т.* Жанровые разновидности советской поэмы (1917–1941 гг.). – Киев, 1979. – С. 180.
29. *Лазарук М.* Часу не падуладная. – Мн., 1981. – С. 77.

УДК 882.6(091)

Ян Чечёт и Витебщина

А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий

Так уж сложилось, что в истории белорусской художественной культуры имя **Яна-Антония Тадеушевича Чечёта (1796–1847)** чаще всего связывают с Нёманским краем. Действительно, известный белорусский поэт, фольклорист и этнограф Ян Чечёт* здесь родился (в деревне Малюшицы Новогрудского повета); отсюда в 1815 г. ушел на

* В.И. Мархель, к примеру, считает, что «по призванию он был поэтом, по творческим интересам верховал фольклорист».

учебу в Вилниский университет; сюда же в 1841 г. возвратился после отбытия ссылки за участие в деятельности общества филаретов; здесь в 1841–1847 гг. продолжал изучать фольклор, собирать и обрабатывать белорусские народные песни; наконец, здесь же завершил свой жизненный путь (умер 11 августа 1847 г. в Друскениках и похоронен недалеко от них в д. Ротница Гродненской губернии). Однако при этом почему-то редко упоминается тот факт, что становление Я. Чечёта как фольклориста связано с его жизнью на Витебщине, где с 1833 по 1841 год он жил в Лепеле (к этому времени местечко Лепель являлось уездным городом и даже имело 4-классное дворянское училище. – А.Р., Ю.Р.). Даже в таком многоплановом очерке К. Цвирки «Там возера Свіцязь, як шыбіна лёду...» записано всего несколько строк: «В Лепеле несчастливого изгнанника устроили в управление системы Березинского канала, где директором был сын тверского губернатора (До возвращения на Беларусь А. Чечёт находился в ссылке в Твери. – А.Р., Ю.Р.). В Лепеле Я. Чечёт работал секретарем канцелярии инженерного управления Березинского канала и здесь же развернул активнейшую деятельность по сбору песенных сокровищ белорусского народа...»

Мы подчеркиваем, что именно из Лепеля в Виленское издательство Завадского уходили рукописи первых трех сборников белорусских народных песен, собранных Я. Чечётом и изданных в его переводе на польском языке: «Деревенские песенки из-над Нёмана» (1837)*, «Деревенские песенки из-над Нёмана и Двинь» (1839, 94 песни наддвинские), «Деревенские песенки из-над Двинь» (1840, всего 100 песен – все наддвинские).

Именно о первых трех сборниках песен основатель журнала «Rubon» («Рубон») поэт и фольклорист И. Храповицкий в 1845 г. однозначно высказался: «Уважаемый переводчик изданных несколько лет назад у Завадских «Песенок люда из-над Двинь» показал пример, призванный найти последователей. Его небольшой томик производит самое приятное впечатление на тех, кому не чужда эта земля, так хорошо в нем отраженная, что ни одна звуковая описательная поэма не может сравниться с этим скромным сборником песен, обуждающим в сердцах читателя самые дружественные чувства к нашим бедным крестьянам».

Сам же Я. Чечёт, обращаясь к «Крестьянам из-над Нёмана и Двинь», в стихотворении-посвящении (напечатано в третьем сборнике «Деревенских песен»), признается:

Калі ж вы чытаць ужо будзеце, брацця?
Вы ўведалі б з Божае ласкі,
Што вам неслі шчыра мы гэта багацце –
Ніў вапх калоссе і краскі.
Я з сэрцам удзячным дар шчодры во гэты
Кладу перад вамі мрою:
Калі да вас блісне промень асветы,
Вы возьмеце дар мой з сабою.
А сёння хай знаюць вяльможныя людзі,
Хто працай узнёс іх у свеце.

* Этот сборник Я. Чечёт послал в Париж А. Мицкевичу, который «читал его с волнением в минуты одиночества и ностальгии».

Уклаў Бог адны нам пачуцці ў грудзі,
Мы ўсе – адной мацеры дзеці.

(Перевод К. Цвирки).

В одном из писем из Лепеля к Марии Верещако (позже Путкамеровой) Я. Чечёт писал: «Я еще, как лебедь перед своей любовью, думаю выступить с этими деревенскими песнями, хочу этим ненадежным и часто бесславным способом заработать кусок хлеба в надежде некоторое время быть свободным от этой безобразной (агіднай) службы».

Да и в трех оставшихся сборниках (Всего Я. Чечётом издано 6 фольклорных сборников. – А.Р., Ю.Р.) материалы, собранные в Подвинье, занимают значительное место. К примеру, в названии шестого сборника «Деревенские песенки из-под Нёмана и Двины, некоторые поговорки на славяно-кривичском языке и его самобытные слова, с наблюдениями над этим языком» (издан в 1846 г.) содержатся прямые указания на принадлежность публикуемых материалов к Подвинско-Поозерскому региону. Я. Чечёт в предисловии к «Сборнику народных песен 1846 г.» отмечает: «Может, в далеком будущем у кого-либо появится интерес узнать, не поют ли в тех же самых местах те же самые песни; то пусть ему будет известно, что местом собирания переведенных мною 126 песен, напечатанных в первой и второй книжках (выше мы называли эти сборники – А.Р., Ю.Р.), являются почти исключительно стоки недалеко от Нёмана ..., некоторые из этого числа происходят также из Белицы, Новогородович и Еленки (деревни Новогрудского повета Гродненской губернии – А.Р., Ю.Р.)^{*}. 194 песни из-над Двины, напечатанные во второй и третьей книжечках, происходят из Лепеля, Жерцениц, Комаровщины, Казимилова, Городенца, Завидич, Быхова, Поселевинского Заболотья и второго, называемого Мнищечским, Заозерья, Воронья, Бабынич, все это из Лепельского повета...» «Раньше я считал, – писал Я. Чечёт в 1840 г., – что даже на небольшом расстоянии в деревнях бытуют отличительные крестьянские песенки. Однако, собирая их дальше, я убедился, что даже при большом расстоянии они очень похожи или отличаются только небольшими заменами отдельных слов. Нёман и Белица от Двины, Березишы и окрестностей Лепельских не близко находятся, а песни похожие, также как похожие из-над Вилии. Кто же их приносил? Не книги и журналы, а память, сердца и уста братских племён».

Всего Я. Чечёт собрал и опубликовал около 1000 славянских песен (несколько песен происходят из Нижнего Поднепровья, Львова и других белорусских и украин-

^{*} О том, что собранные над Нёманом песни могли отличаться от аутентичных, свидетельствует письмо Я. Чечёта Юзефе Домейко (жене студенческого друга Я. Чечёта Адама Домейки. – А.Р., Ю.Р.): «Имел в своих руках сборничек бортничих деревенских песен, очень хороший и хорошо сложенный, отдельно были собраны песни весенние, отдельно дожинковые, купальские и т.д. Случайно потерял тот сборничек и хотел бы компенсировать эту потерю. Простонародные песни, мало кем слышанные и зафиксированные, очень красивые и чудесные. Бортнические были чрезвычайными... Прошу только настойчиво сохранить в записях народных песен произношение деревенских слов, а также всегда спрашивать и записывать, когда и при каких обрядах или гульбищах поют эту песенку». Конкретной даты написания письма нет. На наш взгляд, оно датировано не ранее 1833 г. (время приезда Я. Чечёта на Лепельщину) и не позже 1836 г. – начала 1837 г. – в это время Я. Чечёт завершал работу над рукописью первого сборника, в который вошли и песни, восстановленные Ю. Домейко.

ских территорий). Подытоживая свою работу, он писал, что 400 с лишним песен собраны над Нёманом и 557 – над Двиной (выделено нами – А.Р., Ю.Р.). Следует отметить, что после сборов песен З. Доленго-Ходаковского – это наиболее ранние в таком объеме фиксации устного (песенного) народного творчества белорусов. И записаны они непосредственно от информаторов, а не заимствованы из печатных источников. Подчеркнем и такую особенность: если в сборе надднепровских, надднестровских и наднеманских песен Я. Чечёт пусть и в назывном порядке, называет своих адресатов – «простой солдат», «уважаемый ксёндз», указывает переводы из напечатанных во Львове первоисточников, то в лепельский период его творчества такие адресаты не указываются. Значит, на Лепельщине он постоянно работал со своими корреспондентами, постоянно редактируя представляемые ими записи. В предисловии к «Крестьянским песенкам из-над Двины» (1840) автор свидетельствует, что он «позволил себе опустить несчастную волку и заменить её на мёд и пиво, которые крестьянам «почти неизвестные» и «не слишком придерживался оригинала; некоторые песни перевел дословно; другим более или менее близко подражал». В контексте этих суждений заслуживают внимания правки, в рукописных сборниках сделанные рукой Я. Чечёта (о них разговор пойдет чуть ниже. – А.Р., Ю.Р.), в которых слова с ярко выраженными чертами северо-восточных белорусских говоров наделены чертами юго-западных белорусских говоров, представителем которых является Чечёт. Эти правки, сделанные, видимо, с целью унификации норм народного языка, попали в печатный сборник. Так, например, “scidzionaja rasa” в рукописи переделана на “ściudzionaja rasa”, “barom ici” – на “borom ici”; “zydajź” – “zydajesz”, “świat zbudzisz” – на “świat zbudziesz” и пр., а также “liciać ptaszyczki na try stadyczki” изменено на “lęciać ptuszczyki na try stadeczki”, “dziewaczki sieli” – на “dzieweczki sieli”, “ciras sienaczki” – на “cieraz sieneczki” и т.д.

Фактически на Лепельской земле у Я. Чечёта сложилось понимание сущности народного творчества и отношения к его главному носителю – сельскому люду. В предисловии к своему первому сборнику (1837) он формулирует свою позицию следующим образом: «Крестьяне наши, люд хороший, уважительный, трудолюбивый, справедливый, должны пробуждать у нас самые привлекательные к себе чувства. С ними можем быть счастливые. За труд их рук, отдавая их труд разуму и нашему просвещению, можем умножить общее добро. Не думайте, что от них мы ничему не можем научиться. Многому обучимся, изучая их состояние и нравы; обнаружим у них преданья, сказки, легенды, и самой богатой будет жатва песенок, позволяющих познать их ласковые, красивые, тонкие даже и глубокие чувства... Если внимательно будем слушать свадебные, дожинковые, купальные и другие песни, то не раз приятно насладимся и, что важнее, приобретем большее удовлетворение от наших добрых землепашцев».

В одном из своих предисловий Я. Чечёт в этом плане высказывается более определенно: «Не буду искать легких доказательств, чтобы показать важность и значимость моих уважаемых Авторы, песни которых я перевожу; но сам этот труд будет для чувственных душ их несомненной, надеюсь, похвалой и приятными словами. Им также, как важным владетелям своего творения, я посвящаю это милое мое увлечение, полное святой надеждой, что в каждой благородной душе она разбудит настоящую христианскую любовь к моим любимым авторам мужичкам».

Особенной ценностью для исследователей творчества Я. Чечёта являются его пометки, правки, замечания на текстах многих песен, а также предисловия и комментарии к изданным песенным сборникам. Именно они позволяют понять взгляды автора на белорусскую литературу и фольклор, на роль искусства в жизни общества. Однако, считает А.И. Мальдис, оказавшись под влиянием рационалистической «литературы идей», Я. Чечёт исповедует заданность творчества и его подчеркнутую дидактичность. А именно: посредством привлечения внимания господствующих классов и образованной публики к богатству белорусского народного творчества, стремился показать, что именно в нем таится содержательность духовной жизни крестьян, эстетическая наполненность и моральная завершенность народных традиций и обрядов. Обосновывая в таком плане значимость своего труда, Я. Чечёт в предисловиях к сборнику 1840 г. публикует обращения-посвящения «Благодетельным господам и управляющим их имений, заботящимся о благе крестьян» и «Добрым и верующим в бога паничам и панночкам». В этом же предисловии стихотворением под названием «Любимым мужичкам из-над Нёмана и Двины» Я. Чечёт пафосно восклицает: «Когда же вы, братья, будете читать, если будете знать, что мы вам несли колосья и цветы, взятые с вашего зернового поля?»

Что касается прогрессивной российской общественности, то фольклористично-версификаторская работа Я. Чечёта получила у нее высокую оценку. В «Tygodniku Petersburskim» (1838, № 32) отмечалось: «это перевод народных песен (речь шла о «Крестьянских песенках...» 1837 г. – А.Р., Ю.Р.), которые поются на белорусском языке литовским людом, и выполнен он мастерски»; «Biblioteka Warszawska» («Библиотека Варшавская», 1841, т. 1) в рецензии на третий том «Крестьянских песенок...» (1840) отметила: «...Однако собрание это имеет большую ценность. В нем письменный язык близко приближается к языку народа. Стих метрический, в ритме пародного стиха. Выражения легкие. Песни в такой одежке всегда позволяют узнать степень умственных склонностей и чувств народа, они тем полезны, что доступны широкому кругу читателей. Чтобы сбор этот полностью соответствовал своей цели, следовало бы издать еще текст оригинальных песенок».

Пожелание было воспринято как руководство к действию – в последующие годы Я. Чечёт издал три сборника народных песен.

О том, что именно «кривичская» Полотчина сформировала у будущего поэта и фольклориста научные подходы к пониманию роли языка фольклора, народного музыкального творчества, свидетельствует предисловие к сборнику песен 1846 г. «Скромные наблюдения», беседы, записи бесед Я. Чечёта с населением Лепельщины, осмысленные и оформленные им в виде научной статьи, заслуживают того, чтобы по истечении 160 лет познакомить с ними нашего современника. Еще раз сошлемся на самого Я. Чечёта, видевшего в наддвинских обрядовых песнях аутентичные элементы языка, нравов и обычаев кривичан. Анализируя собранные 557 песен над Двиной, он пишет: «Сужу о влиянии польского, российского и украинского языков на кривицкий. Можно было бы сказать, что это влияние большее на диалект Наднёманский, чем на Наддвинский. И действительно, наддвинский край не имеет постоянного квартирования войск и он больше удален от Мазовши и Украины, чем Наднёманский. В Новогрудском крае хлопцы с охотой перенимают русские песни от солдат, и ими уже оглашаются поля, как

например, в Щорсах от едущих на ночлег с лошадьми, а иногда слышатся они в устах женщин, которые также, переделав какую-нибудь по-своему, переносят в деревню польскую песню. Поэтому-то в этом небольшом сборнике я поместил больше песен обрядовых, жнивных и даже несколько таких, которые поются над детской колыбелью, т.к. они несомненно местные».

Не цитируя всю статью (тем более автор самокритично заметил, что он не может дать «некий грамматическо-исторический очерк этого языка»), мы лишь обратим внимание на те особенности славяно-кривичского языка, которые относятся к Подвинью и Поозерью. Сам же Я. Чечёт, не подчеркивая свое авторское отношение к Придвинью-Поозерью, выделяет в сборнике такие разделы: 1. Словарь «кривичских» выражений, встречающихся в песнях. 2. Некоторые «идиоматизмы кривичские» в их значении на Новогрудчине, в сравнении с другими диалектами. 3. «Полезные для этимологов замечания». 4. О подобии славянских языков с санскритом. 5. «Кривичские» причастия и др. «Фундаментальные размышления над этим языком, – пишет Я. Чечёт, – приводят к выводу, что «кривичский диалект – промежуточный между польским, русским и украинским». И формирует далее свое отношение к проблеме.

Первое, на что обращает внимание Я. Чечёт, это необходимость уважительного отношения к белорусскому языку, который польские исследователи (например, автор шеститомного «Словаря польского языка» С.Б. Липде) определяют, как диалектизмы или «поветовщина». «Возможно, что кривичские самобытные слова, пишет Я. Чечёт, если их собрать много, выявили бы также определенное подобие к санскриту, а некоторые красивые слова, введенные в польский язык, обогатили бы без вреда его богатство...»

Говоря о диалекте (семантический анализ, фонетические особенности), Я. Чечёт отмечает, что кривичский язык, по строению своему и длине гласных, ближе к русскому, «...по если украинец скажет «будэ», русский – «будет», то кривичанин скажет «будзе», более похожее на польское "będzie". Однако он не скажет, как украинец: «ходылам», «ходылась», «ходыла», но «я», «ть», «она ходила», ибо во всех падежах, временах и лицах спряжение глагола кривичский язык не имеет подобных личных окончаний...»

Третья позиция, на которую обращает внимание Я. Чечёт: если "dz", присущее полякам, воспринимается и кривичами (белорусское «дзеканье»), то «л» у них не в почете. И поэтому «во многих случаях вместо «л» кривичане произносят звук «ў», соединяя его со следующим или предыдущим гласным, отчего создаются неоспоримые дифтонги «аў», «еў», «оў», «іў», «уў», к примеру, «даў», «еў», «пайшоў», «любіў», «бліснуў». И даже в заимствованных из других языков словах («жаўнер» от польского "żołnierz", «хаўтуры» от литовского "chalturej", «наемнік» от немецкого "der Söldner", «каўнер» от итальянского "kolnierz", «аўтар» – "oltarz" (от латинского "altare") и др.) они везде заменили «л» на «ў». И только в глаголах, в окончаниях женского и ничейного рода, «л» получило свое звучание – «я была», «оно было».

Теперь об употреблении «у» вместо «в», которое в кривичском языке повсеместно выступает в качестве предлога и в зависимости от словесного оборота соединяется со следующим звуком (чаще с гласным) или произносится – «у дварэ» и «у селе» или «ў дварэ», «ў селе». Так что, по Я. Чечёту, «это «ў» можно признавать по желанию или гласным, или согласным, или также, если соединяется в словах с другими гласными, –

дифтонгом». Звук «в», забытый в предлоге, появляется иногда как придыхание в словах, начинающихся с гласных, хотя в них, чаще всего отбрасывается, к примеру, «воко и око», «вакно и окно», «восень и осень», «вуліца и улица», «востры и острый» и т.д.

Кривичане не имеют в своем алфавите, как это первоначально было во всех славянских диалектах, звуков “f”, “g”. Но если должны их произносить в заимствованных словах, то вместо “f” произносится “ch” или «р», а вместо “g” – “h”. К примеру, по Я. Чечёту: “Хвалісь – Felis”, “хваліварок – folwarek”, “праніцус – Francuz”, “грап – graf”, “хвігура – figura”, “каптан – kaftan” и т.д. Но легче дается произношение “g”, ибо говорят: “Gabruś”, но не “Hauruś”, “ganeczek”, но не “haneczek” и т.п.

Небольшое, но интересное замечание А. Чечёта. В кривичском языке в собственных словах «рэ» произносится с легкостью. Однако, в произношении заимствованных слов встречаются определенные трудности. К примеру, «левизор» вместо “rewizor”, «некрут» вместо “tekrut”, «алендар» вместо “aređarz”.

Я. Чечёт подчеркивает, что кривичские диалекты не используют “a” и “e”, а употребляют простые «а» и «е» и в изменении окончаний то, что «мы коротко и красиво передаем этими носовыми (как в польском языке), гласными, произносимыми через «аць», «аю», «ею», «уць», «ую» или похожие. К примеру, «балаць» – bolać, «сваю» – swoję, «волею» – wolać, «будуць» – będa” и т.п.

У кривичей, по Я. Чечёту, очень мало слов начинается с «о» и «э». К примеру, «ока, обух, озеро, обруць (uzdeczka), огур (leniwiec), осень». Но вместо «о» всегда произносится «а» – “агонь – ogień, асьміна – ośmina” и т.п. С буквы «э» чаще всего начинаются заимствованные слова – (к примеру, Эльжбета, эконо́м).

В отличие от наднеманских диалектов, где употребляются одновременно и «е» или «о» («нема» и «німа», «цяпер» и «цепер», «мене» и «міне» и др.), кривичане выразительно сужают наднеманское «е», произнося «злітаіць» вместе «злетаець» и т.д.

Вслед за З. Доленго-Ходаковским Я. Чечёт подчеркивает и такую особенность кривичского диалекта, как «цеканье» – согласный звук «т» меняется на «ц». Если в польском и чешском языках (тихий, тяжкий и tichu, těžku, соответственно) ярко звучит «т», то у кривичей слова подобного типа произносятся “ціхі”, “цяжкі”, “цесць”, “будуць”, “робяць” и т.д.

Обобщая свои семантические наблюдения, Я. Чечёт пишет, что кривичский алфавит, если бы не было заимствованных звуков “f”, “g” и совершенно ненужное «х», произносимое аналогично польскому через “ks”, ограничился бы двадцатью одним звуком, варьирование которых происходит путем их смягчения, имеющего отношение к звукам «ц», «н», «з» (как и в польском языке).

Интересны наблюдения Я. Чечёта о частях речи. «Именительные и прилагательные имеют столько же родов и склоняются путем изменения окончаний», – пишет он. ...Однако по мере приближения к Двине и Верхнему Днепру они приобретают оттенки, подобные формам творительного падежа единственного числа, существующим в русском языке, «поскольку разговаривают уже одинаково: дзеўкою, дзеўкой, маладзіцою і маладзіцой, маткаю, маткай».

Говоря о личном местоимении «себе», Я. Чечёт отмечает, что «се» (в отличие от польского языка не ставится перед глаголом и не заменяется на «сь», как в русском

языке) у кривичей чаще всего меняется на «ся», но встречается и «сь». К примеру, «не садзісь» вместо «не садзіся», «заседзелісь» вместо «заседзеліся».

Относительно спряжения глаголов. Я. Чечёт отмечает наличие слов, заканчивающихся на «ці» или «ць», а в обратных на «ц». К примеру: “прасыці” и “прасць”, “ткаці” и “ткаць”, “жэніцісе” и “жэніцце”. Если в наднёманском крае, где открытое «е» чаще всего отбрасывается («злетас, а не злетаець»), то у наддвинцев получается “злітаіць”. Здесь уже “злітаі” не может быть. Благодаря окончанию на “ці” наблюдается близость кривичского диалекта к санскриту, имсющему глагольное окончание на “ті”.

Я. Чечёт отмечает, что приказывая и высказывая прошедшее законченное время: “папоў рабіць – rójdz robić, poszedl robić”, “пашлі тушыць – rójdz gasić i poszli gasić”. “...приказание произносят быстрее и с большим подчеркиванием последнего слога. Не знаю, есть ли больше подобные отклонения от формы: известно только, что, говоря польски, мы высказываемся по-кривичски: poszed, poszli precz, что должно обозначать: rójdz, rójdziecie precz”.

В деепричастиях нынешнего времени в кривичском диалекте окончание чаще всего бывает на «чы» (робчы, аручы, жнучы – robiąc, orząc, żnąc). Однако по-над Двиной, особенно в песнях, часто заметно окончание, подобное русскому, на «я», например, «ходзя – chodząc» вместо «ходзячы»; «седзя – siedząc» вместо «седзячы». Деепричастия прошлого времени оканчиваются на «шы» (“рабіўшы, араўшы, жаўшы – robiwszy, orawszy, żawszy”). Причастий ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего времени, хоть их и не сложно образовать, кажется, в употреблении нет. Лишь иногда от женщины можно услышать: «гаруюшчая, працуюшчая, бедаваўшая ўвесь век – horigąca, przacującą, którań biedowała całe życie».

В глаголах кривичского диалекта, отмечает Я. Чечёт, возможно парное (дуальное) спряжение, когда говорят: “рóbімо, седзімо́, лежымо́” вместо “рóbім, седзім, лежым”. Здесь необходимо больше наблюдений.

В Лепельском повете, где очень любят «а» и выбрасывают или сужают «е», достаточно часто вместо него употребляют «ы», произнося: «цябе, мяне, дзеўчына і дзяўчына, калі і кала (kolo – предлог), соўнінька і соўнейко (sloneczko), ціраз і цераз, (przez), пáníла, вынісла (вместо пáníяла, вынесла), піва п’яная (вместо піво п’яное), муская пагуканіка (муское пагуканіко), яна і іна (ona), есь (jest), сонцэ радзіла (вместо радзіло), з велікага сіла (вместо з велікаго села), божа і божэ, ні, ня (nie), алі (ale), вісна (весна), піравоз, сыцежычка, вышывайць, стаўляіць и т.д.». И далее фольклорист подчеркивает, что и в польском языке есть много слов, которые в разных местах произносятся по-разному: “żonie, siostrze i żenie, siostrze; dziś, dzisiaj i dzisiaj; walek i walk, farbierz i farbierz, w panu i w panie и т.д.”

Сделав экскурс в становление польского письменного языка, Я. Чечёт делает вывод, что было бы «очень полезным, желательным и применительным» использовать опыт поляков «для укрепления неустойчивого сейчас (речь идет о 30–40-х годах XIX ст. – А.Р., Ю.Р.) правописания». Что же касается его собственных сборников, то Я. Чечёт признается, что он не стремился формулировать грамматические правила, а записывал «почти целиком так, как произносятся». Задача будущих исследователей «обдумать какие-либо основательные правила».

Как бы обобщая, Я. Чечёт подчеркивает, что в особенностях кривичского диалекта нет ничего удивительного, если учесть, что даже письменные языки, «взятые в определенные правила», имеют отличия не только в живом, но и в печатном языке. Поэтому у кривичей, не имеющих письменных правил, и бытует «в каждом повете, ... в каждой, даже, деревне некое особенное произношение и присущие ему слова». «Кто же распространил одни и те же песни на территории всей Белоруссии?», – спрашивает фольклорист. И сам же отвечает: не книги и журналы, а память, губы и сердца братских племён».

При работе с народной песней, отмечает Я. Чечёт, важно учитывать размер стиха (например, ямб, популярный в музыке), ударение, напевность языка, разницу в содержании слов (например, *káня* (птица *kanja*) и *каня́* (лошади) и т.п.). «И, упаси Господь, чтобы не употреблялись в песне эти самые прозаические *też, zaś, więc, by, gdyby, jest, są* и не менее плохие, если они не нужны *ten, ta, to* или что-то похожее...», – предупреждает исследователь будущих авторов. Следует иметь в виду, продолжает он далее, что «кривичским песенкам ... более присуще количество 7, 9 и 11 или также 8, 12 и 13 слогов, что однообразно идут один за другим, как более соответствующие жалобным и серьёзным тонам».

Вместе с тем, поэт не стал воссоздавать в своем переводе диссимметрическую основу народной песни с ее разнослоговыми клаузулами (закпочительные слоги стихотворной строки после последнего ударного слога. – А.Р., Ю.Р.), а разделил текст на четырехстрочные строфы, строго организованные женскими рифмами второй и четвертой строк и, что важно, – четырехстопным хореем, размер которого близок к народным песенным структурам.

Продолжая работать над песенной темой, Я. Чечёт, в 1844 г., в предисловии к сборнику «Дворянские песенки из-под Нёмана и Двины, с приложением оригинальных на славяно-кривичском языке» (значительная часть песен взята из лепельско-придвинского края – А.Р., Ю.Р.), отметит: «Относительно самих песен могу сказать следующее: являясь их переводчиком, – не могу быть судьей, однако ощущаю в них особенную притягательность, новаторство формы и лаконизм в передаче чувств». Тем более, что местные крестьяне «по собственному вдохновению создают новые песни».

И весьма убедительными выглядят слова Я. Чечёта о том, что поэзия, называемая народной или деревенской «в давнишние времена была общей для всех наших предков; ... поэтому она достойна внимания даже и тех, кто не желает видеть хорошего в том, что является народным, крестьянским».

Заслуживает внимания следующее замечание Я. Чечёта: «Для познания кривичского языка хорошо бы послушать домашние беседы крестьян... Однако более пристойным способом изучить язык и сделать относительно его наблюдения было бы то, если бы кто-либо занялся бы слушанием преданий и их совершенно точной записью, предварительно изучив мастерство скорописи, ибо эта литература, которая осталась извечно в памяти крестьян, до сих пор еще не затронута. Это языковое богатство было бы значительно богаче, чем краткие песенки, в которых встречаются чаще всего любовные слова и нет выражений, рисующих другие чувства и представления. Скупой этот язык и нечеловечный, бедный существительными и всеми выражениями, связанными с умственными понятиями, однако, как и каждый, он должен обязательно иметь свои особенности

и оригинальность. ...Именно те, кто имеет больше возможностей для собирания названных сказок и энергии для выполнения этой работы, могли бы не без славы и пользы заняться этой обиженной литературой, которая, как и песни, была когда-то общей для предков господ и бедных, пока предки первых, обучившись чтению на разных языках, не стали забавляться баснями, которые им рассказывают авторы повестей всяких сортов и фасонов».

Изучая устное поэтическое и музыкальное творчество, Я. Чечёт все же отдавал предпочтение лексике песен. «Это было бы сокровище языка, – писал автор, – более богатое, чем коротенькие песенки, в которых чаще всего встречаются выражения любовные и нет выражений, рисующих другие чувства и представления». Заметим и то, что Я. Чечёт намеревался и далее собирать белорусские сказки, но жалел, что «никто еще у нас их не ценит и не окажет действительной помощи», а сам он, «при плохом здоровье и подобном пренебрежении к этим плодам народной фантазии и остаткам старины, до сих пор не в состоянии заняться этим милым и полезным для отечественной литературы трудом».

Налицо классическое понимание роли устного народного творчества в формировании национального языка и литературы, художественной культуры в целом. Подобное отношение Я. Чечёта к фольклору известный русский этнограф А.Н. Пыпин оценил следующим образом: «У Чечёта мы имеем дело не с человеком какой-либо хитрой тенденции, а с искренним любителем, который знал белорусский язык и народ с детства и, восприняв в своей школе народный романтизм и человеческое отношение к народу, осуществлял сейчас это давнее настроение».

Я. Чечёт не только сожалел о том, что «кривичское племя, насчитывающее несколько миллионов населения, не имеет ничего более, помимо катехизиса, изданного недавно в Виленской епархиальной типографии (Я. Чечёт констатирует отсутствие в середине XIX ст. литературы на белорусском языке, упоминая лишь «Краткое собрание науки христианской для сельчан римско-католического вероисповедания, говорящих языком польско-русским», изданное в Вильно в 1835 г. – А.Р., Ю.Р.), но и высказывал уверенность, что настало время «отплатить за эту забывчивость прошлых веков и взяться за уложение грамматики и словаря кривичского диалекта... «Пусть другие крепче и более звучным голосом заинтересуют к уважению и собиранию крестьянских, или, по-другому, на родных повестей и поэзий». А тот, кто взял бы на себя этот труд, «заслужил бы благодарность не только нынешнего поколения, но и более определенную в будущем...»

Если обратиться к содержательной стороне первых трех чечетовских сборников (назовем их условно – «лепельскими»), то даже в этих небольших изданиях можно постичь суть антикрепостнического и антидеспотического мышления Я. Чечёта, выступающего в тонко завуалированной форме. А по-иному ведь и не могло быть – восемь лет ссылки в Кизиле, Уфе и Твери, слабое здоровье требовали от поэта благопристойности и уважения к власти. Поэтому с обрядовыми и семейными песнями в сборниках

* Пройдет немногим более 20 лет и белорусский языковед и лексикограф, фольклорист и этнограф И.И. Носович издаст в Санкт-Петербурге разъяснительно-переводной «Словарь белорусского языка».

встречаются песни явно антикрепостнического содержания. Вот несколько слов из пожнивной песни:

Да ў нашага пана
Да нядобрая слава:
Па месяцу жыта жалі,
Па зорам копы клалі.
Цёмна ў полі, цёмна.
Бадай таму цямней было,
Хто да хаты не пушчае
Ды на поле нас трымае.
Да мы позна з поля йдзём
Ды прыганятага клянём.

Близки к этой песни и рассуждения Я. Чечёта об убогой жизни лепельско-докипицких крестьян, драматической судьбе деревенских детей. В составленных автором комментариях к сборнику «Деревенские песенки из-над Двинь» (1840), отмечено: «Как же жалостно обычно видятся в деревнях крестьянские дети, играющие возле хат, выглядят через маленькие окошки и охотно бегут открывать ворота заезжему!.. Немытые, нечесанные, часто в очень грязных и изношенных сорочках! Когда выйдешь с господского двора, где привлекает и впечатляет глаза белизна и жизненность цвета, – какой же контраст, какой неожиданный и ненужный переход!» И здесь же, почти в стиле будущих петрашевцев, А. Герцена, Н. Чернышевского, Я. Чечёт пишет: «Болят сердце, когда видишь, как самый многочисленный и самый трудолюбивый класс населения доведен до такой бедности...» и «ни просвещение края, ни земледелие не могут более быстрыми темпами двигаться вперед, пока не будет ликвидирована позорная, затхлая на протяжении веков и обросшая суевериями преграда – заневоленность крестьян, противоречащая законам природы, трезвому уму и даже чистым экономическим расчетам и вызывает позор в сердцах людей...».

Поскольку доброта, гуманизм и любовь владеют неодолимой силой и являются непреодолимым барьером на пути зла и разрушения, то, по Я. Чечёту, необходимо не жалеть усилий и находить побудительные мотивы, чтобы «привлечь людей ко всеобщему братству и взаимопомощи». Правда, в отличие от названных лидеров российского демократического движения. Я. Чечёт видел беду народа не в крепостническом строе, а в деревенском корчемном пьянстве. Средством к изменению общества, по его мнению, может стать лишь всеобщее просвещение и изменение нравов, обуздание в господских душах сочувствия и любви к крестьянам. Улучшение моральности – главная цель деятельности Чечёта-этнографа и Чечёта-поэта. Этим направлением творчества пронизаны и его предисловия к песенным сборникам, и тематика его произведений, с достаточно однообразным и узким диапазоном (с 29 самостоятельных стихотворений Я. Чечёта 11 осуждают пьянство, 3 – восславляют трудолюбие, 3 – религиозность и т.д. – А.Р., Ю.Р.). Отсюда в стихах – и поучительность, и менторская тональность:

Як то добра, калі мужык
Трэзвы, гаспадарны!
Для такога ў цэлым року
Жадын час не марны!
Снягі таюць, ён гародзіць
Колмі, што зімою
І навазіў, і начэсаў
Добраю парою.
Ёсць у негa і лучыва,
І дроў многа клетак;
Будзе чым варыць кашу
Ўсё лета для дзетак.
Вясна блісне – ён гной возіць,
І арэ і сее;
Косіць лугі, сенажаці,
Нім жыта даспее...

Наверное, можно понять Я. Чечёта, если вспомнить, что жил-то он не в столичных условиях, а в забытом богом крае, где и образованных-то людей в те годы насчитывалось не более нескольких сотен.

Выше мы вели разговор об изданных сборниках песен Я. Чечёта. Здесь уделим внимание одному из рукописных сборников, хранящемся в Институте литовского языка и литературы Литовской Академии наук (записи сделаны латинницей, коричневыми чернилами на дешевой желтоватой бумаге, спитой нитками – А.Р., Ю.Р.). Сборник, во-первых, интересен своим названием с детальными топографическими уточнениями: “Piosnki wieśniasze z nad Dźwiny, z okolic Lepla i z samego ź Lepla, położonego nad jeziorem obszernem i wychodzącą z niego rzeka Ułą (czasem Uljanką zwaną) i wpadającą do Dźwiny pod miastem Ułą. Część druga. Między rokiem 1836–1839 zebrane” («Песни весенние из-над Двины, окрестностей Лепеля и самого Лепеля, расположенного над озером обширным и вытекающей из него рекой Улла (часто называют «Ульянка») и впадающей в Двину под местечком Улла. В честь друга. Собран между годами 1836–1839»); во-вторых, имеющейся на титульном листе записью самого Я. Чечёта о том, что на Лепельщине это вторая часть его сбора белорусских народных песен (в этот сборник Я. Чечёт включил 188 песен, в т.ч. из самого Лепеля 33 и его окрестностей более 130); в-третьих, заметками Я. Чечёта на полях рукописи о лицах, от которых поступили записи песен, и о местах, где эти песни записывались. Рукопись свидетельствует, что Я. Чечёт собственноручно исправлял орфографию записей.

Сохранившаяся рукопись, а она, по сути своей, является описанием содержания шестого сборника песен Я. Чечёта “Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy, w mowie sławiano – krewiskiej, z postrzeże niami nad nią uczynionymi” позволяет более конкретно видеть географию его собирательской деятельности на Лепельщине. Песни очень точно и довольно подробно паспортизированы Чечётом и дают возможность узнать, кто и из каких мест присылал записи. Вот их география:

- шесть свадебных песен, вошедших в 6-й сборник, записаны неизвестным корреспондентом Чечёта в Ворони и Селявах Лепельского повета;
- 32 бытовые, свадебные и детские («песни невинные исполняемые над своим ребенком») (Я. Чечёт), песни были досланы Я. Чечёту «из самого Лепеля от Казимира Штронбута». Из этих 32-х песен 8 вошло в третью книгу, одна – в шестую, а три песни опубликовались дважды. В печать попали все детские песни;
- 14 свадебных песен с описанием свадебных обрядов и обычаев Я. Чечёт получил от своих корреспондентов «из Юзефатова Покошев в Лепельском повете. При каждой песне, при этом, помещена запись, в какой момент обряда и в честь кого она исполняется («Когда ведут молодую за стол», «Когда ведут дружки в хату», «Когда дарят», «Когда молодая не плачет», «Для сироты», «Для дружков молодого» и другие). Здесь же находим обращение свата для благословения;
- еще 8 песен записаны в «Заболотье», где некогда проживал монах Михальский и которое подарено Сапегой, а потом перешло в собственность казны). Пять из числа этих песен крестинные и по одной – свадебная, купальская и жнивная. В 6-ю книжку Чечёта попало 3 крестинных, а в 3-ю – одна;
- 12 свадебных песен записаны в «Бобыничках», а одна из песен опубликована в третьей книге Я. Чечёта;
- бытовые песни (четыре) с записями от «Ленковичувны с-над Двины» и две от музыканта, «проживающего в Лепеле».

Судя по многочисленным замечаниям, пометкам и ремаркам, сделанным Я. Чечётом к большинству песен, можно сделать вывод, что весь собранный материал тщательно исследовался самим собирателем устного и музыкального народного творчества. Особенно значимо то, что Я. Чечёт обращал внимание не только на фольклористическую (как исследователь фольклора), но и на поэтическую, художественную сторону получаемых от корреспондентов произведений. Особую ценность рассматриваемого рукописного сборника составляют 114 оригинальных белорусских народных песен, не вошедших ни в один из печатных сборников Чечёта.

Г.В. Киселёв, детально изучивший рукопись Я. Чечёта, отмечает, что здесь кроме песен «лепельский этнограф» записал четыре белорусские народные сказки и 93 загадки (они почему-то отсутствуют в печатных сборниках). По-своему интересно белорусское поздравительное стихотворение с элементами народной драмы под названием «Борис».* Сам Я. Чечёт заметил, что стихотворение сложено ксендзом, бывшим униатом, и исполнялось в имении помещика Шаумана, жившем в Лепельском повете, поздравительное стихотворение с элементами народной драмы под названием «Борис» как один из образчиков белорусской литературы начала XIX века. В этой своеобразной народной интермедии в форме диалога описано поздравление крепостными крестьянами Лукой, Симоном, Борисом, Янкой, Федором, Адамом, Лукьяном и Юзефатом своего помещика с днем рождения. Написана

* Такие стихи на манер народной интермедии по случаю именин получили самое широкое распространение на Белоруссии середины XIX ст. Сам Я. Чечёт тоже сочинял подобные поздравления. Известно, например, произведение Чечёта, написанное на белорусском языке в форме диалога в честь именин Юзефа Ежовского, одного из членов Общества филоматов. Действующими лицами его являются крестьянин, тун, войт, десятник, хор хлопцев и девчат, святой Никита.

она в стиле устных произведений народной поэзии, где широко используются фольклорные художественные средства: эпитеты, метафоры, сравнения и т.д. (Напр., Янка: «Поглад яго зязюльчышы, словы ж яго цукрованыя», «Так як і чапу снапы, усе б'юць чалам» и т.д.). В сборнике есть и авторское стихотворение Я. Чечёта, написанное на французском языке «*Za retour á la chapell*» («Возвращение к каплице»), навеянное воспоминаниями о детских и юношеских годах, несбывшихся мечтах и утерянных друзьях. По неизвестным причинам народные сказки и загадки, записанные рукой Я. Чечёта, не были напечатаны.

Сегодня очевидно, что собирательно-изучающая деятельность Я. Чечёта на Лепельщине преследовала лишь просветительские цели. Может быть в этом и есть его главная заслуга. В конце 30-х–40-х годах XIX ст. ставить иные цели для Северо-Западного края было нереальным. (История развития Беларуси – лучшее тому свидетельство. – А.Р., Ю.Р.). А поэтому, мечта Чечёта, чтобы собранные им песни были обработаны профессиональными композиторами, а потом снова вернулись в народ, была весьма реальной и перспективной (вспомним деятельность в С.-Петербурге витебского композитора А. Абрамовича. – А.Р., Ю.Р.). «Хорошо было бы, если бы крестьянские песенки, украшенные музыкой уважаемых композиторов, – писал Я. Чечёт в одном из своих комментариев к сборнику «Крестьянские песенки», – пелись чудесными голосами в поместьях и, таким образом, пробуждали более пристальное внимание к авторам этих песен, крестьянам. Однако и без этого должно обращаться внимание на сословие, которое является основой всеобщего счастья». И уместным является замечание поэта и фольклориста, отдающего преимущество искусству, которое является «моральным, полезным и совестным» и которое, «воздействуя на сердца добродетельных господ» сможет впоследствии «содействовать общему прогрессу наших трудолюбивых соотечественников в сфере морали».

И его мечта сбылась: «Станислав Монюшко, высоко ценивший подвижническую деятельность Я. Чечёта, вскоре написал чудесную музыку на слова 19 народных песен из его сборников. Многоплановая фольклористическая деятельность Я. Чечёта в Лепельско-Докшицкой части Витебского Поозерья (сбор устного народного творчества, заимствование из него, перевод на польский язык, а иногда и стилизация) по-разному оценивалась литературно-критической мыслью того времени. Не анализируя все оценки, мы обратим внимание читателей лишь на высказывание широко известного в 40-е годы XIX ст. критика М. Грабовского в статье «*Jeczsze o poezji gminnej*» («Ещё о народной поэзии»), напечатанной в журнале «*Tygodnik Petersburski*» («Еженедельник Петербургский», 1840, № 14): «Его (Чечёта) «Крестьянские песенки из-над Двини» (в статье напечатано из-над Нёмана. – А.Р., Ю.Р.) являются только точным и внимательным переводом первородных произведений народного искусства, безо всякого своеволия, безо всяких приложений, а только с очищением от пороков и наслоений, набранных от долгого хождения по простым устам и грубым рукам крестьянства. Может быть так, что в обработке современного поэта получается более совершенное произведение, чем то, что возникло первоначально из вдохновения народного гения, но гений этот выявляется здесь ясно в своей сущности, в своем натуральном обличье, в простых, натуральных, произвольных движениях, так что видно, что дух этого юношеского мира открылся современному художнику в исключительной красоте своей природы; без пороков и недостатков, которые не в нем, а при нем условно были. Снова доказательство, что зрелое искусство может в некоторых случаях совершенствовать искусство вдохновения. Такая обработка

народных произведений, естественно, может иметь соответствующее место в литературе; ценностно еще и то, что поэзия эта из разных провинциальных говоров возведена к национальному языку».

Можно без преувеличения утверждать, что своими сборниками народных песен Я. Чечёт настолько пополнил богатейшую сокровищницу устного народно-поэтического творчества белорусов, что его с полным основанием можно считать зачинателем не только белорусской фольклористики, но и новой национальной литературы. С другой стороны, «Предисловием к сборнику народных песен 1846 г.», Я. Чечёт впервые в истории белорусской письменности подчеркнул своеобразие кривичского диалекта, показал его отличие от польского и русского, к которому кривичане значительно ближе, обосновал целесообразность и необходимость его изучения и создания соответствующих учебников и словарей, особенно необходимых для изучения духовной культуры народа. По сути, его лепельские, а затем и новгородские наблюдения можно с полным основанием считать началом национальной белорусской лексикографии и грамматики.

«Гродненско-витебский» Я. Чечёт – и до ссылки, и на Березинском канале, и на Новогрудчине – человек, постигший историчность белорусов, понявший их роль в общественной жизни XV–XIX стст. и, однозначно уверенный в том, что они имеют право на достойное место в развитом славянском культурном сообществе.

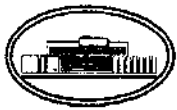
Свои рассуждения о творчестве Я. Чечёта завершим словами Антона Оди́нца (в переводе М. Танка), высеченными на погребальном памятнике Я. Чечёту:

Сваю маладосць прысвяціў ён навукам і цнотце,
Век сталы ён мужна пражыў у няспынных цяпленнях.
Любоў да сяброў і да бога – істоты яго была зместам.
Цяжкое жыццё яго ўсё – да збавення дарогай.
Імя яго злучана будзе наўекі ў айчыне
З Адамам Міцкевічам і Томашам Занам.
Хто ведае іх, перад каменем гэтым схіліся,
Падумаі, уздыхні і за ўсіх, траіх, памаліся.

Наше же исследование предлагаем читателю воспринимать, как дань уважения известному (на Гродненщине) и менее известному в Подвипском крае белорусскому подвижнику Я. Чечёту, для которого письменность, образованность и духовное развитие белорусов стали реальным делом его жизни.

Л и т е р а т у р а

1. *Чачот Я.* Прадмова да зборніка народных песень 1846 г. У кн. «Пачынальнікі». – Мн., 2003.
2. *Цвірка К.* Той курган векавечны. – Мн., 1985.
3. *Пытин А.Н.* История русской этнографии. – СПб, 1890–1892.
4. *Малаш Л.А.* Ян Чечёт и его рукописные сборники. У кн.: Материалы научной конференции (к сорокалетию библиотеки). Минск, 1965. – С. 120–121.

УДК 792.075(476)

Пространство и время как базовые категории структурообразования в театре

Т.В. Котович

Необходимость типологии различных сфер реальности стала особенно очевидной в XX веке, когда тенденция к всеобщей математизации знания привела к использованию в разных научных сферах познавательных процедур, опробованных в *гуманистике*. Работа со сверхсложными системами (а это в первую очередь – художественные системы) и необходимость учитывать *индивидуальные различия* систем потребовали учета индивидуального разброса. А значит, пришлось отказаться от высоких стандартов точности и строгости, присущих математическому анализу, и от четко определенных механических систем в пользу иных подходов, «которые являются *приближенными* (подчеркнуто нами – Т.К.) по своей природе» [1–3].

Театральное произведение как раз и является системой наибольшей сложности. Но для удобства исследования применима только система, данная раз и навсегда, система в виде некоего идеального образа. Б. Бернштейн, например, использует следующую метафору: мировое древо не растет, мировая черепаха не ползает, потому что мы их заменяем символами [4]. Но в более сложных случаях согласовать всю систему, привести ее к раз и навсегда данному, неподвижному, статичному образу значительно трудней. В нашем случае, т.е. в анализе сценического произведения, система наиболее нестационарна, она постоянно развивается и движется. Целостный комплекс такого произведения может быть проанализирован только в контексте становлении, т.е. при учете, что «древо» все-таки растет, а «черепаха» ползает. Это усложняет задачу, прибавляя к анализу пространства произведения необходимость рассмотрения проблемы времени.

При исследовании структуры художественного объекта всегда важно помнить, что его собственно эстетическая природа не тождественна его содержанию или сюжету. Эта собственно эстетическая природа, архитектоника произведения и составляет наиболее высокий уровень обобщений, который выводит на метастилевые и глубинные основания. Так, Х. Зедльмайер утверждает, что части произведения находятся в состоянии упорядоченной связности, так как «ими полностью управляет и пронизывает своим воздействием некий *организующий принцип* (подчеркнуто нами – Т.К.), который мы, начиная с Дильтея, усваиваем через понятие структуры» [5]. Театр является идеальным полем для семиотических исследований, ведь в нем существует самое большое объединение разнообразных знаков, сложно взаимодействующих между собой [6].

Уже в 30-е гг. XX века в Европе сложилась школа семиотики театра и драмы: в Пражском лингвистическом кружке Отокар Зих, Я. Мукаржовский, П. Богатырев – [6, с. 74]

разрабатывали идеи незавершенности драматического текста без сценической реализации его. А.П. Богатырев впервые применяет структурный метод к собственно театру в противовес статической теории драмы. Позже французский исследователь театра Р. Барт разделил способы существования языка в драме и языка театра: *лингвистическое* его значение он относит к литературе, а *звучащее* – к театральному искусству. Тогда театр предстал как сообщение, протяженное *во времени и пространстве*: «Что такое театр? Род кибернетической машины. <...> Своеобразие этих сообщений заключается в том, что они текут одновременно, но, тем не менее, в разных ритмах. В определенные моменты спектакля мы получаем одновременно шесть или семь сообщений (проистекающих из декорации, костюма, освещения, пространства, где разместились актеры, из их жестов и слов, их мимики). <...> Таким образом, мы имеем дело с подлинной информационной полифонией. Это и есть театральность: плотность и насыщенность знаков (по сравнению с однолинейностью литературы)» [7]. Согласование элементов подобной полифонии и является, на наш взгляд, соотношением уровней структуры спектакля. Одно из направлений в семиотике театра 70-х гг. XX века связано с французской школой [6], где *за единицу театрального знака принимается единичный элемент образного материала*, а полифоничный театральный язык рассматривается как взаимоотношение отдельных театральных знаков на основе контрапункта. В противоположность этому польская семиологическая школа [6, с. 76–77] за основу приняла понятие серии гомогенных единичных знаков в рамках сложного театрального знака. У итальянских же исследователей Э. Маркони и А. Роветты [9] сделана попытка создания развернутой конструкции структурно-семиотической модели театра – это пример слияния математической мысли с теорией театра.

Вообще все театральные школы семиотики концентрировали свои исследования вокруг проблемы «пьеса-спектакль», и основной стержень их теоретических исследований проходит через соотношение текста пьесы и текста спектакля: в спектакле, по их установкам, происходит переход из пространства письменной речи к перспективам сценического действия, отчего и меняются, трансформируются их знаковые системы. Спектакль воздействует на слух и зрение зрителей, а значит, основой сценического объекта являются *пространство и время*.

Принципиально иная позиция характерна для практико-теоретических сценических исследований Ежи Гротовского, который, наследуя легендарному деятелю театра середины века Антонену Арто, переводит осмысление спектакля в русло *собственно сценической* структуры. Е. Гротовский извинялся перед публикой по поводу необходимости для театра иметь дело с литературной (драматургической) основой, т.е. с традицией, которой, по его определению, театр вынужден был следовать, чтобы быть понятным: «наличие литературной основы, сюжет и слово, является для европейского сознания привычным способом трансляции и восприятия смыслов и образов» [10]. Уже в концепции А. Арто театр был осмыслен не как область слова и область психологии, а как только пластика и патура, т.е. акцент переведен на собственно пространственный язык сцены. Не меньшее влияние, чем А. Арто, на европейскую театральную эстетику оказал и теоретик Томас С. Элиот, который высказал идею воплощения в сценическом произведении некоей «гаинственной реальности», где текст воспринимается как выра-

зитель музыкальной и *сценической* функции. У. Найт, последователь Т.С. Элиота, говорил об особом семантическом поле автономного целого – произведения искусства, единицы, не подчиняющейся «никаким законам, кроме своих собственных» [2, с. 66]. Такой подход и приближает нас к *выявлению собственных законов* построения сценической реальности как самостоятельной структуры.

В 50-е гг. XX века Э. Сурио, пользуясь методом функционального анализа, выдвинул представления о соотношении «сценического микрокосмоса» и «театрального макрокосмоса». Вот тут и возникает сама конструкция *театрального времени и пространства*, сопряженных с *философской* концепцией, господствующей в данном произведении, что и обозначается понятием *Espace-temps* (у Р. Петпа – *Zeit-Raum* – 6, с. 70)). Однако это был только первый шаг в осмыслении идеи, так как Э. Сурио подчеркивает зависимость пространства и времени спектакля от материальных условий театра и строения сцены, а значит, пространство и время он трактует как внешние условия для существования произведения. Р. Петп уже пытается выделить и даже отделить видимое, наблюдаемое действие от воображаемого времени. В новейших моделях семиотики, например, у У. Эко понятие знака заменено понятием семиотической функции, где элементы модели соотносны с культурными единствами – элементами содержания, выработанного определенной культурой [3]. Однако любой семиологический инструментарий всегда статичен, так как рассматривает художественный объект, артефакт как неизменный, в то время как сценическое проявление принципиально динамично. Значит, семиотика не может охватить всего комплекса закономерностей существования и развития театральных структур.

Здесь представляется актуальным переход от исследования самого знака в системе к исследованию уровней системы, что замечательно подмечает И. Губанова, анализируя неиспользованные возможности структурного метода, подчеркивая в этой связи необходимость применения самого понятия «уровень». И тогда первичной становится процедура исследования и классификации уровней [11, с. 125] в артефакте. Это точное замечание позволяет ввести структурный анализ в процессуальный контекст. Ведь сценический образ неоднороден, и природа его *процессуальна*. Тогда, на наш взгляд, и возникает возможность переноса анализа на структурную *логику* системы, на логику *связей* элементов и уровней в системе и их взаимодействия в *процессе* движения, а также на способы художественного моделирования в пространственно-временном континууме.

Какова история вопроса в этом направлении? На понятие «связей» впервые в российском театроведении обратил внимание петербургский теоретик Е. Калмановский [12, с. 88], а его коллега Ю. Барбой сместил формулировку на *природу* этих связей [13, с. 179], он называет именно ее действием, *материей* театра. Размышляя о сценическом процессе, Ю. Барбой подчеркивает, что персонаж пьесы не переходит из литературной, словесной структуры в сценическую, а становится элементом принципиально *иной* системы и вступает с элементами этой иной системы в *иные*, принципиально *театральные* связи. «Известно, что во всякой структуре свойства элементов определяют возможные связи между ними, так же как эти связи влияют на структуру и содержание элементов» [13, с. 183]. Т.е. элемент существует не сам по себе, его характеристики определены свойствами системы.

Прежде, чем мы станем анализировать природу связей системы в ее различном проявлении, нам необходимо учесть и другие позиции, например, соотношение системы театра с системами вне его. Театр является отражением социально-исторического контекста. Подчеркивая это обстоятельство, теоретик московской школы М. Поляков, акцентирует внимание на том, что в театре «это усложняется тем, что процесс трансформации реальности как бы удваивается. <...> Эта трансформация превращается в специфическую игру художественных кодов <...>, порождающих не только правдоподобие, повторительность, наглядность, но и новую художественно-смысловую конструкцию» [6, с. 58]. Значит, новая художественно-смысловая конструкция, т.е. сценическое произведение, является системой, связанной не только с конкретными социальными системами, но и – на более высоком и глубинном уровне – с мировоззренческими установками эпохи. Система художественного сообщения состоит из знаков, которые реализуют структуру образов и типы отношений между образами. «Это целостные коммуникативные образования, которые являются воплощением систем способов оформления и передачи художественного смысла» [6, с. 60]. Реальные координаты формируют структуру художественного произведения: здесь и обозначается система соотношения произведения и действительности. Спектакль как сложное художественное образование состоит из материального облика, семантического (смыслового, содержательного) поля и структуры модели, сливающихся в органическую целостность произведения. Художественная структура – «сколок со структуры тех закономерностей общего движения и развития, по которым, сменяя геологические эры и исторические эпохи и следующие друг за другом социальные системы, движутся и космос, и история, и развитие человеческого общества» [14, с. 203]. Именно здесь мировоззренческая модель мира эпохи и пластическая картина мира в театре данной эпохи взаимопересекаются.

Драматургические источники содержат в себе существенное дидактическое начало, что подчеркивает идеологические соотношения театра со своим временем. Однако сам спектакль воздействует прежде всего *эстетико-пластической системой*, иначе дело ограничилось бы проповедью. Нас интересует не взаимосоотнесенность драматургического материала (семантического поля) и сценической реальности, а соотношение параметров и метрик самой театральной модели.

В основе проблем структурообразования и формообразования находятся также *психологические проблемы восприятия и его уровни*. В этом смысле спектакль представляет собой модель с определенными эффектами оптических иллюзий, с психологическим воздействием пространства, цвета и фактур, с эффектами контраста, направления, напряжения и отдыха, с пониманием значения масштаба человеческой фигуры в сценических условиях. Цвет и фактура имеют собственное активное существование, посылая энергию, которая фиксируется и меняется. В подобном факте находится доказательство существования самоценности языка сценического произведения по отношению к литературному первоисточнику, т.к. цвет и текстура могут акцентировать *смысл* драматургического произведения, могут дать совершенно иное, чем в пьесе, а иногда и совсем противоположное значение слову и содержанию. Так, желтый цвет считается цветом энергии, красный стимулирует мозг и пульс, голубой вызывает расслабление, а

зеленый заставляет чувствовать холод; «цвета могут быть активными и пассивными: плоскости или стены могут казаться ближе или дальше в зависимости от цвета» [15].

К этому можно добавить утверждение одного из наиболее парадоксальных постановщиков советского театра Н.Акимов о том, что история театра показывает нам разницу между конструкцией театрального помещения и драматургической формой, но одновременно и зависимость их друг от друга. Однако, как подчеркивает Н. Акимов, драматургия принимала те формы, которые позволяло ей театральное помещение, а не наоборот. Так, например, сцена, обустроенная постоянными декорациями, в театре итальянского Ренессанса не давала возможностей для переноса места действия, и этому вынужденно подчинялась драматургия, вплоть до появления классицистского театра Франции. А сцена-коробка в XVIII веке уже предоставила возможность поактной смены декораций, и такой же поактной сделалась драматургия вплоть до начала XX века [16].

Таким образом, в структурообразовании сценического произведения, мы выделяем аспект его взаимозависимости с пространственно-временным континуумом. Событийная цепь в пространственно-временной последовательности является сюжетом драмы, а сквозным действием и сверхзадачей оказывается *надсловесное* явление. Так, например, все домейерхольдовские постановки «Ревизора» Н. Гоголя, начиная с 1836 года, оставались в пределах воспроизведения на сцене внешнего событийного ряда. Постановка же 1926 года В. Мейерхольдом стала первой попыткой проникнуть за пределы однонаправленного течения событий и выйти к теме трагически звучащей «грусти о России» [6, с. 335–336].

М. Поляков разграничивает в спектакле реализацию драматической напряженности и источник самодвижения художественного мира, спонтанно возникающего из внутренней сценической закономерности [6, с. 337]. Последнее принципиально важно для понимания двух, на наш взгляд, обстоятельств: контекст драмы возникает в зависимости: 1) от внешних условий, т.е. от возможностей осуществления сценического произведения; 2) от внутренних условий осуществления произведения, т.е. от конструирования спектакля в пространственно-временном континууме. Драматическое действие опирается на систему мотивов, а сценическое действие – это еще и обряд, действо, т.е. объект с новым уровнем взаимосвязей внутри структуры произведения. Одни мотивы пьесы могут осуществляться в спектакле, другие – нет. Одни мотивы интересны и созвучны моменту постановки, другие будут интересными для другого периода. Значит, драматический текст оказывается внешним по отношению к спектаклю, внутренняя же конструкция спектакля взаимосвязана с метрикой его пространственно-временного континуума.

М. Поляков рассматривает пространственную организацию только как сценическое место, и, в первую очередь, он сосредотачивает внимание на связи пространства с *драматической* структурой. У времени же М. Поляков обнаруживает иные свойства: «художественное время оказывается явлением стиля» [6, с. 352], значит, автор выводит эту категорию из внешней, физической в эстетическую.

В ходе дискуссии о пространстве и времени в театральном искусстве в редакции журнала «Театр» в конце 1970-х [17] Б. Кузнецов начинает осмыслять качественные свойства сценического времени, выявляя его связь с необратимым временем, вытекаю-

щим из нетождественности состояний космоса. Театр, по мнению Б. Кузнецова, «один из всех жанров искусства наиболее пространственно-временной или (если пользоваться термином, уже получившим с легкой руки М.М. Бахтина права на гражданство в теории литературы) наиболее хронотопный» [17, с. 68].

Театр, как и каждый вид искусства является отображением бесконечно-мерного бытия в пространственно-временной локальной клетке, только здесь такое отображение наиболее явно и непосредственно. Зритель наблюдает здесь-теперь, отображенное не только как сложнейшее многообразие бытия, но и видит эволюцию такого многообразия, саму структурализацию бытия, происходящую на его глазах. Иначе говоря, он прямо наблюдает в сценических условиях необратимость времени.

Неопределенность понятия в приложении к искусству, многовариантность его трактовок требуют исследования, отражающего всю сложность и многоплановость *пространственно-временного континуума* театра. В ряду прочих категорий, таких, как образ, жанр и т.д., категории пространства и времени в искусстве театра занимают положение на границе философских, психологических и собственно театроведческих исследований. В этом случае соотносительность философского и искусствоведческого подходов может способствовать выявлению глубинной сути понятия пространственно-временного континуума театра.

Онтологический аспект, который наиболее интересует нас при исследовании проблемы, связан со способами бытия художественного произведения, способами существования, изменения и развития художественной формы и пространственно-временной структуры.

Проблема существования сценического художественного произведения – особая область исследования. Оказиональность и неповторимость спектакля наиболее остро ставит вопрос об особенностях его пространства и времени. Здесь мы сталкиваемся с аналогом самой человеческой жизни как биоэнергетического и духовного субстрата. В этом смысле пространство-время спектакля является виртуальным двойником человеческого существования, его моделью – живым, органическим фрагментом бытия, вырванным из небытия.

Известный российский философ А. Мостепаненко выдвигал гипотезу, что «временное становление порождено каким-то фундаментальным *физическим* (подчеркнуто нами. – Т.К.) процессом, выходящим за пределы нашего непосредственного макроскопического опыта» [18], при котором не исключено, что причиной возникновения является вакуум. Если философ и театральный деятель Ж.-П. Сартр, например, рассматривал временное становление как своеобразную «щель в бытии», непрерывно движущуюся сквозь бытие и связанную с *сознанием* субъекта, то А. Мостепаненко, возражая Ж.-П. Сартру, полагает, что время – некоторое свойство небытия, исходя из установки, что *физическое* время выступает как форма порождения явлений из вакуума, и, в конечном счете, связана с их отклонением от исходного вакуумного состояния.

Вопрос соотношения физического времени существования и пространственно-временного континуума сценического произведения на уровне возникновения явления из ничего, из *отклонения от некоего исходного состояния небытия*, имеет возможность разрешения в гипотезе, что космологические процессы и микроуровневые процессы связаны со свойствами пространства и времени: философские исследования пси-

хологического пространства-времени, которое функционирует на общебиологическом и психологическом уровнях, и образы которого локализованы в микропространстве и микровремени [19], адресуют нас в область коллективного бессознательного, где расположена граница космологических и собственно человеческих представлений.

Проблема пространства-времени тесно связана с проблемой смысла жизни и смысла произведения. С искусством театра эти аналогии наиболее адекватны благодаря подчеркнутой выспе визуализации человеческой жизни на сцене. Известный советский философ М. Мамардашвили отмечал, что есть пространство и время, в котором завершаются бесконечные *смыслы*, делают для нас обозримыми смыслы нашей жизни, которые могут быть осмыслены и обозримы только с помощью театра, литературы, искусства и не могут быть выявлены в обыденной или повседневной жизни: «В повседневной жизни мы будем вечно «кормиться» знаками вещей, а не самими вещами. А театр дает обозримость того, *как* (подчеркнуто нами. – Т.К.) завязываются смыслы» [20], театр, как и философия, всегда имеет дело с тем, что в принципе нельзя «заранее знать» и можно только узнать вот в этом пространстве-времени возникновения. Один из выдающихся режиссеров XX века Питер Брук также подчеркивает, что «театр обращен к духовности <...>» [21].

Проблема пространства и времени не всегда находилась на первом плане среди прочих существенных проблем искусствознания: наибольший интерес к ней всегда возникал в периоды интенсивной смены художественных парадигм. Но и в такие моменты пространственно-временной континуум театра привлекал внимание только некоторыми своими сторонами, а целостно в принципе не разрабатывался.

Свойства театрального художественного произведения как целостности особого порядка определены его био-физио-психо-духовной природой, органическим единством материально-чувственного в момент осуществления сценического произведения, его *структурно-смысловым* художественным целым. В отличие от объектов прочих видов искусства, театральное произведение присутствует в реальном мире как четырехмерная данность (трехмерная плюс изменение во времени): спектакль представляет собой фрагмент реальной жизни, нахождения и действия людей в некоей обстановке на планшете сцены. Фрагмент этот – сиюминутный (в отличие от кинокартины, например), чувственно-воспринимаемый, объективно существующий перед наблюдателем. Однако спектакль является и моделью, у которой наличествует конкретная структура, существующая и развивающаяся во времени. Данная модель является не зеркальным отражением реальной действительности, а, прежде всего, знаковой системой. В условиях восприятия спектакля пространственно-временная структура художественного образа произведения раскодируется зрителем.

Спектакль представляет собой пограничную зону реального и воображаемого (но визуально осуществляемого) мира с особыми правилами и способами существования, с заранее заданными координатами и в ситуации выбора действующим лицом определенной системы действия, приводящей его к заранее известному (или предполагаемому) для зрителя результату, но неизвестному для зрителя духовному потенциалу действующего лица в момент его действия (что и обеспечивает катарсис театрального произведения – наиболее мощный его художественно-психологический результат).

Театр подтверждает существование издревле смоделированной в человеческой деятельности виртуальной реальности. Модель обстоятельств места действия, времени действия и самого действия реального человека в предлагаемых и предполагаемых (воображаемых) обстоятельствах представляется нам прообразом той компьютерной виртуальной реальности, которая создана в конце XX столетия.

Таким образом, пространственно-временной континуум (наиболее высокий уровень абстракции в конкретном художественном произведении) предстает как ряд:

- 1) пространство-время реального художественного объекта со своими выразительными средствами (внешняя форма спектакля);
- 2) пространство-время исполнителя, субъекта художественного акта (всех участвующих в создании данного произведения субъектов) как носителя (актера) и создателя (режиссера) модели;
- 3) пространство-время театрального произведения в качестве имманентного пространство-времени, основанное на ритмах функционирования составляющих элементов (внутренняя форма спектакля);
- 4) пространство-время наблюдателя (зрителя) как реципиента художественного акта, в котором наблюдаемая модель приобретает собственный аналог (не обязательно адекватный): пространство-время, представляющее собой сложную структуру взаимодействия био-физио-психофакторов индивидуального, коллективного, социального и мировоззренческого планов, – структуру, активно возбуждаемую в момент осуществления спектакля для со-творчества.

Пространственно-временной континуум сценического произведения является коррелирующей системой, изнутри структурирующей конструкцию соответственно «рам» (себе самой), которая представляет собой видоизменяющуюся, развивающуюся мета-структуру, охватывающую сценическое произведение и одновременно упорядочивающую всю конструкцию в целом. Существование континуума как организующего и упорядочивающегося начала определено раньше всякого содержания, т.е. через него мы можем попасть в сферу смыслов, т.к. благодаря своим структурообразующим свойствам пространство-время и является *генератором* смысла.

Пространственно-временной континуум спектакля характеризуется большой пластичностью. К его характеристикам можно отнести эмоциональность, этичность, а также эстетико-познавательные свойства, значимость которых мы подчеркиваем не благодаря их наличию в содержании произведения, но исходя из их расположения в структуре произведения.

Пространственно-временной континуум согласуется с художественной картиной мира своей эпохи. Определение художественной картины мира появляется к началу 80-х гг. XX века, тогда же начинается изучение этого феномена как динамической целостности представления о действительности, закреплённой в общественном сознании. Изменение художественной картины мира влечет за собой и изменение представлений о человеке и приписит иную структуру художественного пространства и времени. Из истории искусства видно, что изменившаяся картина мира образует и новый тип художника, а появление нового типа художника меняет, в свою очередь, все художественные представления и метрику пространства и времени.

В модели искусства понятия пространства и времени являются основными, базовыми. По определению А. Гуревича, моделью человек руководствуется во всем своем поведении, с помощью ее категорий отбирает импульсы и впечатления и преобразует внешний мир в данные собственного опыта [22]. Модель мира представляет собой устойчивое образование, определяющее человеческие восприятия и переживания действительности, а пространство и время являются определяющими параметрами человеческого опыта. А значит, проблема модели мира – это проблема и художественного произведения, но и проблема личности, отношения которой с миром выражаются также в категориях пространства и времени. Уже мифология, как отмечает М. Каган, выявляет весь драматизм отношения человека с пространством и временем. Но в искусстве мышление обретает способность «разрывать» объективный пространственно-временной континуум и прорываться в духовный: «искусство освобождает человека от власти пространства и времени, позволяя ему жить в иллюзорной художественной реальности, в которой он властвует над пространством и временем. Это нужно <...> для того, чтобы обрести дополнительные резервы средств формирования человеческого духа» [23].

Структура модели отражает структуру сознания автора и его мировоззрения. Рассматривая произведение искусства, мы получаем представление о структуре объекта и структуре создавшего его субъекта. Перед нами раскрывается структура сознания автора и созданная этим сознанием структура всего осмысленного им художественного мира. Произведение искусства выступает здесь как элемент более сложной структуры, существующей только в отношении к таким структурным понятиям, как «модель мира» и «модель авторской личности», т.е. мировоззрение в наиболее широком смысле этого понятия. А. Гуревич подчеркивает продуктивность изучения способов интерпретации времени в памятниках искусства, полагая, что такое исследование позволяет понять мировосприятие и структуру человеческой личности. Если научное понятие является искусственно созданным знаковым эквивалентом вариантов и стадий явления, выражающим суть явления, то артефакт – это *целостное материализованное представление*, отражающее не только содержание познаваемого явления, но и содержание личности художника.

В этом плане предполагается несколько уровней рассмотрения проблемы как абстрагированное соотнесение проекций следующего порядка: пространственно-временной континуум актера – пространственно-временной континуум спектакля; взаимодействие автора моделирования (режиссера) со сценическим произведением как сложной системы; пространственно-временной континуум наблюдателя – пространственно-временной континуум произведения; проблема катарсиса как пространственно-временного феномена.

Одной из основ театрального языка, на наш взгляд, является тип *пространства сценического произведения*. «Именно она (специфика пространства – Т.К.) задает тип и меру театральной условности» [24], как отмечал Ю. Лотман. Сценическое пространство отличается высокой знаковой насыщенностью дополнительными по отношению к непосредственно-предметной функции вещи смыслами, а сценическое действие представляет собой текст повышенной сложности со знаками разнородными и разной степени условности [24, с. 93]: сценический мир всегда реален и всегда иллюзорен – это

материализация объекта и вместе с тем символ (нечто иное, чем его внешность). Само это противоречие между реальным и иллюзорным также создает дополнительное поле семиотических значений. На сцене имеют принципиальное значение семантические координаты пространства: такие категории, как «верх-низ», «правое-левое», «открытое-закрытое». Здесь достигается структурное соединение устойчивости и вариативности, позволяющее гибко реагировать как на микроизменения внутри построения спектакля, так и на реакцию зала [24, с. 94, 96]. Элементы структуры (дискретные сами по себе) спаиваются в целостность сценического произведения. И весь объем сценического пространства существует как нечто целостное и завершенное, законченная и самостоятельная данность: «Не столько кусочек, отхваченный от громадного бесконечного мира, сколько тоже своего рода мир или, по крайней мере, модель мира».

По определению известного российского режиссера Анатолия Васильева, существует некая образная самодостаточность пространства пустой сцены. Если изобразительное станковое искусство передает пространство на плоскости, то театр, наоборот, создает плоскостную картину в *пространстве при помощи пространства*. Почему так происходит? У П. Флоренского читаем: «самое пространство – не одно только равномерное бесструктурное место, не простая графа, а само – своеобразная реальность, насквозь организованная, нигде не безразличная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение» [25]. Пространство, действительно, определяется не только как форма событий и явлений, находящихся в нем, а скорей как изначальная структура этих событий и явлений.

Иными словами, сценическое пространство действительно реально, физически присутствует, участвует в создании «картины», и в нем размещаются актеры и декорации. Но оно представляет собой и нечто большее, т.к. оно действенно само по себе, оно целостно, геометрически определено и ориентировано на зрителя. В качестве физически действующего пространство представляет собой пространство сцены (планшет, кулисы, колосники, задняя стена, портал), в котором присутствуют определенные зоны, воздействующие на зал. Так, в середине нижней части переднего плаща сцены – наиболее сильно воздействующая зона; мощный поток силовых линий направлен и по основной оси «сцена – зал»; по оси боковой – от кулис к кулисам. А по вертикали: левое-правое. Степень воздействия масштаба сценического пространства зависит от его соотношения с человеческой фигурой. Но только в момент осуществления спектакля происходит активизация сценического пространства, и безмолвный и безучастный, но несущий потенциальное силовое поле, сценический куб превращается в новое качество, он становится пространством спектакля.

Знаменитый польский режиссер Тадеуш Кантор считал, что пространство является и объектом и субъектом, именно оно рождает формы и предметы, а задача художника состоит в манипулировании пространством [26]. Пластичность пространства-времени произведения искусства достигается благодаря расширенному полю его структурных отношений в сравнении с реальным пространственно-временным континуумом, что происходит с помощью растяжения и сжатия времени, деформации пространственных отношений, благодаря разным способам структурирования пространства, и способам сборки произведения.

Свойства художественного пространственно-временного континуума отличаются от физического пространства-времени, у сценического пространства-времени существует своя специфика и особенности структурообразования. Театр, в отличие от прочих видов искусства, не дает большой емкости художественной информации для последующих эпох, существование сценического художественного произведения четко фиксировано в историческом времени и в единичном акте. В этой связи именно пространственно-временные представления имеют первостепенное значение для понимания развития этого вида искусства. Анализ структуры и ее элементов, а также исследование пространства-времени спектакля позволяет раскрыть механизмы создания и существования сценического произведения в его трагической неуловимости и мимолетной окказиональности.

Искусство театра уникально по сути и способу пребывания: создаваемое и тут же разрушаемое, сценическое произведение как бы не имеет смысла, ведь оно не зафиксировано во времени и не может быть передано новым поколениям или даже просто другим зрителям, не присутствующим в момент данного показа. Но в то же самое время спектакль есть вычленившийся из потока времени фрагмент реального бытия, фрагмент организованный, структурированный и исполненный духовного содержимого. Здесь проявляется не одна только издревле заложенная в генной памяти вера в вечность, но и игра с этой вечностью, своеобразная голограмма вечности в виртуальных условиях сцены.

Обратимся к проблеме времени в театральном произведении. Принцип целостности сценического художественного произведения невозможно постигнуть без понятия *времени*, ибо художественная целостность всегда есть процесс, принципиально связанный с человеком, а время художественного произведения – время духовной деятельности, время переживания. Время выступает в произведении искусства и как «главный представитель» субъекта и как фактор, определяющий становление и развитие образного целого. Как в сознании индивида, так и в развитии человечества, чувство времени следовало за выработкой пространственной ориентации. Человек постигал его только через пространство. В спектакле время опосредуется пространством, а временем преодолевается ограниченность пространства театрального произведения (это происходит с помощью ритма). Пространство представляет время, и наоборот, характер процесса человеческого познания находится в прямой зависимости от тех пространственно-временных отношений, в рамках которых этот процесс осуществляется.

Одним из первых фундаментальную базу для разработок категории художественного времени создал Д. Лихачев: «Художественное время – явление самой художественной ткани литературного произведения, подчиняющее своим художественным задачам и грамматическое время и философское его понимание писателем» [27]. У Д. Лихачева представлена солидная библиография о проблеме времени в литературе. (Одна из первых работ, где ставится проблема времени в художественном произведении еще в первой четверти XX века, – статья А. Цейтлина «Время в романах Достоевского» [27, с. 305]).

Время в произведении определяется, прежде всего, внутренней организацией, неким внутренним порядком, определенной последовательностью, в которой элементы выступают как элементы *целого*. Структурное время произведения не есть время его

механической развертки, простой смены одних «кадров» другими. Это время связано с накоплением и превращением качества. Художественное время структурно и обладает определенными свойствами. Сценическое время можно сопоставить со временем музыкального произведения, которое «в силу его внутренней организации останавливает текучее время; как покрывало, развеваемое ветром, оно его обволакивает и свертывает» [28]. Музыка действует как внутренний порядок (он адекватен возникающему порядку в психофизиологическом времени слушателя). В самом деле: зададимся вопросом, где находится пространство музыкального произведения? Оно, на наш взгляд, поглощается временем. Здесь для нас принципиально отметить тот факт, что и сценическое произведение во временном измерении обладает качествами виртуальности в таком же смысле, что и музыкальное. Оно ведь тоже после окончания спектакля исчезает. У А. Арто в работе «Театр и его двойник» описано подобное ощущение сценического времени: «Знать секрет чувственного времени, этого своеобразного музыкального темпа, управляющего тактами гармонии, – вот аспект театра, о котором наш современный психологический театр, конечно, уже давно и мечтать не смеет» [29].

Художественное движение, пространство и время являются основой существования художественного образа. В спектакле как мире, организме, объекте именно время выступает сквозным принципом связности и соотносительности микросистем в целостной системе. Время рассматривается здесь как «оператор» системы: *если пространство представляет собой коллективный фактор сосуществования элементов объекта, то время – это среда обитания элементов объекта в их развитии*. Тогда главной категорией художественного смыслообразования, структурным проявлением пространства-времени выступает *ритм*, который мы рассматриваем по аналогии с естественнонаучным пониманием ритма как времени Вселенной. Ритм является специфическим выражением временной структуры. Именно ритм есть *специфический способ организации и развития пространственно-временного континуума художественного произведения*.

Временные отношения – сложное образование: «В живописи, театре, кино пространственные отношения нередко преобразуются во временные последовательности. Восприятие живописного полотна, кинокадра, мизансцены спектакля кажется одновременным. Но это верно лишь применительно к простым элементам, из которых составлено сложное изображение. Объем одновременно воспринимаемых зрительных сообщений относительно мал. <...> Вся представляющаяся зрению четкая картина – результат сочетания одновременного восприятия в малом угле зрения и последовательного – в широком» [30]. Соотношения, выявленные ритмическими фигурами, берут на себя функции причинно-следственных связей, замещают последовательность, выражают simultaneity, компенсируют логические средства сопоставления и подчинения. Ритмические формы эволюционируют от внешних традиционно-ритмических фигур к внутренним ритмическим формам, обращенным часто к подсознанию, когда мир ощущается и воспринимается как последовательность закономерных вибраций. Это – наиболее тонкие структуры, различимые достаточно сложными творческими натурами. Теория вибраций, основы которой заложены еще пифагорейской философско-математической школой, в начале XX века разрабатывал художник Василий Кандинский в труде «О духовном в искусстве». Существует соответствие эмоционального фона и ритми-

ческих характеристик произведения, и это соотношение обусловлено физиологическими механизмами. Информационное содержание находится в соответствии с эмоциональным комплексом, возникающим при восприятии ритмической основы произведения. *На уровне ритма сходятся два способа исследования: топико-темпоральный (хронотопический) и структурный*, т.к. ритм в качестве чередования одинаковых элементов является средством построения знака и именно он образует структуру, делаясь знаком определенной традиции, когда отношение *всей совокупности* художественных элементов на всех уровнях, в их взаимной соотнесенности и в отношении ко всей совокупности внетекстовых элементов и связей может считаться полным описанием структуры данного произведения.

Рассматривая взаимосвязи ритма и смысла, французский исследователь театра П. Пави, представитель семиотической школы, отмечает, что ритм *составляет* смысл, а не существует над ним. Ритм *оживляет* части текста. Искать ритм – значит, находить смысл, замечает П. Пави [31]. Теория ритма опирается на физиологические основы: сердечный, дыхательный и т.д., однако те же схемы остаются в анализе ритма в театральном искусстве. Знаменитый английский режиссер Гордон Крэг, например, считал ритм фундаментальной составляющей театра, визуализацией времени в пространстве. Спектакль он рассматривал как организацию специфических ритмов всех сценических систем, где каждая развивается согласно собственному ритму [31, 292]. Эта концепция, определяющая ритм как взаимоотношение движений, позволяет осмыслить диалектику времени и пространства в театре. Тогда действительно, выбор ритма – это и есть выбор смысла. Именно ритм создает и разрушает единство, сближает системы, вписывает время в пространство, а пространство во время.

Итак, мы рассматриваем пространственно-временной континуум театра не в качестве некоего «мешка» для объектов и не как их расположение и развитие в хронологическом порядке смены эпизодов, а как саму *структуру* объективной реальности, программирующую и обеспечивающую определенные свойства объектов, их собственную структуру и форму их взаимодействия.

Параметры пространственно-временного континуума позволяют понять отношения, объекты, состояния среды, техники и материалов – в интегральном единстве целостной и эмоционально-выразительной формы. Сам процесс создания театрального произведения, в котором задачи драматурга, режиссера, актеров, сценографов, постановочной части и т.д. могут быть приведены к заданному единству только через общий знаменатель формы, оказывается моделью коллективного визуального синтеза. Произведение искусства – это жизнь, организованная через художественную форму. Принцип формы поэтому играет определяющую роль в искусстве. В XX в. это сделалось очевидным, поскольку определилась задача типологической символизации огромного количества объектов деятельности общества: «художник, взор которого специально направлен на форму сущего, острее, чем кто бы то ни было, воспринимает ультимативный зов этого эпохального обновления социального символизма и не может не опущать эту задачу как проблему «жизни и смерти» современного общества» [15, с. 19].

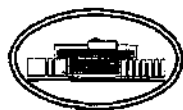
Итак, с помощью топико-темпорального метода, т.е. с помощью анализа пространства-времени театрального произведения мы можем выявить художественные способы, закономерности и логику организации структуры театрального произведения.

Такой метод исследования позволяет не только концентрироваться на анализе взаимодействия структур в системе сценического произведения, но и обратиться к осмыслению его ключевых основ.

Л и т е р а т у р а

1. *Заде Л.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. – М.: Мир, 1976.
2. Теория театра: Школа драматического искусства. Семиотика. Эстетика. Исследования. Актуальное прошлое / Под ред. А. Раскина. – М.: A.D.& T., 2001.
3. *Eco U.* Pour une réformulation du concept du signe iconique // Communication. Paris, 1978, № 29. – P. 142.
4. *Бернштейн Б.* К спорам о специфике пространственных искусств // Советское искусствознание: Проблемы пространственных искусств. Вып. 23 / Под ред. Ю. Овсянникова. – М., 1988. – С. 288.
5. *Зедльмайер Х.* Проблемы интерпретации // Исствознание. – 1998, № 1. – С. 504.
6. *Поляков М.* О театре: Поэтика. Семиотика. Теория драмы. – М.: A.D.& T., 2001. – С. 81.
7. *Barthes R.* L'Aventure semiologique. – P., 1985. – С. 258.
8. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989.
9. *Marconi E., Rowetta A.* Il teatro come Modello generale del linguaggio. Milano, 1995.
10. *Раскин А.* Искусство в двоичном коде // Теория театра / Под ред. А. Раскина. – М.: A.D.& T., 2001. – С. 155.
11. *Губанова И.* К проблеме театрального знака: кризис прикладной и нереализованные возможности фундаментальной семиотики // Теория театра / Под ред. А. Раскина. – М.: A.D. & T., 2000. – С. 125.
12. *Калмановский Е.* Книга о театральном актере: Введение в изучение актерского творчества. – Л.: Искусство, 1984. – С. 88.
13. *Барбой Ю.* Структура действия и современный спектакль. – Л.: Изд-во ЛГИТМиК, 1988. – С. 179.
14. *Эйзенштейн С.* Избр. произведения в 6 тт. – М.: Искусство, 1964. – Т. 3. – С. 203.
15. *Тасалов В.* «Тотальная архитектура» – утопия или реальность? / *Гропиус В.* Границы архитектуры. – М.: Искусство, 1971. – С. 95–96.
16. *Акимов Н.* О театре. – Л.-М.: Искусство, 1962. – С. 101.
17. *Кузнецов Б.* Необратимость физического и сценического времени // Театр. – 1978, № 7. – С. 65–74.
18. *Мостепаненко А.* Проблема существования в физике и космологии: Мировоззренческие и методологические аспекты. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 38.

19. *Мостепаненко А.* Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. – Л.: Наука, 1969. – С. 200.
20. *М. Мамардашвили.* Время и пространство театральности // *Театр*, 1989, № 4. – С. 107.
21. *Брук П.* Пустое пространство. – М.: Прогресс, 1976. – С. 156.
22. *Гуревич А.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – С. 30.
23. *Каган М.* О философском уровне анализа отношения искусства к пространству и времени // *Пространство и время в искусстве* / Под ред. *О. Притыкиной*. – Л.: Изд-во ЛГИТМиК, 1988. – С. 28.
24. *Лотман Ю.* Семиотика театра // *Театр*, 1980, № 1. – С. 91.
25. *Флоренский П.* Обратная перспектива // *Флоренский П.* У водоразделов мысли. – М.: «Правда», 1990. – С. 60.
26. *Кантор Т.* Несколько теоретических уточнений // *Театр*, 1991, № 12. – С. 136.
27. *Лихачев Д.* Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – С. 211.
28. *Леви-Стросс К.* Из книги «Мифологические» // *Семиотика и искусствометрия* / Под ред. *Ю. Лотмана*. – М.: Мир, 1972. – С. 28.
29. *Арто А.* Театр и его двойник. – М.: Мартис, 1993. – С. 140.
30. *Рудь И., Цуккерман И.* О пространственно-временных преобразованиях в искусстве // *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве* / Под ред. *Б. Егорова*. – Л.: Наука, 1974. – С. 265.
31. *Пави П.* Словарь театра. – М.: Прогресс, 1991.

УДК 316.614

Социализация личности и бизнес

В.И. Орлов

Важнейшей характеристикой современной социальной жизни является ярко выраженное обезличивание человека. Эти негативные процессы, идущие одновременно с атомизацией общества, рассматриваются различными философами и социологами как утрата человеком самоценности своего бытия, замены сущности человеческого «Я» на его функциональную роль. «Постепенно, – отмечает Р. Гвардини, – исчезает чувство собственного бытия человека и неприкосновенной сферы «личного», составляющее прежде основу социального поведения. Все чаще обращение с человеком как с объектом воспринимается как что-то, само собой разумеющееся: начиная от бесчисленных форм статистически-административного «охвата» и кончая немыслимым насилием над отдельными людьми, группами, даже целыми народами. И не только в критических ситуациях или пароксизмах войн – это становится нормальной формой управления» [1]. Р. Гвардини не указывает на господство рыночных отношений как причину описываемой им ситуации. Э. Фромм же определенно возлагает на капитализм вину за утрату человеком своего личного «Я». «В средние века, – пишет он, – человек ощущал себя неотъемлемой частью социального и религиозного сообщества, в рамках которого он обретал себя, когда он как индивид еще не отделился полностью от своей группы. В новое время, когда он столкнулся с необходимостью осознать себя как независимого, самостоятельного человека, его самоидентификация стала для него проблемой. В XVIII и XIX веках понятие «я» чрезвычайно резко сузилось: «я» утверждалось размером собственности. Такое понятие стало выражаться не формулой «Я есть то, что я думаю», а формулой «Я есть то, что я имею», «Я есть то, чем я обладаю» [2].

Обратим внимание, что, согласно Э. Фромму, тот, кто полностью не выделился из социума, был личностью в большей степени, по сравнению с «независимым» от общества человеком XVIII–XIX веков. Однако, если в эти времена функциональный аспект начал превалировать над сущностно-онтологическим, то, по крайней мере, человек становился функцией своей, а не чужой собственности, или обезличенных объективных сил. В дальнейшем, по мнению Э. Фромма, положение дел радикально изменилось в худшую сторону. «У последних нескольких поколений в условиях растущего влияния рынка смысл понятия «я» несколько сместился от формулы «Я есть то, чем я обладаю» к формуле «Я есть то, каким меня хотят видеть». Человек, живущий в системе рыночной экономики, чувствует себя товаром. Он отчужден от самого себя, подобно тому, как продавец отделен от товара, который желает продать» [2, с. 111–112].

Прежде чем выяснить, насколько бизнес и рыночные отношения повинны в обезличивании современного человека, ответим на вопрос: лежат ли цели деятельности бизнесмена в чисто экономической сфере? По мнению Ф. Хайека, за исключением чисто

патологических случаев скупости, ответ на поставленный вопрос будет отрицательным. «Конечные цели деятельности разумных существ, – считал он, – всегда лежат вне экономической сферы. Строго говоря, нет никаких «экономических мотивов», ибо экономика – это только совокупность факторов, влияющих на наше продвижение к иным целям. А то, что именуется «экономическими мотивами», в обыденной речи означает лишь стремление к обретению потенциальных возможностей, средств для достижения каких-то еще не определившихся целей» [3]. Обратим внимание на то, что Ф. Хайек пишет только лишь о конечных целях человеческой деятельности. Причем экономические цели не являлись финитными ни до капитализма, ни во времена господства капиталистического производства. Что же нового внес капитализм в телеологическом плане в бытие человека? Еще первыми капиталистами – протестантами – средством для достижения главной христианской цели было названо экономическое преуспевание. В дальнейшем это преуспевание стало конечной целью для большинства людей, втянутых в сферу рыночных отношений.

Таким образом, деньги в XX веке стали мерилом не только человеческого благополучия, но и главным универсальным средством достижения жизненных целей. Однако не распространение бизнеса привело к описанным последствиям. Скорее наоборот, изменение мировоззрения, психологии людей способствовало становлению бизнеса в его нынешней форме, во многом отличной от такой, которая существовала до возникновения капиталистической экономики. Материалистический лозунг о том, что бытие определяет сознание, верен лишь в отношении тех людей, которые ведут полуживотный образ жизни.

Проще говоря, там, где, например, утрачена совесть, там все человеческое осознанное поведение регулируется внешней средой его обитания. Но там, где человек не утратил ощущение своей подчиненности чему-то более великому, чем он сам, безусловно, не бытие человека определяет сознание, а сознание в целом определяет бытие. Вот почему, на наш взгляд, превращение рыночной экономики в универсальный способ человеческого существования является следствием процессов, происходящих в сфере духовной жизни человечества. Автор не ставит целью своего исследования анализ данных процессов, он лишь отмечает, что бизнес как экономический феномен не мог оказать на них решающего влияния. Кроме того, следует отметить, что некоторые ученые придерживаются прямо противоположной точки зрения. Они полагают, что корень всех негативных явлений на Западе (в том числе и лишение человека свободы социального самоопределения) нужно искать не в излишнем развитии рыночной конкуренции, а, наоборот, в усилении плановости. Так, например, тот же Ф. Хайек в работе «Дорога к рабству» в качестве основной идеи проповедовал мысль о том, что отсутствие рынка, свободной конкуренции ведет к полной регламентации человеческой жизни, к превращению человека в асоциальное существо, в марионетку органов планирования и распределения [3, с. 19].

Для того, чтобы выяснить какая из приведенных точек зрения на роль бизнеса в социализации человека адекватно отражает реальное положение дел, необходимо провести онтологическое осмысление социализации как вполне реального средства формирования полноты человеческой жизни, то есть обретение человеком всей полноты своего «Я». Обрести – в данном случае означает и приобрести. Обычно в процессе со-

циализации выделяют проблему приобретения обществом своего нового индивида, но упускается из виду, что человек, становясь полноправным членом социума, не только включается в социум, выполняя в нем определенные ролевые функции, но и включает общество в себя. И в зависимости от того, насколько общество обладает тем свойством «социальности», которое является «живым братством людей», настолько подлинные, а не фальшивые ценности приобретает человек в процессе своей социализации.

Приобретение индивидом общества является двусторонним процессом. С одной стороны, человек включается в социальную традицию, впитывает в себя социальную память. Но с другой стороны, он обретает свое подлинное место в обществе. Это место – его собственность, та собственность, которая позволяет индивиду онтологически укорениться в жизни, ибо подлинный человек должен быть укоренен не только в традицию своего социума, но и в свою собственность, правильное распоряжение которой является его общественным делом. Конечно, частная собственность на средства производства, наличие собственного дела – далеко не единственно возможная форма такого укоренения. Однако, на наш взгляд, именно владение частной собственностью делает возможным процесс социализации – как обретения укорененности и общности – для большинства людей.

Практика показывает, что общность имущества, не имеющая под собой предварительной духовной всепроникающей общности индивидов, намного антисоциальнее частной собственности. «Разъединенные телом и душой, духом и инстинктом самосохранения, – отмечал И.А. Ильин, – люди способны выносить общность имущества лишь постольку, поскольку им удастся преодолеть это разъединение любовью, дружбой, совестью, щедростью, личным благоволением, духом, внутренней дисциплиной и, главное, добровольным согласием. При всяких иных условиях общность имущества будет вести только к разочарованию, вражде, насилию, воровству и хозяйственным неудачам. Она будет создавать как торжкий, тоталитарный режим, всеобщее рабство и падение культур» [4]. Таким образом, для становления человека общественным общность имущества не может быть средством, а может служить лишь разделению людей. Наоборот, частная собственность должна служить не атомизации, а социализации индивидов.

Конечно, речь пока не идет о роли бизнеса как средства социализации. Мы говорим лишь о частной собственности, которая существовала и существует не только в рамках капиталистической рыночной экономики. Кроме того, необходимо отметить, что в этой экономике в настоящее время присутствуют два вектора. Один – тот, который задан протестантской этикой. Другой возник намного раньше – это атеистический, грабительский вектор. Именно такую линию развития капитализма и описывал в своих трудах К. Маркс, неправомерно идентифицируя ее со всем капиталистическим производством. В реальной жизни в капитализме мы можем обнаружить оба этих направления. Причем в капитализме, связанном с производством, сильнее проявляется протестантская этика, и наоборот, в финансово-торговом капитализме более выражена хищническая атеистическая этика. Отметим, что в капитализме XVI–XIX веков эти два направления были не только тесно взаимосвязаны между собой, но и мультиплицировали друг друга.

Понимая, что на постсоветском пространстве главная роль принадлежит хищническому бизнесу, автор будет вести речь о противоположном векторе, который (пусть и при утрате религиозности) во многом еще сохранился на Западе, который, на совер-

шенно иных мировоззренческих установках, появился в Японии и некоторых других азиатских странах, и ростки которого видны в странах СНГ. Если в хищническом бизнесе результатом является постепенное вытеснение социальных связей с последующей заменой их на денежные (а значит и десоциализация индивида), то противоположный бизнес, пусть не являясь самым эффективным способом социализации личности (в том же феодальном обществе в Западной Европе уровень социализации, на наш взгляд, был выше, чем на современном Западе), по крайней мере, способствует ей. И не зря именно сторонники частного предпринимательства так много говорят о роли бизнеса, частной собственности в процессе социализации как социальной укорененности. Бывший президент Франции Валери Жискар Д'Эстен, выступая на предвыборном митинге, отмечал, что именно с помощью этой укорененности человек начинает приобретать общество. «Каждому французу, – утверждал он, – нужно помочь вернуться к своим корням, ведь наш народ прочно связан со своей землей, хотя часто французы и утрачивали эту связь. А разве могут быть более крепкие корни, чем те, которые связывают нас с нашим домом, нашей землей, собственными средствами производства? Да, нужно вновь сделать французов индивидуальными владельцами Франции» [5].

Так как процесс социализации не ограничивается непосредственным взаимодействием индивидов, а характеризуется включением индивида в Традицию, то можно считать, что в социуме существуют определенные формы такого поэтапного включения. Эти формы В.В. Павловский называет «возрастноориентированными программами, функционирующими в обществе». «Социальные возрастноориентированные программы, – считает он, – это определенные системы знаний, навыков, умений, опыта и практических действий, которые используют в своей жизнедеятельности старшие по возрасту генерации людей и в силу объективной необходимости и субъективных факторов, как правило, передают их более младшим, по возрасту, генерациям» [6]. Подобного рода передача происходит как по отношению к определенной возрастной группе, так и по отношению к отдельному индивиду. Однако передачей знаний, навыков, умений и т.д. социализация не ограничивается. Для ее полноты необходимо также обретение индивида в качестве элемента единого целого – социума. Последнее с неизбежностью предполагает «обрастание» индивида невидимыми нитями – социальными связями, с помощью которых он и включается в общество. Отметим, что мы будем в дальнейшем вести речь только лишь о социальной личности, однако в рамках некоторых мировоззренческих установок, например в христианстве, полная, а значит и подлинная, личность намного богаче социальной личности.

Включение индивидов в социум, их социальная кооперация – это, по мнению Л.А. Тихомирова, объединение не самих индивидов как целостных организмов, а лишь их нервных центров. «Смотря на общество глазами биолога, – пишет он, – мы должны назвать общество кооперацией нервных центров... А что такое нервный центр, с точки зрения биологии? Это клеточка, или агрегат клеточек, специализированных не на движении, не на уподоблении, не на каком-либо частном чувстве восприятия, а на функциях представления и регуляции, то есть на способностях сознания ощущения и воли» [7]. Исходя из данной предпосылки, Л.А. Тихомиров делает затем следующий вывод: «Таким образом, законы кооперации, возможной для животных и человека – при возник-

повении среди них общественности – суть законы кооперации чувств, представлений и желаний, кооперации того, что составляет наш психологический мир. Законы общественности, а стало быть, и гражданственности и политики развиваются из психологического источника» [7]. На наш взгляд, данная точка зрения гносеологически бесплодна в философско-социологическом аспекте. Она отражает только лишь изначальный этап кооперации. Вступив в социальные отношения, человек перестает быть просто психологическим существом, а становится социальным. По существу, социальный человек представляет собой целостную систему общественных взаимосвязей, которые могут осознаваться, но могут и не осознаваться им. Без этих связей человек не может быть адекватно понятым, то есть становится гносеологической пустотой (а может быть, и онтологическим ничто, по крайней мере, в социальном плане). Обратим внимание на то, что данные связи, создавая индивида, отнюдь не липают его личной индивидуальности, не превращают в пассивный объект действия социальных сил. Скорее наоборот, наличие этих связей, их экстенсивность и интенсивность дает возможность человеку психологическому обрести свою неповторимость в качестве человека социального. Конечно, речь идет далеко не о всех связях – лишь о социально-конструктивных, а не о деструктивно-разрушительных.

Социальные связи индивида имеют как количественные, так и качественные характеристики. Очевидно, что капиталистическое производство, бизнес, в силу своего рыночно-интернационального характера, включает отдельного производителя и продавца в глобальную экономическую систему. В современных условиях в отношения конкурентной борьбы между собой вступают бизнесмены, предприятия которых находятся на противоположных концах земного шара, а сами они ничего друг о друге не знают. Сказанное относится также и к сотрудничеству. Социальные связи в эпоху глобальной рыночной экономики зачастую носят не непосредственный, а опосредованный характер, но от этого они не стали менее реальными, чем, например, аналогичные связи в XVIII веке. Более того, в наше время происходит не только пространственная экстраполяция социальных связей и их мультиплицирование, но количественное увеличение таких связей связано также с возрастанием их разнообразия.

Очевидно, что реальное наращивание универсума социальных связей возможно лишь при условии, что новые связи могут не только порождаться имеющимися в распоряжении людей способами (как социальными, так и техническими), но и адекватно восприниматься. Если же такие способы отсутствуют, то о новых связях можно говорить лишь условно, они будут носить потенциально-гипотетический характер, реальное оперирование ими людьми будет невозможным. Кроме того, необходимо помнить, что увеличение объема универсума социальных связей может осуществляться двумя различными способами. При первом способе новые связи создаются на базе уже существующих. При втором пути старые связи либо вообще никаким образом не используются, либо полностью уничтожаются, как препятствие, для появления новых. Разрушенное же применяется не в качестве первокирпичиков, а скорее в качестве питательной среды, на которой возрастает новое.

Таким образом, именно благодаря системе частного предпринимательства шло количественное увеличение социальных связей. Следствием данного процесса стало

включение, вольное или невольное, большинства народов в единый экономический процесс. Однако глобализация социально-экономических связей не привела к сплочению человечества, к осознанию человеческого всеединства. Скорее она привела к усилению тенденции атомизации индивидов. Русский философ В.С. Соловьев в работе «Оправдание добра», используя термин «солидарность» (синоним термина «единство»), утверждал, что солидарность как полное физическое единство создать нельзя, оно существует изначально постольку, поскольку существуют люди. Мировая же задача состоит не просто в практической актуализации единства, а в его нравственно-духовном усвоении. «Жизнь человека, – пишет он, – уже сама по себе и сверху, и снизу есть невольное участие в прогрессивном существовании человечества и целого мира; *достоинство* этой жизни и смысл всего мироздания требует только, чтобы это невольное участие каждого во всем становилось вольным, все более и более сознательным и свободным, т.е. действительно – *личным*, чтобы каждый все более и более понимал и исполнял *общее дело*, как *свое собственное*» [8].

Конечно, можно сказать, что в экзистенциальном плане, между личным и общим делом различий принципиальных нет. Недаром, тот же В. С.Соловьев отмечал: «Последовательно утверждать свою отделенность или обособленность было бы для лица даже физическою невозможностью. Все, что есть в жизни общей, непременно так или иначе воздействует на единичных лиц, усваивается ими и только в них и через них доходит до своей окончательной действительности, или завершения; а если смотреть на то же самое дело с другой стороны – в жизни личной все *действительное* ее содержание получается чрез общественную среду и так или иначе обусловлено ее данным состоянием. В этом смысле можно сказать, что *общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное общество*» [8, с. 285].

Итак, бизнес актуализирует связи, делает их ощутимо явственными, и в этом его заслуга в плане социализации. Однако, с другой стороны, капитализм, как общество, в котором бизнес получил подлинное развитие, пока не дает большинству людей перейти от онтологического к нравственному единству, от невольного, безумного включения в социальную жизнь (включения лишь благодаря рыночному механизму), к осознанному участию в этой жизни. Автор считает, что в данном случае мы имеем дело с причинами, порожденными историческими условиями генезиса системы капиталистического частного предпринимательства.

Для людей, стоящих у истоков бизнеса, получение прибыли было не просто главным делом жизни, а носило еще и трансцендентный характер. Человеческая личность, таким образом, оказывалась сконцентрированной в одном деле. Но если вспомнить слова Соловьева о том, что общество – это расширенная личность, то, расширяясь, подобного рода личность создавала и соответствующее общество. Вся система существующих до капитализма общественных связей и отношений была радикальным образом разрушена. В данном случае автор полностью согласен с тем, как был описан этот процесс в программной работе классиков марксизма «Манифест Коммунистической партии»: «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идилические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывающие человека к его «естественным повелителям»...» [9].

Особое внимание К. Маркс и Ф. Энгельс уделяют тому, что изменение отношений между людьми – это не одноразовый процесс, а целая система непрерывных изменений. «Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть» [9, с. 427].

Динамичность капиталистического общества, характерная для времен написания Коммунистического манифеста, в современных условиях приняла характер сверхдинамичности. Вот почему, если мы будем понимать под социализацией выработку у человека тех умений и навыков, которые позволяют ему ориентироваться в окружающем его мире, то современный бизнес ставит человека в условия, требующие непрерывной адаптации этих умений и навыков к быстро изменяющимся условиям его существования.

Конечно, не все умения бизнесмена утрачивают свое значение. Умение общаться с людьми – фундаментальный навык, овладев которым человек намного лучше приспосабливается к внешним изменениям. Это умение является структурообразующим для всего процесса социализации. И если в обществах традиционного типа общение носило ограниченный характер, то в условиях рынка умение общаться должно носить универсальный характер. Расширение сферы общения, как правило, непосредственно связано с расширением сферы деятельности частного предпринимателя, что в свою очередь является одной из предпосылок превращения этой деятельности в одну из разновидностей социальной игры – ролевую игру. Российский специалист по проблемам психологии игры Д.Б. Эльконин считает, что современные исследования показали: «ролевая игра особенно чувствительна к сфере деятельности людей и отношений между ними, что ее содержанием является именно эта сфера деятельности. Итак, содержанием развернутой, развитой формы ролевой игры является не предмет и его употребление или изменение человеком, а отношения между людьми, осуществляемые через действия с предметами; не человек – предмет, а человек – человек» [10].

Социализация личности кроме внешнего аспекта имеет еще и внутренний. Во внутреннем аспекте она означает не что иное, как возрастание личности. Хорошо известно, что одним из основополагающих критериев уровня развития личности является та степень ответственности, которую осознанно несет последняя. Бизнес изначально был построен на личной ответственности человека за результаты своей деятельности. Причем на заре становления капитализма данная ответственность ощущалась предпринимателями не только перед людьми, но и перед Богом. Сейчас перед Богом большинство бизнесменов ответственности не чувствуют. Однако отвечать за свои действия им приходится не только имуществом, но даже свободой. Обратим внимание, что собственник, бизнесмен, отвечает именно своей собственностью, то есть он несет индивидуальную ответственность. Конечно, бизнес – не единственная сфера человеческой жизни, в которой эффективность решений обратно пропорциональна степени их коллегиальности. Великий немецкий политик О. Бисмарк считал, что «административные постановления отнюдь не выигрывают ни в смысле честности, ни в смысле своего соответствия существу дела от того, что они принимаются коллегиально, независимо от того, что при решении вопроса

большинством голосов арифметика и случай заступают место логического обоснования, чувство личной ответственности, – эта существенная гарантия добросовестности решения, – утрачивается сразу же, когда что-либо решает анонимное большинство» [11].

Итак, бизнес способствует выработке чувства личной ответственности, а следовательно, и возрастанию личности самого бизнесмена. Однако в современных условиях, когда держателями акций крупнейших предприятий являются тысячи человек, обретение акций мелким акционером не повышает уровня осознания им ответственности за работу крупного предприятия. Собственность, таким образом, становится для него не *реальной* своей собственностью, понимаемой как часть *единой* собственности, а только *своей* собственностью. Таким образом, человек несет не полную, а ограниченную ответственность: он отвечает не за успех общего дела, а лишь за свое личное умение продать или купить акции. То, что отчуждаясь от собственности путем принятия коллективных решений, человек тем самым теряет свою социальность, хорошо видно было на примере существования партийно-бюрократического слоя в СССР. Собственность в СССР не была обобщественной, она была институализирована. Ею владели не коллективы, а социальные институты как таковы. Включаясь в систему функционирования данной собственности, человек обезличивается, то есть десоциализируется и превращается, по мнению В.М. Быченкова, в функционера. «Человек в таком обществе, – утверждает он, – не выполняет функцию, он прикреплен к ней, и в этом смысле институализирован, отчужден всемогущим квазигосударством. Кстати, слово «функционер», – не дань канцелярскому словоупотреблению. Функционер – это индивид, который действует от имени института и в силу полномочий данных ему институтом. Он как бы светит отраженным светом. Такая вторичность отличает его от социально состоятельного частного лица, самостоятельного индивида, действующего от своего имени, от себя лично, опираясь, допустим, на свое владение собственностью» [12].

Процесс институализации собственности затронул и капиталистическое общество. Известно, что существующие предприятия могут управляться как самими капиталистами, так и наемными служащими. Последние, по существу, так же являются функционерами. Чем больше размер частной собственности, тем более она институализирована. Полная институализация частной собственности предполагает и полную рационализацию общественной жизни, планирование как внешнее, так и внутреннее. «Корпорации большого бизнеса, – отмечает Б. Карлоф, – действуют сейчас как государства с плановой экономикой. Мечта сторонников плановой экономики – внедрить тотальную вертикальную интеграцию, когда цикл включает все стадии производства: от переработки железной руды, до сборки автомобилей и холодильников. Большие компании стремятся делать все самостоятельно, охватывая весь производственный цикл, вплоть до создания готовой продукции» [13]. Однако такое планирование имеет свои количественные пределы. Так, несмотря на все декларативные заявления, элементы стихийности в экономической жизни СССР никогда не были устранены. Эти элементы проявлялись в наличии не только лишь так называемых «черного рынка» и «теневого экономики», но и неформальных бюрократических торговых отношений. Описывая процесс эволюции экономических отношений в СССР, В.М. Быченков отмечает, что «отношения жесткого господства – подчинения, принуждения, существовавшие между аппаратом и обществом стали дополняться, а впоследствии и в какой то мере заменяться эле-

ментами договорных, согласительных, торговых отношений. Возникла официальная система иерархических торгов (например, между предприятиями и министерством), что в совокупности с горизонтальными торгами (например, между предприятиями) дает специалистам основание считать, что уже в 60-е годы командной экономики у нас в действительности не было, вместо нее сложился бюрократический рынок и произошло перерождение командного общества в торговое» [12, с. 28].

Очевидно, что этот «командный рынок» и жил не совсем по тем законам рыночной экономики, которые существовали на Западе. В его деятельности огромную роль играли неофициальные связи и отношения, существовавшие между субъектами этого рынка, то есть огромное значение имело вторичное коммуникативное поле. С помощью этого вторичного поля человек приобретал негласные социальные связи, то есть происходила его вторичная, полукриминальная социализация. Подобные взаимоотношения, как уже отмечалось, существуют и в странах с развитой системой бизнеса, однако там они не получили такого широкого развития. Возникшие в СССР в 60-е годы (а, может быть, и раньше), эти связи являются прообразом нелегального социально-коммуникативного поля, которое существует в сфере бизнеса в постсоветских государствах. Таким образом, одной из важнейших особенностей нормального бизнеса является постепенное отмирание в нем социальных связей,носящих не просто неформальный, но нелегальный характер, и замена их на легально-договорной характер. Для развитого капиталистического общества, по сравнению с социалистическим (а также обществами переходного типа), характерно наличие минимума вторичной социализации.

Если посмотреть на процесс социализации как на возрастание ответственности индивида не только за конкретные свои действия, но и за свое существование в качестве наделенного разумом и волею существа, то становится ясным, что отвечать за свое существование означает отвечать за выполнение человеком своего предназначения в жизни. Мы не будем здесь рассуждать о смысле человеческой жизни, о предназначении человека. Отметим лишь еще раз, что как в эпоху зарождения системы частного предпринимательства, так и в настоящее время личность многих бизнесменов оказывалась сконцентрированной в одном деле – деле получения прибыли. Такая сверхконцентрация не может быть объяснена исходя из обычных представлений о потребностях как мотивах человеческой деятельности. По всей видимости, для определенной категории людей речь может идти не об обычной, а об универсальной потребности. Немецкий философ А. Шопенгауэр считал потребность в деньгах не просто универсальной, но даже абсолютной, как некоей составляющей платоновского «мира идей». «Ведь всякое другое благо, – пишет он, – может удовлетворять лишь *одно* желание, *одну* потребность: пища хороша только для голодного, вино для здорового, лекарство для больного, шуба для зимы, женщины для юношей и т.д. Все это, следовательно, лишь блага относительные. Одни деньги – абсолютное благо: они отвечают не какой-нибудь одной потребности, а всякой потребности вообще» [14].

На наш взгляд, слова А. Шопенгауэра не следует понимать только лишь в узко-материалистическом смысле. То, что на деньги человек может приобрести еду, одежду, жилище и тем самым удовлетворить свои материальные потребности – хорошо известный факт. Но даже в современном мире не все (по крайней мере не для всех людей) является

объектом товарно-денежных отношений. Конечно, для тех, кто придерживается противоположной точки зрения на наш взгляд, абсолютность потребности в деньгах как раз и заключается в абсолютной ликвидации денег. Однако для других бизнесменов абсолютность данной потребности определяется не свойством денег как таковых по отношению к другим предметам (то есть относительным свойством), а свойством денег по отношению к их владельцу. Таким образом, абсолютность потребности в деньгах носит не объект-объектный, а субъект-объектный характер. Применительно к бизнесмену сказанное означает, что для него гораздо важнее не обладание деньгами, а процесс их «делания». Следовательно, речь, по существу, идет о том, что для многих бизнесменов основной является потребность в определенном виде человеческой деятельности, то есть в бизнесе. Таким образом, социализация с помощью частного предпринимательства – это направленность всего человеческого «Я» на занятие бизнесом. Сама по себе такая направленность не является свидетельством изначальной ущербности «Я» будущего бизнесмена. В самом деле, ведь никто не будет утверждать об односторонности, ущербности человека, считающим главным делом своей жизни, скажем, поэзию. Бизнесмен, на наш взгляд, лишь в том случае калечит себя и лишается человеческого облика, если он исходит из полной самодостаточности бизнеса. Но если он понимает, что его деятельность важна не сама по себе, а лишь как способ реализации (причем – не единственный, а лишь один из возможных) потенциальной сущности своего индивидуального «Я», то тогда «отрешенность» от мира – такое же, как для поэта (и для других людей) необходимое условие его деятельности.

Отметим, что деятельность частного предпринимателя многогранна. Он обязан очень много уметь и знать, причем не обязательно эти знания должны носить характер так называемой «книжной мудрости». Скорее наоборот, больше ценятся жизненные умения и навыки, например, универсальный навык общения. Наряду с динамичностью самого бизнеса, и на фоне этой динамичности, возрастают требования к универсальности подготовки бизнесмена. Таким образом, социализация с помощью бизнеса ведет к сужению потребностей, но и одновременно к расширению, универсализации знаний, умений и навыков человеческой личности.

Любая социализация является формированием человеческой биполярной личности. Один из полюсов лежит вне человека и принадлежит тому социуму, членом которого становится человек. Второй полюс – чисто индивидуальный. Он принадлежит отдельному человеку и изменяется вместе с изменением самого индивида. По мнению А. Шопенгауэра, преобладание внутреннего полюса характерно лишь для небольшой части людей – гениев. Большинство же людей – обыкновенные (по терминологии А. Шопенгауэра), то есть с преобладанием внешнего полюса. «Обыденный человек, – пишет он, – напротив, чтобы сделать свою жизнь приятной, должен ограничиваться *внешними* для него вещами – имуществом, рангом, женою и детьми, друзьями, обществом и т.д. и в них полагает он свое счастье: поэтому, оно кончается, когда он утрачивает эти блага или видит что обманулся в них. Для характеристики такого положения можно сказать, что центр тяжести у подобного человека находится вне него. Оттого-то у него и является столько изменчивых желаний и прихотей ...» [14, с. 214].

Очевидно, что желания многих бизнесменов неизменны – они хотят прибыли, а не тех разнообразных удовольствий, которые можно получить за деньги. Следова-

но, по правилам логического вывода центр тяжести, полюс личности таких людей не может лежать вне них. Но, с другой стороны, этот центр не принадлежит и человеку: прибыль, безусловно, не является характеристикой человеческой личности. Конечно, в отношении первопроходцев бизнеса можно сказать, что прибыль для них вообще не имела социального смысла, она была лишь способом спасения души. Для большинства же современных бизнесменов речь скорее можно вести о стирании граней между внутренним и внешним, о деллокализации полюсов их личности. Такая «размытость» мироощущения как раз и проявляется в восприятии денег в качестве реальной частицы своего тела, и всего человеческого «Я». Кроме того, именно распространенность этого мироощущения приводит (наряду с элементами рынка и т.д.) к восприятию бизнеса как формы социальной игры: дело в том, что игра для своей привлекательности требует плавного своего перехода в мир реальной жизни и наоборот.

Итак, мы видим, что для бизнесмена капитал становится частицей его собственного «Я». Однако эта частица не полностью растворена в индивиде, она одновременно живет в нем и собственной жизнью. На наш взгляд, утверждение о том, что в капиталистическом обществе капитал онтологичен, то есть наделен самостоятельностью и индивидуальностью, ни в коем случае нельзя понимать в чисто метафорическом плане. Подобно тому, как великие поэты утверждают, что они не пишут, а в них живет, звучит и творит Слово, подобно этому одержимый бизнесом человек может сказать, что уже не он сам создает капитал, а сам капитал создает его. И в этом заложена главная опасность капитала для личности бизнесмена – опасность утраты своего «Я» путем слияния себя с живым, самостоятельным и индивидуальным капиталом. С другой стороны, бизнес не может не строиться на взаимоотношении капиталов, он есть взаимосвязь людей, обладающих капиталами. Вот почему, как ни странно, индивидуализация капитала может привести к усилению социальных связей, к увеличению их многообразия, а значит и к социализации личности, ибо теперь в процессе общения социальные связи как бы мультиплицируются за счет активности той составляющей индивида, которая называется капиталом.

Мультиплицирование связей для бизнесмена зачастую носит вполне реальный характер. Капитал по своей природе требует расширения поля деятельности, что, как ни странно, может привести к сужению спектра *социальных* отношений, ибо связи капитала еще не являются подлинными социальными связями. «Чрезмерное расширение круга знакомств, – отмечает А.И. Титаренко, – делает их менее прочными, менее постоянными. Увеличение контактов в этом случае оказывается внешней, «суетной» стороной общения, придающей ему поверхностность... Наступает «кризис самовыражения» индивидов, казалось бы втянутых в благоприятное «поле» общения – динамичный круг знакомств, встреч, контактов» [15]. Это и есть состояние псевдообщения – то есть взаимосвязи капиталов или капиталов и людей. Отметим, что в старом, патриархальном, например, феодальном обществе данной проблемы не существовало. Она возникает только лишь в условиях расширенного капиталистического производства и является одним из проявлений социализации личности при капитализме.

Социализация человеческой личности, как обретение последней определенной совокупности устойчивых социальных связей, на наш взгляд, непосредственно связана с процессом становления у личности иерархической системы интересов. Именно на базе

единства определенных интересов люди вступают в *устойчивые* отношения друг с другом. Ф. Энгельс, выделяя среди интересов так называемые «чисто субъективные» считал, что «возведение интереса в связующее начало человечества необходимо влечет за собой – пока интерес остается именно непосредственно субъективным, просто эгоистичным – всеобщую раздробленность, сосредоточение индивидов на самих себе, изолированность, превращение человечества в скопление взаимно отталкивающихся атомов...» [16]. На наш взгляд, такое понимание сущности человеческих связей ложно в своей основе. Дело в том, что всякий интерес может носить только индивидуальный, а, следовательно, и субъективный эгоистический характер. Носителем интереса может быть только лишь отдельный, конкретный человек, а не общество в целом и даже не коллектив. Сказанное, безусловно, не означает, что в основе индивидуального интереса не может лежать определенная объективная составляющая, единая для многих людей. Речь идет о том, что общество, понимаемое как структура (а структура – это в первую очередь совокупность взаимосвязей) не может обладать отдельным интересом, отличным от интересов составляющих его членов: интерес не отчуждается и не институализируется. Однако субъективность интереса есть не только его эгоистичность, но одновременно – его коллективность. Чем больше социализируется человек, тем больше он начинает понимать, что подлинный его интерес взаимосвязан с интересами других людей и может быть реализован в рамках некоего социума. Вне социума для большинства людей реализовать свои интересы практически невозможно. Вопреки мнению Ф. Энгельса, именно возведение интереса в связующее начало позволяет людям не отталкиваться друг от друга, не атомизироваться, а наоборот, притягиваться в поисках консенсуса интересов. Конечно, роль бизнеса в социализации как объединении на почве общих интересов различна. С одной стороны, рынок зачастую разъединяет людей по интересам, но с другой стороны, наряду с центробежными, существуют и ярко выраженные центростремительные тенденции, проявляющиеся, например, в стремлении бизнесменов учитывать интересы покупателей их продукции.

Отметим, что не только в процессе общения, но и в процессе включения человека в реальные рыночные отношения происходит выработка общих интересов, осознание в качестве таковых некоторых паритетных интересов. «Рынок и дискурс, – считает немецкий философ П. Козловски, – являются способами опосредования и *взаимного приспособления индивидуальных интересов*. В обмене и общении можно попытаться выработать основанные на консенсусе решения. Однако рынок и дискурс по-разному, в соответствии со своими установками, трансформируют индивидуальные интересы и потребности. Рынок ориентирован на *фактические* приоритеты (revealed preferences) и на то, что они опосредуются индивидами с помощью взаимовыгодного обмена. Дискурс претендует на моральную *трансформацию* индивидуальных предпочтений, что предполагает существование нравственности как готовности субъекта к модификации» [17].

Утверждение о том, что носителем интереса является только лишь индивид, конечно, не означает, что мы в области социальной философии придерживаемся номиналистических взглядов, считая, что реально существуют лишь отдельные личности, а общество – не что иное как механистическая совокупность этих личностей. Наоборот, на наш взгляд, любые социальные организации, в том числе и общество в целом существуют так же реально, как и отдельные индивиды и взаимопорождают друг друга. Личность – это не механиче-

ская совокупность связей с другими личностями. Это, в первую очередь, социальная личность, занимающая определенное место в обществе. Но объективность существования общества не означает, что у него, как у некоего гоббсовского Левиафана, существуют потребности, а, следовательно, и целенаправленная конкретизация этих потребностей, выражающаяся в интересах. Общество действительно не имеет своих собственных интересов, но отдельный человек способен реализовать свои интересы только лишь социальным способом, поэтому социуму принадлежит не сам интерес как таковой, а только лишь способ реализации. Не имея своих собственных интересов, общество, однако, проводит процесс непрерывной социализации, вновь и вновь воспроизводя самого себя. В этом процессе находит свою актуальную реализацию безусловно, всеми в явном виде понимаемый интерес каждого индивида: породить то, что, будучи порожденным, создаст его самого как личность, то есть – общество. А последнее порождается лишь путем социализации отдельных индивидов. Именно таким видится автору круговорот социальной жизни. Именно в этом круговороте бизнес реализует свое влияние на процесс социализации.

Л и т е р а т у р а

1. *Гвардини Р.* Конец нового времени // Вопросы философии, 1991, № 4. – С. 145.
2. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. – М., 1993. – С. 111.
3. *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. – М., 1992. – С. 72.
4. *Ильин И. А.* О грядущей России. Избранные статьи. – Казань, 1993. – С. 62.
5. *Жискар д'Эстен В.* Власть и жизнь. – М., 1990. – С. 316.
6. *Павловский В.В.* Ювентология. – М., 2001. – С. 157.
7. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. – СПб., 1992. – С. 11.
8. *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 276.
9. *Маркс К. Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – С. 426.
10. *Эльконин Д.Б.* Психология игры. – М., 1999. – С. 34.
11. *Бисмарк О.* Мемуары железного канцлера. – М., 2003. – С. 20–23.
12. Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России (материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 1993, № 2. – С. 29.
13. *Карлоф Б.* Деловая стратегия: концепция, содержание, символы // *Маккей Х.* Как уцелеть среди акул. *Карлоф Б.* Деловая стратегия. – М., 1993. – С. 180.
14. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. Избранные произведения – М., 1992. – С. 221.
15. *Уткин А.* Кто управляет мировой экономикой? // Белорусская думка, 2000, № 11–12. – С. 43.
16. *Энгельс Ф.* Положение Англии. Восемнадцатый век // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. – С. 605.
17. *Козловски П.* Общество и государство: неизбежный дуализм – М., 1998. – С. 254–255.

УДК 930.1

Прошлое и его интерпретация

Э.И. Рудковский, А.С. Табачков

Важность философского анализа проблематики исторического прошлого объясняется большим влиянием интерпретаций событий минувшего на процессы социокультурной динамики современного общества. Новая ситуация, характеризующаяся, в частности, появлением большого количества конкурирующих интерпретаций значимых исторических событий, а также участвовавшими попытками использования дискурсов прошлого для обоснования деструктивных идеологем, делает эту проблематику важной не только с точки зрения метатеоретического анализа процессов, происходящих в социально-гуманитарном знании, но и в более широком аспекте изучения тенденций общей эволюции общества.

В данной работе делается попытка соотнести прошлое как объект познавательной деятельности человека и потенциально наиболее продуктивный, на наш взгляд, способ его изучения – интерпретацию.

Методологические аспекты проблемы

В рамках процессуального понимания общего характера бытия, которое мы используем в данном анализе, прошлое не может быть определено как некая тотальность, как объект с единым для всех его элементов онтологическим статусом. Это объясняется отчасти тем обстоятельством, что процессуальность бытия предполагает наличие множества схем реализации каузальности и, соответственно, множества степеней и способов актуализации элементов прошлого и путей его трансляции. Эта множественность обеспечивает конститутивно необходимую для протекания процесса бытия вариативность.

Тем не менее, некоторая принципиальная демаркация онтологического статуса прошлого все же возможна и в рамках данной парадигмы. Можно с большой долей уверенности сказать, что онтологически прошлое располагается в интервале, ограниченном, с одной стороны, модальностью возможно полной активности, предполагающей осознанное участие в событии и, с другой стороны, модальностью радикальной пассивности, когда качественные особенности вовлеченного элемента уже не оказывают существенного влияния на характер самого события.

Необходимо также заметить, что процессуальный подход не исключает, а, скорее, даже предполагает важную для гносеологической составляющей данной работы констатацию наличия длительных и стабильных по ряду аспектов состояний сущего, для которых характерны, прежде всего, симфонический характер координации каузальности событий и событийных рядов.

Процессуальность методологической схемы делает невозможным лишь наличие некой устойчивой и, тем более, непреодолимой границы между этими, относительно

стабильными состояниями; данный подход подразумевает признание существования непрерывных и значимых по своим последствиям интеракций между хронологически разделенными событиями.

Здесь следует заметить, что, с точки зрения методологии, вышеизложенная позиция может быть хорошей основой анализа гносеологической проблематики именно социально-гуманитарного знания. Являясь равноудаленной как от абсолютизации вне-рациональных начал культуры, так и от детерминистских схематизаций, она создает предпосылки развития дискурса именно как исследования. В противном случае при использовании радикальных, резко поляризованных гипотез, всегда велика опасность превращения текста в обоснование своих же онтологических и методологических основ, что, как правило, не способствует достижению положительных, т.е. не лишенных актуальности результатов. Процессуальная логико-философская основа представляется достаточно гибкой, но не релятивистской конструкцией; в нашем случае она, безусловно, аффилирована с теоретическим наследием Дж.Г. Мида. Однако от текстов последнего генеральная направленность данной работы отличается значительным смещением в сторону когнитивного индивидуализма, а также выраженным стремлением избегать любых биологизаторских аллюзий. При этом мы исходим из того, что критическое использование элементов той или иной философии не может обойтись без понимания первичных интуиций ее создателя. Такое понимание, как представляется, является необходимым условием успешной реинтерпретации и последующей продуктивной реконтекстуализации элементов любого значимого корпуса текстов. В случае с философией Мида ее основой, алексом, из которого она развивалась, было видение мира как органического целого, анализ которого философ предпринимал с позиций своей синтетической, включавшей элементы позитивистского и пантеистического плана, доктрины. Это дополнялось почти религиозной абсолютизацией автором эволюционного процесса. Данные особенности были, как мы надеемся, в достаточной мере учтены при построении онтометодологической платформы данной статьи.

Процессуальная репрезентация бытия может рассматриваться как своеобразный компромиссный синтез концептов статических и радикально динамических онтологических схем, причем в идеале речь должна идти о синтезе диалектическом. Особенно подобными стратегиями является их тяготение к строго центральному, по отношению к «парменид/гераклитовским» полюсам философского предания, позиционированию, к являющемуся, на наш взгляд, продуктивным балансированию в смысловом «центре тяжести» этой фундаментальной оппозиции, которая реализуется в познании в диапазоне от эстетических до социально-политических дискурсов.

Следует отметить, что, по-видимому, любые онтологические схемы и построенные на их основе методологические платформы, не исключая и предложенную в данной статье, являются результатом редукционных в своей сути стратегий мышления. Теоретический и тем более метатеоретический дискурсы всегда сталкиваются с принципиальной неизбежностью проявления диалектики абстрактного/конкретного, которая базируется, в свою очередь, на логике взаимодействия понятийных объемов.

Тем не менее, некоторая редукция является необходимой и эпистемологически легитимной предварительной стадией любого анализа. Угроза объективности познания ви-

дится не в ней самой, а в последующем возведении какого-либо полученного путем теоретического конструирования результата в конститутив, а также в необоснованной экстраполяции исследованных закономерностей на другие области реального. Осознанием этой опасности объясняется наше нежелание считать акт интерпретации единственным способом репрезентации прошлого или рассматривать его в качестве некой исключительной определяющей силы в динамике современного социально-гуманитарного знания.

Феномен исторического прошлого

Историческое прошлое это, прежде всего, класс крайне разнородных феноменов. Возможно, что это единственный такой случай, когда класс естественных феноменов конституируется посредством одного единственного – хронологического – критерия. Это обстоятельство, в свою очередь, имеет два важных следствия: речь идет, во-первых, о принципиальной затрудненности выработки единых научных методов работы с подобными феноменами. Во-вторых, эти объединенные лишь своей темпоральной внеположенностью настоящему-будущему феномены представляют собой удобный объект всяческих манипуляций, чем, собственно, и пользовалась всегда власть и аффилированные с ней структуры производства и распространения дискурсов.

Тем не менее, выпензанные обстоятельства все же не дают вполне обоснованного повода уклониться от прямого вопроса «что такое прошлое?». Ответ на него следует начать с констатации нетождественности, в том числе нетождественности онтологической, совокупного прошлого социокультурной эволюции и исторического прошлого. Первое – это сумма всего, что произошло ранее, сумма всех событий. Никак не структурированное – ценностно, этически или еще как-либо – такое *абстрактное* прошлое лишено, подобно «третьему миру» К. Поппера, познающего (а значит, и структурирующего, организующего) субъекта. Причем эту совокупность всего случившегося с людьми нельзя представить как некий космос, а обращающегося, подобно астроному, к его глубинам историографа как некого исследователя-первооткрывателя ранее потаенного. Никаких «глубин» попросту еще не существует, как не существует в этой области познания самого момента экстатического погружения в ранее абсолютно неведомое. Совокупность всего случившегося ранее является, скорее, хаосом, чем космосом, ведь даже хронология, единственный объединяющий всю эту разнородность критерий, имеет отчетливый причинно-следственный характер, то есть уже предполагает рационализирующее вмешательство исследователя.

К прошлому в «чистом», никак не структурированном, виде применимо известное высказывание Л. Витгенштейна «Язык, которого я не понимаю, не является языком» [цит. по: 1, р. 21], такое прошлое не говорит с нами; более того, оно не обладает значимым существованием вообще.

Последний тезис, конечно, нуждается в некоторой детализации: существование, по крайней мере, в используемой нами процессуальной онтологической парадигме, является *сообщающим предъявлением сущности*, формой взаимодействия с иным. Заметим, что это верно – может быть верным, категоричность суждений здесь неуместна – не только в рамках процессуальной онтологии, М. Хайдеггер писал: «Что «имеет исто-

рипо» пребывает во взаимосвязи становления» [2, с. 312]. В той единственно доступной нашему пониманию области реальности – в сфере действия сил рационализации – сообщение сущности происходит в динамике дискурсов культуры. При этом, как уже отмечалось ранее, данная динамика влияет также на области ретификации и экзистенции, то есть имеет глобальный характер.

Историческое прошлое – это репрезентация начавшихся ранее, но все еще длящихся, развивающихся событий и событийных рядов в культурных горизонтах настоящего. Существование этого феномена фундируется нашим неспящим вниманием к составляющим его дискурсам и их взаимосвязям. Упомянутая неспящность, серьезность этого внимания объясняется тем, что историческое прошлое не является константой, оно доступно воздействию культурной работы. В социумах западного типа историческое прошлое не принимается как данность, каждая новая генерация критически модифицирует его в своих целях. Несколько оппонируя Дж. Г. Миду, заметим, что далеко не всегда можно, даже по прошествии времени, разглядеть в этих усилиях по созданию нового, «своего» прошлого прямую прагматическую необходимость, некий бесспорно рациональный мотив неприятия унаследованного исторического нарратива. Возможно, что такая «подвижность» прошлого служит залогом готовности создавать и обживать социокультурные пространства будущего. Заметим, что, может быть, и эта особенность Запада является одной из причин той, наконец-то вырвавшейся наружу, патологической ненависти к нему людей так называемых традиционных культур.

Стоит сказать, что релятивизма в таком креативном отношении к прошлому, на самом деле, немного. Подлинное историческое прошлое это, выражаясь метафорически, отнюдь не требующий бережного сохранения след, оставленный машиной рационального бытия на ее пути «в сегодня», это она сама; бытие рациональности не одновременно, оно ретроспективно и перспективно одновременно.

Иногда, особенно когда мы будем обсуждать, к примеру, инструментальность, созданные по прямому заказу власти интерпретации прошлого, может невольно сложиться впечатление, что все историческое прошлое в условиях современного социума это некое искусственное, нарративно-медийное образование, некий произвольный конструкт власти.

К счастью, это не совсем так. Более того, историческое прошлое, доступное критической культурной работе, открытое для постоянной интерпретации и реинтерпретации, это, по нашему мнению, одно из величайших изобретений Запада, добавившее человеку и культуре в целом еще одну степень свободы. При этом нужно понимать, что случающиеся злоупотребления дискурсами прошлого неизбежны в условиях характерной для обществ данного типа постоянной публичной, апеллирующей к мнению масс, борьбы за власть. Идеологи участвующих в этой борьбе сторон давно оценили огромный потенциал исторического материала и вряд ли когда-либо откажутся от его использования. Однако в этих же обществах всегда (точнее, почти всегда) хватало критически настроенных интеллектуальных сил для противодействия влиянию инструментальных идеологизированных интерпретаций прошлого.

Интерпретация события прошлого, кроме, возможно, вышеупомянутых сверхидеологизированных редукций, всего более характерных для социумов несвободных,

это, как мы уже отмечали ранее, акт продолжения существования данного события и одновременно очередной этап его движения сквозь темпоральные горизонты бытия. По ходу этого своего движения оно привносит свой смысл, делится своим значением с процессами современности и в тоже время, вовлекаясь в эти процессы, неизбежно меняется само.

Сообщая и приобретая смыслы, дискурс значимого события не теряет, однако, цельности своего значения. Эта цельность обеспечивается системой внутренних замкнутых реферативных связей его глубинного смыслового ядра. А поскольку каждый значимый исторический дискурс многократно и многовариантно инстанцируется в культуре, то его утрата или даже сознательное целенаправленное уничтожение невозможны; с последним обстоятельством хорошо знакомы правящие элиты несвободных обществ.

В научной или философской работе мы почти всегда оперируем лишь концептами или категориями* феноменов. Понятно, что чем более конкретную область действительного или возможного описывает тот или иной концепт (категория), тем меньше риск абстрактной редукции дискурса, в котором таковой задействован.

В свете этих соображений как концепт и как категория «историческое прошлое» выглядит, к сожалению, не лучшим образом. Именно поэтому предпочтительнее, на наш взгляд, всегда говорить о конкретных интерпретациях тех или иных анализируемых событий. Эта невозможность в серьезном, не идеологическом (пропагандистском, педагогическом) дискурсе говорить об историческом прошлом как о некой тотальности** и определила гносеологическую концепцию, используемую автором при изучении данного феномена: интерпретация как способ познания прошлого исключает – на уровне логики – саму возможность прошлого как некоего гомогенного монолита и, тем более, аксиологически структурированного прошлого-предания.

Без учета определяющего, на наш взгляд, влияния фактора интерпретации, «историческое прошлое» оказывается просто ретроспективным вариантом небезызвестного гиперсинкретического концепта «картина мира» [3].

Ввиду всего вышесказанного под категорией «историческое прошлое» следует понимать, прежде всего, динамическую, взаимодействующую и взаимообуславливающую совокупность дискурсов актуальных интерпретаций событий прошлого, образующих особую сферу *ретрореференций* культуры.

Интерпретация как способ познания исторических феноменов

Любая процедура мышления, претендующая на статус особого способа познания того или иного класса феноменов, должна обладать суммой неких качеств гносеологического и, что особенно важно для сферы социально-гуманитарного знания, общекультурного характера; качеств, делающих ее уникальным, не подлежащим равноценной

* В тех случаях, когда класс феноменальных референтов достаточно обширен и поддается категоризации.

** С целенаправленной консолидацией нарративов прошлого в аксиологически одномерную тотальность начинают обычно идеологи тоталитарных проектов социального переустройства.

замене инструментом познания этих феноменов. В интересующем нас случае дело осложняется тем, что объект – историческое прошлое – не отличается, как мы уже отмечали ранее, достаточным сущностным единством конституирующих его феноменов.

С учетом этого обстоятельства, интерпретация как способ познания данной разнородной совокупности сложных феноменов должна обязательно обладать неким универсальным и очень мощным свойством, способным обеспечить смысловое единство получающихся в результате ее применения дискурсов, а также их адекватность эволюционирующему культурному контексту. Последнее особенно важно тогда, когда получаемые результаты потенциально способны оказать сильное влияние на общую динамику социокультурной ситуации, а именно это свойство как раз характерно для дискурсов исторического прошлого. В этих случаях на познание возлагается дополнительно очень важная задача собственной координации по отношению к актуальным потребностям времени, по сути, координации с самим *Zeitgeist*.

Кроме того, для того, чтобы быть именно средством познания, а не просто некой вспомогательной техникой контекстуальной адаптации историографических дискурсов, такая процедура мышления должна обладать значительным эвристическим потенциалом, способностью порождать новое знание.

В случае интерпретации главным качеством, делающим ее особым и, возможно, важнейшим способом познания феноменов исторического прошлого, является ее сущностно креативный характер. Но, к сожалению, само это понятие – креативность – является сейчас весьма «стертым». Будучи часто задействованным в дискурсах не самой высокой культурной пробы (вспомним хотя бы производное от него и популярное в массовой культуре слово «креатив»), оно во многом утратило свой истинный смысл. Применительно к интересующему нас феномену, креативность к тому же имеет ряд дополнительных, специфических черт, о чем будет сказано ниже.

Итак, переходя к конкретным формулировкам, креативность – это потенция того или иного способа познания к такому воздействию на исходный объектный материал – другой дискурс, как правило – которое приводит к появлению качественно нового знания и, одновременно не ведет к прямому уничтожению или произвольному необратимому изменению исходного объекта. При этом, что лучше, прежний дискурс или его новая реинтерпретация, «решает» в итоге сама динамика культуры; момент сохранения исходного, на самом деле, очень важен, ведь в противном случае даже военную цензуру можно считать неким способом создания новых дискурсов. Качественная новизна образующегося в актах интерпретации знания – это, прежде всего, новый, часто более актуальный в свете текущих проблем современности, смысл исторических событий.

Если же взглянуть на интерпретацию прошлого с другой, онтологической стороны, «со стороны самого события», мы увидим, что акт интерпретации обеспечивает очередной этап развертывания события в динамически меняющемся социокультурном пространстве, этап продолжения его значащего для других и дискурсивного по форме существования.

Полученный в результате применения обладающей свойством креативности познавательной процедуры дискурс может также отличаться от исходного объекта структурно, эстетически и, что немаловажно, он может иметь иной интенциональный базис.

Причем последнее обстоятельство способно сильно модифицировать всегда содержащееся в дискурсе – интерпретации значимого события прошлого, этические моменты.

Нужно признать, что мы чрезвычайно высоко оцениваем эвристический и общекультурный потенциал креативности, признав за ней главную составляющую акта интерпретации. Нам представляется, что в самом усилии, осуществляемом с помощью креативной интерпретации познания событий прошлого, познания чего-то, уже бывшего, чье непосредственное, «физическое» существование уже прекратилось, содержится мощная антитеза различным нигилистическим подходам к истории. А поскольку прекращение физического или культурно-значимого существования интересующих нас сейчас феноменов слишком часто было (и по-прежнему бывает) насильственным, было результатом реализации злой воли или агрессивного непонимания, то в интерпретировании исторического прошлого как в конкретной научной и культурной практике современности имеется, на наш, взгляд, и доля своеобразного отдания долга, некая важная этическая составляющая. Речь ведь идет, в том числе, об особом способе восстановления справедливости, о возвращении насильственно или по недомыслию изъятого в живую динамику культуры.

Если на время отойти – настолько, конечно, насколько это возможно в данном случае – от культурных и других важных, но все же вторичных импликаций интерпретации прошлого и обратиться непосредственно к самому внутреннему механизму этой процедуры познания, то первое, что обращает на себя внимание это неприменимость к ней традиционной дихотомии синтетического/аналитического. Интерпретация исторического прошлого, несомненно, инкорпорирует в себе обе эти модальности работы мышления, более того, она обладает собственной динамикой этих модальностей. Но, тем самым, она становится событием познания такого высокого порядка, что данный прием уже не может быть признан по отношению к ней адекватным.

Творческий характер актов интерпретации/реинтерпретации прошлого, та самая имманентная им креативность, о которой мы говорили выше, требует соответствующего метатеоретического инструментария и особых, тоже творческих, подходов к ее изучению.

Здесь уместно будет сравнить две позиции, два способа понимания сути интерпретации как процедуры познания. Одна из них сформулирована теоретиком литературы Х. Вендлер (Vendler H.) и звучит она следующим образом: «Любое число интерпретаций, построенных на самой разной мотивационной основе, может быть создано на фундаменте одного и того же [фактического] свидетельства» [4]. Второе высказывание было сделано автором, принадлежащим к по-прежнему достаточно влиятельному направлению – фрейд-марксизму. Ю. Вулфенштайн (Wolfenstein E.) полагает, что «Мы формируем объекты, когда мы беремся их интерпретировать, но – тогда, когда мы делаем нашу работу хорошо – это происходит согласно задаваемым самими объектами направлениям» [5]. В первом приближении понимание процедуры интерпретации Вулфенштайном кажется более взвешенным и даже обладающим некой внутренней диалектичностью. Однако любая попытка поместить этот его концепт в поле реальной практики познания обязательно покажет, что мы имеем здесь дело с типичным «и да, и нет» диалектики софистического толка. Позиция Х. Вендлер, напротив, обладает важным

качеством четкой, пусть и несколько максималистской, определенности; с ней *можно* спорить, в то время как конструкция Вулфенштайна предусмотрительно снабжена встроенным защитным механизмом, заодно, к сожалению, выводящим ее из сферы продуктивной полемики.

Однако далеко не все в творчестве вышеупомянутого автора, Ю. Вулфенштайна, столь спорно. Одну из его формулировок мы, пожалуй, можем выбрать в качестве отправной точки в необходимом в этой части нашего анализа обсуждении базисных принципов интерпретации: «В любой субъект-объектной взаимосвязи существуют по крайней мере три интерпретативных перспективы: сущность субъекта; сущность объекта, а также двухсторонний процесс взаимодействия субъекта и объекта, то есть [процесс] движения от субъекта к объекту и от объекта к субъекту» [5, р. 72].

Очевидно, что в нашем случае сущности субъекта и объекта его познания являются своеобразными переменными, они разные для каждого конкретного проекта познания прошлого. Это, казалось бы, должно означать, что говорить об интерпретации как о стабильном, сохраняющем свои базисные свойства и принципы способе познания мы можем только основываясь на универсальности упомянутого движения от субъекта к объекту и наоборот. Соответственно, анализируя это движение, мы можем сравнительно легко определить моменты, конститутивные для процедур интерпретации/реинтерпретации.

Ситуация, однако, представляется несколько более сложной. Дело в том, что вполне очевидно присутствие в нашем случае еще одного элемента, причем элемента весьма важного, а именно – культурного контекста, в котором, собственно, и располагается ситуационно образующийся комплекс «субъект-объект». Кроме того, третий элемент в схеме Вулфенштайна, движение познания, также неизбежно координируется с содержащимися в этом контексте аксиоматическими и аксиологическими ориентирами, причем последние, по-видимому, оказывают на процессы социально-гуманитарного познания наибольшее влияние. Заметим, что даже изначально нонконформистские, сознательно пытающиеся противопоставить себя динамике развития культурного контекста, проекты все равно невольно согласуются с его общей схемой, при этом они зачастую просто меняют на противоположные значения ценностных квазимперативов. Полный выход за пределы контекста, полная деконтекстуализация дискурса, столь же трудны, как выход за пределы пространства саморазвития абсолютной идеи в гегелевской панлогической диалектике.

В момент интерпретации/реинтерпретации происходит, по сути, контекстуализация (реконтекстуализация) фактического и/или дискурсивного материала. Это, образно выражаясь, «растворение» материала прошлого современным контекстом, причем в ходе этого процесса происходит как модификация дискурса интерпретации того или иного исторического события, так и, пусть обычно в гораздо меньшей степени, изменение характера самого контекста. При этом не нужно думать, что вследствие несопоставимости масштабов этих элементов влияние интерпретации/реинтерпретации будет исчезающе малым или будет иметь лишь локальный характер. Дело в том, что после события интерпретации немедленно задействуется тот механизм, суть которого в свое

время столь удачно и лаконично описал Куайн: «Производя переоценку одного положения, мы вынуждены сделать то же самое и с рядом других» [6, р. 42].

Все приведенные выше соображения были бы, однако, сущностно неполными и излишне детерминистскими без следующей важной оговорки: каким бы могуществом ни обладал культурный контекст, он тем не менее остается – относительно познающего субъекта – элементом внешним. Конечно, неоспоримо, что наличие феномена контекста этого рода обеспечивает процессы развертывания, формирования и исторического развития дискурсов, но первичный источник креативного смыслопорождающего усилия находится все же не в нем, а в пространстве личного субъективного мышления.

Более того, важность и значимость проектов социально-гуманитарного познания, в том числе и проектов интерпретации прошлого, зависят от того, сколько нового, то есть ограниченного – до момента публикации – в своем распространении локусом личной интеллектуальной сферы автора, сколько нового, не комплементарного смысла противопоставляет культурному контексту тот или иной проект. Дискурс, не имеющий никаких креативных элементов, не способен к модификации культурного контекста и, по сути, вообще не взаимодействует с ним. Не креативный, не содержащий хотя бы следов деятельности уникального мышления субъекта дискурс, это не интерпретация (реинтерпретация) вообще.

Все вышеописанное, конечно, характеризует не только взаимодействие интерпретации и контекста культуры, но и взаимодействие – посредством того или иного вновь созданного или преобразованного дискурса – микрокосма творческой личности с интерсубъективным пространством общественного сознания. Каждое событие рождения нового дискурса знания фундируется, в конечном итоге, уникальностью креативных усилий каждой способной к этому человеческой индивидуальности.

Далее, за границу, разделяющую интерсубъективное и личное, мы в этой части нашего анализа двинуться не рискуем – хотя бы потому, что за ней начинается область сущностно-уникального, сколь либо научное, то есть имманентно стремящееся к поиску универсального, познание которого, по определению, бессмысленно.

Анализ интерпретации, подобно литературно-критическому усилию, вынуждает к сопричастности, даже к определенной доле соавторства. Претендующий на адекватность анализ исключает поверхностную, основанную на некоем наборе унифицированных псевдометодологических критериев, критику. В определенном смысле критический анализ интерпретации прошлого сам, в той или иной мере, является интерпретацией (реинтерпретацией).

Интерпретирующий посредством всего сложного микрокосма своего «Я», всей психически, культурно и экзистенциально обусловленной сферы своего личного творческого бытия, совершает соединение значимого прошлого и настоящего-будущего. Он способствует появлению новой, более актуальной инкарнации события прошлого. В этом осуществляемом им акте гармонизируются или, наоборот, выявляются неразрешимые несоответствия синхронной рассматриваемому событию ситуации человека и ситуации нашего времени.

Можно сказать, что сквозь акты интерпретации и реинтерпретации исторического прошлого течет движение культурного времени, времени самой эволюции чело-

века и ни бинарная логика, ни детерминистские концепции вкупе с разного рода примитивными операциями верификации/фальсификации просто не соотносятся с этим уникальным способом познания – интерпретацией.

Л и т е р а т у р а

1. *Hintikka M., Hintikka S.* Investigating Wittgenstein. – Oxford: Blackwell, 1986. – 312 p.
2. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. В. Бибихина. – М.: Республика, 1997. – С. 312.
3. *Табачков А.С.* Некоторые особенности концепта «Картина мира» // Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта. – Віцебск: ВДУ ім. П.М. Машерава, 2002, № 2 (24) – С. 8–11.
4. *Vendler H.* The art of Shakespeare's sonnets. – Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard U. P., 1999. – P. 24.
5. *Wolfenstein E.* Psychoanalytic-Marxism. Groundwork. – N. Y. – London: The Guilford Press, 1993. – P. 258.
6. *Quine W.V.O.* From a logical point of view. – N. Y. : Harvard U. P., 1961. – 237 p.

УДК 159.923

Понимание значимых других и себя старшеклассниками

С.Л. Богомаз

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема взаимосвязи познания других людей и самопознания личности

Современное научное знание демонстрирует все возрастающий интерес к проблеме самосознания личности. Этот интерес находит свое отражение в научных исследованиях, где данная проблема занимает центральное место и анализируется в философском, психологическом и социальном аспектах.

По мнению отечественных психологов Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, проблема самосознания венчает целостное изучение личности. Так, С.Л. Рубинштейн отмечал, что проблема психологического изучения личности завершается раскрытием вопроса о самопознании, «о личности как Я, которое в качестве субъекта присваивает все, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела, поступки и сознательно принимает на себя ответственность за них в качестве их автора и творца [1]».

Выделение психологического аспекта проблемы самосознания предполагает раскрытие специфики самосознания как особого процесса человеческой психики, направленного на саморегулирование личностью своих действий в сфере поведения и деятельности. Исследование психологической структуры самопознания позволило выявить наличие в ней трех представленных в единстве компонентов – познавательного, эмоционально-ценностного и регулятивного [1]. Исходя из выдвинутого С.Л. Рубинштейном положения о том, что «самосознание человека не дано непосредственно в переживаниях, оно является результатом познания...» [1], представляется правомерным выделение познавательного компонента самосознания в качестве исходного: подобно тому как сознание является результатом познания объективной реальности, самосознание является результатом познания человеком самого себя.

Понятие «самопознание» еще не получило достаточной завершенности в определении своего психологического содержания. Большинство авторов рассматривает самопознание как форму рефлексии, под которой понимается деятельность человека, направленная на осмысление им своего Я, специфики своего духовного мира и своих действий [2, 3].

В психолого-педагогической литературе понятие «самопознание» наиболее широко используется в связи с разработкой проблемы самовоспитания и самосовершенствования личности в исследованиях А.И. Донцова, А.Г. Ковалева, А.Е. Соловьевой,

И.И. Чесноковой и других исследователей. В плане анализа проблемы цели и смысла жизни человека самопознание рассматривается как условие самореализации личности, ее необходимая предпосылка. Значительное место занимает проблема самопознания в исследованиях, касающихся проблем жизненного самоопределения личности, которое возможно лишь как своего рода итог самопознания [2, 4].

В ряде исследований, посвященных проблеме самопознания человеком самого себя, в качестве факторов, опосредующих этот процесс, рассматривались: пол субъекта самопознания, уровень образования, я-чувствительность или я-сензитивность, определяемая степенью обращенности личности к своему внутреннему миру, степенью развития потребности и способности личности к рефлексии, коммуникативный потенциал личности, степень ее экстра- и интровертированности; уровень образования родителей и социально-экономическое положение семьи, внешние оценки со стороны значимых других [15].

Одним из наиболее изученных является фактор возраста субъекта самопознания. Заслуга в постановке проблемы развития самосознания в возрастном аспекте принадлежит Б.Г. Ананьеву, который указал на необходимость изучения процесса становления у ребенка представлений о себе, их изменений под влиянием взаимоотношений с предметным миром и другими людьми. В дальнейшем в ряде специальных исследований изучались особенности представлений о себе, формирующиеся у человека на различных этапах онтогенеза. Так, исследовалось развитие самосознания в младенческом и раннем возрасте, изучалось содержание и функции образа самого себя у дошкольников, младших школьников. Особое внимание психологов в плане исследования самосознания личности привлекает подростковый и юношеский возраст. Названные выше факторы, влияющие на процесс самопознания личности, выступают как вторичные по отношению к такому важнейшему фактору, каким является социальная опосредованность познания человека самого себя.

В отечественной психологии познание себя и познание другого человека рассматриваются как две стороны диалектически единого процесса, основанного на существовании тесной внутренней связи и взаимозависимости между личностью и обществом. Этот подход к исследованию самопознания как социально опосредованного процесса нашел отражение в работах Б.Г. Ананьева, М.М. Бахтина, А.А. Бодалева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.В. Столина, И.И. Чесноковой и других психологов, в работах которых затрагивались проблемы самосознания и самопонимания личности.

Л.С. Выготский отмечал, что все высшие психологические функции суть интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности [6]. Таков путь развития и целостного самосознания и его гностического компонента — знания человека о самом себе.

Конкретизируя положение о социальной природе самопознания на уровне психологического анализа, С.Л. Рубинштейн писал: «Я» действительно не может быть раскрыто только как объект непосредственного осознания, через отношение к самому себе, обособлено от отношения к другим людям, другим конкретным «Я» [1].

Б.Г. Ананьев также рассматривал самосознание личности как результат коммуникативной связи ее с другими людьми. Практическое знание человека человеком он определял как важнейший источник развития отношения человека к самому себе. Автор указывал, что

отношение к себе даже на самых высших стадиях всегда переплетено с отношением к другим, самооценка связана с оценкой, что в процессе взаимопонимания, в развитии практических знаний человека у него формируется одновременно два знания: о других и о самом себе. Б.Г. Ананьевым был сделан важный вывод о том, что коммуникативные свойства личности выступают не только как очень важная часть характера, но и как основа формирования самосознания. Тем самым Б.Г. Ананьевым была психологически обоснована направленность процесса самопознания, начинающегося с познания другого человека [7].

М.М. Бахтиным на литературоведческом материале обосновано различие между познанием вещи, которая может быть схвачена только извне, и познанием личности, чье самостоятельное внутреннее содержание может быть раскрыто в диалоге с другим субъектом [2]. На обусловленность познания личности отношениями, сформировавшимися у нее с другими людьми, разнообразными формами связи данной личности, с Я и Я других указывает И.И. Чеснокова [8].

Социальная опосредованность самопознания личности находит отражение в характерной особенности взаимодействия людей в совместной деятельности, на которую указывает А.А. Бодалев и суть которой составляет «переход поступка одного человека в обстоятельства жизни других людей», в результате чего человек выступает как объект и субъект понимания не только по отношению к другому человеку, но и по отношению к самому себе [9, 10].

Исследователи отмечают, что благодаря существованию взаимосвязи самопознания личности с познанием других людей оказывается возможным преодоление психологических трудностей самопознания, связанных с тем обстоятельством, что субъект его выступает одновременно и объектом для себя. Таким образом, изучение социальной опосредованности самопознания в психологическом плане есть не что иное как изучение взаимосвязи самопознания личности с познанием ею других людей. В исследовании проблемы познания личностью других людей и самой себя в отечественной психологии определилось два направления. Одно из них представлено исследованиями генетически первичной направленности связи, то есть того, как познание личностью других людей ведет к познанию ею самой себя. Второе направление составляют исследования, в которых рассматривается «обратное» влияние – то есть то, как познание личностью самой себя влияет на познание ею других людей.

А.А. Бодалев указывал, что в способности личности правильно настраиваться на другого человека и выбирать наиболее отвечающий обстоятельствам способ поведения многое зависит от знания личностью не только другого человека, но прежде всего самой себя [11]. Этот момент фиксирует Г.М. Андреева, когда пишет, что богатство представлений человека о самом себе, определяет и богатство его представлений о другом человеке [6]. Эту точку зрения разделяют и другие исследователи.

Важным моментом в исследовании взаимосвязи самопознания личности с познанием ею других людей является наличие исследований, которые показывают, что потребность в познании своей личности реализуется человеком прежде всего в общении со значимыми для него людьми. Как отмечает К.А. Абульханова-Славская, значимые другие – это те люди, которые опосредуют воспитательное воздействие общества на личность, берут на себя задачи воспитания, реально (сознательно или бессознательно) выполняют их. Е.С. Кузьмин

и В.Е. Семенов определяют значимых других людей как тех людей, которые оказывают или оказали наибольшее влияние на ход жизни человека. Н.С. Петрова называет в числе значимых других тех людей, с которыми индивид соотносит свое поведение, оценку себя и других.

Близко к понятию субъективной значимости стоит понятие референтности для личности другого человека, которое рассматривается в работах А.В. Петровского, Е.В. Щедриной, а также в работах зарубежных психологов. В этих работах лица, наделенные для личности свойством референтности, рассматриваются как значимые другие, составляющие референтный круг общения личности.

Специальное исследование феномена субъективной значимости другого человека, предпринятое Е.А. Хорошиловой, позволило расширить понимание роли значимого другого в самопознании личности. Это показало, что партнер по общению тем более значим для субъекта познания, чем в большей мере он влияет на проявление особенностей характера субъекта.

В.Н. Князев, исследовавший проблему понимания значимого другого как субъекта общения, показал, что в формировании важнейших инстанций личности, какими являются Я-концепция, Я-образ, большую роль играют и позитивно, и негативно значимые другие. В случае позитивной значимости воздействие другого на самосознание личности происходит через «присвоение» субъектом познания личностных достижений, внутренних ценностей другого человека. При негативной значимости – через отрицание, «неприятие» роли другого, его внутреннего содержания [12].

М.А. Раев установил наличие взаимосвязи между степенью психологической близости со значимыми другими и мерой их влияния на самосознание личности в ранней юности. Автор отмечает, что реальное общение старшеклассников с ближайшим окружением непосредственно связано с общим уровнем развития его самосознания и с качественными особенностями его образа Я.

В исследованиях, затрагивающих проблему самосознания личности в процессе общения с другими людьми, особое внимание уделяется подростковому и юношескому возрастам как наиболее сензитивным периодам формирования самосознания личности, на протяжении которых потребность в самопознании резко повышается. К числу таких исследователей относятся работы Л.И. Божович, А.А. Бодалева, И.Л. Баскаковой, М.И. Боришевского, А.Г. Гусевой, А.В. Мудрика, Д.Б. Эльконина, Т.К. Комаровой и др. В контексте исследуемой проблемы нас в большей степени интересует возраст ранней юности.

Как свидетельствуют результаты исследований существенным фактором самопознания личности в ранней юности выступает общение как со значимыми взрослыми, так и со сверстниками [2]. Исследования Л.И. Божович, Т.В. Драгуновой, И.С. Кона, М.И. Лисиной, А.В. Мудрика, Д.Б. Эльконина показывают, что специфика общения со взрослыми на каждом этапе формирования самосознания личности определяется сложившейся к началу данного возрастного периода социальной ситуацией развития личности. В этой связи особое значение приобретает общение со значимыми взрослыми в ранней юности.

В ранней юности существует устойчивая потребность и стремление к свободному общению с взрослыми, непосредственно связанная с потребностью жизненного са-

моопределения личности на данном этапе возрастного развития [6]. В ряде исследований подчеркивается ведущая роль взрослых в вопросах выбора профессии, в формировании мировоззрения учащихся старших классов и их социально-политических взглядов, а также в становлении самопознания [2]. Недостаточная удовлетворенность потребности в общении со взрослыми оказывает негативное влияние на формирование личности, в частности, согласно данным полученным И.С. Коном, В.Э. Пахальным, приводит к формированию повышенной тревожности.

Внимание исследователей привлекал вопрос о том, кто именно из взрослых чаще всего выступает для старшего школьника как значимый другой, к общению, с которым старшеклассник стремится. По данным Т.П. Скрипкиной, постоянными партнерами по доверительному общению старшеклассников из числа взрослых выступают, прежде всего, родители, а также учителя [13]. Особую роль родителей и учителей в формировании личности в ранней юности отмечает В.Э. Пахальян, Т. Собиров, Е.А. Хорошилова и другие исследователи. На первое место по степени субъективной значимости старшеклассники из числа окружающих взрослых ставят мать [13]. М. Розенберг, подчеркивая совершенно особое влияние матери на формирование у ребенка самооценочного суждения, писал, что даже если мать проявляет интерес к ребенку лишь с тем, чтобы наказывать или бранить его, этот уровень отношения связан с более высоким уровнем самооценки у ребенка, чем материнское безразличие.

Вместе с тем, исследователи отмечают и достаточно большое влияние отца, особенно на формирование личности юноши. По данным Е.А. Хорошиловой, в юношеском возрасте существует дифференцированное отношение у отцу и матери. Роль отца как воспитателя в семье особенно пристально исследуется на материале неполных семей, то есть через изучение тех последствий в формировании личности ребенка, к которым приводит отсутствие отца в семье. По мнению ряда американских психологов, отцы в семье наиболее часто выполняют требовательно-запретительную функцию в воспитании детей. Попытки матерей компенсировать отсутствие отца чрезмерной требовательностью, особенно в общении с мальчиками, не дают желаемых результатов. Отмечается также, что влияние отца на сына тем более выражено, чем выше оценивает отца мать.

В группу субъективно значимых взрослых старшеклассники включают и учителей. Найдены определенные особенности в понимании старшеклассниками своих учителей. Ж. Лендел, изучавшая особенности понимания личности учителей школьниками 8–10 классов, обнаружила, что чаще всего старшеклассники отмечают профессиональные характеристики учителя. При этом в случае положительной оценки учителя как профессионала старшеклассники анализируют и моральные качества, рассматривая их как эталонные. По данным Т.Н. Малькавской, в образе учителя старшеклассники также, прежде всего, выделяют профессионально значимые черты, тогда как при оценке родителей – прежде всего нравственные. Исследование Н.В. Кузьминой оценки деятельности и личности учителя учащимися старших классов показало, что наиболее вниманием в характеристиках учителей старшеклассники отводят глубокому знанию ими своего предмета и психологии учеников.

Данные приведенных исследований показывают на определенную переориентировку в традиционном понимании юношеского возраста как возраста неизбежного кон-

фликта между взрослыми и взрослеющими. Взрослые – и прежде всего родители и педагоги – рассматриваются как значимые другие, общение с которыми оказывает существенное влияние на формирование его личности и в том числе – на становление образа Я.

В развитии старшего школьника особая роль принадлежит общению со сверстниками. Этот момент отмечается в работах А.А. Бодалева, И.С. Кона, В.Н. Князева, А.В. Мудрика и других исследователей. По мнению данных авторов, психологический смысл ориентации на сверстников состоит в стремлении к отношениям, основанным на принципе равенства и сходства. Факторами, определяющими значительное влияние сверстника на формирование самосознания личности, являются совместная деятельность, преимущественное общение со сверстниками на фоне «дефицита» свободного общения со взрослыми, осознание своего сходства с ними. Следствием этого является сравнительная легкость познания сверстника, а также более быстрое и правильное формирование эталонов при познании сверстников, по сравнению с представителями других возрастов [14, 15].

По данным других авторов [2, 16] наибольшее значение имеет для юноши общение с близким другом-сверстником. В исследованиях по психологии юношеской дружбы отмечается, что дружеская близость юношей и девушек со сверстником своего пола предполагает их определенное психологическое сходство. Данные свидетельствуют, что существует тенденция выбирать в качестве друзей лиц, схожих с образом Я или идеалом Я. Так, В.Н. Князев отмечает, что представление о близкой подруге у девушек отличается тем, что при его формировании через «личностный фильтр» пропускаются все положительные качества и блокируются в большинстве случаев негативные. При этом представления испытуемых о своей близкой подруге и о самой себе оказываются очень сходными. Экспериментальные данные говорят также и о том, что представление о друге в юношеском возрасте стоит ближе к идеальному Я испытуемого, чем его представление о собственном реальном Я [12]. Вместе с тем, отмечается также влияние на понимание личности близкого друга не только сходства психологических, но и объективных характеристик – пола, возраста и т.д. [5].

В контексте исследуемой проблемы взаимосвязи познания других людей и самопознания личности большое значение имеет исследование вопроса не только о том, познание каких людей из круга ближайшего общения влияет на познание личностью себя, но и о том, посредством каких психологических механизмов это влияние осуществляется.

В работах по социальной перцепции преимущественно рассматриваются механизмы познания человеком других людей и, прежде всего, такие как рефлексия, идентификация, эмпатия, стереотипизация и категоризация, межличностная проекция и другие. Вместе с тем, ряд исследователей высказывает свое мнение о том, что человек познает себя так же, как и других людей. Такого рода теоретическое предположение было высказано Г.Я. Розеном, рассматривающим с этих позиций самопознание как частный случай познания человека человеком. На сходных позициях выстроена и концепция самовосприятия Д. Бэма. Это дает основание распространить представления о процессах и механизмах межличностного познания в системе «субъект-субъект (ы)» на процесс познания человеком самого себя. Однако исследований психологического механизма самопознания пока явно недостаточно. В этой связи следует отметить иссле-

дование психологического механизма самопознания личности, предпринятое В.В. Столиным. В качестве механизма, запускающего работу самопознания личности, исследователь рассматривает конфликтный личностный смысл, возникающий у личности при совершении поступка, в котором происходит «пересечение» нейтральных по отношению друг к другу до этого момента смыслов Я, и выступающий как новое отношение личности к себе, определенное участием в собственном поступке. Еще в меньшей степени изучена проблема психологических механизмов взаимосвязи познания других людей и самопознания личности.

Возможный путь решения этой проблемы намечен в работах Б.Г. Ананьева. Указав на постоянное развитие практических знаний человека о других людях как важнейший источник самопознания, Б.Г. Ананьев отмечал, что возможность определения человеком собственных качеств существует лишь при усвоении свойства, сопоставления им себя с другими людьми. Такое сравнение возможно через «перенос» психологического качества, свойства, наблюдаемого у другого человека, на себя, в результате чего обнаруживается степень присутствия или отсутствия этого качества у субъекта познания, уровень развития и т.д. [17].

На сравнение себя с другим человеком как на один из важнейших моментов во взаимосвязи самопознания личности с познанием ею других людей, указывают И.С. Кон, С.В. Кондратьева, А.И. Липкина, О.М. Тихомирова, И.И. Чеснокова и другие исследователи.

Возможности для решения проблемы психологического механизма взаимосвязи познания других людей и самопознания личности создается работами А.А. Бодалева и его сотрудников. В которых изучается роль эталона как интегральной детерминанты, опосредующей любой акт познания человеком другого человека и самого себя [10, 18]. Наиболее изучена роль эталона в познании личностью других людей. В частности, в выборе другого человека в качестве значимого для данной личности [2]. Так, Я.Л. Коломинским показано, что выбор партнера по общению регулируется социально-психологическими эталонами личности, в которых закреплён опыт общения совместной деятельности с другими людьми. В.Н. Князев, рассматривая роль «личностного фильтра» как определенной организации представлений субъекта познания о значимых качествах личности другого человека, прямо указывает, что характеристики работы этих фильтров, их настройка осуществляется эталонами [12]. В меньшей степени представляется изученной роль эталонных представлений в самопознании личности. В числе немногих можно отметить работы Р.Л. Кричевского, В.Ф. Сафина.

Итак, как мы видим, проблема взаимосвязи познания значимых других и самопознания личности в юношеском возрасте изучалась, но она скорее поставлена, чем решена.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическое исследование включало в себя ряд этапов.

На первом этапе исследования ставилась задача определить, как люди из круга ближайшего общения являются для одаренных старшеклассников наиболее значимыми в плане их влияния на познание старшим школьником самого себя. Значимость другого

человека определялась на основе сензитивности старшего школьника к оценкам, исходящим от этого человека, в ситуации делового и личностного общения с ним.

На втором этапе исследования выявились эталонные представления старшеклассников. Предполагалось, что названные старшеклассниками значимые качества образуют некую обобщенную модель, «семантическое пространство» качеств, входящих в представление старшего школьника о желаемом Я и выступающих как основание для определения им своего ценностного отношения к другому человеку. Использовался самоперцептивный опросник Р.Л. Кричевского и Е.М. Дубовской.

Был получен выбор качеств, которые старшеклассники используют для оценивания самих себя и других людей из круга ближайшего общения. В него вошли качества, получившие наибольшую частотность. Для удобства последующего использования их всех качеств условно были сформированы несколько «блоков» исходного эталона: «блоки коммуникативных, волевых, интеллектуальных качеств, характеристик отношения к труду, рефлексивных, эмоционально-динамических качеств; характеристик внешности и физического развития.

Исходя из этого списка качеств, мы предприняли попытку выяснить, какие качества исходного эталона старшеклассники приписывают значимым взрослым и сверстникам. Полученные данные дополнялись материалами свободных описаний старшеклассниками значимых взрослых и сверстников из круга ближайшего общения.

Обработка полученных данных заключалась в определении перечня и частоты фиксирования эталонных качеств в описании значимого другого, подсчете статистически значимых различий в предписывании эталонных качеств значимым другим по *t*-критерию Стьюдента, определении обобщенного личностного профиля значимого другого. Наряду с этими процедурами обработки применялись техника ранжирования, а также корреляционный анализ полученных данных. Анализ данных осуществлялся как в общем плане, так и с учетом пола респондентов-старшеклассников.

На основе полученных результатов об особенностях понимания старшеклассниками значимых взрослых и сверстников как носителей эталонных качеств, а также с учетом особенностей эталонных проявлений старшеклассников о взрослом и сверстнике определялись особенности влияния значимых других на формирование эталонов у старшеклассников.

На третьем этапе эмпирического исследования изучались особенности самопознания и саморазвития старшеклассников. Опираясь на мнения ряда исследователей, считающих, что наиболее достоверные данные о знании человеком самого себя можно получить, обращаясь за ними к самим испытуемым [2, 3, 10, 13, 14, 16, 17, 19–22] в исследовании самопознания старших школьников мы использовали метод свободных самоописаний, а также описания себя на основе предложенного списка качеств.

Полученные на третьем этапе исследования данные позволяют определить, какие качества одаренные старшеклассники выделяют в качестве объектов самопознания и саморазвития. На этой основе определяются возможные «точки приложения» воздействий значимых других из ближайшего окружения на самопознание и саморазвитие личности в ранней юности.

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Определение содержания эталона личности у старшеклассников

Как уже отмечалось выше, целью нашего исследования было: определить, какие качества старшеклассники выделяют как наиболее важные в описании других людей. Репертуар этих качеств был важен, т.к. их совокупность выступает в качестве «мерки» в процессах познания старшеклассниками как других людей, так и самих себя. Следовательно, такие качества являются эталонными.

Исследование проводилось в параллели 10 классов гимназии № 2 г. Витебска. Выборка составляла 60 человек, из них 30 девушек и 30 юношей.

Вопрос, на который предлагалось ответить респондентам, был сформулирован следующим образом: «Какие качества в других людях вы цените больше всего?»

Для получения данных использовался метод свободного описания. Ответы учащихся не регламентировались. Полученные данные обрабатывались по следующим признакам:

- определялся репертуар качеств, выделяемый у значимых других старшеклассниками;
- определялась частота фиксирования этих качеств;
- осуществлялся таксономический анализ данных, состоящий в группировке сходных качеств и в выделении определенных блоков качеств, входящих в репертуар;
- применялась техника ранжирования относительно качеств внутри каждого блока.

В результате анализа данных было установлено, что респонденты выделили 55 значимых качеств, которые были сведены в следующие блоки: глобальные, коммуникативные, волевые, интеллектуальные, эмоционально-динамические, рефлексивные, характеризующие отношение к труду, а также характеристики внешности и физического развития (таблицы 1–25).

Анализ данных показал, что наиболее значимы для юношей и девушек коммуникативные качества, в которых выражается отношение человека к окружающим людям. В понимании старшеклассников ценными качествами значимых других являются те, в которых они раскрываются как субъекты определенной деятельности (интеллектуальные, волевые качества, характеристики отношения к труду).

Исследование позволило составить обобщенный эталон значимого другого. Эталон значимого другого в общем плане включает следующие проранжированные по показателю частоты качества:

1. Доброта.	7. Справедливость.
2. Чувство юмора.	8. Общительность.
3. Честность.	9. Смелость.
4. Ум.	10. Порядочность.
5. Откровенность.	11. Гордость.
6. Верность.	12. Ответственность.

Анализ результатов с учетом пола респондентов не выявил принципиальных различий выделяемых качеств в значимых других. Установлено, что на первое место как девушки, так и юноши ставят коммуникативное качество (в частности доброта),

второе место занимает интеллектуальное качество (у юношей – ум, у девушек – чувство юмора). Различия заключаются в том, что для юношей более значимым волевые качества, а для девушек – рефлексивные.

Ранжированный перечень значимых для юношей качеств был представлен следующим образом:

1. Доброта.	6. Смелость.
2. Ум.	7. Справедливость.
3. Чувство юмора.	8. Порядочность
4. Честность.	9. Чувство собственного достоинства.
5. Верность.	10. Мужество.

Качества выделяемые девушками:

1. Доброта.	6. Справедливость.
2. Чувство юмора.	7. Гордость.
3. Откровенность.	8. Смелость.
4. Ум.	9. Независимость.
5. Общительность.	10. Понимание.

В дальнейшем мы будем использовать перечень качеств обобщенного эталона значимого другого для описания старшеклассниками значимых других и себя.

Понимание старшеклассниками родителей как носителей эталонных качеств

Было установлено, что значимыми взрослыми, входящими в круг ближайшего общения старшеклассника, прежде всего, являются родители – отец и мать. В этой связи одной из задач явилось изучение особенностей понимания испытуемыми родителей как носителей значимых личностных качеств. Согласно нашему представлению о роли значимых других в формировании Я-концепции юноши, специфика их влияния на генезис и содержание самосознания старшеклассника определяется тем, какие эталонные личности качества приписывает юноша этим людям.

Полученные результаты обрабатывались по следующим основным направлениям:

- составлялся репертуар значимых качеств, приписываемых родителям – матери и отцу в том числе реальному и идеальному (в общем плане и с учетом фактора пола);
- с помощью таксономических данных определялись блоки качеств, приписываемых значимым взрослым;
- составлялся ранжировочный ряд этих качеств реального и идеального образа матери и отца (в общем плане и с учетом фактора пола);
- определялся состав I и IV квартиля ранжированного ряда эталонных качеств реального и идеального образа родителей у старшеклассников;
- устанавливалась статистическая значимость различий в приписывании эталонных качеств матери и отцу с учетом пола респондентов.

Описание матери как персонифицированного носителя значимых личностных качеств

Целью данного этапа было: установить, носителем каких качеств, из установленного нами обобщенного перечня, выступает для старшеклассников мать.

Анализ данных описания матери осуществлялся в общем плане и с учетом пола респондентов.

Мать как значимый другой в восприятии старшеклассника (в общем плане)

В результате проведенного анализа был установлен репертуар качеств, принимаемый старшеклассниками реальной матери и идеальной (результаты описания реальной матери занесены в таблицу 1).

Таблица 1

Репертуар и частота фиксирования эталонных качеств выделяемых старшеклассниками в реальной матери (без учета фактора пола респондентов)

Ранг	Репертуар качеств	Частота фиксирования
1	доброта	54
2	порядочность	44
3	справедливость	36
4	ум	34
5	ответственность	33
6	честность	31
7	гордость	29
8	общительность	18
9	чувство юмора	16
10	откровенность	13
11	верность	12
12	смелость	7

При описании реальной матери наиболее часто употреблялись качества коммуникативного блока, такие, как добро, порядочность и справедливость. Это говорит о высоком уровне и насыщенности общения старшеклассника с матерью. Имеющиеся в психолого-педагогической литературе данные свидетельствуют о контактности такого отношения к матери независимо от возраста респондентов (таблица 2). Достоверность значимости коммуникативных качеств матери подтверждается результатами определения состава I квантиля ранжированного ряда.

Таблица 2

Состав I и IV квартиля ранжированного ряда эталонных качеств матери

Качества матери	Блок	Значение PR	Квартиль
1. Доброга	коммун.	4,16 %	I
2. Порядочность	коммун.	12,5 %	
3. Справедливость	коммун.	20,8 %	
1. Откровенность	коммун.	79,1 %	IV
2. Верность	коммун.	87,5 %	
3. Смелость	волевые	95,8 %	

В IV квартиле выделены качества, наименее значимые в образе матери для старшеклассника. Откровенность входит в IV квартиль, как следствие недостатка доверительного общения старшеклассника с матерью. Верность не является актуальным эталоном качества для юноши в образе матери, т.к. они не могут дать адекватную оценку этого качества относительно себя. Смелость в образе женщины-матери не является необходимым качеством (данные описания идеальной матери занесены в таблицу 3).

Таблица 3

Репертуар и частота фиксирования эталонных качеств, выделяемых старшеклассниками в идеальной матери (без учета пола респондентов)

Репертуар качеств	Частота фиксирования
1. Доброта	53
2. Справедливость	42
3. Порядочность	38
4. Честность	32
5. Общительность	28
6. Ответственность	27
7. Ум	26
8. Чувство юмора	25
9. Верность	20
10. Гордость	18
11. Откровенность	14
12. Смелость	11

Образ идеальной матери был нами описан теми же коммуникативными качествами, что и образ реальной матери. Мы можем предположить, что в сознании старшеклассников образ идеальной матери сливается с образом реальной, что объясняется высоким уровнем положительного эмоционального отношения к реальной матери. Иными словами, юноши и девушки воспринимают мать как образец для идентификации, как носителя тех эталонных коммуникативных качеств, которые они хотели выработать в себе.

**Мать как значимый другой в восприятии старшеклассника
(с учетом пола респондентов)**

Таблица 4

**Репертуар и частота фиксирования эталонных качеств, выделяемых
старшеклассниками в реальной матери (с учетом пола респондентов)**

Репертуар качеств	Частота фиксирования	
	Юноши	Девушки
1. Доброта	27	27
2. Порядочность	18	26
3. Справедливость	13	23
4. Ум	23	11
5. Ответственность	10	23
6. Честность	20	11
7. Гордость	10	19
8. Общительность	10	9
9. Чувство юмора	8	8
10. Откровенность	10	3
11. Верность	9	3
12. Смелость	3	4

Для юношей мать выступает как носитель коммуникативных качеств (доброта, честность, порядочность) и интеллектуальных (ум). Это свидетельствует о том, что между матерью и юношами существует как личностное, так и деловое общение.

Девушки в описании матери использовали коммуникативные качества (доброта, порядочность, справедливость) и рефлексивные (гордость). Умение девушек рассмотреть такую глубинную личностную характеристику матери как гордость может свидетельствовать о большей психологической близости между ними по сравнению с юношами. Девушки переносят это качество на себя, что позволяет выразить отношение их к себе.

Достоверность частоты приписывания личностных качеств реальной и идеальной матери среди юношей и девушек проверялось по *t*-критерию Стьюдента. Образ реальной матери описывался юношами и девушками всеми предложенными нами качествами, но с разной частотностью. Установлено, что в отношении таких качеств, как доброта, общительность, порядочность, чувство юмора и смелость, различий достоверных в приписывании их реальной матери нет. Качествами, обнаружившими статистическую значимость различий в приписывании их реальной матери у девушек, явились: честность при $p=0,05$, гордость при $p=0,05$, и ответственность при $p=0,01$; у юношей: честность, откровенность и верность при $p=0,05$, и ум при $p=0,01$.

В образе идеальной матери обнаружили статистическую значимость различий в приписывании у девушек следующих качеств: справедливость при $p=0,05$, ответственность при $p=0,01$ и гордость при $p=0,001$.

В отношении остальных качеств различий достоверных в приписывании юношами и девушками идеальной матери нет.

Описание отца старшеклассниками как персонифицированного носителя значимых личностных качеств

Целью данного этапа было: установить, носителем каких качеств из установленного нами обобщенного перечня, выступает для старшеклассников отец как субъективно значимый.

Анализ данных описания отца осуществлялся в общем плане и с учетом пола респондентов. В результате проведенного анализа нами был установлен репертуар качеств, приписываемых старшеклассниками реальному и идеальному отцу.

Отец как значимый друг в восприятии старшеклассников (в общем плане)

При описании реального отца наиболее часто употреблялись качества коммуникативного блока (доброта, честность) и рефлексивного (гордость). Наименее часто выделялись качества коммуникативного блока (откровенность и верность), волевого блока (смелость) (таблица 5).

Таблица 5

Репертуар и частота фиксирования эталонных качеств, выделяемых старшеклассниками в реальном отце (без учета пола респондентов)

Репертуар качеств	Частота фиксирования
1. Доброта	28
2. Честность	26
3. Гордость	24
4. Ответственность	22
5. Ум	20
6. Общительность	18
7. Чувство юмора	17
8. Порядочность	17
9. Справедливость	16
10. Откровенность	15
11. Верность	14
12. Смелость	10

Достоверность значимости и не значимости данных качеств реального отца подтверждается результатами определения состава I и IV квартиля ранжированного ряда (таблица 6).

Таблица 6

**Состав I и IV квартиля ранжированного ряда эталонных качеств
реального отца у старшеклассников**

Качества отца	Блок	Значение PR	Квартиль
1. Доброта	коммун.	4,16 %	I
2. Честность	коммун.	12,5 %	
3. Гордость	коммун.	20,8 %	
1. Откровенность	коммун.	79,1 %	IV
2. Верность	коммун.	87,5 %	
3. Смелость	волевые	95,8 %	

Состав I квартиля эталонных качеств, приписываемых старшеклассниками реальному отцу, свидетельствует о высоком уровне личностного общения. Включение в состав I квартиля рефлексивного качества личности отца свидетельствует о том, что данное проявление «отслеживается» ребятами, причем в большей мере девушками, чем юношами (таблица 7).

Таблица 7

**Репертуар и частота фиксирования эталонных качеств, выделяемых
старшеклассниками в идеальном отце (без учета пола респондентов)**

Репертуар качеств	Частота фиксирования
1. Смелость	50
2. Доброта	46
3. Порядочность	43
4. Ум	41
5. Справедливость	40
6. Чувство юмора	33
7. Верность	32
8. Ответственность	30
9. Общительность	29
10. Честность	20
11. Откровенность	17
12. Гордость	14

Данное обстоятельство говорит о более выраженной сензитивности девушек к проявлениям глубинных личностных свойств другого человека.

В IV квартиле выделены качества наименее значимые в образе отца. Откровенность входит в IV квартиль, так же как и у матери, как следствие недостатка доверитель-

ного общения старшекласника с отцом. Верность не является актуальным качеством, т.к. юноша не может адекватно оценить это качество отца по отношению к себе. Смелость респонденты ставят на последнее место, т.к. принимают чаще всего осторожность взрослого человека за недостаток смелости. Кроме того, реальная жизнь не представляет собой достаточно возможностей, чтобы продемонстрировать свою смелость. Таким образом, старшекласники считают реального отца недостаточно смелым, и поэтому при описании эталонных качеств идеального отца смелость выносится на первое место (таблица 7).

Совершенно естественно то, что старшекласники в идеальном отце выделяют качества коммуникативного блока (доброта, порядочность), т.к. эти качества являются основными в отношении отца.

На последнее место в образе идеального отца респонденты ставят такие качества, как честность, откровенность и гордость. Честность не выделяется, т.к. в описании идеального отца респонденты выделили такое качество, как порядочность, а это более обобщенное качество, которое включает и честность. Откровенность, вероятно, не входит в число значимых качеств по причине нежелания старшекласников обсуждать с отцом некоторые личные темы. Наименее значимым качеством в образе идеального отца является гордость.

Эти данные подтверждаются результатами определения состава I и IV квартиля ранжированного ряда (таблица 8).

Таблица 8

**Состав I и IV квартиля ранжированного ряда эталонных качеств
идеального отца у старшекласников**

Качества отца	Блок	Значение PR	Квартиль
1. Смелость	волевой	4,16 %	I
2. Доброта	коммун.	12,5 %	
3. Порядочность	коммун.	20,8 %	
1. Честность	коммун.	79,1 %	IV
2. Откровенность	коммун.	87,5 %	
3. Гордость	рефлект.	95,8 %	

**Отец как значимый другой в восприятии старшекласников
(с учетом фактора пола)**

Результаты этого этапа исследования представлены в таблице 9.

Для юношей реальный отец (так же как и мать) выступает носителем коммуникативных качеств (доброта, честность) и интеллектуальных (ум). Это говорит о том, что кроме личностного общения между юношами и отцом налажено и деловое общение.

Таблица 9

Репертуар и частота фиксирования эталонных качеств, выделяемых старшеклассниками в реальном отце (с учетом пола респондента)

Репертуар качеств	Частота фиксирования	
	Юноши	Девушки
1. Доброта	13	15
2. Честность	13	13
3. Гордость	8	16
4. Ответственность	10	12
5. Ум	12	8
6. Общительность	8	10
7. Чувство юмора	10	7
8. Порядочность	8	9
9. Справедливость	10	6
10. Откровенность	8	7
11. Верность	8	6
12. Смелость	9	1

Девушки в реальном отце наиболее часто выделяют качества рефлексивного блока (гордость) и коммуникативного (доброта, честность, ответственность). Это свидетельствует о высоком уровне личностного общения, а также о более выраженной сензитивности девушек к проявлениям глубинных личностных свойств другого человека (таблица 10).

Таблица 10

Описание идеального отца юношами и девушками

Репертуар качеств	Частота фиксирования	
	Юноши	Девушки
1. Смелость	25	25
2. Доброта	26	20
3. Порядочность	20	23
4. Ум	25	16
5. Чувство юмора	25	15
6. Справедливость	7	24
7. Верность	17	15
8. Ответственность	15	15
9. Общительность	10	19
10. Честность	12	8
11. Откровенность	13	4
12. Гордость	8	6

Идеального отца юноши описывают более многогранно, качествами следующих блоков: коммуникативного (доброта), волевого (смелость), интеллектуального (ум, чувство юмора). Возможно, юноши хотят видеть отца всесторонне развитым – эталоном для подражания во всех основных видах деятельности.

Девушки приписывают идеальному отцу качества волевого блока (смелость) и коммуникативного (справедливость и доброта). Очевидно, что волевое качество девушки приписывают идеальному отцу, т.к. это качество свойственно идеальному мужчине вообще, а девушки идеального отца видят как идеального мужчину. Качества коммуникативного блока выделяют прежде других, т.е. желают иметь с отцом высокий уровень личностного общения и взаимопомощи.

Таким образом, можно сделать вывод, что юноши имеют более полное и глубокое представление об эталонных качествах отца, чем девушки, личность отца является более значимой для юношей в развитии собственного Я. Достоверность частоты приписывания личностных качеств реальному и идеальному отцу среди юношей и девушек проверялось по t-критерию Стьюдента. Образ отца описывался юношами и девушками практически всеми предложенными нами качествами, но с разной частотностью. Установлено, что при описании реального отца в отношении всех качеств (кроме смелости) различий достоверных в приписывании нет. При приписывании качества смелость обнаружена статистическая значимость различий в приписывании этого качества юношами при $p=0,01$.

В образе идеального отца в отношении следующих качеств: гордость, доброта, ответственность, порядочность, смелость, честность, ум и верность – различий достоверных нет. Статистическую значимость различий в приписывании юношами следующих качеств: чувство юмора при $p=0,05$, откровенность при $p=0,01$, а у девушек – общительность при $p=0,05$ и справедливость при $p=0,001$.

Понимание старшеклассниками лучшего друга сверстника как носителя значимых личностных качеств

В проведенном нами исследовании было установлено, что значимым сверстником, входящим в круг ближайшего общения старшего школьника, является лучший друг. В связи с этим одной из задач исследования явилось изучение особенностей понимания старшеклассниками лучшего друга как носителя значимых личностных качеств.

В результате проведенного анализа нами был установлен репертуар качеств, приписываемых реальному и идеальному другу.

Лучший друг как значимый другой в восприятии старшего школьника (без учета фактора пола)

Описание реального друга сведено нами в таблицу 11.

При описании реального друга старшие дошкольники выделяют интеллектуальное качество (чувство юмора), коммуникативные качества (общительность и доброта). Наименее значимыми качествами оказались: справедливость, честность и ответствен-

ность. Достоверность этих данных подтверждается результатами определения состава I и IV квартиля ранжированного ряда (таблица 12).

Таблица 11

**Репертуар и частота фиксирования эталонных качеств
в лучшем друге (без учета пола респондентов)**

Репертуар качеств	Частота фиксирования
1. Чувство юмора	48
2. Общительность	35
3. Доброта	29
4. Порядочность	28
5. Смелость	28
6. Ум	27
7. Гордость	26
8. Откровенность	18
9. Справедливость	9
10. Честность	6
11. Верность	24
12. Ответственность	5

Таблица 12

**Состав I и IV квартиля ранжированного ряда эталонных качеств
реального друга у старшего школьника**

Качества	Блок	Значение PR	Квартиль
1. Чувство юмора	интеллект.	4,16 %	I
2. Общительность	коммун.	12,5 %	
3. Доброта	коммун.	20,8 %	
1. Верность	коммун.	79,1 %	IV
2. Честность	коммун.	87,5 %	
3. Ответственность	коммун.	95,8 %	

Самым важным качеством в личности друга старшего дошкольника является чувство юмора. Однако, старшеклассники воспринимают это качество не как интеллектуальное, а скорее как психотерапевтическое. Так как дружба ассоциируется у них главным образом с разговорами, спорами, обмена мненими, т.е. с вербальным общением. А такое качество как чувство юмора делает общение более приятным, помогает сгладить острые моменты общения, примеряет противоположные стороны, а также оно является лучшим средством против внутреннего неравновесия. И как подтвержде-

ние выше сказанного, является то, что старшеклассники при описании лучшего друга, так же выделили в I квартиль такие качества, как доброта и общительность (таблица 13).

Таблица 13

**Репертуар и частота фиксирования эталонных качеств,
выделяемых старшеклассниками в идеальном друге (в общем плане)**

Репертуар качеств	Частота фиксирования
1. Чувство юмора	47
2. Доброта	46
3. Верность	45
4. Откровенность	37
5. Честность	35
6. Смелость	32
7. Порядочность	32
8. Ум	31
9. Общительность	29
10. Справедливость	22
11. Ответственность	17
12. Гордость	13

При описании идеального друга (как в описании реального друга) старшие школьники выделяют чувство юмора и коммуникативные качества (доброта, верность). Наименее значительными качествами оказались: справедливость, ответственность и гордость. Достоверность этого подтверждается результатами определения I и IV квартиля ранжированного ряда (таблица 14).

Таблица 14

**Состав I и IV квартиля ранжированного ряда эталонных качеств идеального
друга у старшеклассников**

Качества	Блок	Значение PR	Квартиль
1. Чувство юмора	интеллект.	4,16 %	I
2. Доброта	коммун.	12,5 %	
3. Верность	коммун.	20,8 %	
1. Справедливость	коммун.	79,1 %	IV
4. Ответственность	Коммун.	87,5 %	
5. Гордость	Рефлект.	95,8 %	

В I квартиль при описании образа идеального друга так же вошло качество – чувство юмора. Это в результате того, что старшеклассники часто видят дружбу и хотят ее

видеть как своеобразную форму психотерапии, которая позволяет молодым людям весело и приятно проводить время, отвлечься от личных неприятностей, поделиться сомнениями, тревогами и надеждами. Верность – ценное для старшего школьника качество в образе идеального друга (I квартиль). В образе реального друга оно находилось в IV квартиле. Такой перенос свидетельствует о недостатке верности среди друзей – сверстников в реальной жизни. Однако ценностный смысл в итоге это качество не потеряло.

Наименее значимыми качествами в образе идеального друга явились справедливость, ответственность и гордость. Вероятно, это произошло потому, что в современной жизни наблюдается недостаток справедливости и ответственности в отношении между людьми, и это стало своего рода нормой жизни. Гордость тоже находится в IV квартиле. Это можно объяснить тем, что рефлексивные качества позднее всего формируются в сознании, поэтому в раннем юношеском возрасте такое качество, как гордость еще не сформировалось в полной мере. Следовательно, друг-сверстник не может быть образцом для подражания этого качества.

**Лучший друг как значимый другой в восприятии старшеклассника
(с учетом пола респондентов)**

Таблица 15

**Репертуар и частота фиксирования эталонных качеств,
выделяемых старшеклассниками в лучшем друге (с учетом фактора пола)**

Репертуар качеств	Частота фиксирования	
	Юноши	Девушки
1. Чувство юмора	25	23
2. Общительность	15	20
3. Доброта	14	15
4. Порядочность	13	15
5. Смелость	20	8
6. Ум	19	8
7. Гордость	12	14
8. Откровенность	13	6
9. Верность	16	8
10. Справедливость	2	7
11. Честность	3	3
12. Ответственность	3	2

Для юношей (таблица 15) друг выступает как носитель интеллектуальных (чувство юмора, ум) и волевых (смелость) качеств. Выбор интеллектуальных качеств говорит о том, что среди друзей-юношей налажено как личностное, так и деловое общение. Смелость юноши приписывают лучшему другу, т.к. это черта мужественности, а каждый мужчина должен быть смелым.

Девушки приписывают реальному и идеальному лучшему другу (так же как и юноши) чувство юмора и коммуникативные качества: откровенность, порядочность, доброту, общительность. Это можно объяснить высоким уровнем доверительного общения и положительной эмоциональной привязанности друг к другу.

Идеальный друг для юношей выступает носителем интеллектуального качества ума, а также коммуникативных качеств (верность и доброта). Это свидетельствует о том, что у юношей-сверстников есть потребность в познавательном общении друг с другом, потребность в интеллектуальном развитии через общение (таблица 16).

Таблица 16

Репертуар и частота фиксирования эталонных качеств, выделяемых старшеклассниками в идеальном друге (с учетом фактора пола)

Репертуар качеств	Частота фиксирования	
	Юноши	Девушки
1. Чувство юмора	21	26
2. Доброта	23	23
3. Верность	25	20
4. Откровенность	12	25
5. Честность	15	20
6. Смелость	16	16
7. Порядочность	8	24
8. Ум	25	6
9. Общительность	6	23
10. Справедливость	11	11
11. Ответственность	7	10
12. Гордость	10	3

Достоверность частоты приписывания личностных качеств реальному и идеальному другу среди юношей и девушек проверялась по t-критерию Стьюдента. Образ друга описывался юношами и девушками практически всеми предложенными качествами, но с разной частотностью. Установлено, что в отношении таких качеств, как общительность, ответственность, порядочность, честность, чувство юмора, откровенность, доброта и справедливость – различий достоверных в приписывании их реальному другу нет. Такие качества, как ум, смелость и верность обнаружили статистическую значимость различий в приписывании реальному другу юношами: ум при $p=0,01$, смелость при $p=0,01$ и верность при $p=0,01$.

В образе идеального друга обнаружили статистическую значимость различий в приписывании у юношей следующих качеств: гордость при $p=0,05$, откровенность при $p=0,01$ и ум при $p=0,001$; у девушек – порядочность и общительность при $p=0,001$. В отношении остальных качеств различий достоверных в приписывании юношами и девушками идеальному другу нет.

Понимание старшеклассниками себя

Целью данного этапа было установить: какие значимые личностные качества старшеклассники приписывают себе из установленного прежде нами обобщенного перечня. Анализ осуществляется в общем плане с учетом фактора пола.

В результате проведенного анализа был установлен репертуар качеств, приписываемых старшеклассниками себе – реальному и идеальному.

Описание старшеклассниками себя (в общем плане)

Результаты опроса представлены нами в таблице 17.

Таблица 17

Репертуар и частота фиксирования качеств, выделяемых старшеклассниками в себе (без учета респондентов)

Репертуар качеств	Частота фиксирования
1. Доброта	51
2. Чувство юмора	47
3. Общительность	36
4. Порядочность	28
5. Смелость	27
6. Ум	25
7. Верность	24
8. Справедливость	23
9. Откровенность	17
10. Ответственность	15
11. Гордость	14
12. Честность	5

Старшеклассники приписывают себе качества коммуникативного блока (доброта, общительность) и интеллектуального (чувство юмора). В меньшей степени у респондентов присутствуют коммуникативные качества (ответственность и честность) и рефлексивные качества (гордость).

Достоверность значимости и незначимости этих качеств подтверждается результатами определения состава I и IV квартиля ранжированного ряда (таблица 18).

Такое распределение качеств по квартилям говорит нам о том, что старшеклассники на данном этапе жизни предпочитают вести довольно беззаботную жизнь, не обремененную ответственной работой, серьезными обязательствами перед другими людьми.

Таблица 18

**Состав I и IV квартиля ранжированного ряда
эталонных качеств старшеклассника**

Качества	Блок	Значение PR	Квартиль
1. Доброта	коммун.	4,16 %	I
2. Чувство юмора	интеллект.	12,5 %	
3. Общительность	коммун.	20,8 %	
1. Ответственность	коммун.	79,1 %	IV
2. Гордость	рефлект.	87,5 %	
3. Честность	коммун.	95,8 %	

Из результатов проведенных ранее исследований можно установить кто является носителем личностных качеств, приписываемых реальному Я старшеклассниками: носителями качества доброта являются все значимые другие, носителями качеств чувство юмора и общительность – друзья.

В описании идеального Я прослеживается проекция старшеклассников на будущее (таблица 19).

Таблица 19

**Репертуар и частота фиксирования качеств, выделяемых
старшеклассниками в идеальном «Я» (без учета респондентов)**

Репертуар качеств	Частота фиксирования
1. Ответственность	48
2. Смелость	33
3. Честность	32
4. Порядочность	28
5. Общительность	26
6. Доброта	25
7. Ум	23
8. Справедливость	20
9. Верность	19
10. Чувство юмора	18
11. Гордость	16
12. Откровенность	14

В образе идеального «Я» старшеклассники выделили коммуникативные качества (ответственность, честность) и волевые (смелость). Именно эти качества, по мнению ребят, помогут им войти во взрослую жизнь, достичь поставленных сегодня целей и воплотить в жизнь свои стремления.

Несмотря на то, что в современном обществе этих качеств не хватает, для старшеклассников эти качества являются ценными и они стремятся их выработать в себе. Наименее ценными качествами в образе идеального «Я» являются: чувство юмора, гордость и откровенность.

Описание старшеклассниками себя (с учетом пола респондентов)

Данные опроса обобщены в таблицах 20, 21.

Таблица 20

Репертуар и частота фиксирования качеств, выделяемых старшеклассниками в себе – реальном

Репертуар качеств	Частота фиксирования	
	Юноши	Девушки
1. Доброта	25	26
2. Чувство юмора	24	23
3. Общительность	16	20
4. Порядочность	10	18
5. Смелость	11	16
6. Ум	15	10
7. Верность	14	10
8. Справедливость	8	15
9. Откровенность	14	3
10. Ответственность	7	8
11. Гордость	5	9
12. Честность	3	2

При описании себя юноши и девушки выделили одни качества: доброта, чувство юмора и общительность. Образ собственного «Я» описывался всеми предложенными нами качествами и с приблизительно одинаковой частотностью. Достоверность частоты приписывания личностных качеств собственному «Я» среди юношей и девушек проверялась по t-критерию Стьюдента. Установлено, что в отношении всех качеств (кроме откровенности) – различий достоверных в приписывании нет. Качество откровенность обнаружило статистическую значимость в приписывании их «Я» у юношей при $p=0,01$.

При описании образа идеального «Я» юноши наиболее часто выделяли коммуникативные качества (ответственность, порядочность) и волевое (смелость). Вероятно, юноши хотят быть настоящими мужчинами, а именно этими качествами и обладают настоящие мужчины. В результате проведенных ранее исследований установлено, что носителями коммуникативных качеств является мать, а волевых – отец идеальный, друг.

Таблица 21

Репертуар и частота фиксирования качеств, выделяемых старшеклассниками в идеальном «Я» (с учетом фактора пола)

Репертуар качеств	Частота фиксирования	
	Юноши	Девушки
1. Ответственность	25	23
2. Смелость	23	10
3. Честность	12	20
4. Порядочность	15	13
5. Общительность	11	15
6. Доброта	13	12
7. Ум	14	9
8. Справедливость	8	12
9. Верность	11	8
10. Чувство юмора	10	8
11. Гордость	9	7
12. Откровенность	11	3

Девушки наиболее часто образу идеального «Я» приписывали коммуникативные качества: ответственность, честность и общительность. Можно предположить, что девушки хотят обладать этими качествами, так как они помогут найти свое место в общественной и личной жизни. Для девушек носителем качества честность является отец, а общительность – подруга.

Образ идеального «Я» юношами и девушками описывался всеми предложенными качествами, но с разной частотностью. Достоверность частоты приписывания проверялась по t-критерию Стьюдента. Установлена статистическая значимость в приписывании личностных качеств у юношей в отношении: откровенность при $p=0,01$ и смелость при $p=0,01$, а у девушек – честность при $p=0,05$. Достоверность и недостоверность значимости качеств, приписываемых юношами и девушками «Я» реальному и «Я» идеальному подтверждается результатами определения состава I и IV квартиля ранжированного ряда (таблицы 22–25).

Таблица 22

Состав I и IV квартиля ранжированного ряда качеств, выделяемых юношами в своем «Я»

Качества	Блок	Значение PR	Квартиль
1. Доброта	коммун.	4,16 %	I
2. Чувство юмора	интеллект.	12,5 %	
3. Общительность	коммун.	20,8 %	
1. Ответственность	коммун.	79,1 %	IV
2. Гордость	рефлект.	87,5 %	
3. Честность	коммун.	95,8 %	

Таблица 23

**Состав I и IV квартиля ранжированного ряда качеств, выделяемых юношами
 в идеальном «Я»**

Качества	Блок	Значение PR	Квартиль
1. Ответственность	коммун.	4,16 %	I
2. Смелость	волевой	12,5 %	
3. Порядочность	коммун.	20,8 %	
1. Справедливость	коммун.	79,1 %	IV

Таблица 24

**Состав I и IV квартиля ранжированного ряда качеств,
 выделяемых девушками в своем «Я»**

Качества	Блок	Значение PR	Квартиль
1. Доброта	коммун.	4,16 %	I
2. Чувство юмора	интеллект.	12,5 %	
3. Общительность	коммун.	20,8 %	
1. Ответственность	коммун.	79,1 %	IV
2. Честность	коммун.	87,5 %	

Таблица 25

**Состав I и IV квартиля ранжированного ряда качеств, выделяемых
 девушками в идеальном «Я»**

Качества	Блок	Значение PR	Квартиль
1. Ответственность	коммун.	4,16 %	I
2. Честность	коммун.	12,5 %	
3. Общительность	коммун.	20,8 %	

Исследование особенностей понимания старшеклассниками значимых других как носителей эталонных качеств позволяет установить, в каких пределах проявляется значимость взрослых и сверстников и за рамками каких характеристик она перестает действовать. Такое знание дает возможность с большей долей вероятности составить прогноз о том, какие воздействия других людей из круга ближайшего общения старшеклассники принимают и какие изменения эти воздействия производят в их представлении о себе [21]. Мы полагали, что влияние значимого другого на формирование самосознания из тех особенностей собственной личности в отношении которых значимый другой выступает в качестве «живой мерки» [2].

Установлено, что наиболее значимыми и хорошо осознаваемыми качествами своего «Я» для юношей выступают коммуникативные, волевые и интеллектуальные. Это триада отражает структуру представлений юношей о себе. Познание себя, формирование самооценки, самоуважения у юношей осуществляется прежде всего под влиянием тех людей из круга ближайшего общения, которые понимаются ими как носители коммуникативных, волевых и интеллектуальных качеств. Согласно нашим данным, этими людьми являются для юноши – отец и близкий друг – сверстник своего пола. Носителем коммуникативных и интеллектуальных качеств является также и мать. Через сравнение себя с этими людьми в отношении коммуникативных, волевых и интеллектуальных качеств, а также через усвоение исходящей от них внешней оценке происходит формирование когнитивного компонента Я-концепции у юношей.

Изучение особенностей познания своего Я девушками показало, что наиболее полно и глубоко осознаются девушками коммуникативные и рефлексивные качества. Формирование представлений о себе у девушек происходит под доминирующим влиянием матери, которой приписывается наиболее широкий перечень значимых свойств. Из сверстников наиболее выраженное влияние на познание старшеклассницами себя оказывает близкая подруга. Так же, как и близкий друг для юношей, близкая подруга выступает для девушек как своего рода социальное «зеркало», которое создает наиболее широкие возможности для познания себя. Установлено, что значимый другой оказывает дифферентное влияние на познание старшеклассницами себя. Эта дифференциация обусловлена внутренней позицией старшеклассников, суть которой состоит в их обращенности в будущее. Сравнение со значимыми взрослыми происходит у старших школьников в отношении тех качеств, которые он считает необходимыми для вступления в самостоятельную жизнь и которые он включает в свои эталонные представления о взрослом. Такое сравнение позволяет старшекласснику познать не только уровень наличного развития этих качеств, но и определить для себя «зону их ближайшего развития», направленного на совершенствование старшеклассниками своей личностной готовности к вступлению во взрослость. Сравнение со сверстником, осуществляемое с позиции равенства, тождественности с ним, способствует преимущественно осознанию старшеклассниками своего «актуального» Я.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в ранней юности взаимосвязь самопознания личности с познанием его других людей осуществляется на основе эталона. Результаты исследования показывают, что формируясь в общении старшеклассников со значимыми другими, эталон является фактором, опосредующим влияние этих людей на познание старшими школьниками себя.

Были выявлены механизмы влияния значимого другого на самопознание старшеклассников. Это влияние определяется особенностями понимания старшими школьниками другого человека как носителя эталонных качеств. В таком случае самопозна-

ние осуществляется через сравнение старшеклассником себя со значимым другим в отношении соответствующих качеств.

Влияние значимого другого на самопознание старшеклассников реализуется также посредством введения определенных характеристик этого человека в формирующийся у старших школьников эталон. Установлено, что значимый другой наиболее выражено влияет на формирование эталонных представлений старших школьников о тех качествах, в отношении которых он воспринимается ими как образец.

На основе данных о значимости взрослых и сверстников было исследовано психологическое содержание и механизмы влияния значимых других на формирование у старшего школьника представления о себе. Это влияние определяется особенностями понимания старшеклассниками другого человека как носителя ценностных личностных качеств.

Кроме того, установлен репертуар качеств наиболее ценных для старшеклассника в других людях.

Л и т е р а т у р а

1. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – М., 1946.
2. *Комарова Т.К.* Психологические особенности самопознания у старшеклассников: Автореф. канд. дисс. – М., 1987.
3. *Прихожан А.М.* К анализу генезиса самопознания в подростковом и раннем юношеском возрасте. М., 1989.
4. *Бодалев А.А.* Личность и общение. – М., 1983.
5. *Комарова Т.К., Кондратьева С.В.* Взаимосвязь самопознания и познания других людей в ранней юности // Психологический журнал, 1991, № 3.
6. *Комарова Т.К.* Субъективная значимость лиц круга ближайшего общения старшеклассников: Автореф. канд. дисс. – М., 1987.
7. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: В 2-х т. – М., 1980.
8. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. – М., 1977.
9. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
10. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
11. *Бодалев А.А.* Субъективная значимость другого человека и определяющие ее факторы // Вестник Моск. ун-та. – серия 14. Психология, 1985, № 2.
12. *Князев В.Н.* Психологические особенности понимания личности значимого другого как субъекта общения: Автореф. канд. дисс. – М., 1982.
13. *Пахальян В.Э.* Психологические особенности общения со взрослыми в старшем школьном возрасте: Автореф. канд. дисс. – М., 1981.
14. *Кон И.С.* Открытие «Я». – М., 1978. Гл. 3.
15. *Кон И.С.* Психология ранней юности: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1989.

16. **Кроник А.А., Кроник Е.А.** В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений. – М.: Мысль, 1989.
17. **Ананьев Б.Г.** Человек как предмет познания. Л. – 1968,
18. **Бодалев А.А.** Проблемы психологии познания людьми друг друга // Вопросы психологии, 1981, №1.
19. **Бернс Р.** Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1992.
20. **Князев В.Н.** Представление личности о себе самой и значимых других как субъектов общения // Психологический журнал, 1981, № 4.
21. **Снегирева Т.В.** Восприятие сверстников и взрослых подростками и старшеклассниками // Вопросы психологии, 1985, №5.
22. **Хорошилова Е.А.** К исследованию отражения значимых других. – Краснодар, 1977.

УДК 316.346.2 + 159.922.1

Гендер в социальных науках (отдельные тенденции XX века)

С.Ю. Девярых, О.В. Данич

Члены человеческого сообщества не равны между собой. Они выступают, прежде всего, как две неравные между собой группы людей противоположного пола: мужского и женского. Мужчины и женщины различаются не только физически, они имеют свои отличительные психологические черты, свою поведенческую специфику, и, что самое важное, они занимают свое, исторически и культурно обусловленное, возобновляющееся от поколения к поколению место в системе социальных связей.

Заметим, что разделение людей на мужчин и женщин является центральной установкой восприятия нами различий, имеющихся в психике и поведении человека, причем идея противоположности мужского и женского начал встречается в мифах и традициях всех известных обществ. Она закреплена в разнообразных социокультурных институтах, таких, как, например, семья, воспитательные учреждения и др. [1].

Отметим, что сегодня обоснованность жесткого разделения людей только на два противоположных, не совпадающих по своим природным характеристикам пола ставится под сомнение многими биологами.

Обычно выделяют несколько уровней сексуальной организации человека:

- генетический пол (определенный набор хромосом);
- гонадный пол (железы внутренней секреции);
- морфологический пол (наружные и внутренние половые органы);
- церебральный пол (дифференциация мозга под влиянием тестостерона).

Сочетание характеристик каждого уровня определяет многообразие конституциональных особенностей каждого человека, тогда как привычное деление людей на два пола фактически опирается только на морфологический критерий: наличие того или иного детородного органа. Вместе с тем, деление людей на два морфологических пола не дает полного объяснения различий (а также и сходства) между ними.

В последнее время в поведенческих и социальных науках принято разграничивать конституциональные и социальные аспекты в различении мужского и женского, связывая их с понятиями «пол» и «гендер» соответственно.

В строгом смысле пол – это «совокупность морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих половое размножение, сущность которого сводится, в конечном счете, к оплодотворению» [2]. Таким образом, пол описывает биологические различия, определяемые генетическими особенностями строения клеток, анатомо-физиологическими характеристиками и функциями в деторождении.

Термин «гендер» указывает на социальный статус и социально-психологические характеристики личности, которые связаны с полом и сексуальностью и возникают во взаимодействии с другими людьми.

И действительно, биологическая активность человека осуществляется в социокультурной среде. Следовательно, человеческое поведение включает в себя не только базовую активность, но, прежде всего то, на что направлена эта активность, в каких формах она реализуется и что подразумевает. При этом следует учитывать, что общество определяет средства и границы человеческой активности. Культура предоставляет систему знаков, посредством которых человек обозначает свои природные качества, наделяет их определенным смыслом.

Следовательно, культура – организующее начало и системообразующий признак поведения, которое мы обозначаем как мужское и женское. И именно культура определяет человеческие качества, которые выступают системообразующими для классификации мужских, женских и (или) нейтральных [3].

Процесс, в котором биологические различия между мужчинами и женщинами наделяются социальным значением и употребляются как средства социальной классификации в социальных и поведенческих науках определяется как гендерная дифференциация [4].

Согласно Н. Смелзеру, анализ различий и основания дифференциации между мужчинами и женщинами включает четыре компонента: биологический пол, гендерная идентичность, гендерные роли и гендерные стереотипы [5].

Легче всего дать определение биологических различий. Это понятие включает в себя физические признаки, характерные для мужчины и женщины: органы размножения, волосяной покров и т.д. Большинство людей анатомически соответствуют мужскому или женскому полу, однако картина усложняется при попытке изучить их восприятие себя как мужчин или женщин.

В самом деле, человеческие существа обладают отчетливым внутренним ощущением своей принадлежности к мужскому или женскому полу либо занимают некую промежуточную кроссгендерную позицию [6]. Это частное, внутреннее восприятие своего пола, связанное с нашими представлениями о нем, – чувствуем ли мы себя в действительности мужчиной или женщиной, – обозначается как гендерная идентичность [5, с. 349].

По мнению Д. Джери, гендерная идентичность – это осознание себя в связи с культурными определениями мужественности и женственности. Она действует в пределах субъективного опыта и служит психологической интерпретацией мужских или женских черт, возникая в результате процесса взаимодействия «Я» и других [4, с. 110].

Существует множество теорий о механизмах, с помощью которых у человека формируется чувство принадлежности к мужскому или женскому полу со всеми социальными ожиданиями и обязанностями, которые оно за собой влечет.

В психоаналитической теории половая типизация рассматривается как реализация естественной и неизбежной идентификации ребенка с родителями своего пола. Ключевым периодом развития считается фаллическая стадия (3–6 лет), на которой главным источником либидозного удовлетворения являются половые органы. К обнаружению анатомических различий присоединяется чувство привязанности к родителям

противоположного пола, а также ревность и страх к родителю своего пола, что вызывает боязнь кастрации у мальчиков и зависть к пенису – у девочек [7]. Идентификация здесь – это не просто половая типизация, она включает в себя общую интериоризацию родительских нравственных стандартов и социальных требований, результатом чего оказывается формирование суперэго. Таким образом, гендерное развитие и нравственное развитие тесно связаны.

Несмотря на отсутствие эмпирических доказательств и противоречивость, эта теория приобрела большую популярность, однако со временем недостатки теории З. Фрейда стали очевидны, и на смену ей пришла, созданная в рамках психоанализа теория объектных отношений, согласно которой ключевыми в развитии личности и половой идентификации считаются ранние межличностные отношения. Так Х. Кохут полагал, что мальчики и девочки сначала идентифицируют себя с матерью. Со временем мальчики дифференцируются от матери, и у них формируется самостоятельная мужская идентичность, тогда как у девочек сохраняется единство с матерью [8].

Альтернативной психоанализу и родственным ему теориям стала теория социального научения и ее разновидность – теория моделирования. Опираясь на бихевиористский принцип обусловливания, она утверждает, что все зависит от родительских моделей поведения, которым ребенок старается подражать, и от подкреплений, которые дают поведению ребенка родители [9]. Как считают сторонники теории социального научения, ребенок идентифицирует себя не с одним из родителей, а с неким абстрактным образом мужчины и женщины, созданным им на основании многих наблюдений над соответствующим этому полу поведением взрослых. Причем важным для ребенка оказывается не сам по себе пол того, кому подражают, а информация о том, что поведение этого человека соответствует определенному полу [10].

Появление когнитивизма заставило исследователей приступить к изучению активной роли индивида в познании и интерпретировании окружающего мира, включая и понятие о поле [6, с. 320]. Не отрицая роль подкрепления, теория когнитивного развития, или теория самоактуализации, главным все же считает получаемую ребенком от взрослого информацию о полоролевом поведении и понимание ребенком своей половой принадлежности. Эта теория подчеркивает познавательную сторону процесса идентификации. Сначала ребенок узнает, что значит быть мужчиной или женщиной, затем определяет, кто он есть, и далее старается согласовывать свое поведение с представлениями о мужчине или женщине [10, с. 85]. Теория использует положения Пиаже, рассматривающего половую типизацию как часть более общей когнитивной адаптации ребенка к физическому и социальному миру [11]. Отсюда и важность для половой идентификации интеллектуального развития ребенка. Подкрепление же и моделирование начинают оказывать существенное влияние на формирование психологического пола только после того, как половая типизация уже произошла [10, с. 86].

В отличие от представителей психоаналитического направления и сторонников теорий социального научения когнитивисты, в частности Колберг, считали, что половые установки не детерминируются половыми инстинктами и произвольными культурными нормами, а внутренне структурируются с помощью соотносительных схем, которые отражают универсальные способы познания мира. Таким образом, половая иден-

тификация – это продукт активного структурирования когнитивного опыта: начав структурировать социальную информацию, ребенок, используя критерий пола, усваивает связанные с полом представления, стереотипы и ценности и тем самым активно формирует свою гендерную идентичность [6, с. 320; 12].

Предложенная С. Бем теория гендерных схем содержит как черты теории социального научения, так и теории когнитивного развития. Она полагала, что усвоение и принятие установок, связанных с выполнением определенной гендерной роли, осуществляется в первичной социализации. При этом половая дифференциация и типизация является результатом гендерно схематизированной переработки информации, связанной с понятиями «мужское» и «женское». Ориентируясь на взрослых, ребенок научается выбирать из всех возможных определений «Я» только те, которые применимы к его полу. Воспринимая новую информацию, ребенок кодирует и организует ее в соответствии с заданными извне гендерными схемами, т.е. доминирующими культурными представлениями о мужественности и женственности и о роли мужчины и женщины в обществе. Таким образом, и самооценка ребенка, и его поведение в существенной мере определяется содержательным компонентом гендерной схемы [4, с. 86].

Социальные нормы, определяющие, чем должны или не должны заниматься мужчины и женщины, называются гендерными ролями, а реальное поведение, реализующее нормативное поведение, ориентированное на них, – полоролевым (гендерным) поведением [1, с. 87].

В любом из существующих до сих пор человеческих обществ обнаруживается какое-то разделение труда между полами. Это одна из древнейших форм дифференцировки, и неудивительно, что она представляется людям вечной и нерушимой. Тем не менее, то, что свойственно мужчинам, а что – женщинам, включает множество параметров, среди которых – экономические показатели, социальный авторитет, престиж (они могут не совпадать в различных культурах). Есть, однако, два момента, которые можно считать культурными универсалиями: в какой-то мере общество связывает определенные черты и определенные виды работ с принадлежностью к определенному полу [13].

Представления об универсальности данной системы, основанной на убеждении в естественной взаимодополнительности полов, наиболее убедительно обосновано Толкоттом Парсонсом и Робертом Бейлсом.

По их мнению, дифференцировка мужских и женских ролей в семье и общественно-производственной жизни неустраима, так как основана на естественной взаимодополняемости полов. Мужские роли и мужской стиль жизни являются преимущественно «инструментальными», а женские – «экспрессивными». Мужчина обычно бывает кормильцем, добытчиком, а в семье осуществляет общее руководство и несет ответственность за дисциплинирование детей, тогда как более эмоциональная по своей природе женщина поддерживает групповую солидарность и обеспечивает необходимое детям эмоциональное тепло. Радикальное изменение этой структуры, по Т. Парсонсу, невозможно. Несмотря на то, что современная женщина активно вовлечена в общественно-социальную жизнь, свою главную роль она продолжает играть прежде всего во внутренних делах семьи, где выступает как жена, мать, хозяйка дома, тогда как взрослый

мужчина реализует себя прежде всего в профессиональном мире, в своей работе, которая обуславливает и его функции в семье – обеспечение сй соответствующего статуса и средств к существованию. Даже если окажется, что средняя замужняя женщина начнет работать, в высшей степени маловероятно, чтобы это относительное равновесие было нарушено, чтобы мужчина и женщина поменялись ролями или чтобы качественная дифференциация ролей в этих отношениях полностью сгладилась [14].

Теория «взаимодополнительности» мужских и женских ролей подтверждается тем, что этот тип ролевой дифференцировки («инструментальность» мужских и «экспрессивность» женских ролей) широко распространена в обществах разного типа.

Учеными проанализировано 244 общества и обнаружили, что мужчины занимаются охотой, работой с металлом, изготовлением оружия и дальше удаляются от дома, тогда как женщины отвечают за припасы и приготовление пищи, ходят за водой, заботятся об одежде и изготавливают вещи, которые используются дома. Женщины участвуют в деятельности, связанной с воспитанием детей и уходом за ними [13, с. 339].

Эта теория подкреплялась также данными дифференциальной психологии, согласно которым женщины субъективнее и чувствительнее к человеческим взаимоотношениям и их мотивам, чем мужчины; мужчины больше тяготеют к предметной деятельности, связанной с преодолением физических трудностей или с развитием абстрактных идей, тогда как у женщин сильнее выражены гуманитарные склонности. Кроме того, особое положение женщин в семье обусловлено ее материнскими функциями, которые детерминированы биологически и не зависят от социальных условий [1, с. 88].

Однако проблема не так проста. Характер общественных взаимоотношений между полами зависит не только и не столько от самого полового разделения труда, круга специфических обязанностей мужчины и женщины, сколько от распределения власти, меры общественного признания, престижности мужских и женских занятий.

По мнению А. Адлера, условием сохранения социальной жизни является разделение труда, а отказ от него равноценен прекращению человеческого рода. В этом процессе стремление к власти играет огромную роль. Разделение труда привнесено и в половой диморфизм людей, но отдано на откуп сильной половине человечества, хотя доминирующее положение мужчины не имеет естественного происхождения, а становится необходимым только в условиях непрекращающихся войн, когда главенствующая роль выпадает на долю сильного мужчины [15].

Сложившаяся социальная система свидетельствует о привилегированном положении мужского пола, на которое она и ориентирована и с помощью которого сохраняет свою жизнеспособность. Хотя ребенок может и не осознавать эти связи, однако он чувствует их, потому что именно отец предстает перед ним в качестве символа власти. Кроме того, чрезвычайно трудно объяснить ребенку, что мать, несущая все тяготы по дому, является равноправным партнером отца. Превосходство мужского начала обнаруживается еще и в том, что женщины занимаются менее привилегированными видами деятельности и не всегда уверены в своей равноценности с мужчинами. Это превосходство, кроме того, поддерживается культивируемыми мифами о женской неполноценности. Вместе с тем различия мужских и женских характерных признаков не имеет достаточных оснований [15, с. 247].

Вместе с тем, невозможно свести социальные взаимоотношения полов к одной-единственной системе детерминант, будь то биосоциальные контакты или утешение женщин мужчинами, как утверждают современные феминистки [14, с. 267]. Ведь еще Ф. Энгельс рассматривал половое разделение труда как социально-экономическое, а не природное явление, однако подчеркивал, что «разделение труда между обоими полами обуславливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами» [16].

В последние годы в исследованиях пола и гендера отмечается расширение теоретических взглядов и все большее осознание сложности этих феноменов. В психологических моделях начинают использоваться идеи из биологических, антропологических и социальных теорий. Среди наиболее значимых современных направлений следует выделить эволюционную психологию.

В эволюционной психологии функционирование человека понимается с точки зрения психологических механизмов, развивающихся как результат успешного разрешения проблем адаптации в истории вида. Поскольку мужчина и женщина выполняют различные роли в репродукции и воспитании, они сталкиваются с различными проблемами. Поэтому вполне вероятно, что у обоих полов развились разные психические механизмы. Эта теория предполагает радикально иной взгляд на гендер. Теперь он не социальный конструкт, формирующийся в онтогенезе через взаимодействие с культурой, и гендерные различия отражают раскрытие запрограммированных биологических механизмов, эволюционирующих на протяжении тысячелетий. Социальный опыт запускает эти механизмы и изменяет пороги их действия, однако он не способен изменить базовую биологическую структуру или психические тенденции, которые она порождает [6, с. 324]. Таким образом, половая идентичность – это фенотип, сплав врожденного и приобретенного [1, с. 57]. И действительно, несмотря на то, что большинство фактов указывают на роль социализации в половой идентификации, все же нельзя сбрасывать со счетов и значение врожденной предрасположенности в выборе той или иной деятельности. И, по всей видимости, за недостаточностью однозначно толкуемых фактов стоит согласиться с мнением Е.П. Ильина, который полагает, что «споры о роли биологического или социального в развитии и поведении человека беспредметны, если касаться человека в целом, а не отдельных его характеристик» [10, с. 88].

Существует несколько моделей формирования гендерной идентичности и усвоения человеком социально-половой роли.

Так, Ш. Берн, обобщая опыт исследования означенных феноменов, установила, что существует две основные причины, из-за которых мы стремимся соответствовать гендерным ожиданиям, – это нормативное и информативное давление.

Нормативное давление вынуждает человека подстраиваться под общественные или групповые ожидания (социальные нормы), чтобы общество его не отвергло.

Информативное давление вызвано тем, что, расширяя знания о себе и о мире, стремясь понять, какой позиции следует придерживаться в тех или иных социальных вопросах, мы в большей степени опираемся не на собственный опыт, а на информацию, предоставленную окружающими.

Специалисты, занимающиеся теорией социализации, обозначают термином «дифференцированная социализация» процесс, в ходе которого мы учим мужчин и

женщин, что есть вещи, которые свойственны одним, и не свойственны другим, в зависимости от пола обучаемого.

Два основных механизма осуществляют дифференцированную социализацию – дифференцированное усиление и дифференцированное подражание. О дифференцированном усилении говорят, когда неприемлемое гендерное поведение наказывается, а приемлемое – вознаграждается, при условии, что поощрение или наказание человека за определенные модели поведения зависят от его биологического пола. Было установлено, что мальчики ожидают меньшего наказания от родителей за агрессивное поведение, чем девочки. Установлено также, что родители поощряют у своих детей типичные для их гендера занятия. Дифференциальное подражание – процесс социализации, в ходе которого человек выбирает ролевые модели, соответствующие ему с точки зрения общепринятых норм, и начинает им подражать.

Дети получают информацию от представителей обоих гендеров, но склонны воспроизводить в поведении те модели, которые соответствуют их гендеру.

Следует помнить, что гендерно-ролевая социализация – это процесс, продолжающийся в течение всей жизни человека, и хотя родители не единственные для ребенка социализирующие фигуры и не единственные его ролевые модели, однако успешность гендерной социализации закладывается именно в семье [4, с. 137].

Согласно Н. Смелзеру, на становление гендерной идентичности и усвоение ребенком роли мужчины или женщины воздействуют три основных процесса: моделирование, подкрепление и самосоциализация.

В моделировании ребенок имитирует поведение взрослых. Вначале он подражает человеку, который больше всего о нем заботится, это, как правило, мать. Однако, хотя отцы и проводят с ребенком меньше времени, большинство детей берут пример и с отца, а позднее и с друзей семьи, учителей, людей, которых они видят по телевизору [5, с. 353].

Вместе с тем, ряд исследователей полагают, что половая идентификация мальчиков проходит в более трудных условиях, чем таковая у девочек. Среди препятствующих идентификации факторов называют большее время контакта ребенка с матерью, чем с отцом, из-за чего отец выступает для ребенка менее привлекательным объектом. Вследствие чего первичной оказывается идентификация с матерью, т.е. феминизация.

Да и само положение ребенка отражает традиционно женские особенности: зависимость, подчинительное положение, пассивность [17].

Подкрепление обычно связывают с награждениями и наказаниями за поведение, соответствующее полу ребенка. Это особенно заметно, когда дело касается общепринятых образцов поведения, соответствующих полу [5, с. 354]. Вместе с тем, родители, как правило, бывают более обеспокоенными, если их сыновья ведут себя как «маменькины сынки», чем когда дочери ведут себя сорванцами. И если родители склонны осуждать несамостоятельность мальчиков, то позволяют девочкам быть зависимыми от других и даже поощряют это [18].

Л. Колберг связывал самосоциализацию с тем, что дети сами себя готовят к жизни в обществе на основе вербального и невербального поведения. Попадая в разнообразные жизненные ситуации, дети сначала осознают, что воплощение определенных образцов поведения вызывает уважение или осуждение других [12, с. 194].

Отчасти процесс самосоциализации отражает стандарты родителей, однако, как считает Н. Слемзер, самосоциализация имеет и свою самобытность, и именно этим объясняется тот факт, что гендерная идентичность вырастающих детей не всегда соответствует желаниям и ожиданиям родителей [5, с. 355].

В ходе рассмотренных процессов дети учатся осознавать себя девочками или мальчиками, у них формируется понятие «мужественности» и «женственности», они овладевают навыками «мужского» и «женского» поведения.

Однако среди ученых не существует единого «прочтения» феноменов мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности). Как нам представляется, наиболее «простой» взгляд на природу мужественности и женственности – неортогональное прочтение означенных феноменов, полагающее, что чем более мужествен человек, тем он менее женственен. Однако поляризующее противопоставление мужчины – женщины, мужественность – женственность является искусственным и вводящим в заблуждение, как и любое противопоставление, потому что не позволяет раскрыть оттенки реальности, ее отдельные штрихи [18, с. 187].

Кроме того, существование значительных различий между мужчинами и женщинами как представителями самых влиятельных групп человечества не означает, что характеристики индивида как «мускулинного» или «фемининного» будут непременно описывать целостную индивидуальность конкретного человека. Было замечено, что такая дихотомия, кроме неполноты описания, еще и вступает в противоречие с особенностями современного процесса социализации мальчиков и девочек, а точнее, с его результатами [19].

Психолог С. Бем была одним из первых ученых, предложивших ортогональную модель мужественности и женственности, исходящую из предположения о полной их независимости. Ее исследования показали, что почти треть подростков (из числа принявших участие в эксперименте), демонстрируют андрогинное поведение, то есть такое, которое сочетает в себе и традиционную мужественность, и традиционную женственность одновременно. По мнению С. Бем, андрогинные люди с большей непринужденностью могут быть то независимыми и сильными, то заботливыми и добрыми, в зависимости от ситуации, и поэтому лучше к ней приспособляются. Вместе с тем, подчеркивая свою убежденность в существовании биологически обусловленных различий в поведении мужчин и женщин, она считала необходимым снять культурно обусловленные ограничения в поведении мужчин и женщин. Она считала, что выход за рамки традиционно сложившихся поведенческих стереотипов позволит и мужчинам, и женщинам полнее переживать свою принадлежность к определенному полу, так как значительно расширит их возможность к экспрессии и самовыражению. [6, с. 236].

В поведенческих науках принято рассматривать половую идентификацию и усвоение ребенком социальной роли мужчины или женщины как стадийный процесс, однако у разных авторов число стадий неодинаково.

Как отмечают Я.Л. Коломинский и М.Х. Мелтсас в своей обзорной статье половая идентичность делится большинством авторов на две составляющие:

1) половая идентичность – понимание принадлежности себя к определенному полу; единство сознания и поведения индивида, относящего себя к тому или иному полу;

2) собственно полоролевая идентичность – знание и усвоение ролей мужчины и женщины [20].

Ш. Берн описывает четыре стадии установления половой идентичности: гендерную идентификацию как отнесение ребенком себя к тому или иному полу; гендерную константность как понимание того, что гендер постоянен и изменить его нельзя; дифференциальное подражание как желание быть самым лучшим мальчиком или девочкой; гендерную саморегуляцию как способность ребенка контролировать свое поведение, используя санкции, которые он применяет к самому себе [4, с. 130].

Психологическое самоопределение половой принадлежности начинается со второго года жизни и закрепляется к третьему году. К трем годам ребенок ясно различает пол окружающих его людей, однако может не знать, в чем заключается различие между ними. Трехлетний ребенок часто ассоциирует пол со случайными внешними признаками, вроде одежды и стрижки волос [21].

И.В. Тельнюк отмечает, что половая идентификация к концу дошкольного детства сформирована практически у всех детей, однако в ее основе чаще всего лежат внешние половые признаки (прическа, одежда, имена). Более существенные половые признаки, такие, как эмоциональные привязанности, присущие полу черты характера, физиологические особенности, в большинстве случаев дети еще не осознают [12, с. 87].

Ряд авторов (Д. Исаев и В. Каган, И. Кон, Г. Крайг, Ф. Райс) полагают, что окончательное становление поло-ролевых позиций происходит лишь в юношеском возрасте. У девушек резко усиливается интерес к своей внешности, возникает завышенная ее оценка, связанная с ростом самооценки, увеличением потребности нравиться и особенно с оценкой своих и чужих успехов у своего и противоположного пола. У юношей же возникает фетишизация силы и мужественности [18; 21–23].

Д. Пайнз относит кризисную точку женской половой идентичности ко времени первой беременности. В таком случае у мужчин, если проводить аналогию с женщинами, кризисной точкой в поиске их идентичности следует считать первый половой акт [10, с. 83]. С этим можно согласиться, если учесть, что у мужчин-гомосексуалистов первый гетеросексуальный акт зачастую не только предшествует первой гомосексуальной связи (исключая преспубертатные и начала пубертата), но и служит своеобразным «ключом» к осознанию собственной гомосексуальности [24].

В том, что ребенок узнает о своей половой принадлежности, имеется, по крайней мере, два взаимосвязанных компонента: связанное с полом поведение и представление о половых особенностях. В большинстве культур дети начинают демонстрировать соответствующее их полу поведение примерно к 5-летнему возрасту. Иногда это типичное для пола поведение может излишне подчеркиваться или превращаться в обязательное, что находит свое воплощение в половых стереотипах, которые представляют собой укоренившиеся, твердые представления о том, каким должно быть мужское и женское поведение [18, с. 145]. Обычно за стереотипами стоит предположение, что «мужественность» и «женственность» – это две различные, исключаящие друг друга категории, и что поведение человека должно соответствовать либо одной из них, либо другой.

Гендерные стереотипы касаются, прежде всего, закрепления семейных и трудовых ролей в соответствии с полом. Они относятся к одним из самых распространенных

стереотипов, предписывающих мужчинам и женщинам стандартные модели ролевого поведения. В соответствии с этими стереотипами для женщины главными социальными ролями являются семейные роли (мать, хозяйка), а для мужчины – профессиональные роли (работник, труженик, добытчик). Мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, а женщин – по наличию семьи и детей. Интересы мужчины сосредоточены за пределами семьи, а для женщины все другие интересы вторичны по отношению к семейным ролям. Для выполнения традиционной роли матери и хозяйки дома женщина должна обладать чуткостью, сострадательностью, заботливостью. Предписания ориентируют мужчин на социальные достижения и требуют от них твердости, независимости, настойчивости [3, с. 211–212].

Гендерные стереотипы выступают в качестве гендерных схем и представляют собой когнитивные категории гендера. Именно они управляют процессами обработки поступающей к нам информации таким образом, что мы начинаем ее воспринимать, запоминать и интерпретировать в соответствии с нашими представлениями о гендере [4, с. 110].

По мнению Т. Нельсона, когда мы знаем о воспринимаемом нами объекте только то, что он является или мужчиной, или женщиной, то в своих умозаключениях о нем, мы, в первую очередь, опираемся на информацию, предлагаемую гендерными стереотипами. И только после того, как узнаем о нем больше, влияние категории половой принадлежности будет уменьшаться [25].

Вместе с тем, поведение, ориентированное на гендерную схему-стереотип, может, по мнению Ш. Берн, обеднять личность, сужать поле социально значимых реакций, которые она демонстрирует во взаимоотношениях с другими людьми.

Гендерную идентичность индивида в значительной степени определяют гендерные стереотипы. Они существуют как на высших уровнях культуры, в рамках религиозных и философских систем, осмысливающих природу половых различий (половой и сексуальный символизм), так и в повседневном обыденном сознании (стереотипы обыденного сознания) [1, с. 87].

Гендерные стереотипы тесно связаны с поло-ролевой идеологией и часто используются для ее правомерности. При этом под гендерной идеологией понимается система идей, посредством которой гендерные различия и гендерная стратификация получают социальное оправдание, в том числе и с точки зрения «естественных» различий или сверхъестественных убеждений [26].

Т. Нельсон выделяет несколько основных факторов формирования, создания и сохранения гендерных стереотипов: религия, научение в семье и культурные институты [25, с. 289].

Религия, возможно, оказала одно из наиболее ранних влияний на противопоставление мужчин и женщин. Было обнаружено, что ведущие религии мира (иудаизм, христианство и ислам) учат, что женщины отличны от мужчин, подчинены им и зависимы от них. Например, в Священном Писании сказано: «Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление» (1 Тим. 2, 11–14).

В исследованиях было установлено, что более религиозные люди охотнее поддерживают стереотипные установки по отношению к гендерным ролям [25, с. 290]. Вместе с тем, следует отметить, что в современном христианстве и иудаизме сегодня произошли значительные изменения во взглядах на статус женщины по отношению к мужчинам.

Все чаще и чаще в поучениях священнослужителей звучит идея гендерного равноправия, хотя оно, как правило, интерпретируется и преподносится как идея равного достоинства, равноценности перед Богом. Наиболее полно эта тенденция нашла свое отражение в новом Катехизисе Католической Церкви (1996 г.). Вместе с тем, в учении Православной церкви продолжают звучать идеи о подчиненном положении женщины и ее зависимости от мужчины, что нашло свое выражение в недавнем документе, озаглавленном «Основы социального учения Православной церкви» (2000 г.).

Еще одним фактором поддержания гендерных стереотипов является социальное научение.

С очень раннего возраста детей учат тому, что значит быть мужчиной или женщиной в обществе. Путем подкрепления и моделирования дети изучают ожидания, цели, интересы и другие аспекты, связанные с их полом. Детская концепция того, что значит их пол, для них формируется окружением и, что наиболее важно, родителями, посредством поощрения за «подходящие» поступки и наказания или неодобрения («неподходящих») поступков (рассмотренное выше дифференцированное подкрепление) родители «учат» ребенка соответствовать «своему» полу.

Вместе с тем, ребенок получает информацию о том, что значит быть «мужчиной» или «женщиной» не только от родителей. Ряд ученых утверждает, что роль родителей в гендерной социализации минимальна, она значительна только в первые годы его жизни. С поступлением ребенка в дошкольное учреждение, а затем и в школу мальчик и девочка сталкиваются со стилем отношения к себе окружающих, который учитывает и пол ребенка. Было установлено, что учителя начальных классов чаще поощряют девочек и чаще наказывают мальчиков за непослушание. В средней школе мальчикам, как правило, поручается работа, связанная с приложением физического труда, а девочкам – связанная с общением и организацией праздников, внешкольных мероприятий. [10, с. 87].

Существует мнение о взаимосвязи школьных неудач мальчиков в начальной школе с отсутствием адекватных их полу гендерных моделей: ученые высказывают пожелание о раздельном обучении в начальной школе, причем опыт такого обучения, имеющийся в школах Англии, говорит в пользу высказанного предположения [27].

Еще одним важным аспектом социального научения становится взаимодействие со сверстниками. Дети, как правило, хуже принимают своих сверстников, практикующих гендерно-нетипичное (речь не идет о сексуальных девиациях) поведение. Причем к подростковому возрасту степень отвержения может усиливаться, достигая своего предела в 13–15 лет. Было замечено, что если десятилетние мальчики только немного хуже принимают своих феминизированных сверстников, то двенадцати-тринадцатилетние их просто отвергают. Несомненно, желание быть принятыми сверстниками не только способствует становлению гендерной идентичности, соответствующей

шей полу, но и становится фактором формирования гендерных стереотипов личности и поддержания их в обществе.

Еще одним фактором социальных стереотипов являются социокультурные институты. При помощи телевидения, кинофильмов, журналов и прочих средств массовой информации общество укрепляет мнение, что мальчики и девочки действительно различаются, и что у каждого пола есть присущие ему цели, интересы, способности и роли в обществе. Ребенок узнает, что нарушение в исполнении этих ожидаемых от него ролей повлечет за собой неодобрительное внимание и неприятие со стороны окружающих и в целом сильно осложнит как его жизнь в обществе, так и затруднит достижение успеха [25, с. 292].

Таким образом, однажды оформившись, стереотипы становятся моделями социализации, которые заставляют мальчиков стремиться быть более независимыми и смелыми, а девочек – опекающими и аффилированными. С их помощью поддерживается и закрепляется исторически сложившееся разделение труда [13, с. 322].

Как замечает И. Кон, гендерные стереотипы являются автономным аспектом дифференцировки половых ролей; они только отражают некогда сложившееся и существующее до сих пор разделение труда между мужчинами и женщинами, специфические для мужчин и женщин виды деятельности и социальные функции. [1, с. 87].

Общество не только дифференцировано по признаку пола, но и иерархизировано: в разные времена разные половые группы обладают большей властью, большим богатством, имеют ряд скрытых и явных преимуществ и привилегий по сравнению с другими. Процесс, посредством которого гендер становится основой социальной стратификации, а воспринятые различия между гендерами систематически оцениваемыми и оцененными, называется гендерной стратификацией [26, с. 111].

Гендерная стратификация нередко смыкается с классовой и этнической, но ее значение в качестве системы, отражающей, что люди одного пола оцениваются и вознаграждаются ниже, чем другого, было впервые выделено социологами, придерживающимися феминистических теорий [14; 27].

В целом мужчины и женщины имеют разный доступ к власти, ресурсам и возможностям просто потому, что они мужчины или женщины. Мужчины имеют монополию на большую часть денег и лучшие работы по сравнению с женщинами из того же общественного класса и этнической группы. Мужчины оказывают наибольшее влияние в верхах – в судебной власти, науке, крупном бизнесе, религии, правительстве, армии [27, с. 84].

Реальность гендерной стратификации можно увидеть, прежде всего, в мире труда. Следует отметить, что занятость женщин в сфере профессионального труда стремительно росла на протяжении XX века. Этот прирост особенно выражен среди белых женщин. Так, в странах Европы к 2005 г. прогнозируется увеличение числа работающих женщин до 63,2 % [10, с. 303]. Вместе с тем, во многих странах Европы и США сохраняется тенденция, определяющая, что женщины, как и прежде, подвергаются экономической дискриминации и получают более низкую зарплату, чем их коллеги-мужчины, которые занимают аналогичные должности [13, с. 340].

Кроме того, женщины предпочитают традиционную женскую работу, а также такую, которая обеспечивает более широкие возможности общения с людьми, тогда как мужчины предпочитают более высокооплачиваемую работу, которая открывает перспективы продвижения по службе.

Вместе с тем, в ряде стран в последние десятилетия женщины успешно пробиваются в традиционно мужские профессии. Так в США возросло число женщин-судей, операторов и специалистов информационных систем, экономистов, архитекторов, врачей. Сходные тенденции наблюдаются и на постсоветском пространстве (кроме стран Средней Азии и Северного Кавказа, а также России) [10, с. 311].

В целом мужчины согласны с тем, что женщинам нужно работать, и многие из них рассчитывают, что те станут получать за свой труд равную с ними заработную плату. Однако мужчины при этом не желают выполнять работу по дому наравне с женщинами [28].

Однако даже в обществах, где значительную часть рабочей силы составляют женщины, не произошло соразмерного снижения доли обязанностей женщин по ведению домашнего хозяйства. В США, странах Западной Европы и бывшего Варшавского блока (включая страны бывшего СССР), основная часть домашней работы выполняется женщинами, безотносительно к требованиям, которые предъявляет им профессиональная деятельность [13, с. 340]. Причем это неравенство не исчезает даже у женщин с достаточно высоким уровнем образования. В связи с чем можно предположить, что непропорциональное распределение домашних обязанностей будет ограничивать время, которое женщины могли бы отвести на образование и оплачиваемую работу и свой карьерный рост [28, с. 445].

Несмотря на то, что женщинам «покоряется» все больше и больше мужской работы, они во всех профессиональных сферах зарабатывают меньше, чем мужчины. Основная причина того, почему доходы женщин меньше, заключается в типе выполняемой ими работы: они занимают, как правило, конторские должности или трудятся в сфере обслуживания. Другая причина гендерного неравенства в доходах связана с семьей: в связи с беременностью и уходом за маленькими детьми молодые женщины лишаются возможности работать, в то время как их сверстники мужского пола добиваются значительных карьерных успехов. Это еще одна причина того, почему женщины занимают менее высокие должности, чем мужчины [28, с. 447].

В России женщины составляют более восьмидесяти процентов занятых в сфере социального обеспечения, торговли и общественного питания и образования. А в Беларуси, среди работников бухгалтерского учета доля женщин превысила долю мужчин в 30 раз, при этом в банках, где зарплата выше, доля мужчин больше в 60 раз. Среди медперсонала доля женщин в 10 раз больше, чем мужчин, а среди педагогических работников – в 5 раз больше [10, с. 309].

С профессиональным самоопределением женщин тесно связана возможность получения ими образования. В прошлом женщины не могли получить хорошее образование, так как их жизнь ограничивалась домашними обязанностями. Однако времена изменились: мужчинам и женщинам предоставлены одинаковые образовательные возможности, в результате чего различия в их специализации стали уменьшаться.

По данным Дж. Масиониса, в США, уже в 1993 г. женщины впервые получили большинство научных степеней, что очень часто помогает занять престижную должность. Однако господство мужчин в некоторых профессиональных областях продолжает сохраняться. Так, среди студентов юридических, экономических и политологических факультетов университетов они преобладают. И это несмотря на то, что на I–II курсах количество студентов-женщин не уступает количеству студентов-мужчин [28, с. 448].

В России, по данным Е.П. Ильина, юноши отдают предпочтение технико-экономическим, а девушки – социальным специальностям. Кроме того, среди юношей преобладает предпринимательская и исследовательская направленность профессий обучения, а среди девушек – социальная, артистическая направленность [10, с. 307].

Профессиональные и образовательные возможности тесно связаны с доступом в политику и сферу бизнеса.

В кросс-культурном аспекте мужчины принимают в политике более активное участие и имеют в этой связи большие возможности, чем женщины. При обследовании выборки из 90 обществ, не имеющих развитой промышленности, было обнаружено, что участие женщин в политической жизни выше при наличии острых внутренних конфликтов и напряженности в обществе, но при невысокой вероятности внешних конфликтов и войн [13, с. 342].

Несмотря на то, что в XX в. произошел существенный сдвиг в умонастроениях относительно политической деятельности женщин и вторая половина XX в. охарактеризовалась прорывом женщин в высшие эшелоны власти, большинство политиков – мужчины. В конце 1990 г. среди глав государств было 96 % мужчин, а среди мирового корпуса министров – 97 %. Участие женщин в политике вызывает особое недовольство в исламском мире, где большинство мужчин не разрешают своим женам заниматься политикой. Немаловажную роль здесь играет убежденность о том, что политика и материнство несовместимы.

Женщины в политике представляют собой социальное меньшинство. В связи с этим, ряд женщин-социологов (Е. Зуйкова, Р. Ерусланова) считают, что обществу грозят большие неприятности, так как чисто мужская политика обречена на провал: бесконечные войны, рэкет, расхождение слова и дела и многое другое – все это оттого, что политикой занимаются одни мужчины [10, с. 338]. В ответ на это Е. Ильин напоминает, что женщин-террористок в начале XX века было не меньше, чем мужчин, а женщинам премьер-министрам (М. Тетчер, И. Ганди) не удалось предотвратить ни войну с Аргентиной, ни военное противостояние с Пакистаном.

Участие женщин в политике – веление времени. Мировой опыт показывает, что если в парламенте страны каждое десятое место занято женщиной, то это облегчает принятие законов в защиту детей, если их одна из пяти, то это обеспечивает более легкую реализацию программ, отражающих интересы социально незащищенных слоев населения.

Что касается мира в целом, то в 179 мировых парламентах к концу XX века у женщин было всего лишь 13,9 % мест, хотя они и составляют половину человечества. Только в Норвегии, Финляндии, Швеции и Дании, а также Исландии и Нидерландах доля женщин-парламентариев сопоставима с их долей в населении [28, с. 450].

Одним из важнейших политических институтов государства является армия. Уже при Петре I право женщин на армейскую службу было зафиксировано в Воинском уставе 1716 г. Первая рота из молодых женщин была сформирована по приказу князя Потемкина. Женщины участвовали в Отечественной войне 1812 года, женщины-кавалеристки проявили себя в войне с Японией, в 1905 г.

В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. участвовали 800 тыс. женщин-военнослужащих. Они были снайперами, связистами, разведчиками, летчиками [10, с. 340].

В Британии женщины служат в армии с начала колониальных времен. Однако к началу Второй мировой войны вооруженные силы стран антигитлеровской коалиции были только на 2 % укомплектованы женщинами. Их интеграция в рамках воинской культуры проходит медленно, однако во всех подразделениях армий США и НАТО женщины занимают все больше постов. Это, в частности, обусловлено тем, что высокие технологии стирают различия между должностями, предполагающими боевую выучку и не требующими таковой.

Так, в войне в Персидском заливе 1991 г. участвовали 35 тыс. женщин, или 6,5 % от всего личного состава американских сил, принявших в ней участие, а в 2001 г. уже 15 % личного состава вооруженных сил США составляли женщины [28, с. 452].

Привлечение женщин к службе в армии на Западе обусловлено демографическими причинами, а именно уменьшением среди населения числа молодых мужчин, а также способных нести воинскую службу по состоянию здоровья. Играет роль и тот фактор, что во многих странах служба в армии осуществляется на добровольной основе.

Женщина, поступившая на военную службу, имеет определенные возможности для самореализации: прежде всего, это карьерный рост, самоутверждение, независимость и самостоятельность. Без ограничения женщины замещают должности, связанные со специальностями военно-гуманитарного, педагогического, научного, медицинского, ветеринарного профилей [10, с. 343].

Сфера бизнеса также традиционно считается сферой мужского господства. В России очень незначительное количество женщин в конце прошлого века имело собственную фирму. Между тем, женщин, желающих заняться бизнесом, гораздо больше.

В США в отношении женского бизнеса произошли существенные сдвиги. Если в 80-х годах, число студенток, специализировавшихся в бизнесе и менеджменте, составляло только 10 %, то к началу 90-х их было уже более 50 % [28, с. 453].

В последние годы во всем мире увеличивается число женщин, участвующих в принятии решений в экономической сфере. Однако в целом в Европейском регионе среди предпринимателей, собственников фирм, а также занимающих в них руководящие посты, до сих пор женщин мало [10, с. 325].

Несмотря на огромный массив данных, социальные науки могут предложить лишь общие соображения о состоянии гендера в обществе. Ясно одно, что за прошедшие сто лет произошли значительные изменения в положении женщин. Еще не так давно их положение было исключительно подчиненным, а мужчины контролировали имущество семьи, закон не допускал женщин к большинству профессий и должностей, а также не позволял им полноценно участвовать в политической жизни. Хотя женщины и продолжают оставаться в несколько невыгодном, по сравнению с мужчинами, поло-

жении (и в семье, и в обществе), однако движение к гендерному равенству уже дало свои плоды: экономика все больше и больше зависит от женщин (две трети людей, начавших работать в 1990-е годы – женщины).

Такой трансформации способствовали многие факторы, и одним из наиболее важных следует считать индустриализацию, которая расширила диапазоны человеческой деятельности и изменила природу труда: если раньше он требовал физической силы, ныне он стал более интеллектуальным и творческим.

Социальному равенству способствовали и сознательные действия людей: борьба за права женщин, в которую внесли свою лепту и мужчины, привела к тому, что женщины в новом веке все чаще будут занимать руководящие позиции в мире бизнеса и политики, а это может привести к не менее крупным изменениям, чем те, которые уже произошли.

Вместе с тем, гендер – важнейший элемент человеческой культуры, он глубоко укоренился в мышлении нашего общества, поэтому попытки радикально изменить традиционные гендерные нормы все же будут вызывать сопротивление. Вместе с тем, мир движется к такому состоянию, в котором женщины и мужчины обладают равными правами и возможностями, а это говорит о том, что какова бы ни была природа гендерных различий, они будут сглаживаться.

Теоретический анализ предмета нашего рассмотрения позволяет сделать следующие выводы:

1. Члены человеческого сообщества выступают как две неравные между собой группы людей противоположного пола, как мужчины и женщины. Различия между ними воспринимаются и как половые различия, определяемые генетическими особенностями строения их половых клеток, анатомо-морфологическими характеристиками и функциями в деторождении, и как различия социокультурные – гендерные, когда они выступают как средства социальной классификации и половой дифференциации, и, в данном случае, о поле говорят как о социокультурном конструкте.

2. Биологический пол закладывается в момент зачатия с набором хромосом, человек неволен в том, чтобы его не принять или изменить. Однако гендерный пол как социальное прочтение пола биологического может быть усвоен человеком в процессе его онтогенеза под воздействием широкого социального контекста, причем этот процесс носит надбиологический характер. Вместе с тем невозможно однозначно определить «вес» составляющих его биологических и социальных факторов.

3. Хотя гендерные различия имеют в своей основе различия половые, биологические по своей природе, а следовательно, неизменяемые, они могут трансформироваться, изменяться и даже сглаживаться в зависимости от обстоятельств конкретного исторического времени; при этом различия половые продолжают сохраняться без изменений, они неуничтожимы.

4. Сглаживание и даже полное исчезновение гендерных различий является реальностью нашего времени. Основу этого составляют, прежде всего, экономические факторы, когда мужчина и женщина имеют практически равный доступ к материальным благам, а также тесно связанные с ними факторы политические, обобщенный смысл которых состоит в гарантированном праве равных возможностей и для мужчин, и для женщин.

Исчезновение различий между полами как субъектами социальных отношений в современных социокультурных условиях следует рассматривать как долговременный, глобальный и исторически необратимый процесс.

Л и т е р а т у р а

1. *Кон И.С.* Введение в сексологию. – М.: Медкнига, 1988. – С. 11.
2. Большая советская энциклопедия. Т. 25. – М., 1975. – С. 171.
3. *Клецина И.С.* Практикум по гендерной психологии. – СПб.: Питер, 2003. – С. 30.
4. *Берн Ш.* Гендерная психология. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 111.
5. Психология семьи. Хрестоматия / Под. ред. *Д.Я. Райгородского*. – Самара: Бахрах-М, 2002. – С. 110.
6. *Капрара Дж., Сервон Д.* Психология личности. – СПб.: Питер, 2003. – С. 165.
7. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. – СПб.: Питер, 2002. – С. 174.
8. *Кохут Х.* Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. – С. 211.
9. *Лихи Т.* История современной психологии. – СПб.: Питер, 2003. – С. 261.
10. *Дружинин Е.П.* Дифференциальная психология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002. – С. 445.
11. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – С. 174.
12. *Крейн У.* Теории развития. – СПб.: Прайм-еврознак, 2001. – С. 194.
13. *Мацумото Д.* Психология и культура. – СПб.: Питер, 2003. – С. 339.
14. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002. – С. 215.
15. *Адлер А.* Воспитание полов. Взаимодействие полов. – Ростов-на-Дону, Феникс, 1998.
16. *К. Маркс, Ф., Энгельс.* Избранные произведения в 3-х томах: Том 3. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1985. – С. 243.
17. *Келли Г.* Основы современной сексологии. – СПб.: Питер, 2000. – С. 54.
18. *Крайг Г.* Психология развития. – СПб.: Питер, 2000. – С. 201.
19. *Либин А.В.* Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. – М.: Смысл, 2000. – С. 283.
20. Вопросы психологии, 1985, № 3. – С. 166.
21. *Исаев Д.Н., Казан В.Е.* Половое воспитание и психогигиена пола у детей. – Л.: Медицина, Ленингр. отд., 1980. – С. 43.
22. *Кон И.С.* Психология старшеклассника. – М.: Просвещение, 1980.
23. *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 2000.
24. *Клейн Л.С.* Другая любовь. – СПб.: Фолио-пресс, 2000. – С. 301.
25. *Нельсон Т.* Психология предубеждений. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 286.
26. Большой толковый социологический словарь: Том 1 (А–О). – М.: АСТ, 2001. – С. 111.
27. *Томпсон Л., Пристли Д.* Социология. – Львов: Инициатива – М.: АСТ, 1998. С. 176.
28. *Масионис Д.* Социология. – СПб.: Питер, 2004. – С. 445.

УДК 624.131 (476)

О новом подходе в инженерно-геологическом районировании территории Беларуси

А.Н. Галкин

Инженерно-геологическое районирование является важнейшим методом региональных исследований. Оно рассматривается как один из способов систематизации знаний об инженерно-геологических условиях территории, оценки их сложности и неоднородности.

Первый опыт проведения инженерно-геологического районирования территории Беларуси относится к 60-м годам XX столетия. В эти годы в стране начали проводиться широкомасштабные специализированные геолого-гидрогеологические съемки с инженерно-геологическими исследованиями для целей мелиорации. В 1963 г. сотрудниками Белорусской геолого-гидрогеологической экспедиции (БГГЭ) Ю.С. Зубрицким, Н.И. Парфеновой и Л.М. Волковой на основе обобщения большого фактического материала была составлена обзорная инженерно-геологическая карта БССР масштаба 1:2500000, отражающая разнообразие инженерно-геологических условий различных регионов республики. В основу построения указанной карты был положен принцип формационного и литолого-геологического анализа инженерно-геологических разрезов. В этой работе авторы ограничились лишь характеристикой отложений ледниковой формации четвертичной системы. Однако, несмотря на неполноту отображенной информации, достоинство этой работы заключается в том, что здесь впервые была заложена идея проведения инженерно-геологического районирования по четырем крупным регионам, соответствующим Белорусской антеклизе и ее склонам, Оршанской, Подляско-Брестской и Припятской впадинам. Дальнейшее проведение геолого-съемочных работ способствовало расширению общих представлений об инженерно-геологической обстановке территории Беларуси. В этом направлении большая работа была проведена специалистами БГГЭ (Л.И. Панасенко, Н.Ф. Шахнюк), Белорусского научно-исследовательского геолого-разведочного института (Г.А. Колпашников, В.М. Мотуз, Н.И. Курбатов и др.), Белорусского государственного института инженерных изысканий (В.Ф. Вишневецкий, В.Г. Лободенко и др.). Впоследствии их разработки были положены в основу характеристики инженерно-геологических условий Беларуси в монографии «Инженерная геология СССР» (1978).

Во второй половине 70-х годов XX века был опубликован ряд работ, в которых приводились схемы инженерно-геологического районирования территории Беларуси, составленные до уровня районов и подрайонов. Так, например, Н.С. Юрцева и С.П. Гудак [1] выполнили инженерно-геологическое районирование (рис. 1), в основе которого,

согласно принципам И.В. Попова [2], были положены геоструктурные особенности, геоморфологические признаки и распространение первых от поверхности геолого-генетических комплексов. Авторами работы в пределах рассматриваемой территории было выделено четыре инженерно-геологических региона и три области, каждая из

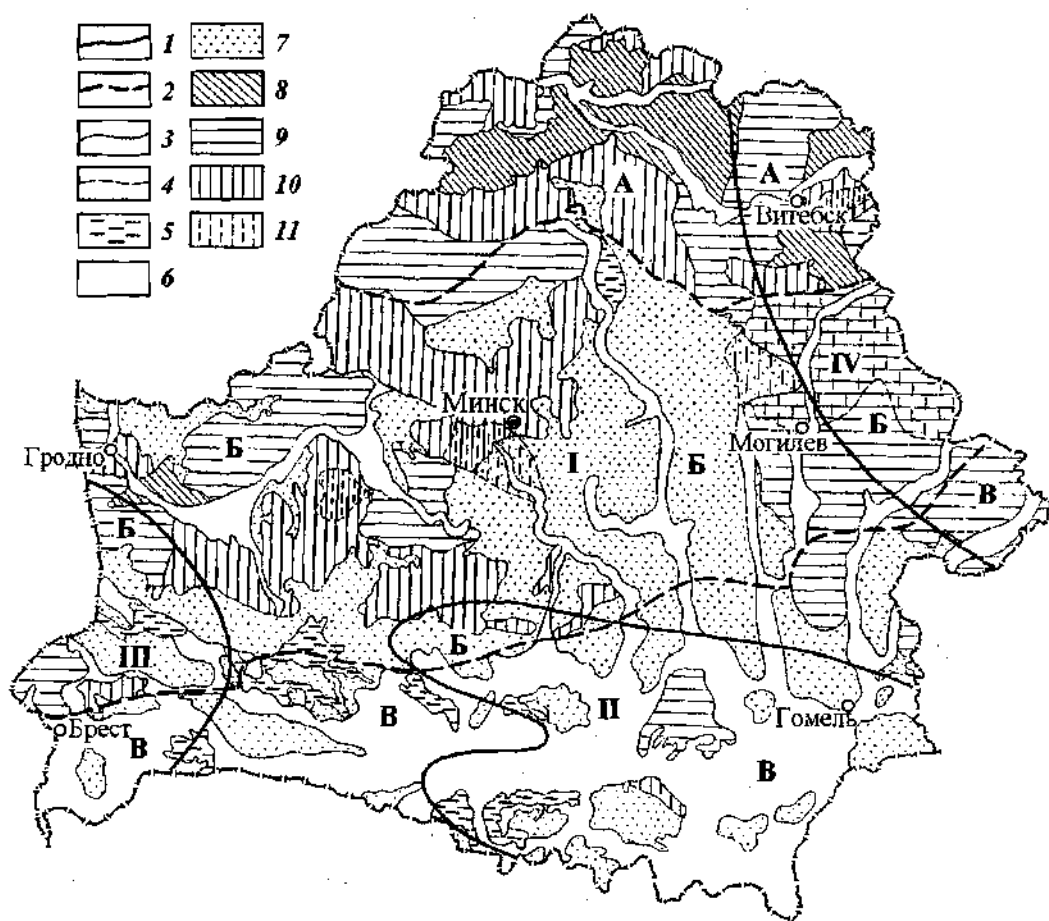

Рис. 1. Схема инженерно-геологического районирования Белорусской ССР (составили Н.С. Юрцева и С.П. Гудак [1]).

Границы: 1 — регионов; 2 — областей; 3 — районов; 4 — подрайонов. *Районы преимущественного развития:* 5 — 1-й — торфяно-илистых пород геолого-генетического комплекса озерно-болотных отложений; 6 — 2-й — песчаных пород геолого-генетического комплекса аллювиальных отложений долин рек; 7 — 3-й — песчаных пород геолого-генетического комплекса флювиогляциальных отложений; 8 — 4-й — ленточных глин и песчаных пород геолого-генетического комплекса озерно-ледниковых отложений; 9 — 5-й — суглинисто-обломочных пород геолого-генетического комплекса основной морены; 10 — 6-й — суглинисто-обломочных и песчано-глинистых пород геолого-генетического комплекса красных образований. 11 — а — подрайон развития лесовидных пород.

Регионы: I — Белорусский массив и его склоны, II — Припятская впадина, III — Брестская впадина, IV — Оршанская впадина. *Области:* А — развития свежего, преимущественно ледниково-аккумулятивного рельефа валдайского оледенения, Б — развития заметно денудированного ледниково-аккумулятивного рельефа московского оледенения, В — развития сильно денудированного останцового ледниково-аккумулятивного рельефа днепровского оледенения.

которых охватывает части регионов с однородным по генезису рельефом, а также с однотипными комплексами четвертичных отложений. Подобная схема инженерно-геологического районирования приводится и в работе Г.А. Колпашикова и др. [3].

В 1982 г. Г.А. Колпашников [4] составил новый вариант схемы инженерно-геологического районирования рассматриваемой территории (рис. 2), дополнив его введением инженерно-геологических провинций и зон (таксономических единиц районирования, предложенных В.Т. Трофимовым [5]), впоследствии от них отказавшись из-за отсутствия различий в современном состоянии пород грунтовых толщ.

В последующие годы, вплоть до настоящего времени, подходы к инженерно-геологическому районированию территории Беларуси не изменились [6–8]. Как и прежде, в качестве инженерно-геологических регионов рассматриваются крупные тектонические структуры страны, инженерно-геологическим областям соответствуют геоморфологические области, а инженерно-геологические районы выделяются по определенным геолого-генетическим комплексам отложений.

Анализ рассмотренных выше схем общего инженерно-геологического районирования территории Беларуси, приводит к выводу, что им, с нашей точки зрения, свойственен ряд недостатков, в частности, отсутствуют четко сформулированные классификационные признаки и, главное, не соблюдены важнейшие методические положения (принципы), которые должны соблюдаться при проведении любого типа районирования. Так, например, все схемы районирования основаны на учете изменчивости лишь региональных геологических факторов инженерно-геологических условий (геологического строения и геоморфологических условий). Зонально-геологические факторы (гидрогеологические особенности, современные экзогенные геологические процессы и явления и т.п.) при районировании, как правило, учитывались косвенно, без анализа закономерностей их пространственной изменчивости.

Практически во всех схемах нарушены главные принципы полноты деления, целостности, однородности и взаимности таксономических единиц районирования – одна инженерно-геологическая область, выделенная как единица индивидуальная, располагается в нескольких регионах, что противоречит формальной логике [3, 4].

Таким образом, подводя итог, с полным основанием можно отметить, что система подхода к инженерно-геологическому районированию территории Беларуси требует совершенства, а это, на наш взгляд, является необходимым и достаточным условием для создания более объективной, учитывающей множество факторов, схематизации инженерно-геологических условий рассматриваемой территории.

В основу предлагаемой нами схемы положены теоретические и методологические положения и принципы инженерно-геологического районирования, изложенные в работах Г.А. Голодковской, И.В. Попова, В.Т. Трофимова и др. [2, 5, 9, 10].

Инженерно-геологическое районирование территории Беларуси выполнено по схеме однорядного последовательного районирования до уровня инженерно-геологических районов и по своему содержанию является смешанным.

В качестве таксономической единицы наиболее высокого ранга нами рассматривается инженерно-геологический регион второго порядка. Таких регионов на схеме выделено два – *Воронежско-Тверская антеклиза* и *Балтийско-Белорусская синеклиза* (рис. 3), отвечающие крупным новейшим структурам западной части Восточно-Европейской платформы [11]. При этом, выделяя инженерно-геологические регионы по неотектоническим структурам, руководствовались следующими обстоятельствами.

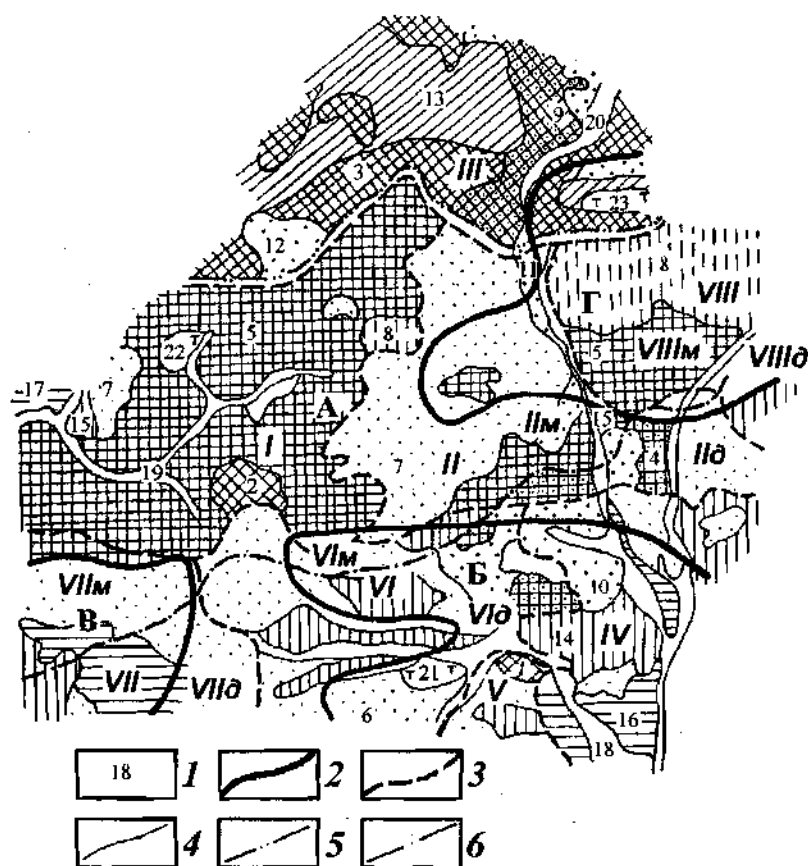

Рис. 2. Схема инженерно-геологического районирования территории Белоруссии (составил Г.А. Колпадинников [4]).

Инженерно-геологические регионы, приуроченные к структурным элементам первого порядка: А – Центрально-Белорусский (Белорусская антеклиз и сопредельные с ней седюины – Латвийская, Жюбинская и Полесская); Б – Припятский (Припятская впадина); В – Брестский (восточная часть Полыско-Брестской впадины); Г – Оршанский (Оршанская впадина); инженерно-геологические провинции: I – Белорусская гряда; II – Центрально-Березинская равнина; III – Белорусское Поозерье; IV – Гомельское Полесье; V – Мозырское Полесье; VI – Припятское Полесье; VII – Брестское Полесье; VIII – Оршанско-Могилевское плато; инженерно-геологические зоны: Iм – Центрально-Березинская равнина в границах московского оледенения; IIм – то же в границах днепровского оледенения; IIIм – Припятское Полесье в границах московского оледенения; IVм – то же в границах днепровского оледенения; Vм – Брестское Полесье в границах московского оледенения; VIм – то же в границах днепровского оледенения; VIIм – Оршанско-Могилевское плато в границах московского оледенения; VIIIм – то же в границах днепровского оледенения; 1 – индекс инженерно-геологических областей распространения покровных отложений; 2 – границы инженерно-геологических регионов (структурных элементов первого порядка); 3 – границы инженерно-геологических провинций; 4 – границы инженерно-геологических областей; 5 – граница поозерского оледенения; 6 – граница московского оледенения.

На неотектоническом этапе структурный план территории Беларуси, сформировавшийся в мезозое и начале кайнозоя, подвергся существенной перестройке. Это выразилось, главным образом, в поднятии крупных неотектонических структур по периферии области древнематериковых оледенений плейстоцена – Украинской и Воронежско-Тверской антеклиз и др., и заложении в среднелейстоценовое время Балтийской системы грабенообразных понижений. Последнее привело к оформлению крупной новейшей структуры – Балтийско-Белорусской синеклизы, на юго-восточном крыле которой

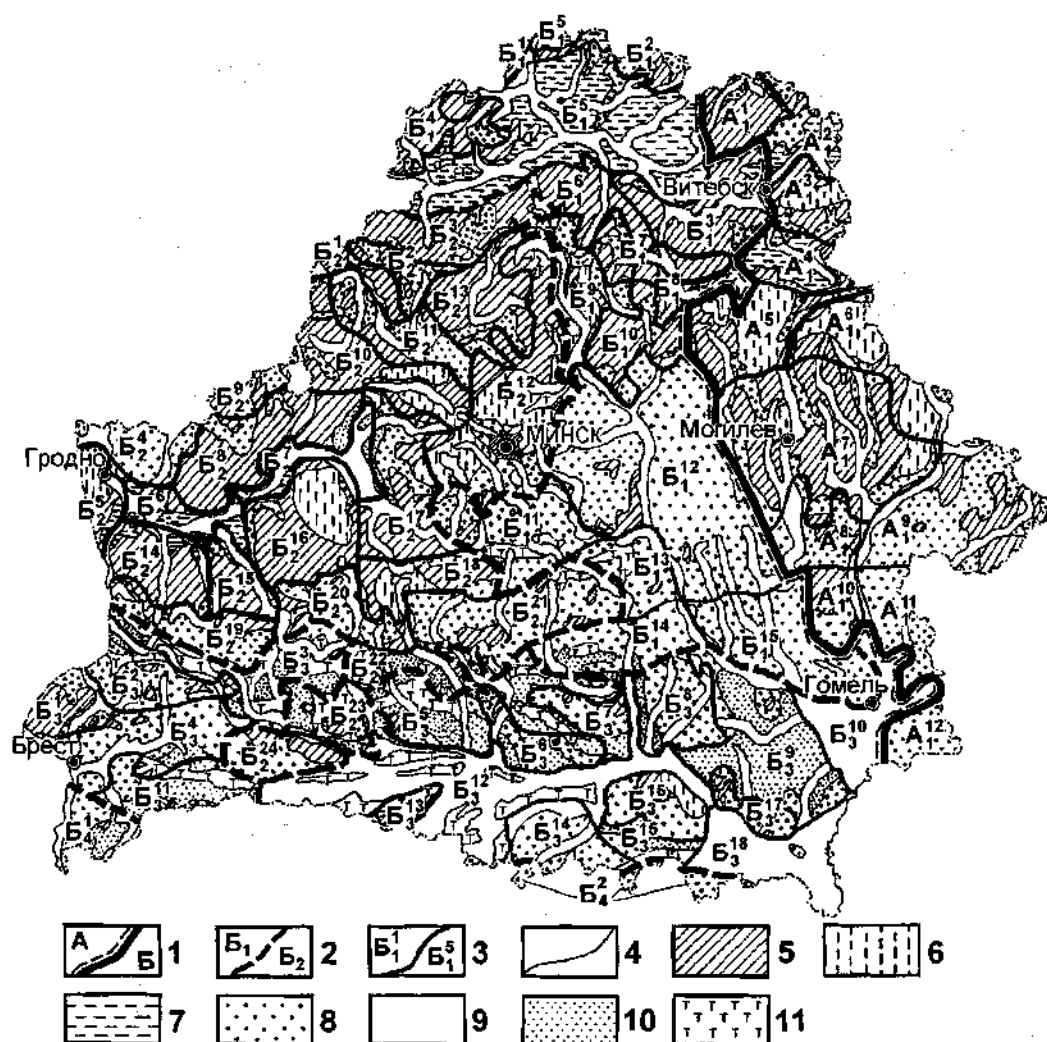

Рис. 3. Схема инженерно-геологического районирования территории Беларуси.

1 – граница инженерно-геологических регионов второго порядка (А – Воронежско-Тверская антеклиза, Б – Балтийско-Белорусская синеклиза); 2 – границы и индексы инженерно-геологических областей первого порядка; 3 – границы и индексы инженерно-геологических областей второго порядка (названия областей см. в табл.); 4 – границы инженерно-геологических районов. *Районы развития отложений:* 5 – моренных (суглинки, супеси валунистые, пески, песчано-гравийные породы); 6 – лессовидных (супеси, суглинки); 7 – озерно-ледниковых (ленточные глыны, суглинки, пески); 8 – водно-ледниковых (пески, песчано-гравийные породы, супеси); 9 – аллювиальных (пески, песчано-гравийные породы, супеси, суглинки, илы); 10 – озерно-аллювиальных (пески, супеси, суглинки); 11 – болотных (торф, илы).

расположена значительная часть территории Беларуси [11, с. 633; 12]. Во многих случаях граница между указанными структурами хорошо фиксируется по поверхности коренных пород в виде уступов [13, 14].

Кроме того, неотектонические структуры довольно существенно отличаются друг от друга по характеру строения коренной основы, гидрогеологическим условиям, проявлению экзогенных геологических процессов. Так, например, в пределах Воронежско-Тверской антеклизы по сравнению с другими структурами наиболее активно

проявляют себя суффозионные и карстовые (голоценовый карст) процессы, просадочные явления [15], менее выражены заболачивание, дефляция и др. В тоже время, в пределах Балтийско-Белорусской синеклизы обширные территории подвержены болотообразовательным и эоловым процессам.

Поэтому, принимая во внимание рассмотренные выше обстоятельства, выделение на территории Беларуси инженерно-геологических регионов второго порядка можно считать достаточно обоснованным, причем в данном случае понятие «инженерно-геологический регион» не противоречит его содержанию. По А.А. Маккавееву, «инженерно-геологический регион – наиболее крупное подразделение при инженерно-геологическом районировании, охватывает территорию какой-либо структуры. Выделяется по общности основных признаков, характеризующих строение коренной основы, поверхностных отложений, гидрогеологические условия, геоморфологическую обстановку и геологические процессы» [16].

В свою очередь в каждом регионе по геоморфологическому признаку выделены инженерно-геологические области первого и второго порядка (см. рис. 3). При обособлении первых, согласно В.Т. Трофимову [5], ведущим признаком явились морфогенетические и морфоструктурные особенности, а для областей второго порядка, в сущности соответствующим геоморфологическим районам, – морфологические и морфометрические особенности рельефа. Границы между областями разного порядка нами проведены в соответствии со схемой структурно-геоморфологического районирования, приведенной в работе [17]. Общая систематика инженерно-геологических областей по каждому региону показана в таблице.

Выделение инженерно-геологических районов внутри областей второго порядка было проведено по различию геологического строения, обусловленного наличием в кровле разреза четвертичных отложений пород разных геолого-генетических комплексов. Границы районов совпадают с границами распространения первых от поверхности геолого-генетических комплексов пород. Следует заметить, что на приведенной в настоящей работе схеме районирования с учетом масштаба картирования инженерно-геологические районы выделены, в основном, по генетическому признаку и носят несколько обобщенный характер. При картировании более крупного масштаба при их выделении предусматривается учитывать не только генетические особенности отложений, слагающих тот или иной геоморфологический элемент рельефа, но и их возрастную принадлежность, литологические особенности, а также возможные сочетания и соотношения толщ различного возраста, генезиса и состава.

В заключение отметим, что новый вариант схемы районирования территории Беларуси в наибольшей степени по сравнению с ранее опубликованными отвечает как современному состоянию знаний об инженерно-геологических условиях региона, так и потребностям практики.

Таблица

Систематика инженерно-геологических регионов и областей

Инженерно-геологический регион второго порядка	Инженерно-геологические области		
	первого порядка	второго порядка	Индекс области на рис. 3
1	2	3	4
А. Воронежско-Тверская антеклиза	1. Область денудационных столово-останцовых равнин	Область Городокской краевой ледниковой возвышенности	A_1^1
		Область Суражской ледниково-озерной равнины	A_1^2
		Область Витебской краевой ледниковой возвышенности	A_1^3
		Область Лучосинской ледниково-озерной равнины	A_1^4
		Область Оршанской краевой ледниковой возвышенности	A_1^5
		Область Горецкой моренной равнины с краевыми ледниковыми образованиями	A_1^6
		Область Могилевской водно-ледниково-моренной равнины	A_1^7
		Область Славгородской водно-ледниково-моренной равнины с краевыми ледниковыми образованиями	A_1^8
		Область Костюковичской моренно-водно-ледниковой равнины с краевыми ледниковыми образованиями	A_1^9
		Область Чечерской моренно-водно-ледниковой равнины	A_1^{10}
		Область Светиловичской водно-ледниковой равнины с краевыми ледниковыми образованиями	A_1^{11}
		Область Тереховской водно-ледниковой равнины	A_1^{12}

1	2	3	4
Б. Балтийско-Белорусская синеклиза	1. Область денудационных субгоризонтальных равнин	Область Освейской краевой ледниковой гряды	Б ₁ ¹
		Область Заборской водно-ледниковой равнины с краевыми ледниковыми образованиями	Б ₁ ²
		Область Шумилинской моренной равнины	Б ₁ ³
		Область Браславской краевой ледниковой возвышенности	Б ₁ ⁴
		Область Полоцкой ледниково-озерной низины	Б ₁ ⁵
		Область Ушачской краевой ледниковой возвышенности	Б ₁ ⁶
		Область Чашникской водно-ледниковой низины	Б ₁ ⁷
		Область Сенненской моренной равнины с краевыми ледниковыми образованиями	Б ₁ ⁸
		Область Верхисберезинской водно-ледниковой равнины	Б ₁ ⁹
		Область Лукомльской краевой ледниковой возвышенности	Б ₁ ¹⁰
		Область Пуховичской водно-ледниковой равнины	Б ₁ ¹¹
		Область Центральноберезинской водно-ледниковой равнины	Б ₁ ¹²
		Область Бобруйской водно-ледниковой равнины с краевыми ледниковыми образованиями	Б ₁ ¹³
		Область Светлогорской моренно-водно-ледниковой низины	Б ₁ ¹⁴
		Область Стрешинской водно-ледниковой низины	Б ₁ ¹⁵
	2. Область структурно-денудационных равнин	Область Свирской краевой ледниковой гряды	Б ₂ ¹
		Область Нарочанской водно-ледниковой равнины с краевыми ледниковыми образованиями	Б ₂ ²
		Область Свенцянских краевых ледниковых гряд	Б ₂ ³

1	2	3	4
		Область Озерской водно-ледниковой низины	Б ₂ ⁴
		Область Гродненской краевой ледниковой возвышенности	Б ₂ ⁵
		Область Скидельской ледниково-озерной низины	Б ₂ ⁶
		Область Любчанской водно-ледниковой низины	Б ₂ ⁷
		Область Лидской моренной равнины	Б ₂ ⁸
		Область Вороновской водно-ледниковой равнины с краевыми ледниковыми образованиями	Б ₂ ⁹
		Область Ошмянских краевых ледниковых гряд	Б ₂ ¹⁰
		Область Вилейской моренно-водно-ледниковой низины	Б ₂ ¹¹
		Область Минской краевой ледниковой возвышенности	Б ₂ ¹²
		Область Кривичской моренной равнины с краевыми ледниковыми образованиями	Б ₂ ¹³
		Область Волковысской краевой ледниковой возвышенности	Б ₂ ¹⁴
		Область Слонимской краевой ледниковой возвышенности	Б ₂ ¹⁵
		Область Новогрудской краевой ледниковой возвышенности	Б ₂ ¹⁶
		Область Столбцовой моренной равнины	Б ₂ ¹⁷
		Область Копыльских краевых ледниковых гряд	Б ₂ ¹⁸
		Область Косовской водно-ледниковой равнины	Б ₂ ¹⁹
		Область Барановичской водно-ледниковой равнины	Б ₂ ²⁰
		Область Солигорской моренно-водно-ледниковой равнины с краевыми ледниковыми образованиями	Б ₂ ²¹

1	2	3	4
		Область Люсиновской водно-ледниковой равнины	Б ₂ ²²
		Область Логипинской водно-ледниковой равнины с краевыми ледниковыми образованиями	Б ₂ ²³
		Область краевых ледниковых образований и водно-ледниковой равнины Загородья	Б ₂ ²⁴
	3. Область пластово-аккумулятивных равнин и заболоченных аллювиальных и озерно-аллювиальных низин	Область Высоковской водно-ледниково-моренной равнины	Б ₃ ¹
		Область Пружанской моренно-водно-ледниковой равнины	Б ₃ ²
		Область Наревско-Ясельдинской озерно-аллювиальной низины	Б ₃ ³
		Область Брестской водно-ледниковой равнина	Б ₃ ⁴
		Область Случско-Оресской озерно-аллювиальной низины	Б ₃ ⁵
		Область Житковичской водно-ледниковой низины	Б ₃ ⁶
		Область Ветчинской водно-ледниковой низины с краевыми ледниковыми образованиями	Б ₃ ⁷
		Область Озаричской моренно-водно-ледниковой низины	Б ₃ ⁸
		Область Василевичской водно-ледниковой и озерно-аллювиальной низины	Б ₃ ⁹
		Область Речицкой аллювиальной низины	Б ₃ ¹⁰
		Область Верхнеприпятской озерно-аллювиальной низины	Б ₃ ¹¹
		Область Лунинецкой аллювиальной низины	Б ₃ ¹²
		Область Столинской водно-ледниковой равнины	Б ₃ ¹³
		Область Лельчицкой водно-ледниковой равнины	Б ₃ ¹⁴

1	2	3	4
		Область Уборть-Словечненской низины	Б ₃ ¹⁵
		Область Мозырской краевой ледниковой возвышенности	Б ₃ ¹⁶
		Область Хойникской водно-ледниковой низины с краевыми ледниковыми образованиями	Б ₃ ¹⁷
		Область Комаринской аллювиальной низины	Б ₃ ¹⁸
	4. Область цокольных равнин	Область Малоритской водно-ледниковой равнины	Б ₄ ¹
		Область водно-ледниковых равнин Украинского Полесья	Б ₄ ²

Л и т е р а т у р а

1. **Юрцева Н.С., Гудак С.П.** Инженерно-геологическое районирование территории Белоруссии // Геология СССР. Т.3. Белорусская ССР. Полезные ископаемые. – М., 1977. – С. 226 – 236.
2. **Попов И.В.** Инженерная геология СССР. Ч. 1. Общие основы региональной инженерной геологии. – М., 1961.
3. **Колпашиников Г.А., Гудак С.П., Мотуз В.М. и др.** Особенности инженерно-геологического районирования территории Белоруссии в связи с рациональным использованием геологической среды // Гидрогеологические и инженерно-геологические проблемы Белоруссии. – Мн., 1977. – С. 142 – 147.
4. **Колпашиников Г.А.** О системном подходе в инженерно-геологических исследованиях // Геология и география. Вып. 4. – Мн., 1982. – С. 65 – 75.
5. **Трофимов В.Т.** Закономерности пространственной изменчивости инженерно-геологических условий Западно-Сибирской плиты. – М., 1977.
6. **Колпашиников Г.А., Панасенко Л.И.** Инженерно-геологическое районирование (карта масштаба 1 : 2500000) // Энциклопедия природы Белоруссии. – Мн., 1983.
7. **Колпашиников Г.А.** Пространственно-временные закономерности формирования инженерно-геологических условий Беларуси и их изменений под влиянием техногенных воздействий: Автореф. докт. дис. – М., 1992.
8. **Колпашиников Г.А., Панасенко Л.И.** Инженерно-геологическое районирование (карта масштаба 1 : 3000000) // Национальный атлас Беларуси. – Мн., 2002.

9. **Голодковская Г.А., Попов И.В.** Теоретические основы региональной инженерной геологии // Инженерная геология СССР. Т. 1. – М., 1978. – С. 9.
10. **Трофимов В.Т.** Районирование в инженерной геологии // Теоретические основы инженерной геологии. Геологические основы. – М., 1985. – С. 299–304.
11. **Геология Беларуси / Махнач А.С., Гарецкий Р.Г., Матвеев А.В. и др.** – Мн., 2001. – С. 574.
12. **Карабанов А.К.** Неотектоника Беларуси: Автореф. дис... докт. геол.-минер. наук: 20.00.01 / Ин-т геол. наук НАН Беларуси. – Мн., 2002. – 44 с.
13. **Ничипоренко Л.А.** Условия залегания и тектоническая предопределенность антропогенного покрова Белоруссии. – Мн., 1989.
14. Палеотектоника Белоруссии / Под ред. **Гарецкого Р.Г.** – Мн., 1983.
15. **Трацевская Е.Ю., Галкин А.Н.** Закономерности развития суффозионно-просадочных явлений на территории Белоруссии // Инженерная геология массивов лессовых пород. Труды Междунар. науч. конференции. – М., 2004. – С. 108–109.
16. **Маккавеев А.А.** Словарь по гидрогеологии и инженерной геологии. – М., 1971. – С. 85.
17. **Галкин А.Н.** Структурно-геоморфологическое районирование территории Беларуси // Доклады НАН Беларуси. Т. 49, 2005, № 6. – С. 107–109.

УДК 595.76 (476.5)

Жесткокрылые (Insecta, Coleoptera) минеральных островов на верховом болоте

Г.Г. Сушко

Верховые болота Беларуси являются уникальными экосистемами таежного типа, сохранившимися до наших дней после Валдайского оледенения. Большая их часть расположена в Белорусском Поозерье. Верховые болота Европы имеют примерно одинаковый возраст и образовались после отступления Валдайского ледника 11–12 тысяч лет назад. Начало образования олиготрофных болот Беларуси относят к раннему голоцену. Образование же крупных болотных массивов началось еще в древнем голоцене в позднем дриасе (около 11 тыс. лет назад) [1, 2].

Периодически высокая влажность, недостаток кислорода, низкая зольность и кислотность почвы и специфический комплекс растительности – в основном из сфагновых мхов, болотных кустарничков, пушицы, шейхцерии, а из древесных пород – сосны – являются основными лимитирующими факторами, формирующими население торфяно-болотных почв. Еще одним лимитирующим фактором, по данным Л.С. Козловской, является низкое содержание кальция в олиготрофных торфах. Это исключает присутствие тех групп беспозвоночных (моллюсков, ракообразных, многоножек), в обмене веществ которых данный элемент играет существенную роль [3, 4]. Специфика болотных геосистем заключается в преобладании накопления органической массы над ее распадом, что позволяет отнести к особому типу аккумулирующих систем биосферы [3]. На верховых болотах торф, поддерживающий и стабилизирующий обмен веществ болотных биоценозов и способствующий восстановлению экосистемы после естественных или антропогенных воздействий, выполняет роль главного организатора системы [5].

Рельеф крупных болотных массивов верхового типа иногда усложняется минеральными островами с супесчаными почвами, занятые лесами различных типов. В основном они небольшие по площади. Исключение – болото «Ельня», центральную часть которого занимает крупный остров, занятый лесами различных типов. Эти экосистемы образовались, вероятно, на местах моренных холмов, присутствовавших на озерно-ледниковых равнинах. Эдификаторным в данных сообществах является древесный ярус, в отличие от окружающих болотных биогеоценозов, где эдификаторы – сфагновые мхи.

Жуки составляют подавляющее большинство среди беспозвоночных животных, обитающих на верховых болотах. Поэтому всесторонний анализ структуры их сообществ представляет серьезный научный интерес. Верховое болото по своим экологическим условиям является довольно стабильной экосистемой, сравнительно мало изменяющейся в течение столетий и даже тысячелетий. Это обстоятельство способствует образованию характерных для него комплексов жесткокрылых, ядро которых составляет

небольшое число видов, обитающих на олиготрофных массивах в пределах всего своего ареала [6]. Несомненный интерес представляют состав и структура сообществ жуков, обитающих в островных изолированных биоценозах на крупных болотных массивах.

Целью данной работы являлось изучение комплексов жесткокрылых, обитающих в лесных биогеоценозах, расположенных на минеральных островах верхового болота «Ельня», которые окружены типичными болотными сообществами с существенно отличающимися экологическими условиями.

Место и методы исследований. Материалом для работы послужили сборы автора, проведенные в период с 1997 по 2004 годы на верховом болоте «Ельня» в сосняке брусничном и березняке черничном. Данный болотный массив считается одним из крупнейших в Европе, его площадь – 19984 га. На территории заказника расположено 35 олиготрофных озер, самое большое из которых – Ельня (площадь – 5,2 кв. км.). Центральная, выпуклая часть болота возвышается над окружающим суходолом на 5–7 м. Общая мощность торфяного пласта, который образован комплексно-верховыми и фускум-торфами – 8,3 м. На территории болота, на возвышениях рельефа расположено несколько лесных массивов. Один из них имеет протяженность около пяти километров и называется «Урочище Ельненский остров». На нем расположены разнообразные лесные сообщества, каждое из которых требует детального изучения. Наибольший же интерес, с нашей точки зрения, представляют небольшие островки леса среди больших по протяженности сосново-кустарничково-сфагновых растительных сообществ. Таковыми являются березняк черничный (в окрестности оз. «Бережо») и сосняк брусничный (в окрестности оз. «Долгое»). Площадь каждого составляет около 200 м. кв.

На этих минеральных островах уменьшается влажность почв, имеется лесная подстилка, сфагновый покров практически отсутствует, древостой 2–3 бонитета. В кустарничковом ярусе подавляющее большинство составляют брусника и черника, соответственно, типичные болотные кустарнички представлены единично.

Жуков герпетобия собирали методом почвенных ловушек: полистирольные стаканчики на четверть заполненные 4%-ым раствором формальдегида. В каждом биотопе было установлено по 10 ловушек, которые проверялись с периодичностью 10–12 дней. В травянисто-кустарничковом ярусе применяли метод энтомологического кошения.

Для определения доминирования в сообществе использовали шкалу О. Ренконена (O. Renkonen), согласно которой виды, составляющие более 5% от общего числа особей, считаются доминантными; 2–5% – субдоминантными; 1–2% – рецедентными; менее 1% – субрецедентными [7].

Для оценки информационного разнообразия использовалась мера разнообразия Шеннона–Уивера $H' = -\sum p_i \ln p_i$.

Стандартная ошибка меры разнообразия (m) вычислялась по формуле K. Hutcheson: $m^2 H' = 1/N [1/N (N \ln^2 N - \sum n_i \ln^2 n_i) - (H')^2 + (S-1)/2N^2 + \dots]$. Рассчитывались индексы концентрации доминирования Симпсона: $C = \sum p_i^2$.

Во всех случаях p_i – доля вида p в коллекции объемом N [8].

Для анализа биотопических предпочтений применяли классификацию Ф. Леуса (F. Peus) [9]. На ее основании с учетом региональной приуроченности к биотопу, жуков, обитающих на верховых болотах, можно разделить на 3 группы: тирфобионты, тирфофилы

и тирфоксены. Тирфобионты – это виды, весь цикл развития которых проходит только или преимущественно на верховых болотах (*Agonum ericeti*, *Cyphon congsbergensis*, *Coccinella hyeroglyphica*, *Cantharis quadripunctatus*, *Plateumaris discolor* и др.).

Тирфофилы – обитатели, как верховых болот, так и других биогеоценозов. К данной группе можно отнести виды, отличающиеся широкой экологической пластичностью, а так же виды, часть жизненного цикла которых проходит на верховых болотах (*Carabus clathratus*, *C. nitens*, *Poecilus cupreus*, *Pterostichus diligens*, *P. nigrita*, *Staphylinus erythropterus*, *Ocupus fuscatus*, *Cyphon padi*, *Chilocorus bipustulatus* и др.).

К тирфоксенам (случайным видам) относят виды, которые мигрировали на болото с прилежащих территорий и обитают там временно.

Результаты и их обсуждение. Жесткокрылые сосняка брусничного. Комплекс жесткокрылых сосняка брусничного включает 19 семейств, насчитывающих 74 вида. На поверхности почвы установлено 55 видов из 9 семейств, в травянисто-кустарничковом ярусе – 19 видов из 10 семейств (табл. 1–3).

Индекс информационного разнообразия Шеннона-Уивера для сообщества жесткокрылых данного биоценоза – $3,891 \pm 0,010$ нит. Концентрация доминирования Симпсона составляет 0,03. На поверхности почвы и в подстилке преобладают жуки (38,07%), представленные 25 видами. Семейство стафилинид, доля которых в сообществе – 31,82%, представлено 18 видами. На третьем месте в данном ярусе – представители семейства Curculionidae (13,64%), которых отловлено 2 вида, в семействе Byrrhidae (5,11%) установлено 3 вида. Обилие остальных семейств, которые включают от 1 до 3 видов, менее 5% (табл. 1).

Таблица 1

Доля семейств (%) и число видов герпетобийных жесткокрылых (Insecta, Coleoptera) минеральных островов

Семейство	Биоценозы			
	сосняк брусничный		березняк черничный	
	%	число видов	%	число видов
Carabidae	38,07	25	47,78	22
Hydrophilidae	0,57	1	0	0
Leiodidae	4,55	1	1,85	1
Silphidae	2,27	1	2,59	4
Cholevidae	1,70	1	0	0
Staphylinidae	31,82	18	42,22	14
Histeridae	0	0	0,37	1
Scarabaeidae	2,27	3	0,74	1
Byrrhidae	5,11	3	4,44	2
Curculionidae	13,64	2	0	0
Всего	9	55	7	45

В герпетобии в состав группы доминантов входят: *Platydracus fulvipes* (8,52%), *Agonum ericeti*, *Hylobius abietis* (по 6,82%), *Notiophilus palustris* (6,25%), *Pterostichus oblongopunctatus* и *Staphylinus erythropterus* (по 5,68%). Субдоминантами являются *Amphicyllis globus* (4,55%), *Ocypus fuscatus*, *Drusila canaliculata* и *Byrrhus pilula* (по 2,84%), *Carabus cancellatus*, *Nicrophorus vespillo* (2,27%), *Asaphidion flavipes*, *Pterostichus diligens*, *Calathus micropterus* и *Tachyporus hypnorum* (по 2,27%) (табл. 2).

Таблица 2

Видовой состав и структура доминирования герпетобионтных жесткокрылых (Insecta, Coleoptera) минеральных островов

Вид	Биоценозы	
	сосняк брусничный	березняк черничный
1	2	3
<i>Leistus ferrugineus</i> (Linnaeus, 1758)	0	0,37
<i>L. rufescens</i> (Fabricius, 1775)	0	0,37
<i>Notiophilus palustris</i> (Duftschmid, 1812)	6,25	0,37
<i>Carabus arvensis</i> Herbst, 1784	0,57	0
<i>C. cancellatus</i> Illiger, 1798	2,27	1,85
<i>C. clathratus</i> Linnaeus, 1761	0,57	2,22
<i>C. granulatus</i> Linnaeus, 1758	1,14	0
<i>C. hortensis</i> Linnaeus, 1758	0,57	11,85
<i>Cychrus caraboides</i> (Linnaeus, 1758)	0,57	1,11
<i>Elaphrus cupreus</i> Duftschmid, 1812	1,14	0
<i>E. riparius</i> (Gyllenhal, 1810)	0,57	0
<i>Loricera pilicornis</i> (Fabricius, 1775)	1,14	0
<i>Dyschiriodes globosus</i> Herbst, 1784	1,14	0
<i>Trechus quadristriatus</i> (Schrank, 1781)	0,57	0
<i>Asaphidion flavipes</i> (Linnaeus, 1761)	2,27	0,37
<i>Bembidion guttula</i> (Fabricius, 1792)	0	0,37
<i>B. humerale</i> Sturm, 1825	0	2,59
<i>Poecilus versicolor</i> (Sturm, 1824)	0,57	0
<i>Pterostichus diligens</i> (Sturm, 1824)	2,27	0,37
<i>Pt. minor</i> (Gyllenhal, 1827)	0	0,37
<i>Pt. niger</i> (Schaller, 1783)	0	0,37
<i>Pt. nigrita</i> (Fabricius, 1792)	1,70	0,37

1	2	3
<i>Pt. oblongopunctatus</i> (Fabricius, 1787)	5,68	19,63
<i>Pt. quadrifoveolatus</i> Letzner, 1852	0,57	0
<i>Pt. rhaeticus</i> Heer, 1838	0,57	0
<i>Calathus micropterus</i> (Duftschmid, 1812)	2,27	1,11
<i>Agonum ericeti</i> (Panzer, 1809)	6,82	0,74
<i>Oxypselaphus obscurus</i> (Herbst, 1784)	0,57	0
<i>Amara communis</i> (Panzer, 1797)	1,14	0,37
<i>Amara plebeja</i> (Gyllenhal, 1810)	0,57	0,37
<i>A. brunnea</i> (Gyllenhal, 1810)	0	1,85
<i>Acupalpus flavicollis</i> (Sturm, 1825)	0	0,37
<i>Ophonus rufibarbis</i> (Fabricius, 1792)	0,57	0,37
<i>Hydrochara caraboides</i> (Linnaeus, 1758)	0,57	0
<i>Amphicyllis globus</i> (Fabricius, 1792)	4,55	1,85
<i>Nicrophorus humator</i> Olivier, 1790	0	0,37
<i>N. sepultor</i> (Charpentier, 1825)	0	0,37
<i>N. vespillo</i> (Linnaeus, 1758)	2,27	1,11
<i>N. vespilloides</i> Herbst, 1783	0	0,74
<i>Catops westi</i> Krogerus, 1931	1,70	0
<i>Philonthus atratus</i> (Gravenhorst, 1802)	0,57	0
<i>Ph. decorus</i> (Gravenhorst, 1802)	0,57	0,37
<i>Ph. furcifer</i> Renkonen, 1937	0	0,37
<i>Ph. laminatus</i> (Creutzer, 1799)	0,57	0
<i>Ph. marginatus</i> (Ström, 1768)	0,57	0
<i>Ph. subuliformis</i> (Gravenhorst, 1802)	0,57	0
<i>Ph. varius</i> (Gyllenhal, 1810)	0,57	0
<i>Platydracus fulvipes</i> (Scopoli, 1763)	8,52	2,59
<i>Pl. latebricola</i> (Gravenhorst, 1806)	1,14	2,96
<i>Staphylinus dimidiaticornis</i> Gemminger, 1851	0	1,48
<i>St. erythropterus</i> Linnaeus, 1758	5,68	28,89
<i>Ocypus fuscatus</i> (Gravenhorst, 1802)	2,84	0,37
<i>O. nero</i> (Faldermann, 1835)	0	0,37
<i>O. picipennis</i> (Fabricius, 1792)	0	0,37

1	2	3
<i>Quedius molochinus</i> (Gravenhorst, 1802)	1,14	0
<i>Xantholinus tricolor</i> (Fabricius, 1787)	0	0,74
<i>Lathrobium brunnipes</i> (Fabricius, 1792)	1,70	0
<i>Scaphidium quadrimaculatum</i> Olivier, 1790	0	0,74
<i>Ischnosoma bergrothi</i> Hellen, 1925	0,57	0
<i>Bolitobius castaneus</i> (Fabricius, 1787)	0,57	0
<i>B. inclinans</i> (Gravenhorst, 1806)	1,70	0
<i>Tachyporus chrysomelinus</i> (Linnaeus, 1758)	0	1,11
<i>T. hypnorum</i> (Fabricius, 1775)	2,27	0,37
<i>Aleochara bipustulata</i> (Linnaeus, 1761)	0,57	0
<i>Drusilla canaliculata</i> (Fabricius, 1787)	2,84	1,48
<i>Hister unicolor</i> (Linnaeus, 1758)	0	0,37
<i>Aphodius distinctus</i> (Muller, 1776)	0	0,74
<i>A. prodromus</i> (Brahm, 1790)	0,57	0
<i>A. rufipes</i> (Linnaeus, 1758)	0,57	0
<i>Serica brunnea</i> (Linnaeus, 1758)	1,14	0
<i>Byrrhus arietinus</i> Steffahn, 1842	1,70	0
<i>B. fasciatus</i> (Forster, 1771)	0,57	0,37
<i>B. pilula</i> (Linnaeus, 1758)	2,84	4,07
<i>Hylobius abietis</i> (Linnaeus, 1758)	6,82	0
<i>Pissodes pini</i> (Linnaeus, 1758)	1,70	0
Число семейств	9	7
Число видов	55	45
Количество экземпляров	176	270
Индекс информационного разнообразия Шеннона–Уивера H' (нит.)	3,591	2,643
Ошибка H'	±0,008	±0,009
Концентрация доминирования (C)	0,04	0,142

По сравнению с сосняком кустарничково-сфагновым и другими болотными биоценозами, в данном ярусе сосняка брусничного возрастает значение индекса информационного разнообразия Шеннона–Уивера – $3,591 \pm 0,008$ нит [10]. Концентрация доминирования Симпсона снижается – 0,04, что связано, видимо, с тем, что в комплексе жесткокрылых данного яруса значительно расширяется состав группы доминантных видов.

Следует отметить, что здесь снижается обилие стенобионтных болотных видов, появляются типичные обитатели лесов, доля которых значительна. В данном ярусе уста-

новлены представители 5 экологических групп жесткокрылых. Первое место по числу отловленных особей занимают лесные жесткокрылые (38,82%), высока доля и болотных (20,0%). Из прочих групп отмечены луговая (31,76%), представители которой занимают второе место, полевая (8,24%) и прибрежная (1,18%). Больше всего видов установлено в лесной экологической группе – 20, чуть меньше в луговой – 18, болотных видов отловлено 9, полевых – 5, прибрежных – 3 (рис. 1).

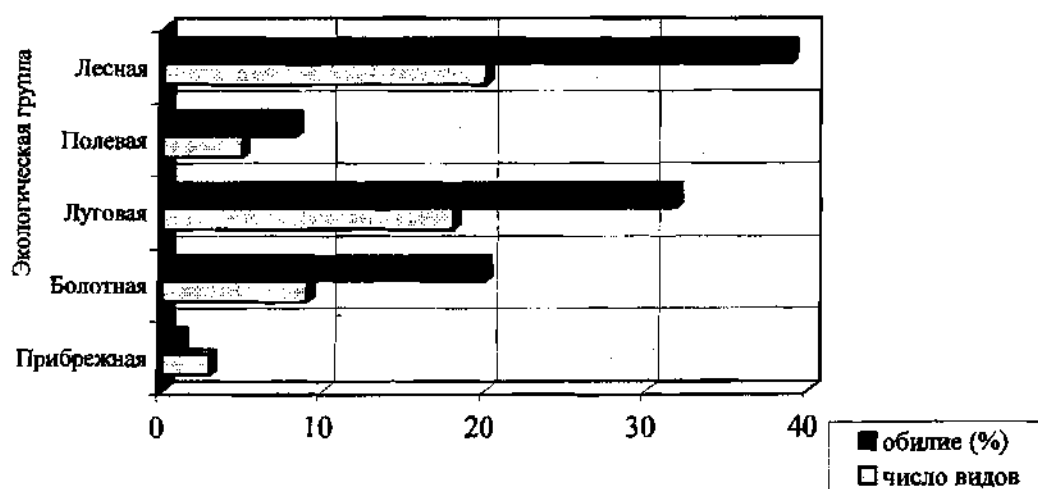

Рис 1. Экологическая структура герпетобionтных жесткокрылых в сосняке брусничном.

В отношении трофических групп, в герпетобии преобладают зоофаги (60,51%), высока доля фитофагов (18,46%), представленных долгоносиками *Hylobius abietis* и *Pissodes pini*, которые являются вредителями сосны. Из прочих установлены некрофаги (13,33%), микетофаги (4,62%), обилие которых возрастает за счет увеличения численности *Amphicyllis globus*, миксофитофаги (2,05%) и сапрофаги (1,03%).

В травянисто-кустарничковом ярусе, по сравнению с болотными биоценозами, снижается обилие и число отловленных видов жуков. Это связано, вероятно, с преобладанием, в данном ярусе одного кустарничка – брусники. Больше всего отмечено листоедов (20,34%), которых собрано 4 вида. Значительную долю в сообществе составляют трясиnnики и долгоносики (по 16,95%). Последних установлено 3 вида, в остальных семействах отмечено по 1–2 вида. В данном сообществе значительна доля представителей семейства *Lagriidae* (11,86%), которые не характерны для болотных биоценозов (табл. 3).

Таблица 3

**Доля семейств (%) и число видов хортобионтных жесткокрылых
(Insecta, Coleoptera) минеральных островов**

Семейство	Биоценозы			
	сосняк брусничный		березняк черничный	
	%	число видов	%	число видов
Scirtidae	16,95	2	33,93	2
Cantharidae	5,08	1	0	0
Elateridae	11,86	2	19,64	4
Nitidulidae	5,08	2	3,57	1
Coccinellidae	3,39	1	0	0
Lathridiidae	1,69	1	0	0
Lagriidae	11,86	1	21,43	1
Crysomelidae	20,34	4	16,07	3
Apionidae	6,78	2	3,57	1
Curculionidae	16,95	3	1,79	1
Всего	10	19	7	13

В состав группы доминантов входят: *Cyphon padi* (13,56%), *Lagria hirta* и *Lochmaea suturalis* (по 11,86%), *Sitona lineatus* и *Ampedus baltheatus* (по 6,78%), *Absidia schoenherri*, *Actenicerus sjaelandicus*, *Aphthona euphorbiae*, *Apion fulvipes*, *Hypera arator* и *Micrelus ericae* (по 5,08%). Субдоминантами являются: *Cyphon kongsbergensis*, *Meligethes aeneus aeneus* и *Chilocorus bipustulatus* (по 3,39%) (табл. 4).

Таблица 4

**Видовой состав и структура доминирования хортобионтных жесткокрылых
(Insecta, Coleoptera) минеральных островов**

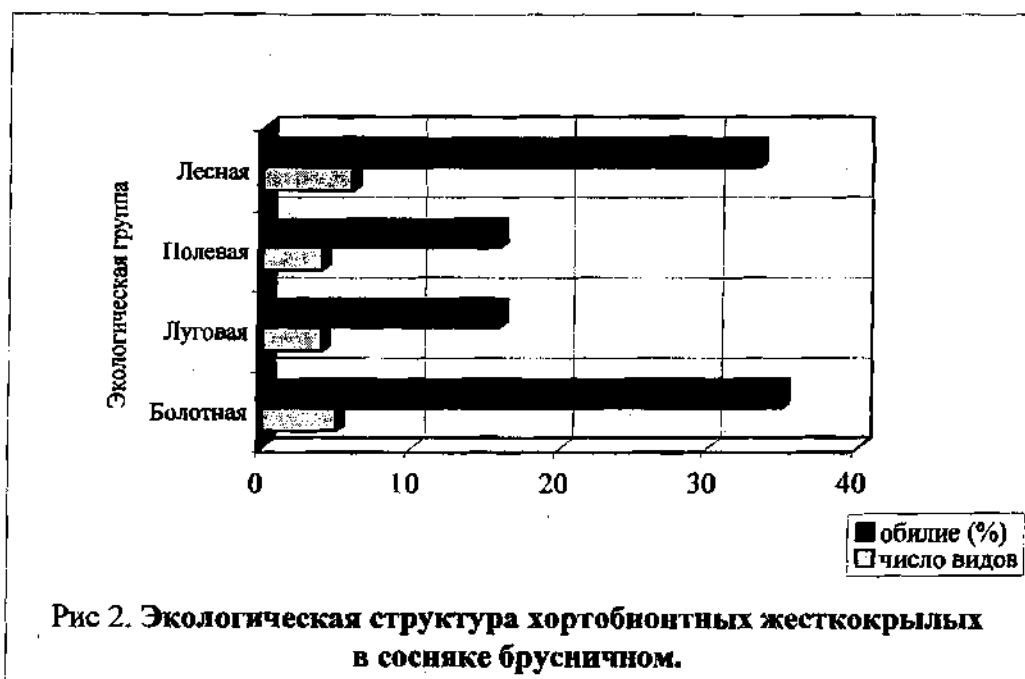
Вид	Биоценозы	
	сосняк брусничный	березняк черничный
1	2	3
<i>Cyphon kongsbergensis</i> Munster, 1924	3,39	0
<i>C. padi</i> (Linnaeus, 1758)	13,56	30,36
<i>C. ochraceus</i> Stephens, 1830	0	3,57
<i>Absidia schoenherri</i> (Dejean, 1837)	5,08	0
<i>Actenicerus sjaelandicus</i> (Muller, 1764)	5,08	8,93
<i>Ampedus baltheatus</i> (Linnaeus, 1758)	6,78	3,57
<i>A. pomorum</i> (Herbst, 1784)	0	3,57
<i>Sericus brunneus</i> (Linnaeus, 1758)	0	3,57

1	2	3
<i>Meligethes aeneus aeneus</i> (Fabricius, 1775)	3,39	3,57
<i>M. ochropus</i> Sturm, 1845	1,69	0
<i>Chilocorus bipustulatus</i> (Linnaeus, 1758)	3,39	0
<i>Corticarina fuscata</i> (Gyllenhal, 1827)	1,69	0
<i>Lagria hirta</i> (Linnaeus, 1758)	11,86	21,43
<i>Lochmaea capreae</i> (Linnaeus, 1758)	0	5,36
<i>L. suturalis</i> (Thomson, 1866)	11,86	0
<i>Phyllotreta nemorum</i> (Linnaeus, 1758)	1,69	0
<i>Aphthona euphorbiae</i> (Schrank, 1781)	5,08	0
<i>Altica palustris</i> Weise, 1888	1,69	7,14
<i>Crepidodera aurata</i> (Marsham, 1802)	0	3,57
<i>Apion apricans</i> Herbst, 1797	0	3,57
<i>A. fulvipes</i> (Geoffroy, 1785)	5,08	0
<i>A. subulatum</i> Kirby, 1808	1,69	0
<i>Hypera arator</i> (Linnaeus, 1758)	5,08	0
<i>Micrelus ericae</i> (Gyllenhal, 1813)	5,08	0
<i>Sitona lineatus</i> (Linnaeus, 1758)	6,78	1,79
Число семейств	10	7
Число видов	19	13
Количество экземпляров	59	56
Индекс информационного разнообразия Шеннона–Уивера H' (нит.)	2,851	2,171
Ошибка H'	$\pm 0,002$	$\pm 0,009$
Концентрация доминирования (C)	0,070	0,160

Индекс информационного разнообразия Шеннона–Уивера для травянисто-кустарничкового яруса в данном сообществе – $2,851 \pm 0,002$ нит. Концентрация доминирования Симпсона составляет 0,07. Значения данных показателей близки к таковым в болотных биотопах.

В сообществе жесткокрылых данного яруса, так же как и в герпетобии, снижается обилие стенобионтных болотных видов, не отмечены такие виды, как *Cantharis quadripunctata*, *Coccinella hieroglyphica* и *Plateumaris discolor*, что отличает его от болотных биоценозов.

В травянисто-кустарничковом ярусе установлены представители 4 экологических групп жесткокрылых. Больше всего видов установлено в лесной экологической группе – 6, в болотной группе – 5 видов, в луговой и полевой – по 4. По числу отловленных особей преобладают болотные жуки (34,90%), им немного уступают обитатели лесов (33,30%), обнаружено значительно меньше полевых и луговых видов (по 15,90%) (рис. 2).

В данном ярусе преобладают фитофаги (53,97%). Как и в болотных биоценозах, высока доля сапрофагов (31,75%), им уступают зоофаги (7,94%) и мицетофаги (6,35%).

В сообществе жесткокрылых сосняка брусничного больше всего устоявлено тирфоксенов (52,70%), высока доля тирфофилов (44,60%). Меньше, чем в болотных биоценозах, отловлено тирфобионтов (2,70%) .

Вероятно, вследствие сужения кормовой базы в кустарничковом ярусе сосняка брусничного снижается обилие и число отловленных видов жуков, в напочвенном ярусе, наоборот, значительно увеличивается численность жесткокрылых, по отношению к болотным сообществам. В обоих ярусах обилие лесных видов повышается, а болотных — уменьшается.

Жесткокрылые березняка черничного. Комплекс жесткокрылых березняка черничного включает 14 семейств, насчитывающих 53 вида. На поверхности почвы установлено 45 видов из 7 семейств, в травянисто-кустарничковом ярусе — 13 видов из 7 семейств (табл. 1, 3).

Индекс информационного разнообразия Шеннона-Уивера для сообщества жесткокрылых данного биоценоза — $3,020 \pm 0,008$ нит. Концентрация доминирования Симпсона составляет 0,09.

На поверхности почвы и в подстилке преобладают жужелицы (47,78%), представленные 22 видами. Семейство стафилинид, доля которых в сообществе — 42,22%, представлено 14 видами. Обилие остальных семейств, которые включают 1–2 вида, за исключением мертвоедов, включающих 4 вида, менее 5% (табл. 1).

В моховом ярусе в состав группы доминантов входят: *Staphylinus erythropterus* (28,89%), *Pterostichus oblongopunctatus* (19,63%) и *Carabus hortensis* (11,85%). Субдоминантами являются *Byrrhus pilula* (4,07%) *Platydracus latebricola* (2,96%), *Bembidion humerale*, *Platydracus fulvipes* (2,29%), *Carabus clathratus* (2,22%) (табл. 2).

По сравнению с болотными биоценозами, в данном ярусе березняка черничного значение индекса информационного разнообразия Шеннона-Уивера для мохового яруса несколько выше – $2,643 \pm 0,009$ вит. Концентрация доминирования Симпсона – 0,142.

Следует отметить, что здесь, как и в сосняке брусничном, снижается обилие стенобионтных болотных видов, появляются типичные обитатели лесов, доля которых значительна. В данном ярусе установлены представители 5 экологических групп жесткокрылых. Первое место по числу отловленных особей занимают лесные жесткокрылые (46,67%), значительна доля и болотных (8,52%). Из прочих групп отмечены луговая (41,48%), представители которой занимают второе место, прибрежная (2,96%) и полевая (0,37%). Больше всего видов установлено в лесной экологической группе (19), чуть меньше в луговой (15), болотных видов отловлено 9, полевых и прибрежных – по 1 (рис. 3).

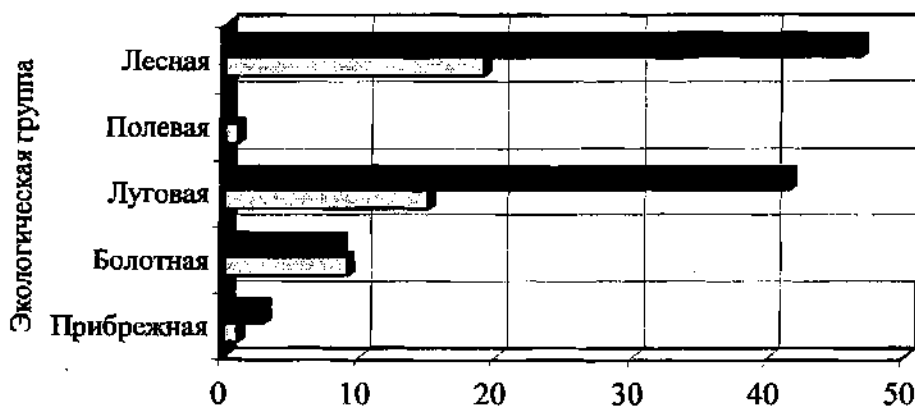

Рис 3. Экологическая структура герпетобионтных жесткокрылых в березняке черничном.

В отношении трофических групп, в герпетобии преобладают зоофаги (81,80%), высока доля фитофагов и некрофагов (по 5,36%). Из прочих установлены миксофитофаги (2,86%), мицетофаги (2,50%) и сапрофаги (2,14%).

В травянисто-кустарничковом ярусе, по сравнению с болотными биоценозами, как и в сосняке брусничном, снижается обилие и число отловленных видов жуков. Это связано, вероятно, с преобладанием, в данном ярусе одного кустарничка – черники. Следует отметить возрастание обилия трясинок (33,93%), которых отмечено 2 вида, и уменьшение обилия листоедов (16,07%), которых собрано 3 вида. Значительную долю в сообществе составляют мохнатки (21,43%) и щелкуны (19,64%), последних отловлено 4 вида. Все остальные семейства включают по 1 виду (табл. 3).

В состав группы доминантов входят типичные болотные жуки: *Cyphon padi* (30,36%), *Lagria hirta* (21,43%), *Actenicerus sjaelandicus* (8,93%), *Altica palustris* (7,14%) и *Lochmaea capreae* (5,36%). Субдоминантами являются: *Cyphon ochraceus*, *Ampedus baltheatus*, *A. pomorum*, *Sericus brunneus*, *Crepidodera aurata*, *Apion apricans* и *Meligethes aeneus aeneus* (по 3,57%) (табл. 4).

Индекс информационного разнообразия Шеннона–Уивера для травянисто-кустарничкового яруса в данном сообществе – $2,171 \pm 0,009$ нит. Концентрация доминирования Симпсона составляет 0,160. Значения данных показателей близки к таковым в болотных биотопах.

В сообществе жесткокрылых данного яруса не отмечены стенобионтные обитатели верховых болот. В травянисто-кустарничковом ярусе установлены представители 5 экологических групп жесткокрылых. Больше всего видов установлено в лесной экологической группе – 5, в болотной группе – 3 вида, в луговой и полевой – по 2, и 1 вид – в прибрежной группе. По числу отловленных особей преобладают болотные жуки (39,29%), им уступают обитатели лесов (32,14%), обнаружено значительно меньше луговых (16,07%) и полевых и видов (8,93%), единичными особями представлены обитатели береговых биотопов (3,57%) (рис. 4).

В данном ярусе, как и в болотных биоценозах, высока доля сапрофагов (55,36%), им уступают фитофаги (32,14%), еще меньше зоофагов (7,14%) и мицетофагов (5,36%).

В сообществе жесткокрылых березняка черничного, как и в сосняке брусничном больше всего установлено тирфоксенов (50,60%), высока доля тирфофилов (46,60%). Меньше, чем в болотных биоценозах отловлено тирфобионтов (2,80%).

В кустарничковом ярусе березняка черничного снижается обилие и число отловленных видов жуков, в напочвенном ярусе, наоборот, значительно увеличивается чис-

ленность жесткокрылых, по отношению к болотным сообществам. В обоих ярусах повышается доля лесных и уменьшается обилие болотных видов.

Выводы. Население жесткокрылых лесных биоценозов на минеральных островах, как и население болотных местообитаний, не отличается богатым видовым составом. Установлены – 74 вида из 19 семейств в сосняке брусничном и 53 вида из 14 семейств в березняке черничном. В кустарничково-сфагновых биоценозах, например, отловлено 63 вида из 12 семейств [10]. Однако, в кустарничковом ярусе снижается обилие и видовое разнообразие жуков. В напочвенном ярусе, наоборот, значительно увеличивается, по отношению к болотным сообществам. В обоих ярусах обилие лесных видов повышается, а болотных – уменьшается.

В отличие от болот, в сообществах жесткокрылых минеральных островов нет олигодоминирования. Группа доминантов становится значительно шире. Ее основу составляют лесные виды. Более 50% жуков являются тирфоксенами, т.е. случайными для типичных болотных биотопов.

Как и в болотных сообществах, в островных – в герпетобии – преобладают зоофаги, среди хортобионтов доминируют сапрофаги.

Л и т е р а т у р а

1. *Беленькі С.Г., Курзо Б.В.* Узрост тарфяных месцанараджэнняў верхавога тыпу Беларусі і паходжанне пагранічных гарызонтаў // Весці АН БССР. Сер. біял. навук, 1988, № 2. – С. 27–31.
2. *Гельтман В.С.* Географический и типологический анализ лесной растительности Белоруссии. – Мн.: Наука и техника, 1982. – 326 с.
3. *Козловская Л.С.* Роль беспозвоночных в трансформации органического вещества болотных почв. – Л.: Наука, 1976. – 212 с.
4. *Козловская Л.С., Соловьева Г.И.* Почвенные беспозвоночные болот Южной Карелии и их роль в почвообразовании // Стационарное изучение болот и заболоченных лесов в связи с мелиорацией: Сб. ст. – Петрозаводск, 1977. – С. 67–88.
5. *Кухарчик Т.И.* Верховые болота Беларуси. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 136 с.
6. *Маавара В.* Экологическая характеристика энтомофауны верховых болот Эстонии // Entomoloogine kogumik I: Сб. / Тарту, 1959. – С. 125–127.
7. *Renkonnen O.* Statistisch-Ökologische Untersuchungen über die terrestrische Käferwelt der finnischen Bruchmoore // Ann. Zool. – Bot. Soc. Fennicae – Vanamo. – Bd 6(1). – 231 s.
8. *Песенко Ю.А.* Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях. – М.: Наука, 1982. – 284 с.
9. *Peus F.* Zur Charakteristik der Tierwelt nordwestdeutscher Hochmoore // Sitz. – Ber. Ges. Naturforsch. Freunde Berlin, 1928. – S. 18–21.
10. *Сушко Г.Г.* Эколого-фаунистическая характеристика сообществ жесткокрылых (Insecta, Coleoptera) верховых болот Белорусского Поозерья: Автореф. дис. – Витебск, 2002.

УДК 621.015

Особенности транспорта липидов при развитии метаболического синдрома

Н.А. Степанова, А.А. Марченко, И.С. Борисевич, Д.С. Орехова,
Е.О. Данченко, А.А. Чиркин

В 1988 г. G. Reaven [1] высказал предположение о важности нарушения чувствительности тканей к действию инсулина – инсулинорезистентности и связанным с ней повышением концентрации инсулина в крови – гиперинсулинемии для развития артериальной гипертензии, сахарного диабета 2 типа и ИБС и предложил термин «синдром X» или «метаболический синдром X» (МСХ), в который включил:

1) тканевую инсулинорезистентность с последующей компенсаторной гиперинсулинемией и нарушением толерантности к глюкозе;

2) дислипотеинемию, прежде всего повышение триглицеридов и связанное с этим повышение липопротеинов очень низкой плотности (ЛПОНП) и снижение липопротеинов высокой плотности (ЛПВП) в крови;

3) артериальную гипертензию;

4) ожирение по мужскому (андроидному) типу – с накоплением жировой ткани преимущественно в области живота.

Годом позже, в 1989 г. N. Kaplan [2] предложил термин «смертельный квартет», подразумевая комбинацию четырех важных признаков, существенно повышающих вероятность сердечно-сосудистой смерти, а именно: андроидное ожирение; нарушение толерантности к глюкозе; гипертриглицеридемию; артериальную гипертензию. В последующие годы разные авторы начали добавлять клинические, лабораторные и инструментальные проявления метаболического синдрома X (повышение уровня фибриногена, липопротеина (а), гомоцистеина, увеличение скорости агрегации тромбоцитов, гипертрофию миокарда левого желудочка и др.). Можно согласиться с Ю.В. Зиминым [3], выразившим серьезную озабоченность расширительным толкованием и использованием предложенного G. Reaven подхода. Действительно, сегодня приходится говорить не о квартете, а о «сложной метаболической паутине» (термин R. DeFronzo [4]), в центре которой, тем не менее, находится инсулинорезистентность и гиперинсулинемия.

Метаболический синдром не включен в классификаторы заболеваний (МКБ), но он является одной из ведущих причин случаев внезапной смерти в состоянии видимого здоровья. Поэтому исследования, связанные с изучением причин и, прежде всего молекулярных механизмов развития МСХ, являются актуальными.

Расшифровка биохимических механизмов развития и создания строгих критериев выявления МСХ рассматривается скорее как биологическая проблема, поскольку возникновение компонентов этого синдрома тесно сопряжено с общими негативными

явлениями урбанизации общества [2–6]. Осложнения МСХ проявляются в виде артериальной гипертензии, инсулиннезависимого сахарного диабета, клиническими проявлениями атеросклероза и др., которые введены в МКБ и являются важнейшей медицинской проблемой [6].

Распространенность МСХ составляет 25–35% населения. В возрасте старше 60 лет доля лиц с МСХ составляет 42–43,5%. Общее число взрослых, страдающих от синдрома, было оценено в 22%, при этом уровень соматического неблагополучия среди людей в возрасте 20–29 лет составил 6,7%, среди 60-летних – 43,5%. Распространенность МС среди мужчин – 24%, среди женщин – 23,4% [6–8]. В последние годы с метаболическим синдромом X ассоциируют также неалкогольные заболевания печени группы стеатогепатитов. Метаболический синдром X является одной из важнейших причин нарушения здоровья, связанного с отходом от принципов здорового образа жизни.

Актуальность исследований, связанных с проблемой МСХ, подтверждается опубликованием в 2005 году трех предварительных и независимых исследований, выполняемых в Республике Беларусь и Польше и посвященных проблеме выявления и развития метаболического синдрома X у населения этих смежных регионов [9–11]. Важность такого исследования подтверждается тем, что эти территории были в той или иной степени загрязнены радионуклидами после аварии на ЧАЭС, а влияние радиационного негативного фактора внешней среды на развитие метаболического синдрома X не изучено.

Развитие метаболического синдрома у мужчин

После аварии на ЧАЭС действуют три группы факторов, способных привести к ускоренному развитию атеросклероза у населения: действие малых доз ионизирующей радиации, резкое загрязнение окружающей среды – экологический кризис и хронический стресс. Прошло уже почти 20 лет после чернобыльской катастрофы, затронувшей судьбы сотен тысяч людей. За это время лица, подвергнувшиеся радиационному воздействию, перешли в тот возрастной период, когда начинают проявляться возрастные изменения обмена веществ и заболевания, связанные с образом жизни. Поэтому целью исследования был сравнительный анализ особенностей транспорта липидов у мужчин, подвергавшихся и не подвергавшихся радиационному воздействию на этапах развития метаболического синдрома X.

Под наблюдением было более 1200 ликвидаторов, проживающих в г. Витебске и отнесенных к группе 1.1. Наблюдение проводилось в интервале 1993–2003 годы. Были исследованы хранящиеся при –80 °С образцы сыворотки крови, подвергавшиеся однократному размораживанию. Установлено, что, начиная с 1999 года, уровень общего холестерина сыворотки крови ликвидаторов имел тенденцию к снижению, а содержание холестерина липопротеинов высокой плотности (ХС ЛПВП) – имело тенденцию к повышению. В интервале 1999–2001 годы у обследованных ликвидаторов были достоверно снижены фракция атерогенных липопротеинов – ХС ЛПНП и величина индекса атерогенности. Было сделано заключение о развитии адаптационных сдвигов в показате-

лях транспорта липидов у ликвидаторов группы 1.1 в последние три года наблюдения [12–14].

Анализ динамики заболеваемости ликвидаторов учетной группы 1.1 за десять лет показал ее двухфазный характер – уменьшение в интервале 1993–1998 годы с последующим увеличением к 2003 году. Отмечена тенденция к росту заболеваний системы кровообращения и сопряженных болезней и состояний, относимых к факторам риска развития атеросклероза и его клинических проявлений (ишемическая болезнь сердца, ожирение и сахарный диабет) на фоне постоянной и высокой встречаемости болезней щитовидной железы, печени и артериальной гипертензии. Эти данные подтверждают концепцию ускоренного развития радиационно-индуцированного атеросклероза [12, 13].

Особое внимание было обращено на массу тела ликвидаторов, поскольку ранее было высказано предположение о возможности развития метаболического синдрома X у 15% ликвидаторов [14–17].

Таблица 1

Распределение ликвидаторов в зависимости от величины индекса массы тела ($X \pm \sigma$)

Диапазоны ИМТ	Характеристика диапазона	Количество обследованных		ИМТ
		Абсолютное	%	
< 18,5	Гипотрофия	9	0,44	$18,2 \pm 0,59^1$
18,6–24,9	Норма	503	43,9	$22,5 \pm 1,60^1$
25,0–29,9	Избыточная масса тела	440	38,4	$27,3 \pm 1,34^1$
30,0–34,9	Ожирение, 1 ст.	162	14,1	$31,8 \pm 1,30^1$
35,0–39,9	Ожирение, 2 ст.	30	2,62	$37,0 \pm 1,38^1$
> 40	Ожирение, 3 ст.	6	0,52	$45,6 \pm 4,32^1$
Контроль		76		$23,4 \pm 2,10$

Примечание: ¹ – достоверное отличие по сравнению с контролем. ИМТ – индекс массы тела.

Установлено, что только у 43,9% ликвидаторов была нормальная масса тела (величина индекса массы тела в пределах нормы). В этих же пределах была масса тела у ликвидаторов контрольной группы (таблица 1). Гипотрофия была выявлена у 0,44% ликвидаторов, избыточная масса тела – у 38,41% и ожирение – у 17,25% ликвидаторов. Таким образом, у большинства обследованных ликвидаторов (55,66%) выявлена повышенная масса тела, что может быть связано с радиационно-индуцированными нарушениями обмена веществ и, прежде всего, обмена липидов.

При изучении заболеваемости 1150 ликвидаторов в зависимости от индекса массы тела установлено, что количество диагнозов, приходящихся на одного ликвидатора, имеет четкую тенденцию к повышению по мере роста индекса массы тела: гипотрофия – 2,77, норма – 2,78, избыточная масса тела – 2,83, ожирение 1 степени – 2,97, ожирение

2 степени – 3,60, ожирение 3 степени – 3,67. При анализе заболеваемости по рубрикам МКБ установлено связанное с массой тела повышение частоты встречаемости болезней эндокринной системы, расстройств питания, нарушений обмена веществ и иммунитета, а также болезней системы кровообращения. По мере повышения индекса массы тела снижалась заболеваемость по рубрикам болезни органов пищеварения, новообразования и психические расстройства.

Ликвидаторы, наблюдавшиеся на протяжении 10 лет, имели достоверно более высокие значения индекса массы тела по сравнению с контролем. Эти данные заставили предположить, что среди ликвидаторов с повышенной массой тела возможно развитие метаболического синдрома Х. Развитие элементов метаболического синдрома Х может идти с разной скоростью, что позволяет произвести своевременную диагностику и осуществить профилактические мероприятия.

Для ориентировочного выявления развития симптомокомплекса метаболического синдрома Х нами использован следующий алгоритм.

1. Из всех обследованных ликвидаторов выделяются лица с величинами индекса массы тела более 25. Нами были отобраны 2 группы, первая с индексом массы тела 25,0–29,9 (избыточная масса тела) и вторая с индексом массы тела более 30 (ожирение).
2. Из отобранных лиц с повышенной массой тела отбираются ликвидаторы с гипоальфа-холестеремией (холестерин липопротеинов высокой плотности менее 0,9 ммоль/л).
3. Из отобранных лиц с двумя элементами метаболического синдрома Х отбираются ликвидаторы с гипергликемией (уровень глюкозы больше 5,5 ммоль/л).
4. Из отобранных лиц с тремя элементами метаболического синдрома Х отбираются ликвидаторы с гипертриглицеридемией (уровень триглицеридов более 1,8 ммоль/л).
5. Из отобранных лиц с четырьмя элементами метаболического синдрома Х отбираются ликвидаторы, у которых выставлен диагноз «артериальная гипертензия».

Материалы ступенчатого отбора с целью формирования группы ликвидаторов и пациентов РЛЛДЦМТ (Республиканский липидный лечебно-диагностический центр метаболической терапии), имеющих все пять элементов симптомокомплекса метаболического синдрома Х, представлены в таблице 2.

Из данных таблицы 2 следует, что у 18 ликвидаторов из 1150 обследованных (1,56%) или из 638 ликвидаторов с повышенной массой тела (2,82%) выявлены признаки всех 5 элементов метаболического синдрома Х. Четыре элемента метаболического синдрома Х обнаружены у 62 ликвидаторов (5,39% от общего числа ликвидаторов или 9,72% от числа ликвидаторов с повышенной массой тела). И, наконец, три элемента метаболического синдрома Х выявлены у 128 ликвидаторов (11,13% от числа всех обследованных ликвидаторов или 20,06% от числа ликвидаторов с повышенной массой тела). Следовательно, в группу риска развития метаболического синдрома Х может входить более 11% ликвидаторов, имеющих повышенную массу тела ($ИМТ > 25,0$), гипоальфахолестеремию и гипергликемию. Если учесть, что в реализации алгоритма отбора лиц с признаками (элементами) метаболического синдрома Х учитывался диагноз «артериальная гипертензия», можно в группу риска отнести большее количество ликвидаторов с различными формами симптоматической гипертензии (15,0%). Это совпадает с предположением, высказанном в 1999–2000 годах [15, 16].

Таблица 2

Признаки развития метаболического синдрома X у обследованных лиц

Показатель	Количество пациентов	Относительное количество от всех пациентов, %	Относительное количество от лиц с повышенной массой тела, %
ИМТ, 25,0–29,9	440–1600	38,26–46,5	–
ХС ЛПВП, <0,9 ммоль/л	242–312	21,0–49,07	55,0–19,5
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	79–116	6,87–3,37	17,95–7,25
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	28–95	2,43–2,76	6,36–5,94
Артериальная гипертензия	5–22	0,43–0,64	1,14–1,375
ИМТ, >30	198–974	17,20–28,3	–
ХС ЛПВП, <0,9 ммоль/л	115–281	10,0–8,17	58,1–28,85
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	49–137	4,26–3,98	24,7–14,07
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	34–117	2,96–3,40	17,20–12,0
Артериальная гипертензия	13–41	1,13–1,19	6,60–4,21

Примечание: ИМТ – индекс массы тела; ХС ЛПВП – холестерол липопротеинов высокой плотности. Первая цифра – ликвидаторы, вторая цифра (после тире) – пациенты РЛДЦМТ.

При сравнении с пациентами РЛДЦМТ у ликвидаторов выявлены достаточно близкие данные скрининга метаболического синдрома.

Принято считать, что существенный вклад в развитие метаболического синдрома X вносят нарушения липидного обмена [16, 17]. В связи с этим были изучены особенности транспорта липидов в процессе отбора ликвидаторов и пациентов РЛДЦМТ по алгоритму. Установлено, что независимо от параметра ИМТ (25,0–29,9 или >30) у ликвидаторов на всех 5 ступенях отбора обнаружено достоверное снижение концентрации ХС ЛПВП (гипоальфахолестеролемиа), повышение содержания триглицеридов и величин индекса атерогенности. По мере отбора ликвидаторов (1 просеивающий критерий → 5 просеивающий критерий) обнаружено закономерное повышение концентрации триглицеридов. Уровень холестерина ЛПВП при отборе ликвидаторов от второго до пятого просеивающих критериев оставался сниженным в одинаковой степени. Существенные различия касались характера изменений общего холестерина в зависимости

от массы тела ликвидаторов: 1) у ликвидаторов с избыточной массой тела (ИМТ 25,0–29,9) обнаружено увеличение концентрации холестерина на каждой ступени отбора; 2) у ликвидаторов с ожирением (ИМТ>30) уровень холестерина был повышен только на первой ступени отбора; на последующих ступенях – уровень общего холестерина соответствовал контрольному уровню (таблица 3).

При отборе пациентов РЛДЦМТ установлено, что уровни холестерина ЛПВП и триглицеридов изменяются также, как при отборе ликвидаторов. Но исходные данные у пациентов РЛДЦМТ отличаются от таковых у ликвидаторов: более высокое содержание общего холестерина и холестерина ЛПВП (таблица 4). Величины индекса атерогенности у ликвидаторов оказались более высокими, по сравнению с пациентами РЛДЦМТ. В целом, характеристики транспорта липидов на ступенях выделения критериев метаболического синдрома Х изменяются однотипно как у ликвидаторов, так и у пациентов РЛДЦМТ: более грубые изменения при ИМТ 25,0–29,9 по сравнению с ИМТ >30. Величины индекса атерогенности у ликвидаторов оказались более высокими, по сравнению с пациентами РЛДЦМТ.

Таблица 3

Транспорт липидов (ммоль/л) при развитии метаболического синдрома Х у ликвидаторов

Показатель	ОХС	ХСЛПВП	ТГ	ХСЛПНП	ИА
ИМТ, 25,0–29,9	5,95±0,083 ¹	0,95±0,019 ¹	1,69±0,048 ¹	4,25±0,075 ¹	6,06±0,139 ¹
ХС ЛПВП, <0,9 ммоль/л	5,60±0,097 ¹	0,66±0,010 ¹	1,78±0,070 ¹	4,12±0,091 ¹	7,65±0,178 ¹
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	5,76±0,186 ¹	0,68±0,017 ¹	1,98±0,176 ¹	4,18±0,179 ¹	7,56±0,315 ¹
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	6,40±0,365 ¹	0,67±0,030 ¹	3,14±0,412 ¹	4,31±0,372 ¹	8,12±0,576 ¹
Артериальная гипертензия	7,12±0,912 ¹	0,71±0,049 ¹	2,77±0,528 ¹	5,14±0,953 ¹	8,95±1,851 ¹
ИМТ, >30	5,87±0,011 ¹	0,89±0,027 ¹	2,14±0,095 ¹	4,00±0,110 ¹	6,41±0,200 ¹
ХС ЛПВП, <0,9 ммоль/л	5,33±0,120	0,63±0,013 ¹	2,23±0,137 ¹	3,66±0,116 ¹	7,67±0,244 ¹
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	5,28±0,174	0,62±0,020 ¹	2,38±0,180 ¹	3,51±0,164	7,42±0,360 ¹
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	5,13±0,210	0,61±0,026 ¹	2,83±0,226 ¹	3,21±0,200	7,30±0,520 ¹
Артериальная гипертензия	4,74±0,370	0,62±0,042 ¹	2,89±0,360 ¹	2,84±0,290	6,38±0,750 ¹
Контроль	5,12±0,093	1,28±0,034	1,42±0,073	3,18±0,087	3,00±0,134

Примечание: ¹ – P<0,05.

Таблица 4

**Транспорт липидов (ммоль/л) при развитии метаболического синдрома X
у пациентов РЛДЦМТ**

Показатель	ОХС	ХСЛПВП	ТГ	ХСЛПНП	ИА
ИМТ, 25,0–29,9	6,40±0,035 ¹	1,20±0,010	2,50±0,068 ¹	4,00±0,035 ¹	4,53±0,066 ¹
ХС ЛПВП, <0,9 ммоль/л	6,00±0,090 ¹	0,80±0,062 ¹	4,00±0,300 ¹	3,40±0,091 ¹	6,50±0,250 ¹
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	6,40±0,195 ¹	0,80±0,010 ¹	5,30±0,750 ¹	3,10±0,200	7,00±0,600 ¹
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	6,60±0,220 ¹	0,70±0,010 ¹	5,00±2,86 ¹	3,50±0,200	8,40±0,720 ¹
Артериальная гипертензия	7,00±0,569 ¹	0,70±0,569 ¹	5,70±0,684 ¹	3,70±0,475	8,90±1,032 ¹
ИМТ, >30	6,33±0,043 ¹	1,07±0,009 ¹	2,97±0,076 ¹	3,90±0,042 ¹	5,28±0,067 ¹
ХС ЛПВП, <0,9 ммоль/л	5,97±0,087 ¹	0,78±0,006 ¹	3,84±0,221 ¹	3,44±0,083 ¹	6,79±0,159 ¹
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	6,08±0,143 ¹	0,78±0,009 ¹	4,37±0,417 ¹	3,31±0,139	7,03±0,278 ¹
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	6,22±0,147 ¹	0,78±0,010 ¹	4,87±0,473 ¹	3,23±0,146	7,30±0,307 ¹
Артериальная гипертензия	6,21±0,14 ¹	0,79±0,01 ¹	4,11±0,34 ¹	3,59±0,14 ¹	7,04±0,31 ¹
Контроль	5,12±0,093	1,28±0,034	1,42±0,073	3,18±0,087	3,00±0,134

Это позволяет сделать заключение, что частота выявления и механизмы развития метаболического синдрома X у ликвидаторов и пациентов РЛДЦМТ однотипные. Начало развития метаболического синдрома у ликвидаторов сопряжено с гипоальфахолестеремией, а у пациентов РЛДЦМТ – с гиперхолестеремией.

Итак, общая заболеваемость ликвидаторов уменьшалась в интервале 1993–1998 годы и увеличивалась в интервале 1999–2003 годы. При анализе заболеваемости ликвидаторов за десять лет найдены тенденции к увеличению болезней системы кровообращения, нервной системы и психических расстройств, болезней костно-мышечной системы и соединительной ткани, количества новообразований; к уменьшению количества заболеваний органов дыхания, болезней кожи и подкожной клетчатки. Выявлялась тенденция к перманентному росту заболеваемости ишемической болезнью сердца и состояний организма, отнесенными к факторам риска ишемической болезни сердца: ожирение, сахарный диабет, артериальная гипертензия, заболевания печени и щитовидной железы. У 55,7% ликвидаторов выявлены повышенные величины индекса массы тела, что может быть сопряжено с нарушениями обмена липидов и развитием патологии, связанной с такими изменениями метаболизма. Количество диагнозов, приходящихся

на одного ликвидатора, имеет тенденцию к повышению по мере увеличения показателя ИМТ. Повышение заболеваемости, связанное с увеличением массы тела у ликвидаторов сопряжено с заболеваниями эндокринной системы, расстройствами питания, нарушениями обмена веществ и иммунитета, а также болезнями системы кровообращения. Ликвидаторы с тремя признаками метаболического синдрома X могут войти в группу риска, которая составит 11% от числа всех обследованных ликвидаторов или 20% от числа ликвидаторов с повышенной массой тела. По частоте выявления и механизмам развития группы лиц, подвергавшихся и не подвергавшихся радиационному воздействию, существенно не различаются.

Развитие метаболического синдрома у женщин

В таблицах 5 и 6 представлены данные о скрининге метаболического синдрома среди женщин – пациентов РЛДЦМТ с помощью двух алгоритмов. Количество женщин с полным набором пяти просеивающих признаков составило 50 в первом и 58 человек во втором алгоритме. Однако, группы риска по трем просеивающим признакам отличались и составляли в первом алгоритме 17,08% от обследованных женщин, а во втором – 12,76%.

Таблица 5

Развитие синдрома X у женщин (3297 человек, алгоритм Европейских рекомендаций)

Показатель	Количество пациентов	Относительное количество от всех пациентов, %	Относительное количество от лиц с повышенной массой тела, %
ИМТ 25–29,9	1288	39,07	–
Триглицериды $\geq 1,7$ ммоль/л	618	18,74	47,98
ХС ЛПВП $< 1,0$ ммоль/л	293	8,89	22,75
Артериальная гипертензия	57	1,73	4,43
Глюкоза $> 6,1$ ммоль/л	14	0,42	1,09
ИМТ > 30	1343	40,73	–
Триглицериды $\geq 1,7$ ммоль/л	813	24,66	60,54
ХС ЛПВП $< 1,0$ ммоль/л	270	8,19	20,10
Артериальная гипертензия	142	4,31	10,57
Глюкоза $> 6,1$ ммоль/л	36	1,09	2,68

Таблица 6

Развитие синдрома X у женщин (3297 человек, оригинальный алгоритм)

Показатель	Количество пациентов	Относительное количество от всех пациентов, %	Относительное количество от лиц с повышенной массой тела, %
ИМТ 25–29,9	1288	39,07	—
ХС ЛПВП ммоль/л ≤ 1,2 ммоль/л	502	15,22	38,97
Глюкоза > 5,5 ммоль/л	143	4,33	11,10
Триглицериды >1,8 ммоль/л	91	2,76	7,07
Артериальная гипертензия	20	0,61	1,55
ИМТ > 30	1343	40,73	—
ХС ЛПВП ммоль/л ≤ 1,2 ммоль/л	813	24,96	61,28
Глюкоза > 5,5 ммоль/л	278	8,43	20,70
Триглицериды >1,8 ммоль/л	148	4,491	11,02
Артериальная гипертензия	38	1,15	2,83

При анализе данных, приведенных в таблицах 2 и 6 показано, что количество женщин на различных этапах скрининга метаболического синдрома X, занимает промежуточное положение между аналогичными данными для мужчин РЛДЦМТ и ликвидаторов.

Изученные характеристики транспорта липидов у женщин с пятью признаками метаболического синдрома X практически полностью совпадают при использовании обоих алгоритмов скрининга (таблица 7).

Таблица 7

Группа	ОХС	ХС ЛПВП	Триглицериды	ХС ЛПНП	ИА
Алгоритм Европейских рекомендаций					
ИМТ 25,0–29,9 (14)	6,29±0,334 ¹	0,85±0,027 ¹	3,56±0,355 ¹	3,81±0,318 ¹	6,59±0,545 ¹
ИМТ >30 (36)	6,65±0,222 ¹	0,88±0,017 ¹	4,12±0,373 ¹	3,88±0,162 ¹	6,67±0,285 ¹

Продолжение таблицы

Оригинальный алгоритм					
ИМТ 25,0–29,9 (7)	6,56±0,605 ¹	0,75±0,030 ¹	4,98±0,219 ¹	3,54±0,619	7,80±0,809 ¹
ИМТ >30 (21)	6,43±0,238 ¹	0,79±0,013 ¹	4,05±0,031 ¹	3,77±0,233 ¹	7,20±0,358 ¹
Контроль (168)	4,50±0,038	1,34±0,010	0,86±0,021	2,76±0,036	2,38±0,036

Показатели транспорта липидов в сыворотке крови женщин на этапах скрининга метаболического синдрома X представлены в таблице 8. Установлено, что у обследованных женщин на всех этапах скрининга МСХ выявляются гиперхолестеринемия, гипоальфахолестеринемия и гипертриглицеридемия. Данные изменения привели к повышению величин индекса атерогенности. В принципе, описанные изменения таковы же, как и у мужчин, не подвергавшихся в прошлом радиационному воздействию.

Таблица 8

Характеристика транспорта липидов (ммоль/л) у женщин с выявленным метаболическим синдромом

Показатель	ОХС	ХС ЛПВП	ХС ЛПНП	ТГ	ИА
ИМТ 25,0–29,9	6,29±0,334 ¹	0,85±0,027 ¹	3,81±0,318 ¹	3,56±0,355 ¹	4,49±0,545 ¹
ХС ЛПВП ≤ 1,2 ммоль/л	5,96±0,254 ¹	0,81±0,124 ¹	3,62±0,008 ¹	1,98±0,005 ¹	4,46±0,132 ¹
Глюкоза > 5,5 ммоль/л	6,12±0,265 ¹	0,79±0,056 ¹	4,16±0,050 ¹	2,36±0,302 ¹	5,26±0,073 ¹
Триглицериды > 1,8 ммоль/л	6,38±0,325 ¹	0,80±0,033 ¹	4,23±0,034 ¹	2,73±0,127 ¹	5,28±0,038 ¹
Артериальная гипертензия	6,23±0,086 ¹	0,78±0,036 ¹	4,12±0,021 ¹	2,71±0,205 ¹	5,27±0,036 ¹
ИМТ > 30	6,65±0,222 ¹	0,88±0,017 ¹	3,88±0,162 ¹	4,12±0,373 ¹	4,67±0,285 ¹
ХС ЛПВП ≤ 1,2 ммоль/л	6,54±0,125 ¹	0,80±0,013 ¹	3,71±0,112 ¹	2,68±0,121 ¹	4,60±0,167 ¹
Глюкоза > 5,5 ммоль/л	6,39±0,308 ¹	0,78±0,032 ¹	4,24±0,043 ¹	2,93±0,314 ¹	5,35±0,251 ¹
Триглицериды > 1,8 ммоль/л	6,71±0,441 ¹	0,76±0,041 ¹	4,27±0,028 ¹	3,86±0,284 ¹	5,61±0,372 ¹
Артериальная гипертензия	6,81±0,441 ¹	0,76±0,044 ¹	4,37±0,028 ¹	3,87±0,283 ¹	5,62±0,332 ¹
Контроль	4,50±0,038	1,34±0,010	2,76±0,036	0,86±0,021	2,38±0,033

Полученные данные могут свидетельствовать в пользу того положения, что хотя имеются половые различия в механизмах развития метаболического синдрома, состояние транспорта липидов характеризуется одинаково как у мужчин, так и у женщин на этапе верификации этого состояния.

Развитие метаболического синдрома у железнодорожников

Работа на железнодорожном транспорте сопряжена с нервно-психическими нагрузками, что делает актуальным изучение вероятности развития метаболического синдрома у работников этой отрасли народного хозяйства. Особенно это важно потому, что метаболический синдром X является основной причиной случаев внезапной смерти в состоянии видимого здоровья. Данные о скрининге представлены в таблице 9.

Таблица 9

Признаки развития метаболического синдрома X у обследованных лиц

Показатель	Количество пациентов	Относительное количество от всех пациентов, %	Относительное количество от лиц с повышенной массой тела, %
ИМТ, 25,0–29,9	315–191	44,6–38,1	—
ХС ЛПВП, <0,9 ммоль/л (м) или ≤1,2 ммоль/л (ж)	46–72	6,52–14,4	14,6–37,7
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	18–19	2,55–3,79	5,71–9,95
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	11–13	1,56–2,59	3,49–6,81
Артериальная гипертензия	4–8	0,57–1,60	1,27–4,19
ИМТ, >30	208–193	29,5–38,5	—
ХС ЛПВП, <0,9 ммоль/л (м) или ≤1,2 ммоль/л (ж)	60–111	8,5–22,1	28,85–57,5
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	25–43	3,54–8,58	12,02–22,28
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	19–31	2,69–6,19	9,13–16,06
Артериальная гипертензия	12–12	1,70–2,40	5,77–6,22

Примечание: Первая цифра – мужчины (всего 706 человек), вторая цифра (последняя) – женщины (всего 501 человек).

Установлено, что на всех этапах скрининга у женщин, деятельность которых связана с железнодорожным транспортом, вероятность развития метаболического синдрома выше, чем у мужчин.

Анализ состояния транспорта липидов на этапах скрининга метаболического синдрома представлен в таблицах 10 и 11.

Таблица 10

Транспорт липидов (ммоль/л) при развитии метаболического синдрома Х у мужчин

Показатель	ОХС	ХСЛНВП	ХСЛПНП	ТГ	ИА
ИМТ, 25,0–29,9	5,61±0,066 ¹	1,22±0,018 ¹	3,52±0,058 ¹	2,02±0,069 ¹	3,65±0,078 ¹
ХС ЛНВП, <0,9 ммоль/л	4,86±0,142 ¹	0,79±0,013 ¹	2,79±0,125 ¹	2,78±0,236 ¹	5,15±0,186 ¹
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	4,68±0,248	0,77±0,017 ¹	2,63±0,174 ¹	2,79±0,359 ¹	5,08±0,338 ¹
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	5,19±0,241	0,77±0,017 ¹	2,72±0,161 ¹	3,70±0,360 ¹	5,74±0,297 ¹
Артериальная гипертензия	5,39±0,388	0,80±0,032 ¹	3,08±0,180	3,28±0,440 ¹	5,73±0,379 ¹
ИМТ, >30	6,10±0,049 ¹	1,04±0,019 ¹	3,94±0,085 ¹	2,44±0,088 ¹	4,86±0,144 ¹
ХС ЛНВП, <0,9 ммоль/л	5,63±0,161 ¹	0,75±0,014 ¹	3,59±0,138 ¹	2,81±0,184 ¹	6,51±0,316 ¹
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	5,84±0,238 ¹	0,74±0,022 ¹	3,61±0,198 ¹	3,25±0,333 ¹	6,89±0,612 ¹
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	6,09±0,293 ¹	0,74±0,027 ¹	3,61±0,250 ¹	3,80±0,349 ¹	7,23±0,778 ¹
Артериальная гипертензия	6,43±0,311 ¹	0,78±0,021 ¹	4,15±0,257 ¹	3,27±0,331 ¹	7,24±0,389 ¹
Контроль	5,09±0,084	1,32±0,034	3,09±0,072	1,47±0,085	2,86±0,182

Примечание: ¹ – P<0,05.

По сравнению с мужчинами, деятельность которых не связана с железной дорогой (таблица 4), у железнодорожников с избыточной массой тела (ИМТ 25,0–29,9) на этапах скрининга МСХ не отмечена гиперхолестеринемия.

У женщин, работающих на железной дороге, на этапах скрининга метаболического синдрома выявлена меньшая выраженность гипоальфахолестеринемии.

Итак, частота выявления и молекулярные механизмы развития метаболического синдрома Х у ликвидаторов, пациентов РЛДЦМТ и работников железнодорожного транспорта однотипные. Однако, начало развития метаболического синдрома Х у ликвидаторов сопряжено с гипоальфахолестеролемией и повреждением плазматических мембран клеток (вероятно, печени), а у пациентов РЛДЦМТ – с гиперхолестеролемией.

Как известно, повреждение печени может сопровождаться снижением объема синтеза холестерина, ЛПВП и интенсивности глюконеогенеза. В таком случае более низкие величины ОХС, ХС ЛПВП и глюкозы в крови ликвидаторов по сравнению с пациентами РЛЛДЦМТ не являются характеристиками положительных изменений в транспорте липидов и обмене веществ. Характеристики транспорта липидов у женщин занимают промежуточное положение между ликвидаторами и пациентами РЛЛДЦМТ.

Таблица 11

Транспорт липидов (ммоль/л) при развитии метаболического синдрома Х у женщин

Показатель	ОХС	ХСЛПВП	ХСЛПНП	ТГ	ИА
ИМТ, 25,0–29,9	5,82±0,078 ¹	1,36±0,025 ¹	1,64±0,059 ¹	3,71±0,071 ¹	3,28±0,105 ¹
ХС ЛПВП, ≤1,2 ммоль/л	5,68±0,422	1,04±0,134 ¹	3,75±0,016 ¹	1,95±0,122 ¹	4,46±0,116 ¹
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	5,99±0,295 ¹	0,99±0,030 ¹	3,96±0,261 ¹	2,27±0,202 ¹	5,05±0,369 ¹
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	6,34±0,326 ¹	1,00±0,033 ¹	4,09±0,319	2,71±0,186 ¹	5,34±0,440 ¹
Артериальная гипертензия	6,19±0,409 ¹	0,97±0,038 ¹	4,01±0,459	2,64±0,218 ¹	5,38±0,519 ¹
ИМТ, >30	6,02±0,097 ¹	1,23±0,027 ¹	3,84±0,088 ¹	2,07±0,077 ¹	3,89±0,126 ¹
ХС ЛПВП, ≤1,2 ммоль/л	5,93±0,123 ¹	1,07±0,013 ¹	3,79±0,111 ¹	2,34±0,115 ¹	4,54±0,168 ¹
Глюкоза, >5,5 ммоль/л	5,77±0,175 ¹	0,96±0,022 ¹	3,51±0,156 ¹	2,84±0,215 ¹	5,01±0,246 ¹
Триглицериды, >1,8 ммоль/л	5,96±0,218 ¹	0,93±0,027 ¹	3,47±0,196	3,41±0,224 ¹	5,41±0,293 ¹
Артериальная гипертензия	6,10±0,443 ¹	0,92±0,035 ¹	3,40±0,386	3,88±0,385 ¹	5,63±0,479 ¹
Контроль	5,17±0,118	1,47±0,046	3,13±0,116	1,24±0,085	2,52±0,126

Л и т е р а т у р а

1. *Reaven G.M.* Banting Lecture 1988: Role of insulin resistance in human disease // Diabetes, 1988. – Vol. 37. – P. 1595–1607.
2. *Kaplan N.M.* The deadly quartet: upper body obesity, glucose intolerance, hypertriglyceridemia, and hypertension // Arch. Intern. Med., 1989. – Vol. 149. – P. 1514–1520.
3. *Зимин Ю.В.* Метаболические расстройства в рамках метаболического синдрома Х (синдрома инсулинорезистентности): необходимость строгого применения критериев диагностики синдрома // Кардиология, 1999, № 8. – С. 37–41.

4. **DeFronzo R.A.** Insulin resistance, hyperinsulinemia, and coronary artery disease: A complex metabolic web // *J. Cardiovasc. Pharmacol.*, 1992, Vol. 20. – S1–S16.
5. **Перова Н.В., Метельская В.А., Оганов Р.Г.** Метаболический синдром: патогенетические взаимосвязи и направления коррекции // *Кардиология*, 2001, № 3. – С. 4–9.
6. **Чазова И.Е., Мычка В.Б.** Метаболический синдром. – М.: Медиа Медика, 2004. – 168 с.
7. **Перова Н.В., Метельская В.А., Оганов Р.Г.** Патогенетические основы метаболического синдрома как состояния высокого риска атеросклеротических заболеваний // *Международный медицинский журнал*, – 2001. Т. 7, № 3. – С. 6–10.
8. **Оганов Р.Г., Александров А.А.** Гиперинсулинемия и артериальная гипертензия: возвращаясь к выводам United Kingdom Prospective Diabetes Study // *Русский медицинский журнал*, 2002. Т. 10, № 11. – С. 486–491.
9. **Чиркин А.А., Степанова Н.А., Борисевич И.С., Орехова Д.С.** Биохимические особенности развития метаболического синдрома X у населения северо-восточного региона Беларуси // *Проблемы профилактики и лечения артериальной гипертензии на этапе оказания первичной медико-санитарной помощи / Матер. III Междунар. научно-практич. конф., Витебск, 2005.* – С. 64–68.
10. **Bandosz P., Zdrojewski T., Wyrzykowski B., Krupa-Wojciechowska B.** Increased blood pressure has the strongest impact on prevalence of metabolic syndrome in Poland // *Проблемы профилактики и лечения артериальной гипертензии на этапе оказания первичной медико-санитарной помощи / Матер. III Междунар. научно-практич. конф., Витебск, 2005.* – С. 77–78.
11. **Адерихо К.Н.** Метаболический синдром X в отдаленный постчернобыльский период // *Проблемы профилактики и лечения артериальной гипертензии на этапе оказания первичной медико-санитарной помощи / Матер. III Междунар. научно-практич. конф., Витебск, 2005.* – С. 78–82.
12. **Chirkin A.A.** Gamma-radiation-induced dyslipoproteinemia and accelerated development of atherosclerosis // *Atherosclerosis*, 1994. – Vol. 109, № 1. – P 134–135.
13. **Чиркин А.А.** Концепция ускоренного развития атеросклероза и радиационно-индуцированные дислипотеинемии // *Экологический статус загрязненных радионуклидами территорий.* – Мн., 1995. – С. 122.
14. **Чиркин А.А., Цыкунова И.В., Доценко Э.А., Цыбин А.К.** Атеросклероз и радиация. – Гомель: «Сож», 1999. – 128 с.
15. **Чиркин А.А., Данченко Е.О., Голубев С.А., Калинин А.Л.** Возможность развития метаболического синдрома X у ликвидаторов / В кн.: *Радиация и эндокринная система. Тез. докл. научно-практ. конф., Минск, 2001.* – С. 80.
16. **Чиркин А.А.** Атеросклероз и радиация // *Рецепт*, 2000, № 4(13). – С. 91–94.
17. **Чиркин А.А., Голубев С.А.** Пути оптимизации выявления и наблюдения больных с признаками метаболического синдрома // *Медицинские новости*, 2002, № 10. – С. 23–29.

УДК 616-07.001.53

Характеристика транспорта белков и липидов в сыворотке крови населения северо-восточного региона Республики Беларусь

**А.А. Чиркин, А.А. Чиркина, Сидо Адель Аюб, Е.О. Данченко,
Э.А. Доценко**

Формулирование понятия нормы остается актуальной проблемой. Очевидно, что биохимический портрет двадцатилетнего, никогда не болевшего, мужчины не может сопоставляться с биохимическим спектром показателей пятидесятилетнего работоспособного человека. С возрастом практически у каждого человека проявляются те или иные заболевания, но в момент длительной ремиссии он выполняет свои функции и является «практически здоровым человеком». На наш взгляд из обследования таких людей и должны формироваться возрастные нормы биохимических показателей. В данной статье приведены результаты обследования лиц, проживающих в Витебской области. Из анализа исключены беременные, лица с эндокринными, инфекционными и онкологическими заболеваниями, поскольку при этих состояниях возможны длительные изменения обмена веществ.

1. Показатели транспорта липидов

Наименее пораженной в Беларуси после катастрофы на ЧАЭС оказалась Витебская область [1]. Поэтому состояние здоровья жителей этого региона может быть своеобразным эталоном здоровья белорусов вообще. Сделана попытка проанализировать состояние транспорта липидов (ЛТС) у практически здоровых жителей Витебской области за период 1997–2003 годы. База данных, включающая сведения о 20052 пациентах.

На рисунке 1 приведены данные об изменениях содержания общего холестерина (ОХС) сыворотки крови в зависимости от возраста и пола.

Установлено, что изменения содержания холестерина у мужчин изменяются по близкой к гиперболе зависимости, а у женщин напоминают S-образную зависимость. Такие изменения формируют два возрастных интервала с достоверными отличиями в содержании ОХС в сыворотке крови мужчин и женщин: в интервале 20–50 лет уровень ОХС выше у мужчин, а старше 50 лет – у женщин. Таким образом, на фоне общего возрастного накопления холестерина в кровеносном русле, имеются половые различия, что, вероятно, и определяет возможность мужчин заболеть холестерино-зависимыми заболеваниями на 20 лет раньше, чем женщины.

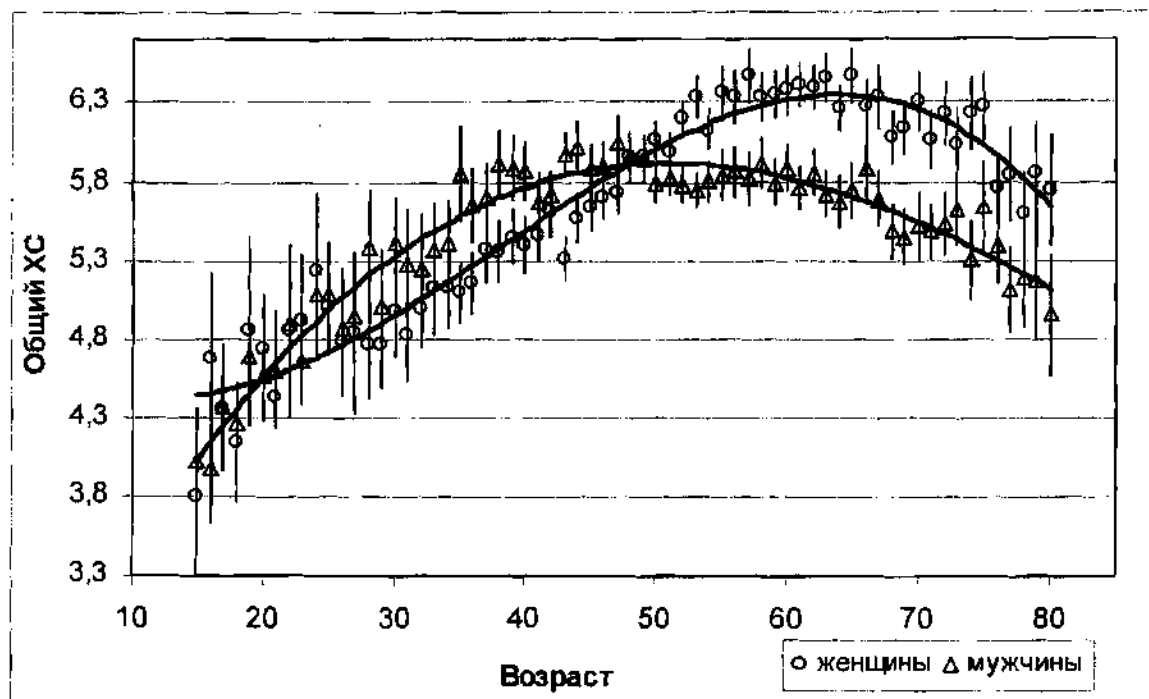

Рис.1. Зависимость изменений общего холестерина (ОХС) от возраста и пола.

Сведения о зависимости содержания ХС ЛПВП (липопротеинов высокой плотности) от возраста и пола представлены на рисунке 2.

Анализ данных, приведенных на рисунке 2, показал:

1) тренд ХС ЛПВП у женщин лежит выше тренда ХС ЛПВП у мужчин в среднем на 0,1 ммоль/л;

2) общая динамика трендов – снижение концентрации ХС ЛПВП с возрастом;

3) у женщин в оптимальном детородном возрасте (20–45 лет) концентрация ХС ЛПВП превышает исходные значения (девочки 15 лет); очевидно, что этот эффект связан с функционированием эстрогенов, одного из ведущих компонентов биохимического фона повышенной неспецифической резистентности организма женщин, способных рожать.

На рисунке 3 приведены данные о возрастных и половых различиях в концентрации триацилглицеролов (ТГ).

Из анализа этого рисунка следует, что возрастная динамика изменений содержания ТГ у мужчин и женщин напоминает таковые изменения концентрации ОХС. Однако имеются количественные отличия:

1) имеются 2 точки пересечения тренда триглицеридов мужчин и тренда триглицеридов женщин – 16 и 60 лет;

2) только в интервале от 55 до 60 лет содержание триацилглицеролов совпадает у мужчин и женщин;

3) до 55 лет концентрация триацилглицеролов выше у мужчин по сравнению с женщинами, а после 65 лет содержание триацилглицеролов у женщин выше, чем у мужчин.

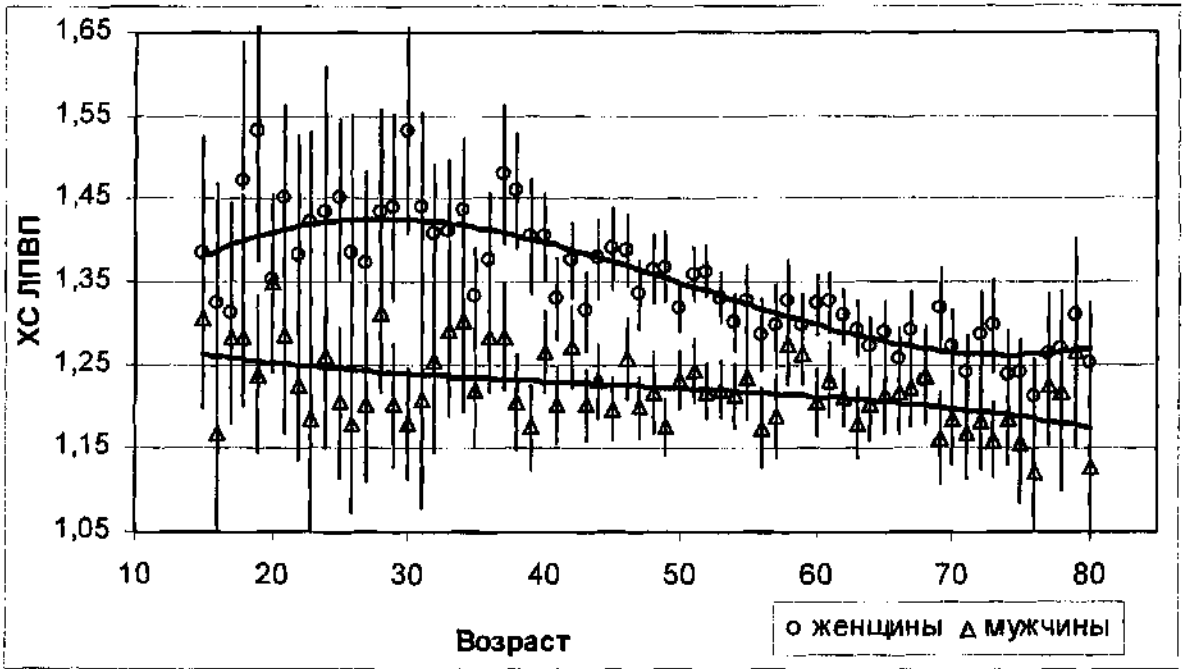

Рис. 2. Зависимость концентрации холестерина ЛПВП от возраста и пола.

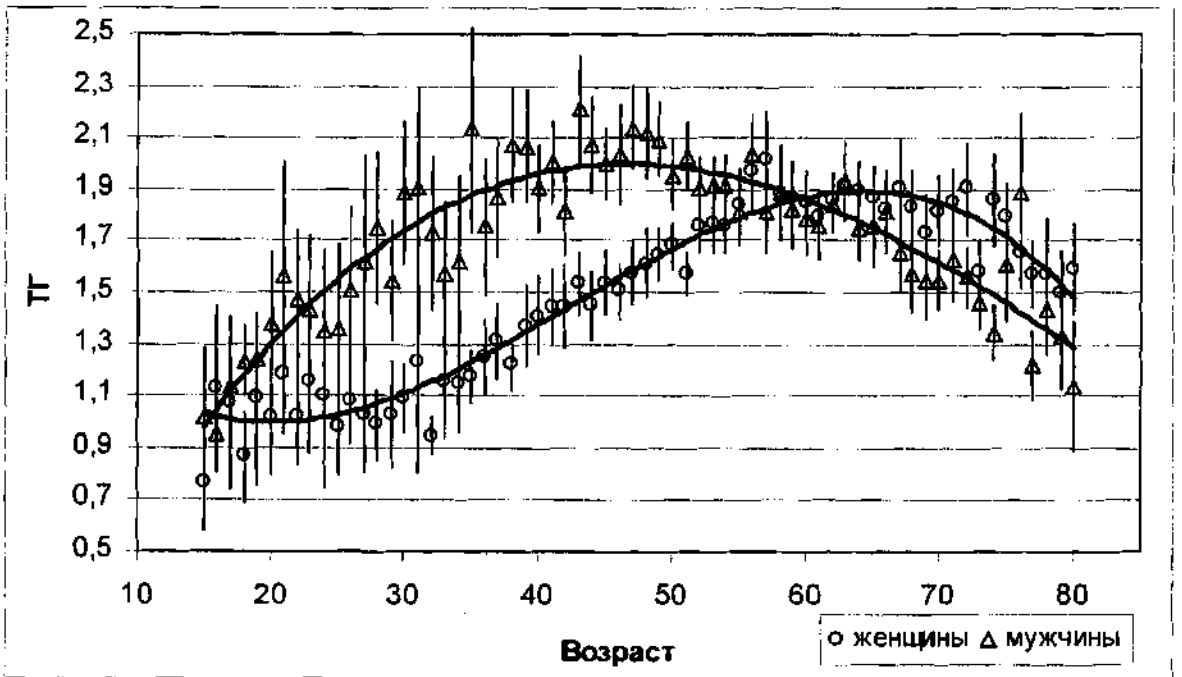

Рис. 3. Зависимость содержания триацилглицеролов (ТГ) от возраста и пола.

В связи с вышеизложенным существенный интерес представляет распределение числа лиц с нормальными показателями транспорта липидов среди людей, находящихся в состоянии практического здоровья или устойчивой ремиссии. Рассматривалось 9980 мужчин от 15 до 90 лет, из них – 2089 (21%) с нормальными показателями ЛТС и 10280 женщин от 15 до 90 лет, из них – 1678 (16%) с нормальными показателями ЛТС (рисунок 4).

Рис. 4. Распределение лиц с нормальными определяемыми параметрами ЛТС в зависимости от возраста и пола.

Установлено, что зависимость количества лиц с нормальными определяемыми параметрами ЛТС в зависимости от возраста и пола иллюстрируется вогнутой формой кривой. Анализ трендов показал:

- нормальные показатели транспорта липидов обнаруживаются только у 65% девочек и 53% юношей в возрасте 15 лет;
- точкой пересечения трендов мужчин и женщин (независимое от пола одинаковое количество людей с нормальными параметрами ЛТС) является возраст 53 года;
- в интервале 15–53 года лиц женского пола с нормальными параметрами ЛТС больше, чем мужского (детородный возраст женщин сопряжен с продукцией эстрогенов);
- среди лиц старше 53 лет с нормальными параметрами ЛТС преобладают мужчины, причем их количество с возрастом нарастает (аналогичный эффект среди женщин выражен слабее).

Следовательно, состояние практического здоровья сопряжено с наличием нормальных показателей ЛТС. Наиболее опасный период по проявлению заболеваний сердечно-сосудистой системы атерогенной природы падает на 40–60 лет, когда среди об-

следованных лиц наименьшее количество мужчин и женщин с нормальными параметрами ЛТС.

В таблицах 1 и 2 приведен вариант нормальных значений параметров липид-транспортной системы, сформированный на основе анализа базы данных лиц в состоянии практического здоровья или длительной ремиссии. В таблице приведены значения медиан для пятилетних интервалов, а в скобках указан персентильный интервал 5–95. В таком интервале распределяется 90% всех возможных значений показателя в данном пятилетнем интервале.

Таблица 1

Концентрации общего холестерина, триацилглицеролов и холестерина основных классов липопротеинов в плазме у мужчин в зависимости от возраста (всего 9897 обследованных лиц)

Возраст (годы)	n	ОХС (ммоль/л)	ХС ЛПВП (ммоль/л)	ТГ (ммоль/л)	ХС ЛПОНП (ммоль/л)	ХС ЛПНП (ммоль/л)
15–19	142	4,20 (3,17–6,02)	1,23 (0,88–1,68)	1,01 (0,63–2,52)	0,46 (0,29–1,16)	2,38 (1,57–3,81)
20–24	194	4,57 (3,42–6,44)	1,22 (0,77–1,96)	1,17 (0,57–3,51)	0,53 (0,26–1,61)	2,71 (1,59–4,49)
25–29	211	5,04 (3,39–6,86)	1,19 (0,76–1,81)	1,27 (0,58–3,49)	0,58 (0,26–1,60)	3,06 (1,66–4,74)
30–34	288	5,20 (3,57–7,33)	1,19 (0,80–2,02)	1,37 (0,61–4,13)	0,63 (0,28–1,89)	3,17 (1,72–5,28)
35–39	592	5,71 (3,99–7,95)	1,15 (0,80–1,86)	1,59 (0,67–4,87)	0,73 (0,31–2,23)	3,54 (1,98–5,64)
40–44	1153	5,74 (4,14–8,06)	1,17 (0,77–1,92)	1,64 (0,69–4,62)	0,75 (0,32–2,12)	3,57 (2,10–5,83)
45–49	1383	5,84 (4,11–8,25)	1,14 (0,78–1,84)	1,70 (0,76–4,71)	0,78 (0,35–2,16)	3,66 (2,11–5,79)
50–54	1863	5,74 (4,09–7,78)	1,17 (0,76–1,92)	1,60 (0,77–4,31)	0,73 (0,35–1,98)	3,60 (2,08–5,40)
55–59	1061	5,77 (4,07–7,80)	1,17 (0,80–1,90)	1,56 (0,74–3,98)	0,72 (0,34–1,82)	3,68 (2,21–5,63)
60–64	1304	5,72 (3,91–7,84)	1,15 (0,79–1,81)	1,52 (0,70–3,90)	0,70 (0,32–1,79)	3,67 (2,10–5,59)
65–69	776	5,62 (3,92–7,63)	1,15 (0,80–1,83)	1,46 (0,71–3,48)	0,67 (0,32–1,59)	3,62 (2,14–5,40)
70 и старше	930	5,35 (3,60–7,48)	1,12 (0,76–1,74)	1,33 (0,71–2,93)	0,61 (0,33–1,34)	3,48 (2,04–5,33)

Данные приведены в виде: медиана (5 – 95 персентиль).

Таблица 2

**Концентрации общего холестерина, триацилглицеролов и холестерина основных классов липопротеинов в плазме у женщин в зависимости от возраста
(всего 10155 обследованных лиц)**

Возраст (годы)	n	ОХС (ммоль/л)	ХС ЛПВП (ммоль/л)	ТГ (ммоль/л)	ХС ЛПОНП (ммоль/л)	ХС ЛПНП (ммоль/л)
15–19	73	4,12 (3,32–6,06)	1,42 (0,99–1,79)	0,82 (0,55–2,02)	0,38 (0,25–0,92)	2,29 (1,57–3,96)
20–24	108	4,60 (3,66–6,89)	1,39 (0,97–1,94)	0,93 (0,49–2,36)	0,43 (0,22–1,08)	2,73 (1,83–4,92)
25–29	155	4,69 (3,61–6,62)	1,39 (0,93–2,06)	0,90 (0,49–2,01)	0,41 (0,22–0,92)	2,91 (1,76–4,39)
30–34	237	4,87 (3,72–6,95)	1,42 (0,90–2,02)	0,96 (0,50–2,22)	0,44 (0,23–1,02)	2,96 (1,86–4,69)
35–39	458	5,21 (3,96–6,97)	1,38 (0,89–2,04)	1,11 (0,57–2,50)	0,51 (0,26–1,15)	3,23 (2,00–4,87)
40–44	842	5,14 (3,85–7,55)	1,38 (0,96–1,94)	1,05 (0,61–3,07)	0,48 (0,28–1,41)	3,19 (2,06–4,81)
45–49	1205	5,68 (4,18–7,74)	1,34 (0,89–2,01)	1,35 (0,68–3,12)	0,62 (0,31–1,43)	3,62 (2,22–5,56)
50–54	1924	6,07 (4,24–8,31)	1,32 (0,88–1,89)	1,47 (0,71–3,44)	0,67 (0,33–1,58)	3,95 (2,28–5,88)
55–59	1058	6,28 (4,63–8,42)	1,27 (0,85–1,91)	1,62 (0,73–4,07)	0,74 (0,33–1,86)	4,08 (2,64–6,00)
60–64	1645	6,28 (4,36–8,73)	1,27 (0,86–1,92)	1,63 (0,79–3,66)	0,75 (0,36–1,68)	4,08 (2,45–6,35)
65–69	1033	6,21 (4,28–8,50)	1,23 (0,84–1,83)	1,58 (0,78–3,64)	0,72 (0,36–1,67)	4,07 (2,49–6,10)
>70	1417	5,98 (3,92–8,35)	1,23 (0,80–1,85)	1,55 (0,78–3,35)	0,71 (0,36–1,53)	3,91 (2,19–6,06)

Данные приведены в виде: медиана (5 – 95 перцентиль).

На рисунках 5–10 представлено сравнение данных нормальных значений ЛТС по пятилетним интервалам населения северо-восточного региона Беларуси (таблицы 1, 2) с аналогичными данными населения США (данные липидной клиники США – ЛК-США и Республиканского липидного лечебно-диагностического центра метаболической терапии (РЛЛДЦ) [2].

Установлено, что возрастная и половая динамика нормальных величин содержания общего холестерина и триацилглицеролов достаточно близка у пациентов ЛК-США и РЛЛДЦ-Беларуси. Различия между параллельными значениями показателя пациентов ЛК-США и РЛЛДЦ-Беларусь не превышают 0,5 ммоль/л для ОХС (это менее 10%) и 0,2 ммоль/л (это менее 10%). Причем максимальные различия касались ОХС для возраста 35–39 лет и ТГ для возраста 55–65 лет.

Самые серьезные различия были выявлены при сравнительном анализе концентраций холестерина ЛПВП. У мужчин до 55 лет, а у женщин до 39 лет динамика изменений уровней ХС ЛПВП жителей США и Беларуси одинакова.

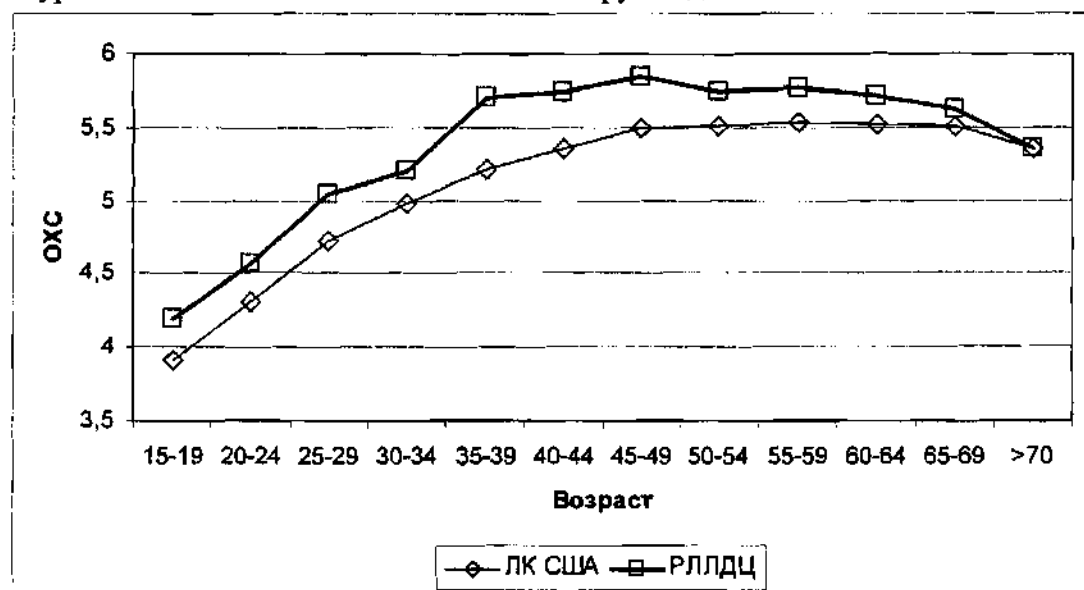

Рис. 5. Сравнительный анализ концентраций ОХС мужчин.

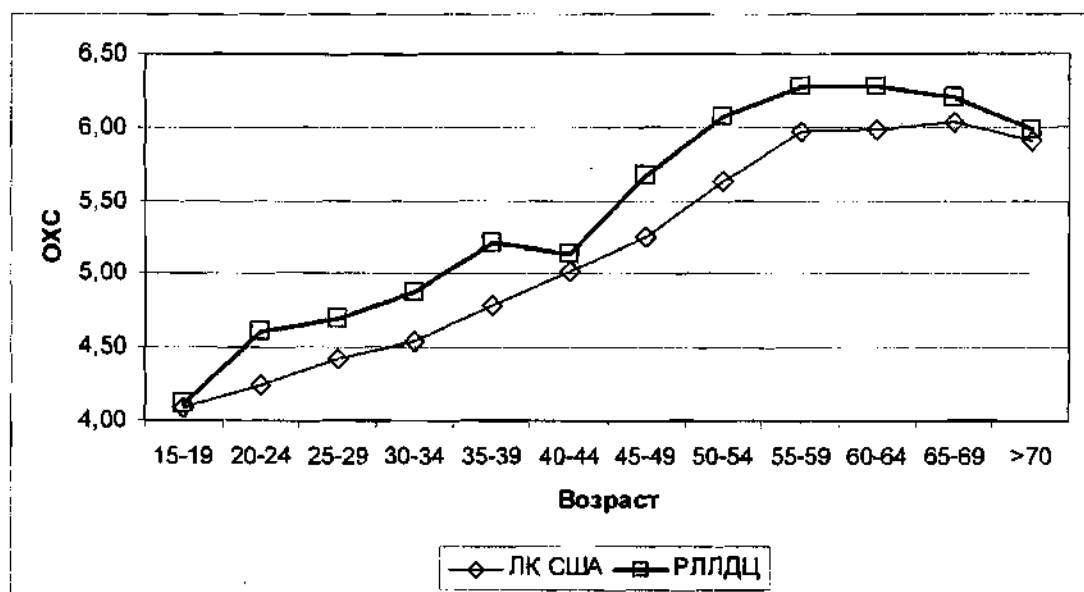

Рис. 6. Сравнительный анализ концентраций ОХС женщин.

В более старших возрастных группах отмечено монотонное снижение концентрации холестерина ЛПВП у мужчин и женщин Республики Беларусь. В то же время у практически здоровых пациентов липидной клиники США в эти периоды отмечается существенное увеличение концентрации холестерина ЛПВП.

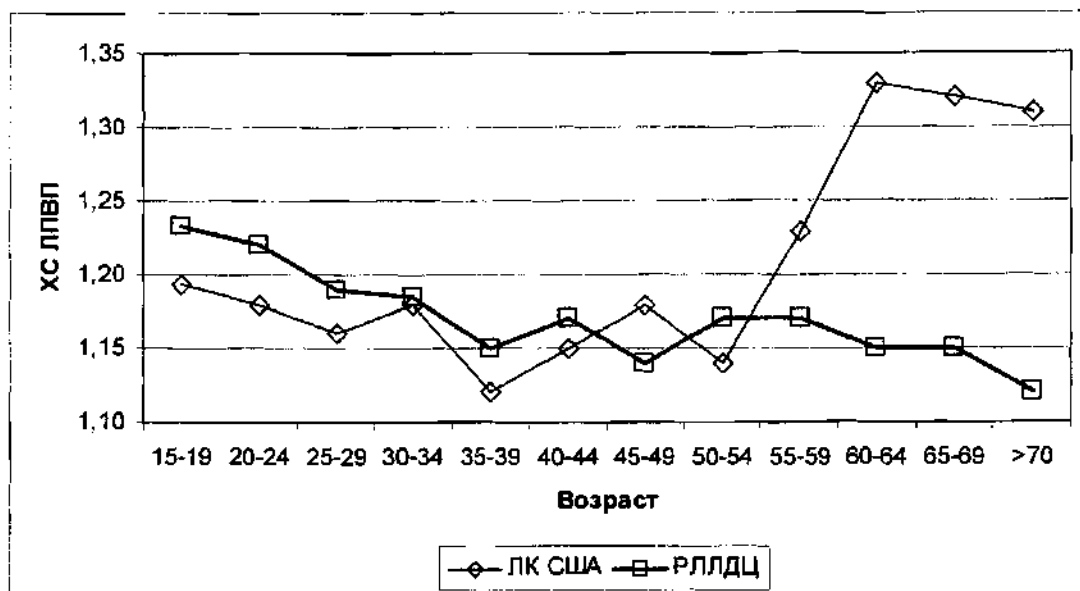

Рис. 7. Сравнительный анализ концентраций ХС ЛПВП мужчин.

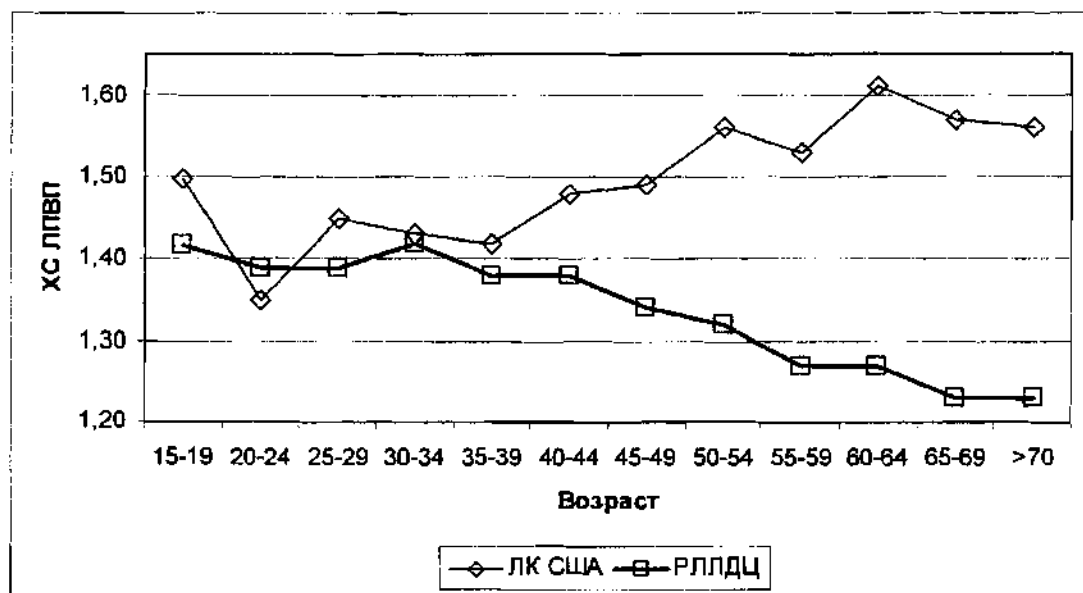

Рис. 8. Сравнительный анализ концентраций ХС ЛПВП женщин.

У женщин прирост ХС ЛПВП из ЛК-США отмечается от 40 лет, а у мужчин – с 55 лет. По всей видимости повышенное содержание ХС ЛПВП лежит в основе более высокой продолжительности жизни жителей США по сравнению с населением Республики Беларусь. Такое заключение обосновывает более энергичное введение комплекса мероприятий, направленных на предотвращение возрастного снижения уровня ХС ЛПВП у жителей северо-восточного региона Республики Беларусь.

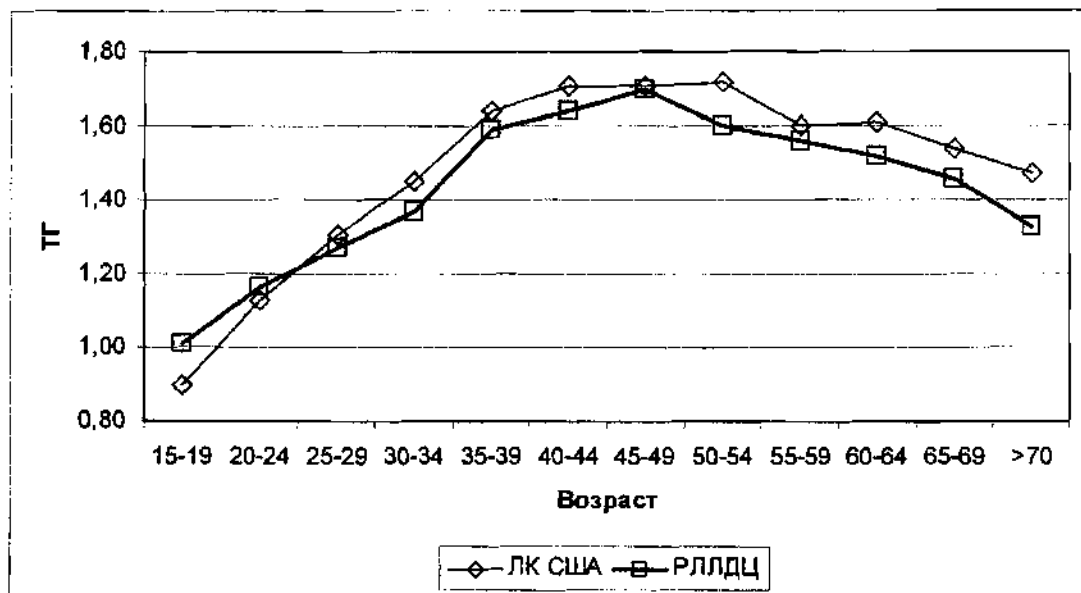

Рис. 9. Сравнительный анализ концентраций триацилглицеролов мужчин.

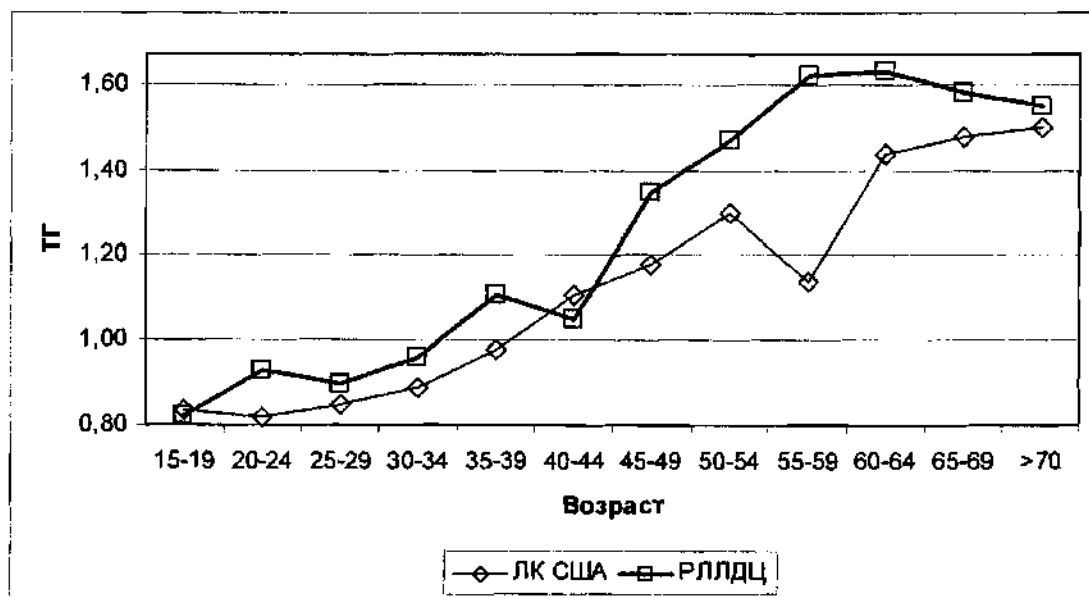

Рис. 10. Сравнительный анализ концентраций триацилглицеролов женщин.

На рисунке 11 представлены данные о содержании ОХС в зависимости от величины индекса массы тела (ИМТ).

Обращают на себя внимание следующие факты, вытекающие из анализа рисунка 11:

- при значениях ИМТ от 18 до 25 обнаружено увеличение концентрации ОХС, достоверно более выраженное у женщин;
- при дальнейшем нарастании индекса массы тела существенного увеличения концентрации ОХС нет;

– при гипотрофии и высокой степени ожирения отмечаются большие колебания содержания ОХС, что отражает, по-видимому, серьезные нарушения гомеостаза холестерина.

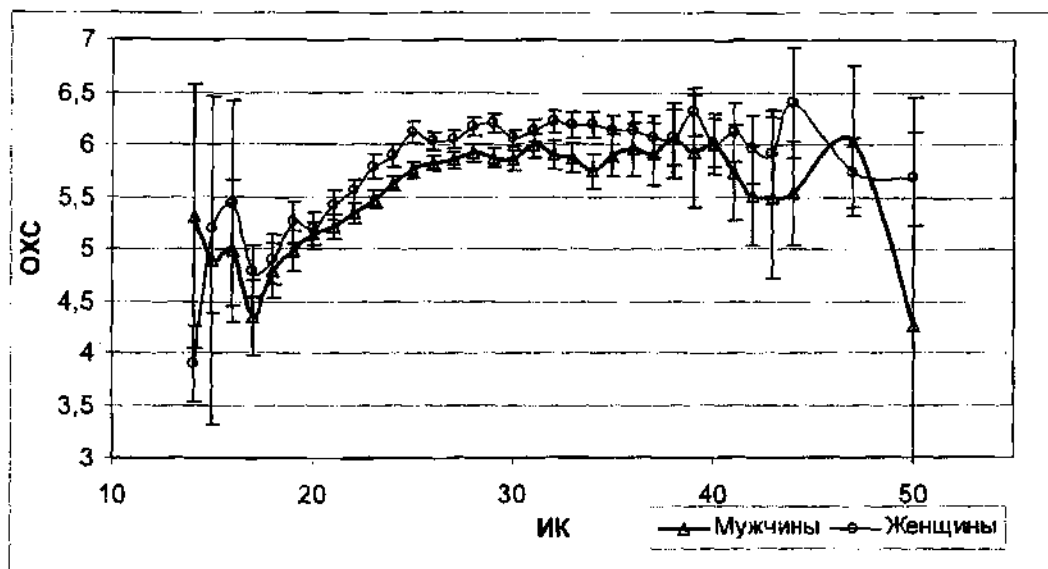

Рис. 11. Изменения концентрации ОХС в зависимости от индекса Кетле (ИК).

Содержание холестерина ЛПВП (рисунок 12) уменьшается по мере увеличения величин индекса массы тела. Величины ХС ЛПВП у мужчин достоверно ниже, чем у женщин. При гипотрофии и ожирении 3-й степени наблюдается нарушение соотношения ХС ЛПВП у мужчин и женщин. Эти категории пациентов по массе тела представляют группы особого риска развития заболеваний, имеющих в патогенезе нарушения транспорта липидов в кровеносном русле. Если в диапазоне индекса Кетле 19–37 можно предсказать возможное соотношение ОХС и ХС ЛПВП, то при гипотрофии и высокой степени ожирения такое предсказание проблематично.

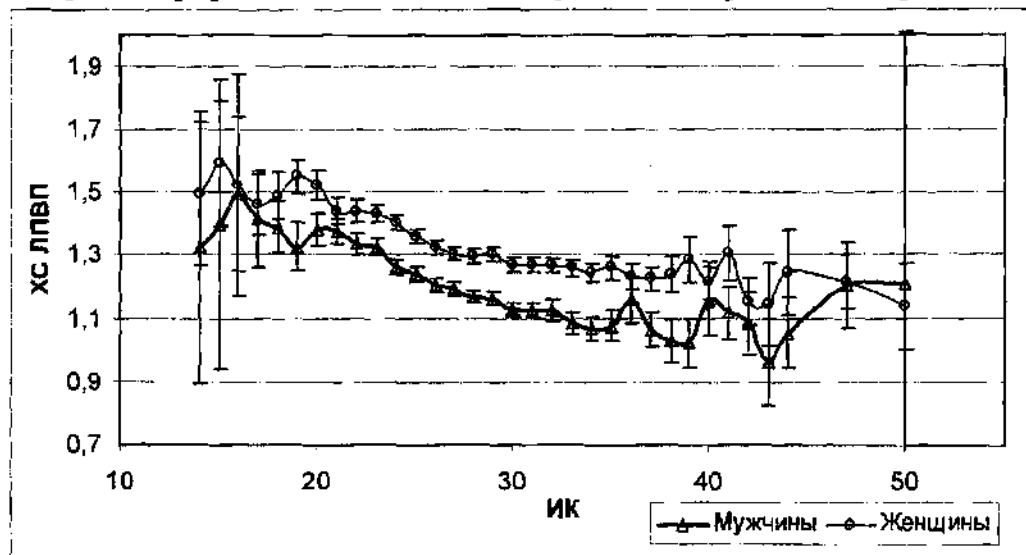

Рисунок 12. Изменения концентрации ХС ЛПВП в зависимости от индекса Кетле.

Содержание триацилглицеролов (рисунок 13) нарастает до величины ИК 37,0 и затем остается примерно на одном уровне. Прирост уровня ТГ достоверно выше, чем у женщин. Особенно высокие значения триацилглицеролов характерны для диапазона индекса массы тела 35–45. Поэтому пациенты-мужчины в этом диапазоне индекса Кетле образуют группу чрезвычайного риска по развитию панкреатита.

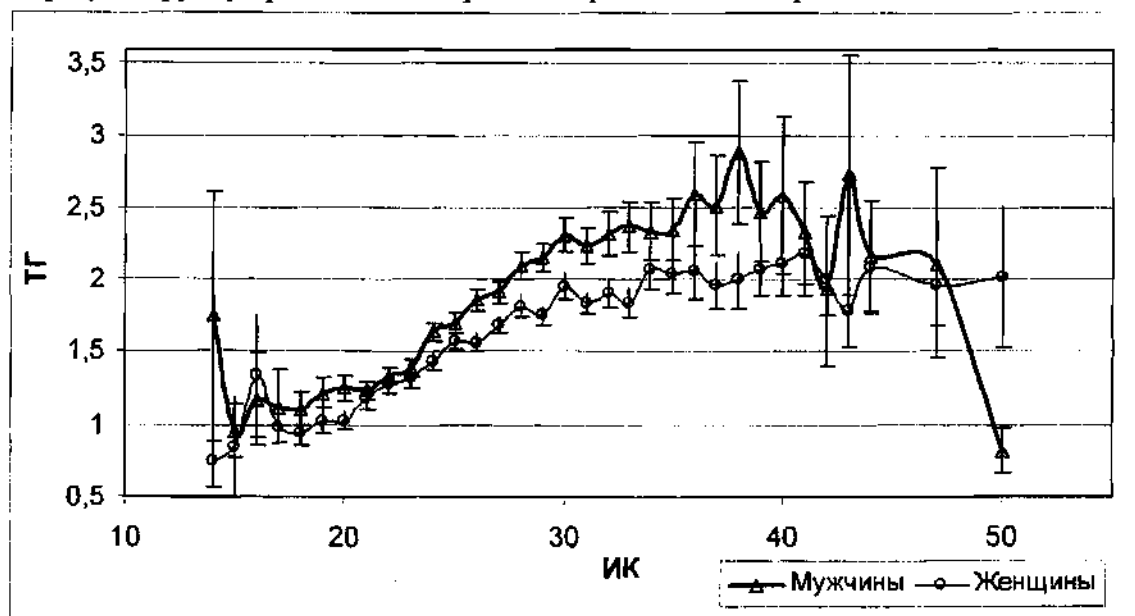

Рис. 13. Изменения концентрации ТГ в зависимости от индекса Кетле.

Произведен корреляционный анализ с использованием метода ранговой корреляции по Спирмену.

1. Объем выборки – 9897 мужчин объединены в 66 групп по возрасту от 15 до 80 лет.

Таблица 3

Парная корреляция определяемых показателей у мужчин

Сравниваемые показатели	r	P
ОХС – ХС ЛПВП	-0,297	$p < 0,05$
ОХС – ТГ	0,887	$p < 0,01$
ИК – ОХС	0,804	$p < 0,01$
ИК – ХС ЛПВП	-0,337	$p < 0,01$
ИК – ТГ	0,876	$p < 0,01$
ХС ЛПВП – ТГ	-0,347	$p < 0,01$

В таблице 3 представлены 2 группы корреляционных отношений:

1) в первой группе собраны корреляционные отношения между показателями, тесно взаимодействующими при развитии патологии (развитие ожирения, сопровождаемое ростом триацилглицеролов и общего холестерина); парные коэффициенты кор-

реляции этих показателей указывают достоверную высокую степень координированности изменений;

2) к второй группе относятся парные коэффициенты корреляции с единственным показателем антиатерогенной защиты – ХС ЛПВП; в этой группе выявлены вдвое менее тесные, хотя и достоверные, корреляционные взаимоотношения отрицательного характера.

Следовательно, с возрастом проатерогенные сдвиги в системе ОХС, ТГ и ИК являются более мощным фактором у мужчин, чем антиатерогенные изменения в системе ЛПВП, ОХС, ТГ и ИК. Несоответствие проатерогенных и антиатерогенных взаимодействий с возрастом у мужчин ведет к развитию атеросклероза. Более того, ряд исследователей считают атеросклероз нормальным проявлением старения.

2. Объем выборки – 10155 женщин объединены в 66 групп по возрасту от 15 до 80 лет.

Таблица 4

Парная корреляция определяемых показателей у женщин

Сравниваемые показатели	r	P
ОХС – ХС ЛПВП	-0,735	p<0,01
ОХС – ТГ	0,938	p<0,01
ИК – ОХС	0,778	p<0,01
ИК – ХС ЛПВП	-0,626	p<0,01
ИК – ТГ	0,767	p<0,01
ХС ЛПВП – ТГ	-0,816	p<0,01

У женщин аналогично выделяются две группы показателей (таблица 4). Для первой проатерогенной группы показателей также, как и у мужчин, характерны высокие уровни значений коэффициентов попарной корреляции. Но в отличие от мужчин, у женщин определены в два с лишним раза более высокие коэффициенты попарной корреляции для второй группы антиатерогенных показателей. Очевидно, что с этим связана более низкая заболеваемость женщин заболеваниями атеросклеротической природы.

2. Показатели транспорта белков

В сыворотке крови более 12 тысяч жителей Витебской области оценивали количественное содержание некоторых показателей белок-транспортной системы: содержание общего белка и альбуминов с помощью наборов НПО «Анализ Х». Кроме того, у ряда лиц производили электрофоретическое разделение белков с помощью оборудования и реагентов фирмы «Кормей ДиАна». Для оценки качества лабораторного исследования применяли коэффициент вариации $CV\% = \sigma : \text{средняя величина} \times 100$.

В таблице 5 представлены данные о содержании общего белка и альбуминов в сыворотке крови обследованных лиц.

Установлено, что сравниваемые группы лиц были достаточно близкими по возрасту и индексу массы тела. Содержание общего белка и альбуминов соответствует среднеевропейским нормам [3, 4]. При анализе больших массивов данных показано, что у женщин содержание общего белка и альбуминов достоверно ниже, чем у мужчин.

Таблица 5

Зависимость содержания общего белка и альбуминов сыворотки крови от пола (г/л)

Группа	Количество	Возраст	ИМТ	Белок	Альбумины
Общая	12302	51,5±0,08	27,9±0,15	74,8±0,05	43,9±0,03
±σ/CV		14,742	22,399	5,982/8,0	3,58/8,15
Мужчины	6003	50,3±0,11	27,3±0,29	75,1±0,08	44,3±0,05
±σ/CV		14,423	30,389	8,159/10,9	3,647/8,23
Женщины	6299	52,7±0,11	28,6±0,09	74,5±0,07	43,6±0,04
±σ/CV		14,968	9,716	5,797/7,78	3,482/7,99
P				<0,001	<0,001

Примечание: P – при сравнении мужчин и женщин.

Коэффициент вариации оказался выше, чем рекомендуется для данных показателей [3], что связано с достаточно большими индивидуальными показателями транспорта белков у обследованных групп пациентов (возраст обследованных от 20 до 80 лет).

У части обследованных лиц изучали содержание белков сыворотки крови методом электрофореза (таблица 6).

Таблица 6

Зависимость распределения белковых фракций (%) сыворотки крови от пола (2930 обследованных лиц, мужчин – 1350, женщин – 1580)

Группа	Альбумин	α1-глобул.	α2-глобул.	β-глобул.	γ-глобул.
Общая группа	54,3±0,08	4,10±0,01	9,64±0,056	14,3±0,04	17,8±0,06
±σ/CV	4,16/7,66	0,84/20,4	3,05/31,6	2,12/14,8	3,06/17,2
Мужчины	55,1±0,11	4,07±0,02	9,64±0,112	14,2±0,06	17,3±0,08
±σ/CV	4,09/7,42	0,83/20,4	4,12/42,7	2,23/15,7	3,58/20,7
Женщины	53,6±0,10	4,12±0,02	9,64±0,041	14,4±0,05	18,2±0,08
±σ/CV	4,11/7,66	0,84/20,4	1,64/17,0	2,01/13,9	3,12/17,1
P	<0,001	>0,1	>0,5	<0,05	<0,001

При сравнении данных белкового спектра сыворотки крови в общей группе с референтными величинами [4] видно, что у жителей Витебской области относительное содержание альбуминов тяготеет к нижней границе нормы, а всех остальных фракций – к верхней границе нормы. У женщин содержание альбуминов достоверно ниже, а содержание β- и γ-глобулинов выше, чем у мужчин. Анализ коэффициента вариации показал, что только данные по процентному содержанию альбуминов близки к рекомендуемым величинам CV%. Остальные регистрируемые методом электрофореза показатели характеризуются более высокими величинами коэффициента вариации. Проведенный анализ позволяет сделать заключение о том, что содержание общего белка и альбуминов сыворотки крови жителей северо-восточного региона Республики Беларусь соответствует среднеевропейским нормам. Однако,

при электрофоретическом изучении показано, что относительное содержание альбуминов находится в области нижней границы нормы. У женщин, проживающих в этом регионе, содержание общего белка и альбуминов в сыворотке крови достоверно ниже, чем у мужчин.

В таблицах 7 и 8 представлены данные о содержании общего белка и альбуминов в сыворотке крови обследованных лиц в зависимости от возраста.

Таблица 7

Зависимость содержания общего белка и альбуминов сыворотки крови мужчин от возраста (г/л)

Возраст	Количество	Общий белок	$\pm \sigma / CV\%$	Альбумины	$\pm \sigma / CV\%$
<20 лет	245	74,4 $\pm$ 0,34 ¹	5,32/7,15	45,1 $\pm$ 0,20	3,12/6,92
20–29 лет	247	76,3 $\pm$ 0,38 ¹	6,03/7,90	45,7 $\pm$ 0,23	3,64/7,96
30–39 лет	757	75,3 $\pm$ 0,23	6,20/8,23	45,3 $\pm$ 0,12	3,28/7,24
40–49 лет	1856	75,5 $\pm$ 0,14	5,89/7,80	44,7 $\pm$ 0,08 ¹	3,39/7,58
50–59 лет	1727	75,2 $\pm$ 0,15	6,14/8,16	44,1 $\pm$ 0,09 ¹	3,61/8,18
60–69 лет	960	74,3 $\pm$ 0,21 ¹	6,53/8,79	43,1 $\pm$ 0,12 ¹	3,86/8,95
>70 лет	211	73,6 $\pm$ 0,49 ¹	7,07/9,60	41,8 $\pm$ 0,29 ¹	4,14/9,90

Примечание: ¹ – достоверное различие ($P < 0,05$) при сравнении с возрастной группой 30–39 лет.

Установлено, что содержание общего белка уменьшается у мужчин в возрастных группах менее 20 лет и более 60 лет по сравнению с принятой за стандарт возрастной группой 30–39 лет. Содержание альбуминов в сыворотке крови мужчин уменьшается, начиная с 40 лет. Следует отметить повышенную вариабельность изученных показателей, хотя количество определений в каждой возрастной группе достаточно большое.

Таблица 8

Зависимость содержания общего белка и альбуминов сыворотки крови женщин от возраста (г/л)

Возраст	Количество	Общий белок	$\pm \sigma / CV\%$	Альбумины	$\pm \sigma / CV\%$
<20 лет	256	74,7 $\pm$ 0,33	5,24/7,01	45,0 $\pm$ 0,20 ¹	3,19/7,09
20–29 лет	235	74,7 $\pm$ 0,37	5,65/7,56	44,6 $\pm$ 0,21	3,33/7,47
30–39 лет	593	75,0 $\pm$ 0,25	6,02/8,03	44,2 $\pm$ 0,13	3,07/6,94
40–49 лет	1368	74,2 $\pm$ 0,15 ¹	5,67/7,64	43,7 $\pm$ 0,09 ¹	3,41/7,80
50–59 лет	2037	74,9 $\pm$ 0,13	5,78/7,72	43,7 $\pm$ 0,07 ¹	3,37/7,71
60–69 лет	1415	74,4 $\pm$ 0,15 ¹	5,70/7,66	43,1 $\pm$ 0,09 ¹	3,48/8,07
>70 лет	395	73,8 $\pm$ 0,33 ¹	6,57/8,90	41,8 $\pm$ 0,21 ¹	4,17/9,98

У женщин возрастная динамика содержания общего белка и альбуминов аналогична таковой у мужчин. Некоторые различия касаются лишь первых двух возрастных групп. Величины коэффициента вариабельности для изученных показателей сыворотки крови женщин также несколько превышают рекомендуемые границы. Содержание общего белка и альбуминов соответствует средневропейским нормам [3, 4]. У части об-

следованных лиц изучали содержание белков сыворотки крови методом электрофореза (таблицы 9 и 10).

Таблица 9

Зависимость распределения белковых фракций (%) сыворотки крови от возраста мужчин

Возраст, лет	Альбумины	$\alpha 1$ -глобул.	$\alpha 2$ -глобул.	β -глобул.	γ -глобул.
<20 (36)	56,2 $\pm$ 0,71	4,22 $\pm$ 0,15	9,85 $\pm$ 0,26	12,1 $\pm$ 0,35 ¹	17,7 $\pm$ 0,75
20-29 (51)	57,4 $\pm$ 0,52	3,93 $\pm$ 0,09	9,06 $\pm$ 0,25	13,1 $\pm$ 0,26 ¹	16,3 $\pm$ 0,37
30-39 (152)	56,5 $\pm$ 0,34	3,93 $\pm$ 0,07	9,40 $\pm$ 0,18	14,0 $\pm$ 0,19	16,5 $\pm$ 0,26
40-49 (411)	55,8 $\pm$ 0,16 ²	3,96 $\pm$ 0,04	9,18 $\pm$ 0,09	14,2 $\pm$ 0,11	16,9 $\pm$ 0,14
50-59 (400)	54,6 $\pm$ 0,21 ¹	4,10 $\pm$ 0,04 ¹	9,33 $\pm$ 0,09	14,3 $\pm$ 0,11	17,5 $\pm$ 0,15 ¹
60-69 (248)	53,9 $\pm$ 0,26 ¹	4,20 $\pm$ 0,05 ¹	10,1 $\pm$ 0,17 ¹	14,5 $\pm$ 0,13	17,7 $\pm$ 0,19 ¹
>70 (52)	52,0 $\pm$ 0,67 ¹	4,55 $\pm$ 0,14 ¹	9,90 $\pm$ 0,27	14,5 $\pm$ 0,38	18,9 $\pm$ 0,42 ¹

Примечание: ¹ – достоверное различие ($P < 0,050$) и ² – тенденция к изменению ($P = 0,1 - 0,05$) при сравнении с возрастной группой 30-39 лет. В скобках количество пациентов.

Показано, что, начиная с 50 лет, в сыворотке крови мужчин уменьшается относительное содержание альбуминов и увеличивается доля $\alpha 1$ -глобулинов и γ -глобулинов. Содержание β -глобулинов снижено в первых двух группах обследованных лиц.

Таблица 10

Зависимость распределения белковых фракций (%) сыворотки крови от возраста женщин

Возраст, лет	Альбумины	$\alpha 1$ -глобул.	$\alpha 2$ -глобул.	β -глобул.	γ -глобул.
<20 (36)	56,5 $\pm$ 0,54 ²	4,11 $\pm$ 0,15	10,2 $\pm$ 0,31 ¹	12,5 $\pm$ 0,31 ¹	16,7 $\pm$ 0,42 ¹
20-29 (43)	55,3 $\pm$ 0,65	4,06 $\pm$ 0,11	9,20 $\pm$ 0,24	12,8 $\pm$ 0,28 ¹	18,6 $\pm$ 0,58
30-39 (114)	55,3 $\pm$ 0,32	4,07 $\pm$ 0,07	9,07 $\pm$ 0,16	13,6 $\pm$ 0,18	18,0 $\pm$ 0,24
40-49 (308)	54,0 $\pm$ 0,20 ¹	4,10 $\pm$ 0,04	9,43 $\pm$ 0,09 ¹	14,2 $\pm$ 0,10 ¹	18,3 $\pm$ 0,15
50-59 (504)	53,8 $\pm$ 0,17 ¹	4,03 $\pm$ 0,03	9,61 $\pm$ 0,07 ¹	14,5 $\pm$ 0,09 ¹	18,0 $\pm$ 0,12
60-69 (434)	53,2 $\pm$ 0,19 ¹	4,15 $\pm$ 0,04	9,82 $\pm$ 0,08 ¹	14,7 $\pm$ 0,10 ¹	18,1 $\pm$ 0,15
>70 (141)	50,7 $\pm$ 0,48 ¹	4,44 $\pm$ 0,10 ¹	10,2 $\pm$ 0,15 ¹	15,1 $\pm$ 0,16 ¹	19,4 $\pm$ 0,41 ¹

У женщин на 10 лет ранее отмечено уменьшение относительного количества альбуминов на фоне повышения относительного содержания $\alpha 2$ -глобулинов и β -глобулинов. Содержание γ -глобулинов достоверно повышено только у женщин старше 70 лет. Проведенный анализ позволяет сделать заключение о том, что содержание общего белка и альбуминов сыворотки крови жителей северо-восточного региона Республики Беларусь соответствует средневропейским нормам. Однако, при химическом и электрофоретическом исследовании показано, что абсолютное и относительное содержание альбуминов уменьшается, начиная с 40–50 лет.

В таблицах 11 и 12 представлены данные о содержании белков и альбуминов в сыворотке крови обследуемых лиц в зависимости от индекса массы тела.

Таблица 11

Зависимость содержания общего белка и альбуминов сыворотки крови мужчин от индекса массы тела (г/л)

Группа обследованных	Количество	ИМТ	Белок	Альбумины
Мужчины	10711	27,0±0,05	75,2±0,09	44,2±0,05
Гипотрофия	210	17,5±0,10	74,6±0,76	44,9±0,37 ¹
Норма	3589	23,0±0,02	74,4±0,19	43,8±0,11
Избыточная масса	4645	27,4±0,02	75,3±0,13 ¹	44,4±0,07 ¹
Ожирение	2267	33,3±0,07	75,9±0,17 ¹	44,4±0,10 ¹

Примечание: сравнение с группой «норма».

Из анализа данных, приведенных в таблице 11, следует, что содержание общего белка сыворотки крови у мужчин достоверно повышено при избыточной массе тела и ожирении, а содержание альбуминов повышено у лиц в состоянии гипотрофии, а также при избыточной массе тела и ожирении.

Таблица 12

Зависимость содержания общего белка и альбуминов сыворотки крови женщин от индекса массы тела (г/л)

Группа обследованных	Количество	ИМТ	Белок	Альбумины
Женщины	11120	28,6±0,05	74,3±0,08	43,4±0,05
Гипотрофия	244	17,4±0,10	74,3±0,51	44,6±0,33 ¹
Норма	2635	22,8±0,03	73,7±0,17	43,6±0,10
Избыточная масса	4289	27,6±0,02	74,5±0,12 ¹	43,4±0,07
Ожирение	3952	34,2±0,07	74,5±0,13 ¹	43,3±0,07 ¹

Примечание: сравнение с группой «норма».

Как и у мужчин, у женщин с индексом массы тела выше 25,0 повышено содержание общего белка в сыворотке крови. В то же время содержание альбуминов повышено при гипотрофии, но снижено в состоянии ожирения.

В таблицах 13 и 14 приведены данные о спектре белков сыворотки крови в зависимости от индекса массы тела.

При анализе спектра белков в сыворотке крови мужчин установлено: повышение относительного содержания альбуминов при гипотрофии, снижение концентрации α1-глобулинов при избыточной массе тела и ожирении, снижение концентрации α2-глобулинов при избыточной массе тела, повышение содержания β-глобулинов при

индексе массы тела более 25 и снижение относительного содержания этой белковой фракции при гипотрофии, а также снижение относительного содержания γ -глобулинов в состоянии гипотрофии.

Таблица 13

Зависимость распределения белковых фракций (%) сыворотки крови от индекса массы тела мужчин

Группа	Альбумины	$\alpha 1$ -глобул.	$\alpha 2$ -глобул.	β -глобул.	γ -глобул.
Мужчины (1076)	55,2 $\pm$ 0,12	4,01 $\pm$ 0,02	9,38 $\pm$ 0,07	14,2 $\pm$ 0,07	17,2 $\pm$ 0,09
Гипотрофия (17)	58,6 $\pm$ 0,86 ¹	4,04 $\pm$ 0,10	9,16 $\pm$ 0,23	12,2 $\pm$ 0,53 ¹	15,6 $\pm$ 0,62 ¹
Норма (292)	55,2 $\pm$ 0,27	4,20 $\pm$ 0,05	9,69 $\pm$ 0,16	13,7 $\pm$ 0,14	17,4 $\pm$ 0,18
Избыт. масса (482)	55,3 $\pm$ 0,17	3,96 $\pm$ 0,03 ¹	9,17 $\pm$ 0,08 ¹	14,4 $\pm$ 0,09 ¹	17,2 $\pm$ 0,14
Ожирение (285)	54,9 $\pm$ 0,22	3,89 $\pm$ 0,04 ¹	9,41 $\pm$ 0,12	14,7 $\pm$ 0,13 ¹	17,1 $\pm$ 0,16

Примечание: сравнение с группой «норма».

Итак, у мужчин состояние гипотрофии характеризуется увеличением доли альбуминов за счет снижения относительного количества крупнодисперсных бета- и гамма-глобулинов.

Таблица 14

Зависимость распределения белковых фракций (%) сыворотки крови от индекса массы тела мужчин

Группа	Альбумины	$\alpha 1$ -глобул.	$\alpha 2$ -глобул.	β -глобул.	γ -глобул.
Женщины (1307)	53,7 $\pm$ 0,11	4,07 $\pm$ 0,02	9,61 $\pm$ 0,04	14,5 $\pm$ 0,05	18,1 $\pm$ 0,08
Гипотрофия (18)	56,2 $\pm$ 0,81	4,23 $\pm$ 0,19	9,42 $\pm$ 0,35	12,7 $\pm$ 0,25 ¹	17,4 $\pm$ 0,74
Норма (274)	54,6 $\pm$ 0,26	4,13 $\pm$ 0,05	9,37 $\pm$ 0,10	13,7 $\pm$ 0,12	18,1 $\pm$ 0,17
Избыточная масса (505)	53,6 $\pm$ 0,16 ¹	4,04 $\pm$ 0,04	9,61 $\pm$ 0,07 ¹	14,5 $\pm$ 0,08 ¹	18,2 $\pm$ 0,12
Ожирение (510)	53,2 $\pm$ 0,18 ¹	4,06 $\pm$ 0,03	9,75 $\pm$ 0,07 ¹	14,9 $\pm$ 0,08 ¹	18,1 $\pm$ 0,14

Примечание: сравнение с группой «норма».

Основные изменения спектра белков сыворотки крови у женщин касаются состояний с повышенной массой тела и ожирением: снижение относительного содержания альбуминов на фоне повышенного относительного содержания $\alpha 2$ -глобулинов и γ -глобулинов.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать заключение о том, что содержание общего белка и альбуминов сыворотки крови жителей северо-восточного региона Республики Беларусь соответствует среднеевропейским нормам.

3. Липопротеины

Липопротеины классифицируют по их электрофоретической подвижности на α -липопротеины (имеют подвижность альфа-глобулинов, при ультрацентрифугировании это ЛПВП – антиатерогенный класс липопротеинов), β -липопротеины (обладают подвижностью бета-глобулинов, при ультрацентрифугировании это ЛПНП – атерогенный класс липопротеинов), пре- β -липопротеины (при ультрацентрифугировании это ЛПОНП, транспортируют эндогенные липиды) и хиломикроны (транспортируют экзогенные липиды) [2, 5].

В исследовании использованы наборы реагентов «Cotmay Gel lipo 100», камеру для электрофореза и денситометр отечественного производства ЗАО «СОЛАР». Разделенные в агаровом геле фракции липопротеинов фиксировали смесью из ледяной уксусной кислоты, этанола и воды, после чего окрашивали в течение 30 мин приготовленным этанольным раствором судана черного. Краситель, не связавшийся с липидно-белковыми комплексами, удаляли отмывкой раствором, состоящим из равных объемов этанола и раствора хлорида натрия (20 г/л). Относительное содержание каждой из выявленных фракций оценивали денситометрически. В качестве исходных использовали данные В.С. Камышникова: содержание α -липопротеинов, пре- β -липопротеинов и β -липопротеинов в плазме крови женщин составляет $31,47 \pm 1,87\%$, $12,11 \pm 1,40\%$, $56,41 \pm 1,51\%$; в плазме крови мужчин – $30,56 \pm 1,43\%$, $13,32 \pm 1,00\%$, $56,12 \pm 1,13\%$ соответственно [3].

Считают, что хиломикроны при электрофоретическом исследовании натошак в норме не выявляются. Однако в проведенных исследованиях оказалось, что у 31,7% обследуемых лиц (у 659 из 2077 человек) выявляются следовые количества хиломикрон. У мужчин хиломикроны выявлялись в 37,7% случаев (у 381 человека из 1011 обследованных), а у женщин в 26,1% случаев (у 278 человек из 1066 обследованных). Поэтому в таблицах эти данные приведены, хотя количественное содержание хиломикрон в следовых количествах не может повлиять на общий спектр липопротеинов крови.

В таблице 15 приведены данные о половых различиях в спектрах липопротеинов сыворотки крови.

Таблица 15

Зависимость распределения липопротеинов (%) сыворотки крови от пола (2534 обследованных лиц, мужчин 1242, женщин 1292)

Группа обследованных	Хиломикроны	Альфа-ЛПП	Пре-бета ЛП	Бета-ЛП
Общая группа	$2,25 \pm 0,054$	$31,8 \pm 0,29$	$18,3 \pm 0,22$	$47,7 \pm 0,36$
Мужчины	$2,19 \pm 0,071$	$29,6 \pm 0,41$	$21,6 \pm 0,33$	$46,7 \pm 0,51$
Женщины	$2,33 \pm 0,082$	$32,8 \pm 0,42$	$16,2 \pm 0,28$	$48,7 \pm 0,51$
P	$>0,2$	$<0,001$	$<0,001$	$<0,05$

Как и в референтных данных, полученных у лиц, проживающих в г. Минске, у жителей северо-восточного региона Республики Беларусь обнаружены половые различия в относительном содержании липопротеинов: у мужчин достоверно меньше α -липопротеинов и β -липопротеинов, но больше пре- β -липопротеинов. Эти изменения можно рассматривать как признак большей атерогенности сыворотки крови мужчин по сравнению с женщинами.

В таблицах 16 и 17 приведены возрастные особенности спектра липопротеинов сыворотки крови у мужчин и женщин.

Из анализа данных таблицы 16 следует, что у мужчин с возрастом закономерно уменьшается доля α -липопротеинов и увеличивается доля β -липопротеинов.

Таблица 16

Зависимость распределения липопротеинов (%) сыворотки крови от возраста мужчин (1242 человека)

Возраст, лет	Количество	Хиломикроны	Альфа-ЛП	Пре-бета ЛП	Бета-ЛП
<20	24	1,78±0,68	34,6±2,37	19,2±1,86	42,4±3,76
20–29	49	1,79±0,42	33,3±1,98	20,9±1,67	44,1±2,57
30–39	132	1,46±0,27	30,6±1,28	22,3±0,85	46,0±1,23
40–49	389	1,95±0,10	28,6±0,33	23,7±0,42	46,4±0,62
50–59	384	2,15±0,12 ¹	28,1±0,72	23,1±0,60	46,9±0,91
60–69	218	2,25±0,16 ¹	29,0±1,01	19,5±0,66 ¹	49,6±1,29
>70	46	2,06±0,75	27,3±1,80	19,0±1,78	51,7±2,73

Примечание: сравнение с группой «30–39» лет.

Этот вывод правомерен, если сравнение вести с возрастными группами «<20 лет» и «20–29 лет». При сравнении с возрастной группой «30–39 лет» возрастные различия в спектрах липопротеинов у мужчин практически исчезают.

Таблица 17

Зависимость распределения липопротеинов (%) сыворотки крови от возраста женщин (1292 человека)

Возраст, лет	Количество	Хиломикроны	Альфа-ЛП	Пре-бета ЛП	Бета-ЛП
<20	32	1,82±0,72	37,2±2,35	13,1±1,15	47,9±2,17
20–29	30	3,16±0,56	39,8±2,45	13,9±2,09	43,2±4,17
30–39	97	2,51±0,43	37,5±1,30	14,9±1,04	45,1±1,87
40–49	246	2,17±0,15	34,3±0,91	18,0±0,70 ¹	45,6±1,22
50–59	413	2,30±0,14	32,4±0,45 ¹	19,1±0,48 ¹	46,2±0,90
60–69	361	2,03±0,14	32,0±0,78 ¹	18,5±0,50 ¹	47,6±0,88
>70	113	2,73±0,33	31,7±1,63 ¹	17,8±0,91 ¹	47,8±2,10

Примечание: сравнение с группой «30–39» лет.

Закономерное уменьшение концентрации α -липопротеинов найдено также при электрофоретическом исследовании спектра липопротеинов у женщин (таблица 17). Для возрастных особенностей соотношения липопротеинов у женщин характерно увеличение относительной концентрации пре- β -липопротеинов, начиная с 40-летнего возраста.

В таблицах 18 и 19 представлены данные о зависимости спектра липопротеинов сыворотки крови от индекса массы тела (ИМТ).

Таблица 18

Зависимость распределения липопротеинов (%) сыворотки крови от индекса массы тела мужчин

ИМТ	Кол-во	Хиломикроны	Альфа-ЛП	Пре-бета ЛП	Бета-ЛП
Мужчины	1011	$2,07 \pm 0,08$	$29,1 \pm 0,44$	$21,9 \pm 0,36$	$47,0 \pm 0,56$
Гипотрофия	15	$2,02 \pm 1,35$	$37,4 \pm 3,25$	$16,1 \pm 2,10$	$44,7 \pm 2,20$
Норма	264	$2,02 \pm 0,12$	$30,1 \pm 0,74$	$19,4 \pm 0,71$	$48,6 \pm 1,02$
Избыт. масса	457	$2,08 \pm 0,12$	$28,5 \pm 0,70$	$22,7 \pm 0,52^1$	$46,9 \pm 0,86$
Ожирение	275	$2,10 \pm 0,16$	$26,9 \pm 0,76^1$	$24,5 \pm 0,70^1$	$46,6 \pm 1,09$

Примечание: сравнение с группой «норма».

Оказалось, что у мужчин, отмечено повышение содержания пре- β -липопротеинов при избыточной массе тела и ожирении. При ожирении достоверно снижена доля антиатерогенных α -липопротеинов.

Таблица 19

Зависимость распределения липопротеинов (%) сыворотки крови от индекса массы тела женщин

ИМТ	Кол-во	Хиломикроны	Альфа-ЛП	Пре-бета ЛП	Бета-ЛП
Женщины	1066	$1,34 \pm 0,09$	$32,9 \pm 0,46$	$17,4 \pm 0,31$	$48,5 \pm 0,58$
Гипотрофия	17	$1,25 \pm 0,35^1$	$37,0 \pm 3,13$	$13,5 \pm 2,38$	$48,1 \pm 3,39$
Норма	213	$2,10 \pm 0,25$	$36,4 \pm 0,97$	$13,1 \pm 0,58$	$48,4 \pm 1,40$
Избыт. масса	413	$2,10 \pm 0,15$	$33,0 \pm 0,77^1$	$16,9 \pm 0,48^1$	$48,0 \pm 0,91$
Ожирение	423	$2,12 \pm 0,12$	$28,4 \pm 0,72^1$	$20,6 \pm 0,49^1$	$48,9 \pm 0,92$

Примечание: сравнение с группой «норма».

У женщин получены аналогичные изменения, как и у мужчин. У них снижение концентрации α -липопротеинов начинается уже при наличии избыточной массы тела. Еще раз подчеркнем, что изменения концентрации хиломикрон не обсуждаются из-за их следового содержания в сыворотке крови обследованных лиц.

Таким образом, полученные результаты показывают, что изученные показатели сыворотки крови у жителей северо-восточного региона Республики Беларусь соответствуют среднеевропейским нормам [3, 4]. Анализ этих спектров показывает, что в старших возрастных группах, при избыточной массе тела и ожирении имеются предпосылки для развития атеросклероза [2, 5]. Эти данные предназначены для объективизации методологии мероприятий по профилактике атеросклероза и реабилитации больных клиническими проявлениями атеросклероза.

Л и т е р а т у р а

1. **Чиркин А.А., Цыкунова И.В., Доценко Э.А., Цыбин А.К.** Атеросклероз и радиация. – Гомель: ИПП «Сож», 1999. – 128 с.
2. **Рифаи Н., Варника Г.** Лабораторное измерение липидов, липопротеинов и аполипипропротеинов. – М.: «Фармарус Принт», 1997. – 440 с.
3. **Камышников В.С.** Справочник по клинико-биохимической лабораторной диагностике: в 2 т., том 1. – Мн.: Беларусь, 2000. – С. 171–347.
4. **Heil W., Koberstein R., Zawta B.** Reference ranges for adults and children. Pre-analytical considerations. Boehringer Mannheim GmbH, 1997. – 182 p.
5. **Чиркин А.А.** Клинический анализ лабораторных данных. – М.: Медицинская литература, 2004. – 384 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богомаз
Сергей Леонидович	– кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и коррекционной работы УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Борисевич
Ирина Станиславовна	– старший преподаватель кафедры химии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Галкин
Александр Николаевич	– кандидат геолого-минералогических наук, доцент, начальник НИС УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Гашенко
Леонид Алексеевич	– кандидат философских наук, доцент кафедры философии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Данич
Оксана Владимировна	– кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Дапченко
Елена Олеговна	– доктор медицинских наук, профессор кафедры химии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Девярых
Сергей Юрьевич	– старший преподаватель кафедры философии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Доценко
Эдуард Анатольевич	– доктор медицинских наук, профессор кафедры пропедевтики внутренних болезней БГМУ
Капитанова
Елена Алевтиновна	– соискатель кафедры философии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Котович
Татьяна Викторовна	– кандидат искусствоведения, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Каравкин
Валерий Иосифович	– профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Кривоносова
Елена Эдвардовна	– кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Марченко
Александр Александрович	– главный врач санатория-профилактория Витебского отделения Белорусской железной дороги
Моторова
Надежда Сергеевна	– студентка IV курса исторического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова», лауреат второй премии Специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов
Орехова
Даната Сергеевна	– старший преподаватель кафедры химии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Орлов
Валерий Иванович	– кандидат философских наук
Рудковский
Эдвард Иосифович	– кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Русецкий
Аркадий Владимирович	– доктор исторических наук, профессор, ректор УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Русецкий
Юрий Аркадьевич	– кандидат исторических наук, директор ИПК и ПК УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Сидо Адель Аюб
Степанова	– аспирант
Надежда Алексеевна
Сушко	– кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры химии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Геннадий Геннадьевич	– кандидат биологических наук, доцент кафедры анатомии, физиологии и валеологии человека УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Табачков
Александр Сергеевич
Тогулева
Елена Дмитриевна

Халанский
Юрий Николаевич

Хорошко
Геннадий Парфирьевич
Чиркин
Александр Александрович
Чиркина
Анна Александровна

Шур
Михаил Моисеевич
Янчук
Валерий Александрович

– преподаватель кафедры философии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

– кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси УО «ВГУ им. П.М. Машерова», декан факультета переподготовки кадров ИПК и ПК

– кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой спортивных игр и гимнастики УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

– кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

– доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой химии УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

– кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры информатики и ИТ УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

– кандидат педагогических наук, заслуженный тренер Республики Беларусь

– доцент кафедры экономической теории УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

СОДЕРЖАНИЕ

I. Общественные и гуманитарные науки

Социология

<i>Русецкий А.В., Гащенко Л.А., Капитонова Е.А.</i> Патриотическое мировоззрение молодежи: состояние и динамика	3
<i>Каравкин В.И., Кривоносова Е.Э.</i> Нравственные ориентации в структуре мировоззрения студенческой молодежи (социологический анализ)	32

История

<i>Тогалева Е.Д., Моторова Н.С.</i> Витебская губерния: этноконфессиональная структура населения, развитие здравоохранения и медицинского обслуживания, система образования (вторая половина XIX – начало XX вв.)	49
---	----

Экономика

<i>Янчук В.А.</i> Об экономической идеологии Беларуси на современном этапе	75
--	----

Физическая культура и спорт

<i>Шур М.М., Халанский Ю.Н.</i> Исследование физической подготовленности прыгунов в высоту во взаимосвязи с соревновательной деятельностью	89
--	----

Филология

<i>Хорошко Г.П.</i> Драматическая поэма как жанр литературы (теоретический аспект)	100
<i>Русецкий А.В., Русецкий Ю.А.</i> Ян Чечёт и Витебщина	110

Искусство

<i>Котович Т.В.</i> Пространство и время как базовые категории структурообразования в театре	125
--	-----

Философия

<i>Орлов В.И.</i> Социализация личности и бизнес	140
<i>Рудковский Э.И., Табачков А.С.</i> Прошлое и его интерпретация	153

Психология

<i>Богомаз С.Л.</i> Понимание значимых других и себя старшеклассниками	163
<i>Десятых С.Ю., Данич О.В.</i> Гендер в социальных науках (отдельные тенденции XX века)	193

II. Естественные науки

Геология

<i>Галкин А.Н.</i> О новом подходе в инженерно-геологическом районировании территории Беларуси	210
--	-----

Биология

<i>Сушко Г.Г.</i> Жесткокрылые (Insecta, Coleoptera) минеральных островов на верховом болоте	222
<i>Степанова Н.А., Марченко А.А., Борисевич И.С., Орехова Д.С., Данченко Е.О., Чиркин А.А.</i> Особенности транспорта липидов при развитии метаболического синдрома	235
<i>Чиркин А.А., Чиркина А.А., Сидо Адель Аюб, Данченко Е.О., Доценко Э.А.</i> Характеристика транспорта белков и липидов в сыворотке крови населения северо-восточного региона Республики Беларусь	249
Сведения об авторах	270

Научное издание

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»**

Том 4

Сборник научных статей

**Редактор
Компьютерный дизайн
Корректор**

**А.И. Матеюн
Т.Е. Сафранкова
Л.В. Приставко**

Подписано в печать 22.12.2005. Формат 60х84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,62. Уч.-изд. л. 19,05. Тираж 60. Заказ 151.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»
Лицензия ЛВ № 02330/0056790 от 01.04.2004.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.